

Гражданская война в России: Черноморский флот

Гражданская война в России: Черноморский флот / Составитель В. Доценко. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 544 с.: 16 л. ил. — (Военно-историческая библиотека). ISBN 5-17-012874-6. Тираж 5100 экз. / Справочник. В. Гончаров.

[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

{1} Так помечены ссылки на примечания.

В рамках «Военно-исторической библиотеки» издательство «АСТ» начинает выпуск серии книг по истории Гражданской войны в России. Эта тема в нашей стране до настоящего времени освещалась хотя и широко, но все же недостаточно полно и объективно. Кроме того, многие издания, выходившие в 20–30-х годах XX века давно стали библиографической редкостью, а эмигрантская литература была недоступна нашему читателю. Данный том посвящен военно-морским операциям на Черном море. В него вошли исторические исследования и мемуары как советских авторов, участников этих событий, так и историка-эмигранта П. А. Варнека. Книга снабжена картами и подробными приложениями и будет интересна специалистам и любителям военной истории.

Содержание

Предисловие [5]

Владимир Кукель. Правда о гибели Черноморского флота

Записки командира эскадренного миноносца «Керчь» Владимира Кукеля (1918 год) [26]

Правда о гибели Черноморского флота в 1918 году [51]

Белый флот на Черном море

П. А. Варнек. Образование флота Добровольческой армии [121]

П. А. Варнек. Действия флота в северо-западном районе Черного моря в 1920 году [151]

П. А. Варнек. У берегов Кавказа в 1920 году [191]

П. А. Варнек. Эвакуация из Одессы Добровольческой армии в 1920 году [240]

С. Латышев. Эвакуация кадет из Одессы в 1920 году [259]

Недавнее прошлое русского флота

Вице-адмирал Александр Васильевич Немитц В. Г. Лебедько [269]

А. В. Немитц. Недавнее прошлое русского флота (по личным воспоминаниям) [290]

Приложение I. А. Соболев. Гражданская война на Черном море, 1918–1920 [327]

Приложение II Боевой состав флотов, 1920 [417]

Приложение III. Черноморский флот, 1914–1920 [493]

Биографии [504]

Библиография [525]

Заключение [528]

Указатель кораблей и судов [530]

Примечания

Список иллюстраций

Предисловие

Этим сборником редакция «Военно-исторической библиотеки» планирует начать выпуск серии книг, посвященных истории Гражданской войны. Тема эта в нашей стране до настоящего времени освещалась хотя и весьма широко, но все же недостаточно полно и объективно. К тому же многие издания, выходившие в двадцатых тридцатых годах XX века, давно стали библиографической редкостью, а некоторые книги оказались в так называемых «спецхранах» и по существу были недоступны для широкого читателя. Эмигрантская же военная и морская литература вообще находилась под запретом, с ней могли знакомиться лишь некоторые историки.

За последние несколько лет у нас в стране было издано (или переиздано) немало книг, посвященных Гражданской войне «с белой стороны», однако практически все они представляют собой мемуары, а не исторические исследования. Кроме того, подавляющее

большинство этих работ посвящено военным действиям на суше. В то же время боевые действия на реках и морях осталась практически вне поля зрения издателей.

А ведь в 1920-х годах работавшая при Морской академии Морская историческая комиссия начала подготовку 4-томного труда [6] «Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах». В первом томе предполагалось осветить действия главного морского командования, моряков на сухопутных фронтах и дать общий обзор действий речных флотилий; второй том посвящался действиям Балтийского флота, Северо-Двинской, Онежской и Чудской флотилий, а также Морских сил советской Латвии; в третьем томе рассматривались действия Черноморского флота, Азовской, Днепровской, Западно-Двинской и Донской флотилий, а также Донского речного дивизиона; четвертый том планировалось посвятить действиям Волжско-Каспийской, Аральской, Амударьинской, Куринской и Сибирской флотилий, Морских сил Дальневосточной Республики и Красного флота советского Азербайджана.

Увы, удалось выпустить только второй и третий тома, да и те спустя десятилетие были переведены в «спецхрапы», поскольку большинство авторов оказалось «врагами народа», то есть было репрессировано. Тем не менее ценность вышедших двух томов заключается в том, что их писали активные участники Гражданской войны. Поскольку многие документы сохранить не удалось, пришлось писать по памяти. Например, описание военных действий Днепровской флотилии поручили военному моряку П. И. Смирнову, ее бывшему командующему; Западно-Двинской флотилии — также бывшему командующему, военному моряку Г. М. Тырышкину; Азовской военной флотилии — бывшему начальнику оперативного отдела этой флотилии военному моряку А. А. Соболеву. Сотрудниками Морской исторической комиссии впервые в научный оборот был введен морской архив генерал-лейтенанта А. И. Деникина, захваченный советскими войсками в Крыму.

В 1930-х годах в Военно-морской академии имени тов. К. Е. Ворошилова под редакцией флагмана 2 ранга Н. А. Бологова были подготовлены материалы, документы (в 10 частях) и альбом схем по действиям флотов и флотилий в ходе Гражданской войны, но выпустить типографским способом их не удалось. Эти уникальные документы в ограниченном количестве [7] хранятся в библиотеке Военно-морской академии и в нескольких частных собраниях. Хотя в этих материалах незаслуженно возвеличивается роль И. В. Сталина в Гражданской войне, ценность их огромна прежде всего из-за обилия собранного составителями фактологического материала.

Несмотря на то что в ходе Гражданской войны не было крупных морских сражений и боев, флоты и флотилии (речные и озерные) играли большую роль как для красной, так и для белой сторон. Многие кампании проходили либо на приморских направлениях, либо на театрах, изрезанных реками и озерами. Кроме того, боевые действия Гражданской войны очень часто носили маневренный характер, а в начале XX века водный транспорт (наряду с железнодорожным) служил одним из самых эффективных способов быстрой переброски военной силы и тяжелого вооружения. При низкой плотности боевых порядков и отсутствии сплошного фронта войскам часто приходилось не только преодолевать водные преграды (как при наступлении, так и при отходе), но и использовать водные коммуникации как единственное транспортное средство. Командующие (командиры) морских, озерных и речных формирований находились в подчинении общевойсковых начальников, которые ставили им задачи на операции и боевые действия.

В ходе Гражданской войны обе стороны создали десятки флотских формирований различного масштаба, в которые входили как боевые корабли, так и гражданские суда, наспех вооруженные полевой артиллерией. Последние, как правило, имели низкие тактико-технические характеристики и донельзя примитивные средства связи и навигации. Часто команды вооруженных судов набирались из людей, которые не то что никогда не служили на флоте, но и не плавали на судах вообще. Например, на юге России белогвардейский флот состоял из Черноморского флота, Отряда судов Кубанского края, Днепровской, Волжской, Донской и Каспийской флотилий. Приведем один из приказов, подписанных

главнокомандующим [8] Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенантом А. И. Деникиным, предписывавший формирование морских сил Белого флота.

«ПРИКАЗ

главнокомандующего Вооруженными силами Юга России № 1317 от 27 июня 1919 года
г. Екатеринодар

1. Ввиду окончания морских операций на Азовском море и в Керченском проливе, отряд обороны Азовского моря расформирован распоряжением начальника Морского управления, употребив судовую состав по его усмотрению.

2. Во исполнение данной мною директивы приказываю:

- 1) сформировать отряд вооруженных судов на Волге;
- 2) сформировать отряд вооруженных судов на Среднем Днепре;
- 3) сформировать на Черном море отряд судов особого назначения.

Означенные формирования произвести распоряжением начальника Морского управления, определив состав судов, в зависимости от требований боевой обстановки.

3. Ввиду очищения области Войска Донского от противника и выхода наших войск на реки Волга и Днепр, приказываю:

Донскую военную флотилию и морскую тяжелую артиллерию перебросить на Волгу, Днепр и Черное море, где они должны войти в состав формируемых отрядов.

Переброске подлежит личный состав и материальная часть нижеследующих частей:

- а) на Волгу 2-й и 4-й дивизионы речных канонерских лодок, 6-й и 7-й дивизионы речных катеров, 4-й, 6-й и 8-й дивизионы морской тяжелой артиллерии;
- б) на Средний Днепр (Екатеринослав) 1-й дивизион речных канонерских лодок, 5-й и 7-й дивизионы морской тяжелой артиллерии;
- в) в отряд судов особого назначения — отряд судов Азовского моря в составе 3-го и 5-го дивизионов канонерских лодок. [9]

4. Организацию, изложенную в п. 3, под непосредственным руководством начальника Морского управления, возложить на контр-адмирала Кононова, которого назначаю начальником речных сил, с непосредственным подчинением во всех отношениях начальнику Морского управления.

Генерал-лейтенант Деникин».

В составе Красного флота на юге России были сформированы Морские силы Черного моря, Дунайская, Каспийская, Волжская, Военно-Волжская, Днепровская, Донская, Азовская, Доно-Азовская флотилии, Красный флот Советского Азербайджана и Военный флот Астраханского края.

Главными задачами морских (озерных и речных) сил являлось содействие приморским или приречным флангам сухопутных войск в наступлении и обороне. В ходе совместных действий силы флотов и флотилий оказывали войскам огневое содействие, высаживали и отражали десанты, осуществляли свои перевозки и нарушали перевозки противника.

Значительное место занимали минно-заградительные действия. Например, на Черном море только Красным флотом было выставлено 1865 мин, на Азовском — 2210 и на Каспийском — 509.

На характер боевой деятельности флотов, речных и озерных флотилий огромное влияние оказывала дислокация сухопутных сил противоборствующих сторон. В самом начале Гражданской войны, когда побережьем Черного и Азовского морей и большей частью территорий юга России владели белогвардейцы, их морские и речные силы господствовали на море и на реках и, естественно, почти беспрепятственно решали задачи.

Поскольку этот том посвящен боевой деятельности морских сил на юге России, стоит вкратце напомнить общий ход событий на Черном и Азовском морях (действиям на Каспийском море и в бассейне Волги мы предполагаем посвятить отдельный том).

На Черном и Азовском морях, берегами которых владели белогвардейские войска, до начала 1920 года господствовал Белый флот. В первых числах января 1920 года, [10] словив упорное сопротивление противника, Первая конная армия прорвала фронт и вышла к

побережью Азовского моря в районе Мариуполя. Весной 1920 года командование фронтом начало формировать флот Азовского моря. Но особой активности в этом не проявляло, поскольку недооценивало значение флота. Первыми формированиями были Мариупольская (база в Мариуполе) и Доно-Азовская (база в Ростове-на-Дону) флотилии, а также Отряд особого назначения (база в Темрюке). Мариупольский отряд подчинялся командующему морскими силами Юго-Западного фронта, Доно-Азовская (Донская) флотилия — командующему Кавказским фронтом, а отряд Особого назначения (Темрюкский отряд) — командующему 9-й армией. При этом штабы находились в разных местах, удаленных друг от друга на сотни километров. Командующий морскими силами Юго-Западного фронта находился в Николаеве, командующий Кавказским фронтом — в Ростове-на-Дону, а командующий 9-й армией — в Екатеринодаре. Это, конечно, не способствовало оперативному управлению морскими силами и тем более организации их взаимодействия. В состав этих формирований вошли малопригодные для ведения боевых действий землеотвозные шаланды, буксиры и болиндеры, на которые устанавливали 3-дюймовые полевые орудия. Например, в состав Доно-Азовской флотилии входили канонерские лодки «Буденный» и «Красная Звезда», переоборудованные из землеотвозных шаланд. На них первоначально установили по два 3-дюймовых полевых орудия. Скорость этих судов не превышала 5–6 узлов. Средств радиосвязи не было, а штурманское вооружение состояло из одного магнитного компаса. Команды этих судов набирали из местных жителей, знакомых с морским делом.

Белая Азовская флотилия значительно превосходила морские силы красных. В ее состав входили два эсминца типа «Жаркий», два эсминца типа «Дерзкий», бывшие крейсера пограничной стражи «Страж» и «Грозный», вооруженные 6-дюймовыми пушками паровые шхуны «Урал», «Салгир» и «Алтай», вооруженные ледоколы [11] «Джигит», «Гайдамак» и «Всадник». Командовал флотилией контр-адмирал Н. П. Машуков.

В апреле 1920 года, пользуясь отвлечением главных сил Красной армии на борьбу с польской интервенцией, войска генерала П. Н. Врангеля перешли в наступление. 1 мая канонерские лодки белых «Страж», «Грозный» и сторожевое судно «Никола Пашич» совершили набег на Мариуполь и пленили сторожевое судно красной Мариупольской флотилии «Республиканец». Этот набег показал неподготовленность красных к ведению боевых действий даже у своего побережья и низкую готовность сил к бою. После этого на берегу к западу от Мариупольского порта установили 6-дюймовую батарею, а к середине мая в строй ввели канонерскую лодку «Свобода» (с одним 6-дюймовым орудием) и две плавучие батареи. В конце мая в районе Белосарайской косы канонерская лодка «Свобода», буксировавшая плавучую батарею, вступила в бой с канонерской лодкой противника «Страж» и вынудила ее отступить.

В первые дни военных действий в бассейне Азовского моря были вскрыты недостатки в организации сил и командования и особенно в организации управления ими. В середине мая учредили должность начальника (командующего) Морскими силами Черного и Азовского морей, подчинявшегося непосредственно командующему Морскими силами Республики. В оперативном же отношении он подчинялся командующим Юго-Западного и Кавказского фронтов. На эту должность назначили военного моряка А. В. Домбровского. Ему подчинили командующего Азовской флотилией (военного моряка Е. С. Гернета), начальника действующего отряда и укрепленного района северо-западной части Черного моря (военного моряка Н. А. Пини) и начальника укрепленного района Кавказского побережья (военного моряка А. А. Кондратьева). Такая реорганизация способствовала более успешным действиям Красного флота. При этом штаб командующего Морскими силами Черного и Азовского морей разместили в Мариуполе (там же находился штаб командующего Азовской флотилией). Разрозненные формирования [12] объединили в Азовскую флотилию, усилили ее катерами, переброшенными с Каспийского моря. Ядро флотилии составили канонерские лодки, сведенные первоначально в три дивизиона. С Балтики прибыл командный состав и матросы бывшего Балтийского флота. В Мариуполе оборудовали главную базу флотилии.

Создали даже Мариупольскую морскую экспедиционную дивизию, которая должна была защищать главную базу флотилии с сухопутного направления.

Первые боевые столкновения противников произошли в Таганрогском заливе. Физико-географические условия позволяли у входа в этот залив создать мощную минно-артиллерийскую позицию, установив в проливе мины, а на Белосарайской и Долгой косах — артиллерийские батареи. В первых числах июня у входа в Таганрогский залив были выставлены мины. Всего же до сентября 1920 года в этом районе было выставлено более тысячи мин (в пять линий). Вход в пролив (у Белосайской косы) прикрывали батареи из 8- и 6-дюймовых орудий и постоянно дежурившая на фарватере плавучая батарея. Однако 9 июля белогвардейскому отряду удалось войти в Таганрогский залив и высадить войска полковника Назарова у Кривой косы.

В середине августа 1920 г. красная Азовская флотилия перешла к активным наступательным действиям. Красные спланировали высадку десанта в районе Геническа, а белые — в районе Ахтари. Причем обе стороны начали реализацию своих планов одновременно. Первым этапом плана красных было минирование Керченского пролива с целью воспреещения входа в Азовское море главных сил Белого флота. Руководил минными постановками командующий Морскими силами Республики А. В. Немитц. Лишь по случайности противники не встретили друг друга на этапе развертывания сил. Но поскольку в районе Ахтари практически без противодействия с 14 по 17 августа высадились белые войска генерал-лейтенанта С. Г. Улагая, красные вынуждены были отложить высадку десанта в Геничesk и перенацелить свои силы против высадившегося противника, ограничившись лишь набегом сторожевых катеров на порт Геничesk. [13]

19–20 августа красная флотилия совершила набег на порт Ахтари, обстреляв его и выставив мины. На этих минах впоследствии подорвались миноносец «Жаркий» и транспорт «Волга». 23 августа красные высадили десант в районе северо-восточнее Ахтари, руководил высадкой командующий Морскими силами А. В. Немитц. В составе десанта было три морских полка, кавалерийский полк и одна батарея. Этот десант, так же как и высадка белых войск, прошел без противодействия противника. Красным десантом войска Улагая были поставлены в исключительно сложное положение, поскольку он не ожидал удара с тыла. В ходе высадки силы флотилии прикрывали район с моря, оказывали артиллерийскую поддержку и выставляли дополнительные минные заграждения. Врангель вынужден был отдать приказание на эвакуацию войск Улагая. При этом в связи с заминированном порта Ахтари погрузка белогвардейских войск осуществлялась в районе Ачуевской косы. Разведка красных с большим запозданием выявила начало эмбаркации противника. В район были направлены катера с задачей постановки мин на пути отхода транспортных судов противника, но корабли прикрытия не позволили им приблизиться к берегу. Десант Улагая был принят на транспорты и без потерь доставлен в Керчь.

С сентября развернулась борьба за господство на Азовском море. С учетом полученного опыта на судах Красного флота была организована боевая подготовка. Продолжалось усиление Морских сил вводом в строй новых кораблей. Численность Морской дивизии была доведена до 3400 человек. Азовскую флотилию переформировали в Действующий отряд Азовского моря, назначив его командиром С. А. Хвицкого. Отряд оставался в подчинении командующего Морскими силами Черного и Азовского морей.

15 сентября 1920 года произошел бой у Обиточной косы, в ходе которого победа, а следовательно и господство на Азовском море, была за Красным флотом. После этого боя контр-адмирал Н. Н. Машуков был отстранен от командования, вместо него назначили капитана 1 ранга М. А. Беренса. [14]

С 21 по 26 сентября суда Красного флота обеспечили переброску через море из Ейска в Мариуполь 2-ю Донскую стрелковую дивизию общей численностью свыше 8000 человек. Однако общие неудачи советских войск на сухопутном фронте привели к сдаче главной базы Действующего отряда Азовского моря Мариуполя. При отходе были взорваны береговые батареи. С потерей своей главной базы Красный флот утратил с большим трудом

завоеванное ранее господство на Азовском море и был вынужден отойти к Таганрогу, укрывшись за линией минных заграждений в устье Таганрогского залива. Впрочем, победа в борьбе за владение морем пришла к белым слишком поздно — на исход сухопутных сражений в Северной Таврии она повлиять уже не могла. К середине октября военные действия на Азовском море по существу завершились.

В бассейне Черного моря основные события проходили в его северо-западной части. Весной 1920 года Красная армия вышла на северо-западное побережье Черного моря от Одессы до Херсона. Сразу же красные начали создавать систему обороны побережья и приступили к воссозданию морских сил. В первую очередь был сформирован Черноморский флотский экипаж. Затем была создана служба связи и наблюдения, а спустя некоторое время — действующий отряд судов с дивизией траления и заграждения. Начальником отряда был назначен военный моряк Н. А. Пиня. Первоначально в отряд входило два небольших вооруженных парохода, две плавучие батареи и четыре колесных тральщика, которых было явно недостаточно для обороны побережья. Суда белогвардейского флота беспрепятственно высаживали десанты, обстреливали побережье и решали другие задачи, полностью господствуя на Черном море. Командование Красной армии ожидало высадки десантов противника в районах Одессы и Очакова, затем занятие Николаева и Херсона и овладение Очаковским и Днепро-Бугским лиманами. Все эти пункты занимали ключевые позиции, а Николаев являлся оплотом советской власти на Юге России. [15]

Для создания морских сил красным пришлось от мобилизовать все исправные плавсредства, находившиеся в Одессе, Николаеве и Херсоне. Вскоре действующий отряд состоял из восьми канонерских лодок (вооруженных буксиров), трех дивизионов сторожевых катеров (по восемь катеров в каждом), одного дивизиона (из шести единиц) посыльных судов и трех плавучих батарей с морской артиллерией крупного калибра. Кроме того; на верфях в Николаеве достраивались четыре подводные лодки, четыре тральщика типа «Эльпидифор», крейсер «Адмирал Нахимов» и три миноносца. Из них к концу кампании в строй вступила только подводная лодка «Троцкий» (АГ-23) и один тральщик.

Главными задачами этих сил были: артиллерийская поддержка сухопутных войск, высадки армейских и судовых десантов, несение дозорной службы и ведение разведки, перевозка войск и грузов, постановка и траление мин. Основные события происходили в Очаковском районе. Но эти действия не выходили за рамки тактического масштаба и особой роли не сыграли.

Чтобы лучше представить характер боевой деятельности на северо-западе Черного моря приведу основные характеристики выполнявшихся задач Красным флотом в Очаковском районе за всю кампанию 1920 года:

— обстрел судами и батареями кораблей, самолетов и береговых объектов противника — 45 раз;

— обстрел кораблей противника при попытке прорыва в лиман — 2 раза;

— выходов для несения дозоров в море и в лимане — 18;

— выполнение разведки гидроавиацией — 16 вылетов;

— выполнение разведки с привязного аэростата — 14 раз;

— число воздушных атак кораблей и судов противника — 6;

— выходов для траления мин — 6;

— выходов для ведения разведки у побережья, занятого противником, — 6; [16]

— высадок десантов на побережье, занятое противником, — 3.

Из-за отсутствия кораблей, способных вести боевые действия в открытом море, Красный флот не пытался блокировать врангелевские войска в Крыму и сорвать их эвакуацию в зарубежные порты Средиземного моря (за исключением безрезультатного выхода подводной лодки «Троцкий»).

Кроме исторических работ в настоящий сборник включен ряд малоизвестных мемуарных публикаций о событиях 1918–1920 годов на Черном море. Среди них — две работы бывшего командира эскадренного миноносца «Керчь» В. А. Кукеля, рассказывающая о потоплении

кораблей Черноморского флота в 1918 году. Первая из них представляет записку, сохранившуюся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота, в которой автор по личным воспоминаниям попытался восстановить ход событий, происходивших при его непосредственном участии в 1918 году. Вторая — опубликованная в 1928 году Редакционно-издательским отделом Морского ведомства брошюра «Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 года». Эта работа была напечатана тиражом в тысячу экземпляров и совершенно неизвестна отечественному читателю. Это связано с тем, что в период сталинских репрессий Кукель тоже оказался в числе «врагов народа» и сгинул в лагерях, а его брошюру изъяли из библиотек и уничтожили установленным порядком. Кстати, появилась она как ответ на книгу русского моряка-эмигранта капитана 2 ранга Г. К. Графа «На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию», изданную в Мюнхене в 1922 году.

К концу апреля 1918 года обстановка на Черноморском театре военных действий была очень сложной: германские войска приближались к Севастополю, готовились занять его и захватить боевые корабли и вспомогательные суда Черноморского флота. Не менее сложной была обстановка на кораблях и в штабах: агитаторы меньшевиков, эсеров, анархистов действовали очень активно, [17] всеми силами стараясь изолировать команды от влияния большевиков, которые были в это время пока в меньшинстве.

Среди морских офицеров царил разброд. Некоторая их часть приняла Октябрьский переворот 1917 года, но немало было офицеров, главным образом старших, которые революцию не приняли, думали об эмиграции, а заодно и перебазировании боеспособных кораблей Черноморского флота в зарубежные базы. В этот период среди офицеров и среди команд кипели острые споры и шли бурные дебаты о том, что надо делать — оставаться ли в Севастополе или уходить в Новороссийск, чтобы спасти флот от постыдного плена и сдачи его немцам. Совет Народных Комиссаров РСФСР категорически требовал увода флота в Новороссийск.

Одним из первых на сторону советской власти перешел эскадренный миноносец «Керчь», командиром которого был старший лейтенант Владимир Андреевич Кукель-Краевский. Он действовал в полном согласии со своей командой, на которую решающее влияние оказала большевистская организация. Сам В. А. Кукель пользовался большим авторитетом не только среди молодых офицеров и матросов, но и среди многих старших офицеров. Это обстоятельство сыграло значительную роль в формировании общего решения о переходе большей части флота в Новороссийск.

Таким образом, в первых числах мая 1918 года в Новороссийск ушли 18 боевых кораблей: два линейных корабля «Свободная Россия» и «Воля», десять эскадренных миноносцев типа «Новик», шесть миноносцев-угольщиков устаревших типов. К этим восемнадцати вымпелам должны были присоединиться еще несколько подводных лодок, но они не смогли выйти из Севастополя по техническим причинам и были выведены из строя своими командами. После благополучного перехода к Новороссийску отряд расположился частью на рейде и частью в порту, где к нему присоединились еще семь военных транспортов, приписанных к Черноморскому флоту. Численность отряда увеличилась до 25 вымпелов. [18]

Буквально с самого первого дня прибытия на Новороссийский рейд на всех кораблях начались новые дебаты, митинги, референдумы: теперь уже обсуждался вопрос, что делать дальше — оставаться ли у Новороссийска или уходить назад в Севастополь. Время шло неумолимо, агитаторы меньшевиков, эсеров, анархистов продолжали свою работу, требуя возвращения в Севастополь. Немалый вред принесли и посланцы Исполкома Совета Народных Комиссаров Кубано-Черноморской Республики, которые агитировали за то, чтобы флот, собравшийся у Новороссийска, ни в коем случае в Севастополь не уходил, оставался здесь и не был бы потоплен, а оставался на плаву для того, чтобы своей боевой силой не допустить германцев или белогвардейцев на территорию этой республики с моря. Между тем германское командование предъявило ультиматум советскому правительству: не позднее 19 июня 1918 года вернуть корабли из Новороссийска в Севастополь, угрожая

захватить их или уничтожить силой, если это требование не будет выполнено. Тогда, чтобы выиграть время, советское правительство дало открытым текстом телеграмму в Новороссийск, предписывающую флот вернуть в Севастополь и сдать германскому командованию, за что последнее обязуется «сохранять мирный договор и не переступить демаркационной линии в каком бы то ни было направлении». Одновременно (13 июня 1918 года) была дана шифровка № 49 в адрес исполняющего обязанности командующего Черноморским флотом капитану 1 ранга А. И. Тихменеву о немедленном уничтожении кораблей в Новороссийске:

«Вести свою особую политику против воли Центрального Исполнительного Комитета флот не имеет права. Флот в Новороссийске отстоять себя не может. Следовательно, из положения есть только два выхода, либо уничтожить флот, либо перевести его в Севастополь. Агитаторы, которые при этих условиях говорят о боевых действиях флота, — либо безумцы, либо провокаторы. Германские военные власти хотят вызвать флот на какую-то авантюру, чтобы занять Новороссийск, как [19] они заняли Севастополь. Тогда они овладеют флотом по праву войны и будут употреблять его против нас и против союзников. Ответственность за это падет на головы безумцев и преступников, не считающихся с общим положением страны и ее военных сил. Подтверждаем приказ: немедленно уничтожить суда. В противном случае Флот будет объявлен вне закона. Требуем своевременного уничтожения всех секретных телеграмм и инструкций матросам, дабы не достались немцам. Открытое радио за № 48 не выполнять.

Председатель ЦИК Свердлов

Председатель СП К Ленин

Пометы: «повторить 14 июня, 14 часов 30 минут».

И далее:

«Открытая радиограмма № 48 была дана 12 июня 1918 года из дипломатических соображений. В ней флоту было предписано возвратиться в Севастополь, так как невыполнение этого требования Советской Республикой дало бы повод Германии нарушить Брестский мирный договор и возобновить наступление».

В результате всех этих событий 17 и 18 июня в Севастополь ушли линейный корабль «Воля», шесть эскадренных миноносцев типа «Новик» (один из них, «Пронзительный», по пути в Севастополь был затоплен своей командой), два миноносца водоизмещением по 350 тонн, вошедшие в строй в 1905 году. Таким образом, в Севастополь вернулись семь вымпелов из двадцати пяти там собравшихся.

Следует отметить, что линейный корабль «Свободная Россия», тоже подготовившийся к возвращению в Севастополь, не пошел туда благодаря тому, что Ф. Ф. Раскольников, прибывший в Новороссийск ранним утром 18 июня, тут же отправился на «Свободную Россию», собрал там экипаж и своей пламенной речью уговорил его не возвращаться в Севастополь. [20]

В. А. Кукель оказался основным организатором исполнения приказа В. И. Ленина, что он и описывает подробно в своих записях, целиком публикуемых впервые. Естественно, такая публикация не может быть подвергнута какому бы то ни было редактированию, даже орфографическому, поэтому она приводится в подлинном виде.

Необходимо подробнее рассказать об авторе «Записок» В. А. Кукеле-Краевском.

Происходил он из небогатой семьи вильнюсских дворян, но приходится родным внуком знаменитому русскому адмиралу Геннадию Ивановичу Невельскому, так много сделавшему в свое время для освоения Дальнего Востока. Дело в том, что единственный сын адмирала умер бездетным, а одна из его дочерей, Мария Геннадьевна, вышла замуж за сына Забайкальского генерал-губернатора, молодого дипломата Андрея Болеславовича Кукеля и от этого брака 12 июня 1885 года родился Владимир Андреевич Кукель.

30 августа 1890 года, когда Владимиру исполнилось 15 лет, его отдали в Морской кадетский корпус. Проучившись в нем законных шесть лет, он в 1905 году получил первый офицерский чин мичмана и назначение во 2-й Флотский экипаж. В 1905–1906 годах на

крейсере «Герцог Эдинбургский» он находился в заграничном плавании. 29 марта 1909 года Кукель получил чин лейтенанта, продолжая службу на кораблях Балтийского флота. К этому времени он имел орден Св. Станислава 3-й степени. В 1915 году В. А. Кукеля за отличия производят в старшие лейтенанты. В 1916–1917 годах на эскадренном миноносце «Амурец» принимал активное участие в Первой Мировой войне. В июне 1917 года В. А. Кукеля переводят на Черноморский флот, где осенью того же года назначают командиром эскадренного миноносца «Керчь» — одного из самых, лучших кораблей этого класса. Сразу после Октябрьского переворота он со своей командой перешел на сторону советской власти. В январе 1918 года на «Керчи» участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Ялте, в апреле того же года был одним из организаторов перехода [21] флота в Новороссийск, а затем сыграл важную роль при выполнении приказа о потоплении флота. После потопления эсминца «Керчь» В. А. Кукель добрался до Астрахани, был зачислен в Красную флотилию Астраханского края и принял активное участие в боевых действиях. В начале февраля 1919 года переведен на Балтийский флот и назначен командиром крейсера «Богатырь», а в июне этого же года был направлен в Астрахань и вскоре назначен начальником штаба Морских сил Каспийского моря и Азербайджанского флота. В 1919–1920 годах участвовал в боевых операциях флотилии. За умелое руководство силами в операции по освобождению форта Александровского награжден орденом Красного Знамени. В июле 1920 года назначен начальником штаба Морских сил Балтийского моря. В 1920–1923 годах занимал различные командные должности в Морских силах Балтийского моря, в том числе временно исполнял обязанности начальника Морских сил. В 1923 году уволен от военно-морской службы, впоследствии работал по ведомству Наркоминдела.

Здесь, видимо, необходимо остановиться на личной жизни Владимира Андреевича. 15 января 1910 года лейтенант флота В. А. Кукель, неполных 25 лет отроду, вступает в законный брак с Ядвигой Людвиговной фон Морр. Был ли этот брак счастливым? Были ли в молодой семье дети, когда эта семья распалась и по какой причине — сведений нет. В 1918 или 1919 году Кукель женится вторично и, когда он, по приглашению Ф. Ф. Раскольниковца, хорошо знавшего и высоко ценившего его деловые качества, отправляется на дипломатическую работу в Кабул, у него там рождается второй ребенок — сын Николай (1921 г.). Первым ребенком была дочь Елена.

По возвращению из Кабула Владимир Андреевич служит начальником штаба Морской пограничной охраны Приморского края на Дальнем Востоке, живет в Хабаровске. В 1932 году его командируют в Геную на верфь фирмы «Ансальдо» для наблюдения за постройкой двух первых пограничных сторожевых кораблей «Киров» и «Дзержинский». В 1934 году он возглавляет переход этих [22] кораблей из Генуи во Владивосток, за что награждается орденом Красной Звезды, получает воинское звание капитана 1 ранга (приказ НКВД № 5 от 5 января 1936 г.) и назначается начальником Морпогранохраны Дальневосточного округа. Кажется, что все в жизни складывается прекрасно и открываются блестящие служебные перспективы, но вокруг творятся страшные дела — идет уничтожение военных и гражданских кадров, в первую очередь старых коммунистов, участников Октябрьского переворота и Гражданской войны. В. А. Кукель чувствует, что атмосфера «обострения классовой борьбы» становится все более напряженной, и, наконец, 18 сентября 1937 года его арестовывают. В соответствии со справкой НКВД, полученной спустя три года, он умер в 1940 году, но это вовсе не означает, что так оно и было, известно, что таких сообщений НКВД было много, а в действительности людей часто расстреливали вскоре после ареста. В семье В. А. Кукеля считали, что он умер в лагере близ Хабаровска, но был ли расстрелян или умер от болезни, а также место, где покоится его прах, неизвестно.

В одном только «повезло» Владимиру Андреевичу — уже 15 марта 1957 года его реабилитировали посмертно решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР — относительно раньше многих других реабилитированных. Это играло большую роль прежде всего для семьи репрессированных, которые подвергались преследованиям как ЧСВНЫ (члены семей врагов народа). Семья В. А. Кукеля в этом отношении исключения не

составила. Разумеется, они были выброшены из квартиры, его шестнадцатилетнего сына — Николая Владимировича — немедленно исключили из комсомола и отправили в колонию для малолетних преступников. Это закрыло ему доступ в Военно-морское училище, о котором он мечтал с детства. После освобождения из колонии он сумел все-таки добиться должности рулевого рейдового катера на Тихоокеанском флоте и стал настойчиво просить в своих рапортах об отправке на фронт. Успеха он добился, когда германские войска уже дошли до Волги. Дальше [23] военная судьба привела его в войска Сталинградского, Южного, 3-го и 4-го Украинских фронтов, он был ранен, затем тяжело контужен. После войны работал в партийных органах Омска. Там же жили его старшая сестра — Елена Владимировна, преподававшая в Омском университете.

Значительный интерес представляют материалы к воспоминаниям вице-адмирала А. В. Немитца, многие годы своей флотской службы посвятившего Черноморскому флоту. Эти материалы совершенно случайно обнаружил контр-адмирал В. Г. Лебедев, возглавлявший общественный комитет по увековечению памяти А. В. Немитца. Копию рукописи В. Г. Лебедев направил в адрес начальника Военно-морской академии адмирала В. Н. Поникаровского с просьбой издать их массовым тиражом — поскольку А. В. Немитц преподавал в академии и в ней написал свои главные военно-теоретические труды. В академии А. В. Немитц читал курс истории военно-морского искусства, причем специализировался на разборе русско-японской войны 1904–1905 гг. Работая в Историческом отделении Морского Генерального штаба, он изучил архивные документы по истории этой войны и написал несколько оригинальных работ, три из которых были изданы в Николаевской Морской академии.

Контр-адмирал В. Г. Лебедев написал предисловие к воспоминаниями А. В. Немитца, которое с незначительными сокращениями вошло в этот труд.

Несмотря на то, что воспоминания А. В. Немитца являются всего лишь тезисами будущей книги, которую он так и не успел написать, они представляют значительный интерес. Прежде всего он вызван тем, что А. В. Немитц, в августе 1917 года назначенный командующим Черноморским флотом вместо смещенного А. В. Колчака, был очевидцем многих исторических событий и встречался с известными морскими деятелями. Записки адмирала Немитца интересны еще и тем, что в те годы не принято было писать воспоминания. Чудом сохранившиеся записки явились исключением, позволившие хоть как-то восполнить этот пробел. [24]

Значительный интерес представляют и работы эмигрантского исследователя П. А. Варнека, в которых представитель Белого флота излагает свою версию событий, происходивших на Черном море в период Гражданской войны. Работая над очерками, их автор собрал огромный архив, среди которого были воспоминания участников описываемых событий. Эти материалы и легли в основу публикуемых статей Варнека о Гражданской войне. Профессор, капитан 1 ранга В. Д. Доценко [25]

Владимир Кукель. Правда о гибели Черноморского флота
Записки командира эскадренного миноносца «Керчь» Владимира Кукеля (1918 год)
(орфография и пунктуация подлинника сохранены)

Главной целью моих записок является освещение событий, происшедших на Черноморском флоте за последнее время его существования, то есть при падении Севастополя и Новороссийской трагедии, завершившихся полным аннулированием наших морских сил на Черном море.

Ввиду полного отсутствия в то время каких бы то ни было точных и пользующихся доверием сведений о внешней обстановке, как военной, так и дипломатической, вызвавших эти события, а также и потому, что когда эти строки в историческом освещении сделаются достоянием широких масс, эта обстановка будет уже точно освещена, я, обходя их, стараюсь

изложить лишь ряд тех мелких фактов, настроений и психологии широких масс личного состава флота, кои никогда не сделались бы быть может достоянием широких кругов населения, но тем не менее являются [27] главными факторами тех исключительных условий, при которых закончил свое существование Черноморский флот.

Ввиду того, что записки эти пишутся уже спустя некоторое время, дневник же не велся мною, то вероятны некоторые погрешности в датах.

Еще дней за шесть до падения Севастополя повидимому был принципиально высшим командованием решен вопрос о переводе флота в ближайшее время в Новороссийск, так как в порту спешно грузились транспорты и флот был все время в положении от И1 до И3 включительно {1}. Эти обстоятельства в связи с полным отсутствием точных сведений о внешней обстановке, так и о предпринятых решениях о судьбе флота, создавали впечатление отсутствия твердых решений и растерянности, и до крайности нервировало личный состав, а также давало почву всяким нелепым слухам и бессовестной провокации.

Наконец, флот получил точные и определенные приказания быть готовым к походу 27 апреля к 12 часам дня, был дан порядок выхода на рейд, дислокацию во время похода, определен отряд миноносцев для конвоирования транспортов и т. д., получены оперативные распоряжения, но было приказано ждать сигнала.

Неожиданно для всех около часу дня 27 апреля был поднят сигнал «ПОЛ. ИЗ», то есть стало ясно, что поход отменяется. Наконец, 29 апреля днем точно стало известно, что немецкие войска находятся вблизи от Севастополя (около 10 верст) и намереваются двигаться дальше на Севастополь. Для большинства это известие было неожиданностью, так как за несколько дней в местной прессе сообщалось, что наши войска оттеснили немцев из Севастополя, заняв его.

В то же время, то есть 29 апреля днем было получено приказание поднять украинские флаги, дабы убедить немцев, что флот украинизировался и что нет больше никаких причин для дальнейшего продвижения их войск к Севастополю. [28]

Для части кораблей, а в частности для эскадренного миноносца «Керчь» стала ясна цель германского командования — во что бы то ни стало захватить флот в гаванях и что поднятие украинских флагов только упростит им эту задачу, а потому в ответ на приказание поднять украинские флаги на «Керчи» был поднят сигнал «ПОЗОР И ПРОДАЖА ФЛОТА» и попутно на «Керчи» же, по его инициативе, созывалось частное делегатское собрание.

«Керчь» во что бы то ни стало решила ночью идти в Новороссийск — к решению «Керчи» присоединились эскадренные миноносцы «Калиакрия», «Пронзительный», «Пылкий», «Громкий», «Поспешный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан Баранов» {2}, «Живой» и перед уходом «Гаджибей», дивизион сторожевых катеров и подводное плавание {3}.

Командиры эскадренных миноносцев «Поспешный» и «Громкий» явились к командующему флотом Михаилу Павловичу Саблину и доложили о решении части судов идти в Новороссийск, на что командующий ответил, что не препятствует, но советует уходить до 12 часов ночи, так как полагает, что к этому времени бонны будут закрыты.

В 10 часов вечера на эскадренном миноносце «Пронзительный» собрались командиры уходящих судов для обсуждения плана выхода в море и похода, так как нам было известно, что выход в море сторожится {4} неприятельскими подводными лодками.

Совещание передало командование отрядом командиру эскадренного миноносца «Калиакрия», как старшему, а на случай невыхода «Калиакрии» командование должно было перейти ко мне.

Уходящим судам от имени линейных кораблей «Воля» {5} и «Свободная Россия» {6} грозили в случае ухода [29] расстрелом из орудий, на что миноносцы ответили угрозой минной атаки, и в полной боевой готовности, согласно дислокации, выработанной на совещании командиров, около 11 часов 30 минут вечера начали выходить из Южной бухты в море, приказав транспортам, стоявшим на рейде и готовым к походу, следовать за собой.

На походе, ввиду вероятности атак подводными лодками, транспорты конвоировались миноносцами.

По невыясненной причине подводное плавание, хотя и решившееся присоединиться к уходящим судам, осталось в Севастополе; по слухам лодки были приведены в негодность личным составом, за что оный был подвергнут жестокому преследованию немецкого командования.

1 мая отряд прибыл в Новороссийск, а 2 мая туда же пришли линейные корабли «Воля» (флаг командующего флотом), «Свободная Россия», эскадренные миноносцы «Дерзкий» и «Беспокойный», вышедшие из Севастополя, когда наяву убедились в действительных намерениях немецкого командования, будучи обстреляны при выходе полевой артиллерией противника, подвезенной к Северному берегу, причем эскадренный миноносец «Гневный», выходя на рейд, запутался в бонах и получив повреждения, мешавшие ему следовать дальше, выкинулся на берег и был взорван личным составом миноносца.

Итак остатки Черноморского флота (остальные суда остались в Севастополе, часть ввиду ремонта, другая же за отсутствием личного состава), собравшиеся в Новороссийске, составленные частью из судов, пришедших из Севастополя, частью из судов, коих севастопольские события застали в других портах Крыма (Ялта и Феодосия) и которым командующий флотом приказал по радио идти в Новороссийск были: линейные корабли (дредноуты) «Воля» (флаг командующего флотом) и «Свободная Россия»; эскадренные миноносцы типа «Новик» (нефтяники): 1-й дивизион: «Дерзкий», «Беспокойный», «Пронзительный»; 2-й дивизион: «Пылкий», «Громкий» и «Поспешный»; 3-й дивизион: (дивизион памяти адмирала Ф. Ф. Ушакова): «Керчь», «Гаджибей», «Фидониси» и «Калиакрия», угольные миноносцы 2 ранга: «Капитан [30] Баранов», «Лейтенант Шестаков»; 3 ранга «Живой», «Жаркий», «Сметливый» и «Стремительный».

По приходе в Новороссийск команды судов вполне сознавали серьезность момента и то тяжелое положение, в котором остаткам морских сил Черного моря придется прибывать в последней и весьма сомнительной базе; чувствовалась жажда порядка, твердой власти командования и сознание того, что флот, идя тем путем, которым шел до сего времени, придет к скорой и неминуемой гибели.

Вот настроение, которое отвечало первым дням по приходе флота в Новороссийск и которое особенно резко чувствовалось на делегатских собраниях (всегда при участии командиров судов).

Затем под влиянием весьма тяжелой обстановки в виде: катастрофического отсутствия топлива, отсутствия возможности пополнить боевые запасы, беззастенчивого блокирования неприятельскими подводными лодками порта, невозможности выхода судов из гавани и какого бы то ни было реагирования на вызывающее поведение немецкого командования (Брест), настроение масс стало падать и приходило в инертное, безразличное состояние. Первые признаки его вскоре по приходе в Новороссийск выявились в вопросе о сроке контрактов, показывавшему явную тенденцию части команд покинуть корабли.

Делегатское собрание постановило увольнение со службы не производить впредь до полного выяснения о положении флота.

В частности на «Керчи» общим собранием команды было решено всякого, покинувшего миноносец, считать дезертиром и просить все прилежащие власти задерживать, как на вокзале, так и в пути таких лиц и доставлять на корабль, где с таковыми элементами будет поступлено «по-своему»; попутно было вынесено постановление безжалостно каравшее распитие спиртных напитков на корабле, так как это явление на некоторых кораблях стало принимать крупные размеры.

Что касается командного состава, то с грустью приходилось наблюдать у части (и, к сожалению, некоторые из [31] них пользовались довольно большим влиянием) мнение, что ни о доблести, ни о чести разговоров быть не может, что ничего сделать не удастся, что часть командного состава уже потеряна и что остается лишь одно — идти туда, где можно найти защиту для себя, так как рано или поздно доверие к командному составу нарушится и в Новороссийске разыграются события, подобным декабрьским в Севастополе, у другой же

части, еще до ультиматума Германии приходила мысль, что флоту рано или поздно все равно придется закончить свое существование — потоплением.

В начале июня произошло очень грустное для флота, а для командного состава в особенности событие — в Москву был вызван всеми любимый и уважаемый Михаил Павлович Саблин, которому верили и которому флот несомненно готов был подчиниться. Чрезвычайно грустное и тяжелое впечатление произвело прощание Михаила Павловича с флотом на делегатском собрании, когда он со слезами на глазах и в голосе, напоминая, что флот был на высоте своего призвания, выйдя при исключительных условиях из Севастополя в весьма сомнительную базу Новороссийск, буквально без всего, лишь только чтобы не попасть в руки врагу, призывал всех исполнить свой долг, когда придет момент, что он надеется успеть вернуться к флоту, но все же события могут развернуться так быстро, что судьба флота может решиться без него, но, что он, хотя и с глубокой грустью уезжает, но спокоен за флот, так как передает его в руки Александра Ивановича Тихменева (командира линейного корабля «Воля»), которого знает давно и что убежден, что Тихменев с честью доведет флот до конца.

Время шло, неопределенность положения оставалась та же, та же безнадежность в смысле получения технических средств для приведения флота в состояние, отвечающее возможности производить хотя бы самые ничтожные боевые операции, все это сознавалось; кроме того постоянное появление подводных лодок неприятеля вблизи мола, почти ежедневная на небольшой высоте немецкая воздушная разведка и определенная наступательная [32] на Новороссийск тенденция немецкого командования со стороны Темрюка — и в таком виде флот застаёт известие об ультиматуме Германии, предъявленном на предмет возвращения флота в Севастополь к 14 июня — это было 11 июня.

Делегатское собрание, ознакомленное с ультиматумом, решило флот затопить и предложить командующему разработать план, но ввиду чрезвычайной важности вопроса постановило утвердить это решение лишь только после референдума всех судовых команд, поэтому в 8 часов вечера делегаты разъехались по кораблям, где команды были срочно собраны.

В 12 часов ночи вновь собрались и выяснилось, что подавляющее большинство команды настаивает на том, чтобы в Севастополь не идти, флот не топить, а в случае наступления немцев сражаться до последней возможности и лишь только при явной невозможности отстоять флот, его затопить.

Когда выяснились результаты референдума, комиссар флота Н. П. Глебов-Авиллов, убеждая прийти к решению потопить флот, сообщил, что своевременно будет центральным правительством дана радиограмма, ввиду дипломатических соображений, с приказанием идти в Севастополь, но правительство, зная по опыту, что бумажным гарантиям Германии верить нельзя, и будучи уверенным, что по окончании войны флот России возвращен не будет, приказывает флот топить и это радио не числить.

Решение команд поставило как командование так и делегатское собрание в тяжелое положение и собрание разошлось утром, не придя ни к какому определенному решению и выходу из создавшегося положения.

С 12 по 16 июня время проходит в бесконечных делегатских собраниях, не приводящих ни к какому определенному решению.

13 или 14 июня (не помню) была получена открытая радиограмма от центрального правительства приблизительно следующего содержания:

«Германия предъявила ультиматум флоту прибыть в Севастополь не позже 19 июня, причем дает гарантию, что по окончании войны [33] флот будет возвращен России, в случае неисполнения Германия угрожает начать наступление на всех фронтах. Не желая подвергать страну новым неисчислимым бедствиям, предписывает флоту идти в Севастополь с расчетом прибыть туда не позже 19 июня. Все безумцы, противящиеся власти, избранной многомиллионным трудовым народом, будут считаться вне закона. № 141».

Одновременно получена была шифрованная радиограмма (приблизительно) нижеследующего содержания:

«Опыт показал, что все бумажные гарантии Германии не имеют цены и доверия, а посему флот возвращен России не будет. Приказываю флот потопить до срока ультиматума. Радио № 141 не числится. № 142».

Наконец, 14 июня делегатское собрание проходит в присутствии председателя Кубано-Черноморской республики А. И. Рубина {7} и представителей от фронтовых частей.

Председатель в пространной и весьма талантливой речи убеждает никаких мероприятий с флотом не предпринимать, так как военное положение края блестяще, прибывает оружие и резервы, что взятие Ростова на Дону — вопрос нескольких дней, что этот ультиматум касается и Ростовского фронта, на котором тоже предписывается прекратить военные действия против немцев, но они прекращены не будут, но если флот будет уничтожен это губельно отзовется на моральном состоянии фронта.

Представитель от фронтовых частей в самых оптимистических красках обрисовал состояние боевых частей и стратегическую обстановку, в конце речи горячо и твердо заявил, что предупреждает моряков, что в случае потопления судов, весь фронт в количестве 47 000 человек повернет свои штыки на Новороссийск и подымет на них моряков, так как фронт спокоен пока флот может защищать, хотя бы морально их тыл, но как только флота не будет фронт придет в отчаяние. [34]

На вопрос, заданный председателю Рубину следует ли понимать заявление официальных представителей Кубано-Черноморской республики как призыв к тому, чтобы флот откололся от центральной власти РСФСР, Рубин заявил, что не исполняя в данном случае предписание центра, Кубано-Черноморская республика совершенно не полагает откалываться от центра, вполне признает его, но считает что центр введен в заблуждение относительно действительного положения в крае вследствие плохой информации и технических затруднений в средствах связи и считает, что когда центр узнает действительные причины, побудившие Кубано-Черноморскую республику поступить так, вполне одобрит ее действия. На вопрос берет ли на себя Кубано-Черноморская республика ответственность за неисполнение флота предначертаний центра, а также берет ли на себя республика, если бы это произошло, полное снабжение флота всем необходимым для его существования, Рубин заявил, что не считает себя достаточно полномочным дать на это ответ, каковой будет дан резолюцией общего собрания ЦИК и предлагает выбрать делегатов дабы сейчас же поехать в Екатериноград (2 часа езды по железной дороге от Новороссийска) на заседание ЦИК. Делегатское собрание выбирает трех делегатов и решает ждать ответа.

Вполне понятно, какое потрясающее впечатление произвели эти заявления, а в особенности представителя фронта на широкие массы уже деморализованные, сбитые с толку и не способные на большие и определенные решения и еще более ставшие на точку непотопления флота и защиты «до последней капли крови», то есть закрылись щитом для трусливых.

Время шло, атмосфера сгущалась, делегаты не возвращались и началось дезертирство с кораблей отдельных лиц.

Наконец 16 июня утром временно командующий флотом капитан 1 ранга А. И. Тихменев собрал делегатское собрание: заседание началось с внеочередного заявления председателей судовых комитетов линейных кораблей [35] «Воля» и «Свободная Россия» о том, что за истекшую ночь с корабля сбежало свыше 200 человек и что корабли представляют из себя железные коробки, лишённые какой бы то ни было боеспособности. Руководствуясь убеждением, что моральное состояние делегатского собрания весьма тяжелое и таково, что для определенного решения требуется твердое, односторонне высказанное решение командующего (пользовавшегося совершенно достаточным авторитетом) и дабы намекнуть ему в каком направлении ему надлежит вести собрание, я выступил со словом, указав, что после заявления председателей судовых комитетов «Воли» и «Свободной России» совершенно ясно, что главные наши силы неспособны даже на самое ничтожное сопротивление неприятелю, хотя бы потому, что даже некому стрелять из пушек, а посему

не может быть и речи о каком бы то ни было сопротивлении флота и выход один — сейчас же разработать план потопления и приступить к нему.

К сожалению командующий не использовал факта дезертирства и этих заявлений, а после подробного изложения всем уже известного материального состояния флота (не коснувшись совсем личного состава) и стратегической обстановки, заявил, что он видит только два выхода из создавшегося положения, а именно: или топить флот до срока ультиматума, то есть самое позднее в ночь с 17 на 18 (считая сутки на переход в Севастополь) или идти в Севастополь в тот же срок, что им сейчас же будет разослано воззвание к команде, предлагает делегатам разъехаться по кораблям, срочно собрать команды, поставить эти два положения, как референдум команд, при чем заявляет, что примет решение только по существу этих двух положений считая, что третьих и т. д. быть не может и к 2 часам дня предлагает делегатам прибыть вновь для подсчета голосов.

В воззвании командующего говорилось о необходимости прийти к одному из двух решений, опять-таки о печальном состоянии материальной части и отсутствии боеспособности благодаря этому (не упомянув как и на делегатском собрании о личном составе и дезертирстве) [36] и о безнадежной стратегической обстановке. Воззвание было сухо и излагало только вышеуказанные факты, ни слова о том, какое решение он считает правильным и какое решение соответствует долгу, чести и доблести.

Как и следовало ожидать, референдум опять не дал выхода из положения — подсчет голосов дал при общем числе голосовавших свыше 3500 человек: за потопление около 250, за уход в Севастополь около 550 — остальные — не предпринимать ничего до возвращения делегации из Екатеринодара {8}.

Тогда командующий заявил что так как им уже было сказано, что третьих и т. д. решений он не принимает, он считает, что большинство высказалось за уход в Севастополь, а посему приказывает готовиться к походу, что поход предполагается 17 числа, о чем будут соответствующие сигналы.

16 число проходит при подавленном состоянии духа личного состава, причем дезертирство с кораблей начинает принимать все большие и большие размеры.

Вечером 16 числа я прибыл к командующему и убеждал его в возможности потопить суда, что для этого не нужно большого количества команды, что если команду поставить в такие условия чтобы исключалась бы угроза Кубано-Черноморской республики, в чем я усматриваю главную причину отказа топить суда, например, после потопления доставить команду в Туапсе, то успех предприятия обеспечен, а с другой стороны считаю, что команда столь уже деморализована всем и в частности отсутствием твердых и односторонних приказов сверху и что дезертирство стало столь стихийно, что мешать силой потоплению кораблей она не будет в состоянии и что я ручаюсь за свой миноносец, что поставив команде именно такие условия не только потоплю его но и буду в состоянии помочь другим судам в этом. Командующий сказал что все [37] это верно, но что теперь уже поздно что бы то ни было предпринимать, а с другой стороны полагает что все же вместо потопления моего миноносца команда меня выбросит за борт да и вообще уже им принято решение идти в Севастополь и об другом не приходится говорить, на высказанное мною сомнение что это приказание будет исполнено всеми судами, командующий мне ответил что могу ручаться только за свой миноносец, но также не вполне, но что он как командующий достаточно хорошо знает настроение всего флота.

Утром 17 был принят сигнал «Пол. 2», а затем «Пол. 1». На эти сигналы ответили и начали разводку паров только: «Свободная Россия», «Воля», эсминцы «Дерзкий», «Беспокойный», «Пылкий», «Громкий», «Жаркий» и «Живой». Не выполнили же приказания: эсминцы «Пронзительный», «Керчь», «Гаджибей», «Калиакрия», «Фидониси», «Капитан Баранов», «Лейтенант Шестаков», «Сметливый» и «Стремительный».

Около 11 часов утра корабли ответившие на сигнал начали выходить из гавани на рейд где становились на якорь, — кроме «Свободной России», которая хотя и решила идти в Севастополь, но вследствие отсутствия большинства кочегаров не могла поднять паров в

достаточном количестве и продолжала стоять в гавани вдоль мола. Выход судов на рейд представлял из себя весьма беспорядочную картину: вследствие дезертирства команды большинство кораблей не было в состоянии поднять в достаточной мере пары и выходили на буксире других. Когда корабли вышли на рейд на эсминце «Керчь» был поднят сигнал следующего содержания: «Судам идущим в Севастополь: Позор изменникам России!» Этот сигнал был отретирован оставшимися в гавани кораблями (любопытно отметить, что как из под флага командующего «Воля» так и на других судах к которым этот сигнал относился было поднято до места «Ясно — вижу»).

Выход части судов на рейд с явным намерением идти в Севастополь угнетающе действовал на команды оставшихся судов — многие плакали, были случаи истерики и раздавались истерические выкрики: «они оставили [38] нас», «они самовольно предают себя в руки врагов», «они опозорили нас», «лучше погибнуть с кораблем чем сдать» и т. д.

День 17 июня проходит в кошмарном состоянии духа: повальное бегство с кораблей и расхищение судового имущества. Например к 5 часам дня на «Пронзительном» осталось всего 11 человек, на корабль стоящий у пристани врывались какие-то темные личности, которыми были усеяны все пристани грабя все что попадало под руки — об этом сообщил мне мичман Н. Деппишь с «Пронзительного» (командир корабля был в Екатеринодаре делегатом). Я предложил Н. Деппишь с «Пронзительного» подойти и ошвартоваться к «Керчи» дабы мы могли бы его охранять. Надо отметить доблесть мичмана Н. Деппишь и 11 человек команды разных специальностей, которые развели пары и приготовили в очень быстрое время механизмы. «Пронзительного» привел и ошвартовал к «Керчи» командир «Гаджибея» лейтенант Алексеев.

Днем 17 ко мне зашел уважаемый генерал-майор Владимир Фердинандович Берг, флагманский инженер-механик штаба командующего, бывший в числе той части чинов штаба командующего, которые не пожелали с командующим идти в Севастополь и бывший в числе тех лиц которые считали что «Керчь» в потоплении судов будет играть главную роль как корабль вполне сохранившийся и со слезами на глазах убеждал топить корабли как следует и советовал привести их в большую негодность подложив под турбины и главные машины у угольных миноносцев подрывные патроны.

Надо отметить что около 12 часов дня был митинг команд оставшихся судов пославших делегацию к командующему с просьбой не идти в Севастополь, но командующим делегация принята не была (к этой делегации присоединились делегация от местного населения с тем же намерением).

Около 7 часов вечера 17 июня прибыла делегация из Екатеринодара и сообщила что за время их пребывания там ЦИК почему то никак не мог собраться и, наконец, 17 [39] утром собравшись вынес резолюцию, что он от центра не откалывается, вполне поддерживает его и готов исполнять все его приказания, флоту же представляет полную свободу действий и никакого давления на его решения оказывать не намеревается.

Около 8 часов вечера пришел председатель судового комитета «Воли» и машинный старшина Гроза и сообщили, что в беседе с глазу на глаз с командующим он убеждал его не уходить в Севастополь, а помочь потоплению кораблей на что командующий сказал, что сделать ничего не может так как находится под давлением команды с «Воли», но что он, Гроза, уверяет что это ложь так как он как председатель судового комитета отлично знает что командующий имел достаточно авторитета дабы убедить команду и что командующий еще ранее вел усиленную агитацию за поход в Севастополь (надо отметить, что Гроза был человек весьма умеренного направления на всех делегатских собраниях своими выступлениями поддерживал командующего и власть его и всегда парировал демагогию).

17 июня поздним вечером стало ясно что «Керчь» будет руководить потоплением, а по сему ввиду большого количества подрывной партии мною было передано на некоторые миноносцы 10 фунтов подрывных патронов и бикфордовы шнуры. Ввиду полного хаоса который творился на кораблях и присутствия на рейде судов решивших идти в Севастополь

от которых можно было все ожидать, о выводе судов на глубокую воду раньше утра не могло быть и речи.

Что касается «Свободной России», то ее позиция не была выяснена так как она пыталась все время поднять пары, но безуспешно, дабы присоединиться к уходящему отряду и продолжала стоять в гавани вдоль мола.

Около 11 часов 30 минут ночи корабли стоящие на рейде ушли в море.

Около 12 часов ночи ко мне пришел командир эсминца «Лейтенант Шестаков» мичман Анненский («Лейтенант Шестаков» стоял у пристани ошвартовавшись к эсминцу «Капитан Баранов») и сообщил мне, что с [40] «Капитана Баранова» почти вся команда сбежала, что у него тоже начинается дезертирство и просит указания что предпринимать. Я предложил ему сейчас же собрать с «Капитана Баранов» кого удастся на «Лейтенанта Шестакова», поднять сейчас же пары (мины же у него уже были) взять «Лейтенанта Баранова» на буксир и отойти на середину гавани, где стать на якорь, прекратив сообщения с берегом. Около 1 часа ночи «Лейтенант Шестаков», имея на буксире «Капитана Баранова» отошел от пристани и стал на якорь в гавани, имея 35 человек сборной команды.

Около 1 часа командир «Свободной России» капитан 1 ранга Василий Михайлович Терентьев прислал ко мне мичмана (фамилии не помню) сообщить, что на корабле осталось всего 120 человек команды, что к самостоятельному передвижению корабль не способен и просит оказать помощь в потоплении. Я просил передать ему что окажу всяческое содействие, что предлагаю начать активно действовать с рассветом и что утром выяснится что и как можно будет сделать, что надежда на успех есть так как «Керчь» в полной боевой готовности.

День 17 июня прошел на «Керчи» так: в 8 часов утра я собрал команду и заявил что в Севастополь миноносец не поведу каким бы репрессиям мне бы не грозили, что я считаю необходимым потопить корабль и помочь потоплению других, которые явно не будут в состоянии сами этого сделать, что я знаю среди команды людей которые решили так же как и я лучше погибнуть с кораблем или от рук тех, кто нам в этом будет мешать, чем сдать корабль немцам, которых можно ожидать здесь со дня на день, с другой стороны я призываю команду исполнить свой долг — помочь потоплением кораблей, которые не пожелают идти в Севастополь, после потопления кораблей предлагаю идти в Туапсе, где высадиться на берег (объяснив как и куда можно оттуда проехать по железной дороге), что затоплю миноносец я и несколько человек изъявивших желание это сделать и что я спрашиваю кто останется с теми кто твердо решил исполнить свой долг до конца. [41]

Команда при большом подъеме единогласно решила не покидать корабль и сделать все, что будет в наших силах постановив беспрекословно выполнять все мои единоличные приказания.

Днем шли приготовления к походу, минные машинисты готовили мины {9} к боевой стрельбе (из 12 мин в аппаратах приготовлено было только 8 так как 4 прибора Обри были оставлены в Севастополе, сданными на исправление в мастерскую). На ночь приборы Обри и ударники мин были перенесены на всякий случай ко мне в каюту.

С рассветом около 5 часов утра выяснилась вся картина — на «Свободной России» около 100 человек команды, на миноносцах от 3 до 10 человек, на «Лейтенанте Шестакове» около 35 и на «Керчи» полный комплект.

В тоже время мною был послан мичман Н. Деппишь, дабы найти портовые средства для буксировки кораблей на место потопления. Вернувшись мичман Делпишь доложил, что не только со стороны всех портовых средств, но и с коммерческих кораблей и транспортов команда сбежала и что нет никого кто бы мог помочь делу — так велик был страх принимать какое бы то ни было участия в потоплении кораблей.

Положение создавалось почти критическое так как оставались способными к движению только «Керчь» и «Лейтенант Шестаков», а для буксирования только «Лейтенант Шестаков», ввиду того что вследствие трудного выхода из гавани на рейд благодаря боковому заграждению я не считал возможным рисковать при буксировке повредить свой

миноносец так как если бы «Керчь» вышла бы из строя, было ясно, что корабли останутся не потоплены в особенности «Свободная Россия», о которой была главная забота, а с другой стороны так как можно было ожидать каждую минуту прихода «Гамидие» и неприятельских миноносцев (которые все время бывали обнаруживаемы недалеко от Новороссийска), подлодок и воздушных атак, время не терпело. [42]

В это время по гавани проходил моторный бот которого я, несмотря на нежелание, под угрозой расстрела заставил принять участие в буксировке.

Принимая во внимание, что буксировка на большие глубины (свыше 15 сажен, то есть до Дообского маяка) при имеемых средствах заняло бы чересчур много времени, глубины же 11–15 сажен начинаются уже в нескольких кабельтовых от мола, что «Свободную Россию» нужно будет отбуксировать на глубину не менее 25–30 сажен (около 8 миль) и что накануне суда ушедшие в Севастополь выходили на рейд в хаотическом состоянии и став на якорь оставались на рейде до ночи и дать неприятельской разведке предположение, что все же быть может суда пойдут в Севастополь, я решил действовать так: при помощи «Лейтенанта Шестакова» и моторного бота вывести миноносцы на рейд, затем самому с «Лейтенантом Шестаковым» вывести «Свободную Россию» к Дообу и уже после этого по моему приказанию начать одновременно топить корабли, самому же идти к «Свободной России» и затопить минами.

Около 5 часов 30 минут утра «Лейтенант Шестаков» снялся с якоря и отбуксировав «Капитана Баранова» на предположенное место потопления вернулся в гавань и начал совместно с моторным ботом буксировать миноносцы на рейд.

Грустная и тяжелая картина — гавань вымерла, пусто и только медленно идущие на буксире миноносцы, беспомощные, без признаков жизни на них с отдельными мрачными фигурами в количестве 5–6 человек на палубе, как зачумленные и обреченные на смерть, с которых все живое сбежало и от которых все сторонятся.

Сильное впечатление производит эсминец «Гаджибей», который будучи взят на буксир поднимает сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь» и держит его все время.

Около 9 часов утра на пристани, около которой стояла «Керчь», начала собираться толпа народу среди которой шныряли разные темные личности и на пристани невидимому появилось вино и водка, а посему я отошел от пристани и стал на якорь вблизи «Свободной России». [43]

Став на якорь, я поехал на «Свободную Россию» дабы сговориться с Терентьевым о буксировке «Керчью» и «Лейтенантом Шестаковым» его корабля на глубокую воду и каким образом более рационально подорвать корабль в гавани, если паче чаяния его отбуксировать не удастся.

Терентьев мне сообщил, что все же удалось достать небольшой коммерческий пароход, который выведет из гавани «Свободную Россию», а также парусно-моторную шхуну, которая снимет команду, которой к тому времени осталось около 100 человек.

Около 1 часа дня «Свободная Россия» была выведена на рейд на расстояние около 5 кабельтовых от гавани и команда начала переходить на парусно-моторную шхуну.

Возвращаясь шхуна прошла вдоль борта «Керчи» и я к своему удивлению увидел что командир «Свободной России» Терентьев находился на ней, а не на буксирующем пароходе дабы указать ему место потопления и следить за правильностью курсов так как на Новороссийском рейде, как известно, есть небольшая банка как раз близ фарватера, а также минное заграждение.

Проходя мимо «Керчи» Терентьев крикнул мне: «Вот Вам пустой корабль, ведите его куда хотите, буксир стоит с застопоренной машиной, никаких дальнейших распоряжений ему не дано».

Я сейчас же снялся с якоря, подошел к буксиру, дал ему курс и сообщил, что «Свободная Россия» должна быть отбуксирована на параллель Дообского маяка в 5 кабельтовых от него (мористее начиналось минное заграждение).

То обстоятельство, что он с одной стороны не выкинет корабль на банку, а с другой стороны на минное заграждение благодаря чему корабль мог быть подорван на недостаточной глубине (я все же руководился желанием не повторять Порт-Артура) совершенно связало меня так как приходилось (буксировка шла очень медленно — узла 1–2) неоднократно подходить к буксиру поправлять курсы и проверять их что кроме того ставило меня лишним раз в возможность быть атакованным [44] подлодкой, наличие коих вблизи Новороссийска было несомненно.

Около 3 часов дня ко мне подошел «Лейтенант Шестаков» и командир сообщил, что продолжать буксировку он не может так как команда вследствие отсутствия достаточного числа штатных кочегаров (день был исключительно жаркий) настолько утомлена, что не в состоянии поддерживать в достаточном количестве пары и просит разрешения идти на свое место для потопления.

Разрешение мною было дано. В это же время ко мне подошел моторный бот и доложил что ввиду повреждений в подшипнике он тоже не в состоянии продолжать буксировку.

Мною были посланы машинист и моторист для выяснения действительности повреждения. Осмотр подтвердил полную негодность бота к дальнейшей работе. К счастью к этому времени остался у причала только эскадренный миноносец «Фидониси».

Входя в гавань, дабы взять его на буксир, я увидел что на пристани около миноносца «Фидониси» стояла огромная толпа народа, повидимому выступали какие-то ораторы. Цель этого собрания выяснилась когда я застав в гавани парусно-моторную шхуну приказал ей взять «Фидониси» на буксир — толпа препятствовала завести буксир.

Тогда я, пробив боевую тревогу и наведя орудия на пристань передал туда, что если немедленно «Фидониси» не будет взят на буксир я открою огонь по пристани. Эта угроза магически подействовала и «Фидониси» был взят на буксир. На миноносце «Фидониси» к сожалению не оказалось не только кого бы то ни было из команды, но даже и командира. Поэтому, так как время не терпело, я решил подорвать «Фидониси» миной.

Выйдя из гавани я обошел все миноносцы, приказав начать потопление; к этому времени «Свободная Россия» уже подходила к Дообу.

Когда «Фидониси» был выведен из гавани и отбуксирован на свое место я подошел к нему и с расстояния 4 кабельтовых, с установкой 1,5 метра произвел один минный выстрел.

Попадание было повидимому в правую машину. [45] Эффект взрыва был очень большой, стеньги обоих мачт сломались, передний и задний мостики исковерканы и миноносец буквально был разорван пополам, так как корма и нос приподнялись, но несмотря на такие серьезные повреждения, он затонул перевернувшись на правый борт только на 12 минуте. После минного выстрела, дав полный ход пошел к «Свободной России». На остальных кораблях происходили взрывы, причем эффект их был достаточно большой так как было видно как вырывало машинные люки и части палубы (кроме закладки подрывных патронов, открытия кингстонов и клинкетов, кораблям давался еще предварительный крен и отдраивались все иллюминаторы).

Тяжелую и величественную картину представлял из себя Новороссийский рейд на котором одновременно корабли медленно погружаясь один за другим переворачивались. Корабли тонули от 25 до 45 минут.

Около 4 часов 30 минут я подошел к «Свободной России» и с расстояния 5 кабельтовых произвел залп из двух мин с установкой 3,5 метра. Мины были направлены под носовую 12-дюймовую башню с целью вызвать детонацию погребов. Одна из мин прошла под кораблем, другая же взорвалась в указанном месте. Эффект взрыва был незначителен, столб исключительно черного дыма поднялся не выше рубки и шириной 3–4 сажени.

Около 5 часов произвел одиночный выстрел с наводкой 1–1,5 сажени в сторону кормы от места взрыва (приходилось беречь мины, так как оставалось исправных всего лишь 5 штук, уверенности что для потопления «Свободной России» не потребуется еще несколько мин не было, а с другой стороны, ожидая каждый момент встречи с неприятелем нельзя было оставаться без боевого средства). Попадание было в намеченное место — эффект взрыва тот

же что и предыдущий. Корабль после этих двух попаданий несколько не изменил своего положения: крен и дифферент отсутствовали.

Только произвел одиночный выстрел под кормовую 12-дюймовую башню (установка та же) — эффект взрыва [46] и последствия в смысле дифферента и крена буквально те же, что и при предыдущих. Эти обстоятельства вызвали сильное беспокойство за исход потопления «Свободной России» с помощью имеемого запаса мин.

Тогда я произвел одиночный выстрел (установка 4 метра) в середину корабля. Мина, дойдя до корабля вдруг повернула обратно и пошла прямо по направлению к миноносцу направляясь в носовую часть. Трижды идя к миноносцу мина меняла свое направление и трижды приходилось маневрировать дабы избежать ее и наконец не дойдя около 1 кабельтова до миноносца мина повернула обратно к «Свободной России» вынырнула из воды причем при этом отломилось зарядное отделение и мина затонула.

Сейчас же был произведен еще один выстрел с той же установкой и наводкой. Попадание было в намеченное место. Эффект взрыва был потрясающий: поднялся огромный столб бело-черного дыма (преимущественно белого). Столб дыма был почти выше мачт и основанием закрыл почти весь корабль так что сразу нельзя было судить о последствиях взрыва.

Когда столб дыма несколько рассеялся (1 минута 17 секунд — за все цифровые данные я ручаюсь, так как они были записаны по секундомеру мичманом Подвысоцким) представилась удручающая картина: броня и бортовая обшивка между 2-й и 3-й башнями как с правого (стрельба производилась по правому борту) так и с левого борта отвалилась и эта часть корабля представляла сплошную просвечивающую насквозь брешь; казалось что корабль как бы слегка раскачивается и через 2 минуты 3 секунды после взрыва медленно начал крениться на правый борт, имея дифферент на нос.

Медленно поворачиваясь «Свободная Россия» представляла удручающую картину: лязг и звон (при мертвой тишине кругом падающих и перекатывающихся на палубе и внутри корабля предметов, шлюпок, паровых катеров и т. д.).

Характерно то обстоятельство, что во время переворачивания на глаз не замечалось ускорение и переворачивание [47] казалось плавным и равномерным. Наиболее грандиозное впечатление произвело то обстоятельство, что корабль переворачивался столь медленно, что было видно как все башни целиком, со страшным шумом и лязгом вываливались в воду. От начала крена до полного переворачивания вверх килем прошло 3 минуты 42 секунды. Вверх килем корабль продержался 37 минут, постепенно погружаясь носовой частью. Из всех клинкетов и кингстонов все время били высокие фонтаны воды.

Картина гибели корабля была столь величественна и тяжела, что почти у всех стояли слезы на глазах, многие сняли фуражки и все мрачно и молча с грустными, сосредоточенными лицами следили за происшедшим.

Около 6 часов вечера дал полный ход, взяв курс на Туапсе.

Итак, потопление «Свободной России» заняло 1 час 25 минут.

В 9 часов вечера рассчитывая прийти в Туапсе не ранее 12 часов ночи вследствие того что у личного состава, в связи со всеми переживаниями не было уже необходимых (в особенности у кочегаров) для больших ходов энергии и внимания и благодаря чему потопление «Керчи» можно было начать не ранее 4 часов утра 19 июня так как своз команды на берег имеющимися средствами (вельбот и два мотора)... при наличии расстояния не менее 1,5 миль от места высадки (ближе глубины малы) заняло бы около 4 часов времени и руководствуясь соображениями: 1) чтобы показать немецкому командованию что «Керчь» уничтожена до срока ультиматума, что он действовал идейно и чтобы ни на минуту не было бы предположения что «Керчь» выйдя из Новороссийска пошла заниматься каперством и хулиганством; 2) дабы суда ушедшие в Севастополь, узнав об участи постигшей корабль, оставшиеся в Новороссийске получили бы еще лишней укор за их позорное поведение и 3) чтобы опять таки населению вообще было бы известно что «Керчь» не пошел каперствовать, а принял ту же участь что и суда погибшие в Новороссийске, я послал радио следующего

[48] содержания: «Всем, всем. Погиб уничтожив те корабли Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдачи Германии — эскадренный миноносец «Керчь». Радио это, вероятно, достигло своей цели так как во всей современной печати юга оно было целиком напечатано в изданиях от 20 июня под рубрикой «Великая трагедия».

В 12 часов 40 минут ночи стал на якорь от Кадошского маяка на глубине 22 сажен. Сейчас же начался своз команды на берег. В 4 часа 15 минут утра 19 июня отбыл с корабля последний эшелон. На корабле остались со мной: мичман Подвысоцкий, минный машинист Кулинич, машинный старшина Бачинский, моторист Басюк и рулевой старшина Коваленко. Все вспомогательные механизмы были пущены в ход, открыли все кингстоны и клинкеты дав предварительно наибольший возможный крен на правый борт отдраив с этого борта все иллюминаторы. Это было в 4 часа 30 минут утра. Корабль начал медленно тонуть и наконец в 5 часов 10 минут утра перевернувшись через правый борт затонул.

Характерно то обстоятельство, что керосино-динама работала без электрика и моториста 1 час 5 минут, продолжая свое действие вплоть до полного переворачивания. Отрадно отметить то обстоятельство, что ни один миноносец из дивизиона памяти доблестного адмирала Федора Федоровича Ушакова, записавшего одни из лучших страниц в истории Черноморского флота своими победами при Керчи, Гаджибее (Одессе), мысе Калиакрия и острове Фидониси не попал в руки врагу.

Командный состав Новороссийской эскадры

Временно исполнявший обязанности командующего флотом и командир линейного корабля «Воля» — капитан 1 ранга Александр Иванович Тихменев

Командир линейного корабля «Свободная Россия» — капитан 1 ранга Василий Михайлович Терентьев

Командир бригады — капитан 1 ранга Виктор Иванович Лебедев

Командир эсминца «Дерзкий» — лейтенант Леонид Леонидович Житков [49]

Командир эсминца «Беспокойный» — лейтенант Максим Андреевич Лазарев

Командир эсминца «Пронзительный» — лейтенант Борис Сергеевич Бессмертный

Командир эсминца «Громкий» — Николай Александрович Новаковский

Командир эсминца «Пылкий»

Командир эсминца «Поспешный» — капитан 2 ранга Николай Рудольфович Гутан

Командир эсминца «Керчь» — старший лейтенант Владимир Андреевич Кукель

Командир эсминца «Гаджибей» — лейтенант Владимир Александрович Алексеев

Командир эсминца «Фидониси» — старший лейтенант Александр Константинович Миткевич

Командир эсминца «Калиакрия» — капитан 2 ранга Евгений Сергеевич Гернет

Командир эсминца «Капитан Баранов»

Командир эсминца «Лейтенант Шестаков» — мичман Сергей Анненский

Командир эсминца «Живой» — лейтенант Георгий Михайлович Галафре

Командир эсминца «Жаркий» — лейтенант Хрущев

Командир эсминца «Стремительный» — лейтенант Дмитрий Георгиевич Брант

Командир эсминца «Сметливый» — старший лейтенант Сергей Владимирович Панфилов

Подпись: В. А. Кукель.

P.S. (написан и подписан В. А. Кукелем собственноручно) Прилагаю «Южную Газету» от 26 июня 1918 года, которую в 1920 году мне случайно передал при встрече в Каспии бывший машинный унтер-офицер эскадренного миноносца «Гаджибей» Владимир Читколенко и имеющей в своей статье «Гибель Черноморского флота» также исторический интерес также как документ подтверждающий изложенное. Кроме того, мне хотелось бы обратить внимание на то тяжелое положение в котором оказался личный состав «Керчи» как лиц фактически ... (неразборчиво, предположительно «оказавшихся») вне закона со [50] стороны всех представителей Советской Власти и с другой стороны также и по отношению к Германии. По имеемым у меня сведениям 20 июня в Новороссийск прибыли «Гебен», «Гамидие» и два миноносца, причем немецкий адмирал требовал у Новороссийского Совета

выдачи командира «Керчи» на что было отвечено, что «Керчь» ушла в море и неизвестно где находится. Общая обстановка: Батум, Поти, Сухум в германо-турецких руках, на Тихорецкую наступление Краснова с немецкой ориентацией. Вследствие чего я лично вынужден был сохранять строжайшее инкогнито от всех с рядом соответствующих приключений включительно до путешествия пешком 50 верст по песчаным пустыням Ставропольской губернии.

Подпись: В. А. Кукель. [51]

Правда о гибели Черноморского флота в 1918 году

От редакции издания 1923 года

18 июня 1918 года на рейде Новороссийска потоплена своими командами половина Черноморского флота бывшей императорской России. Это потопление, обстоятельства которого ниже излагаются активным участником его В. А. Кукелем, является одним из наиболее трагических эпизодов в истории военных флотов, эпизодом — не уступающим по трагизму другим историческим «потоплениям»: русского парусного Черноморского флота в Севастопольской бухте в 1854–1855 годах, остатков русской дальневосточной эскадры в Порт-Артуре в 1904 году и самоуничтожению германского Флота Открытого моря, приведенного для сдачи в английскую базу Скапа-Флоу — происшедшего через несколько месяцев после Новороссийской трагедии.

Дело происходило в те тяжелые месяцы ликвидации империалистической войны, когда германское наступление на Советскую [52] Россию заставило сначала Балтийский флот, а затем и Черноморский, бросив свои базы (Гельсингфорс и Севастополь), искать спасения своих судов уходом в районы, более обеспеченные от противника. Однако судьба обоих этих флотов оказалась различной.

В то время когда Балтийский флот имел возможность, совершив свой исключительный «ледовой» поход из Гельсингфорса в Кронштадт, сохранить себя для Советской Республики, флот Черноморский был этой возможности лишен. Вынужденный искать спасения от захвата неприятелем в спешном уходе из Севастополя в Новороссийск, он все равно делался добычей врага, требовавшего его возвращения и сдачи без какой бы то ни было надежды на свое восстановление в будущем.

Таким образом, и Новороссийск не был выходом из положения. С одной стороны, стремительным наступлением своим немцы докатились уже до Новочеркасска и Ростова-на-Дону и не исключалась возможность занятия ими Новороссийска, с другой стороны, в этом последнем оплоте флота не было ни запасов (угля, снарядов и т.д.) — для его снабжения, ни доков и мастерских — для необходимого ремонта.

Дезорганизованные, без снабжения и запасов, суда Черноморского флота были лишены всякой возможности сопротивления, а следовательно, перед личным составом стояла дилемма — сдать неприятелю, вернувшись в Севастополь, или уничтожить себя в Новороссийске. После тяжелого анализа и бурных переживаний, передаваемых автором воспоминаний, большинство склонилось к последнему решению, и 18 июня 1918 года многие суда были потоплены своими командами.

Однако не весь флот последовал их примеру. Часть его вернулась в Севастополь, к тому времени уже занятый немцами. Судьба этой части кораблей еще более печальна. Некоторые из них еще плавают на воде, но, оторванные от России, бессмысленно и безжизненно стоят они в далекой Бизерте на северном берегу Африки. Генерал Врангель, как писали о том в прошлом году французские журналы, передал их в залог (*remis en gage*) французскому правительству. [53]

Правилен ли был поступок той части Черноморского флота, которая покончила «самоубийством» в Новороссийске?

Всякий факт потопления боевого судна, а тем более целой эскадры, собственными командами всегда, естественно, вызывает в душе каждого гражданина, а тем более моряка-профессионала, чувство внутреннего протеста и возмущенного недоумения. Это естественно: боевая сила создается не для самоуничтожения. Но в данном случае вся

совокупность наличных фактов и обстоятельств говорит за то, что и с точки зрения «военной этики» (пусть «прежней»), и с точки зрения «государственной целесообразности» решение потопить суда было правильным.

Дезорганизованная часть уже не боевая сила и к ней не применимы основные требования воинской догмы. Как часть вооруженной силы государства она уже не существует. А раз это так, то первоочередным стоит вопрос, целесообразно ли сохранение материальной оболочки этой силы, могущей сделаться опасным фактором в руках противника, которому она достанется.

Вот вопрос, который стоял перед представителями идеи Советской государственности.

Действительность показала, что решение было правильным и государственно целесообразным. Как раз в дни потопления Черноморского флота в Новороссийске на Волге выявились первые грозные признаки Гражданской войны — восстание чехословаков, а вслед затем Черное море и его побережье делается ареной упорной трехлетней борьбы, начавшейся с занятия Крыма союзными войсками и кончившейся крушением авантюры Врангеля. Все, что осталось из состава флота Черного моря, приняло участие в борьбе против России, и даже этого немногого было достаточно, чтобы обеспечить владение морем и до чрезвычайности затруднить для Советской Республики борьбу за выходы на Азовское и Черное моря. Можно себе представить, во сколько раз было бы сильнее это сопротивление, если бы состав Врангелевского флота насчитывал в себе и те суда, судьба коих так трагически, но государственно целесообразно была решена у Новороссийска. [54]

И если ко всему этому учесть психологию того момента, всю сложность политической и военной обстановки, всю трудность отделения кажущейся опасности от действительной, все противоречие уже намечившейся в то время «белой» и «красной» идеологии — то, как бы ни объясняли тактические исполнители потопления Черноморских судов того мыслительного процесса, который привел их к трагическому решению, оно было единственным правильным потому, что было государственно целесообразным. [55]

Предисловие автора

В 1922 году, в Мюнхене, вышла в свет книга «На Новике» (Балтийский флот в войну и революцию), автором которой является небыизвестный среди бывших кадровых морских офицеров капитан 2 ранга Г. К. Граф.

Книга представляет из себя искусно подобранный материал по истории русского флота, его боевых действий и деятельности моряков в период европейской войны, составленный как по личным воспоминаниям автора, так и записанный им по воспоминаниям других лиц.

Вместе с тем автор задался целью попутно сделать краткий общий обзор действий вооруженных морских сил на всех театрах европейской войны.

Книга собственно обнимает три периода состояния русского флота: перед самой войной и во время ее, во время февральской революции и после Октябрьского переворота. Первые два периода не подлежат критике с моей стороны, а посему обхожу их молчанием. Что касается третьего, то события, разыгравшиеся на Черном море в период май — середина июня 1918 года, автором освещены столь ложно, несправедливо и пристрастно, что я, как близкий участник их, а [56] также как человек, коему дорога честь родного флота, и по причинам, кои будут изложены ниже, принужден открыто выступить в печати для того, чтобы приподнять завесу над упомянутыми событиями.

Считаю необходимым отметить, что целью настоящей статьи отнюдь не является только ответ на то, что в рассматриваемой книге отведен ряд страниц, которые компрометируют лично меня, с изложением целого ряда неверных сведений, настоящий ответ, кроме вышеизложенного, продиктован еще следующими обстоятельствами:

1. Трагедия гибели Черноморского флота 18 июня 1918 года еще мало освещена, и даже большая часть русских моряков имеет неполные, а подчас и превратные сведения об этом событии; в рассматриваемой же книге, имеющей претензию на исторический документ, они изложены узко-пристрастно, с умышленным замалчиванием тех фактов, которые сколько-

нибудь говорят не в пользу лиц, по моему глубокому убеждению, несущих ответственность за сдачу части судов Черноморского флота Германии.

2. Трагедия Черноморского флота, кроме того, имеет в истории флота огромное значение с точки зрения военно-морской этики, так как она закончилась сдачей судов эскадры, объединенных законным командованием флотом, неприятелю. Аналогичный факт в истории русского флота имел место лишь один раз — в 1905 году, когда после боя при Цусиме эскадра адмирала Небогатова позорно сдалась японцам.

3. Необходимость осветить беспринципное поведение части командного состава Новороссийской эскадры, сдавших свои корабли немцам, попутно подчеркнув глубину непонимания разложения среди зарубежных русских эмигрантов типа Г. К. Графа и Н. Р. Гутана, вероятно мечтающих, в случае изменения политической обстановки в России, получить «патент» на «восстановление» мощи русского флота.

Автор рассматриваемой книги указывает фамилии лиц, доставивших ему справочный материал для ее составления. Среди них мы находим и фамилию командира миноносца «Поспешный» (бывшего в составе Новороссийской эскадры в мае — июне 1918 года), бывшего капитана [57] 2 ранга Н. Р. Гутана, по материалам которого и составлена история потопления флота {10}.

Сам автор в Черноморском флоте не служил и в рассматриваемый им период на юге России не находился.

Зато Н. Р. Гутан являлся ближайшим советником слабовольного временно исполнявшего должность командующего флотом бывшего капитана 1 ранга А. И. Тихменева и одним из самых ярких и активных сторонников сдачи Черноморского флота немцам.

Руководствуясь желанием хоть сколько-нибудь оправдать свой позорный поступок, он во многих местах ложно осветил факты, умышленно умолчав обо всем говорившем не в пользу его и его единомышленников, и обрушился самыми низкими приемами на меня, как главного виновника оппозиции, оказанной А. И. Тихменеву.

Кроме того, считаю необходимым оговориться, что, будучи беспартийным морским специалистом, я при разборе указанной книги задался целью осветить лишь принципиальный вопрос: «Как должен был бы поступить в мае — июне 1918 года кадровый офицер Черноморского флота, считаясь с военно-морской этикой, освященной двухсотлетними военно-морскими традициями старого флота, не касаясь политической обстановки в рассматриваемый период». За указанную постановку вопроса говорит еще и то обстоятельство, что автор, оправдывая своих клиентов; главным образом ссылается на техническую ситуацию, а также и на психологию кадрового морского офицерства, относящуюся к рассматриваемому периоду.

Для большей полноты суждения о событиях, разыгравшихся в мае — июне 1918 года на Черноморском флоте в городе Новороссийске, считаю необходимым, дав сначала краткий очерк указанных событий, перейти затем непосредственно к цитированию наиболее принципиальных мест этой главы.

Вот история этих событий, так, как они происходили на самом деле и как они врезались в мою память. [58]

* * *

1 мая 1918 года, часть судов Черноморского флота в числе двух дредноутов, десяти миноносцев новейшего типа, нескольких старых миноносцев и вспомогательных судов, пришла в Новороссийский порт, покинув Севастополь за несколько часов до занятия его немецкими войсками генерала Коша, дабы не попасть в руки германцев.

Всему личному составу Новороссийской эскадры была с самого начала ясна безвыходность положения флота: без угля, без нефти, без возможности пополнить боезапасы, в порту, зажато железными щупальцами германских войск как с севера, так и с юга, в порту, абсолютно необорудованном для стояния флота, без элементарных ремонтных средств и т. д., наконец, при молниеносном наступлении немцев по всему Крыму, развивавшемся с явной целью захватить Новороссийск, вопреки всем ухищрениям доморощенной в то время

украинской дипломатии. Гибель флота была предрешена, — она стала вопросом ближайшего времени.

Тем не менее общее настроение широких масс в начале не было подавленным или инертным — наоборот, замечалось охлаждение к пресловутым «комитетчикам» и «выборному началу», перед лицом неизбежной гибели, массы, наученные горьким опытом предыдущего периода, жаждали твердой власти и порядка.

Не так благополучно обстояло дело в офицерской среде, и особенно в некоторой ее части: хотя внешне офицерство и старалось поддерживать бодрость духа на своих кораблях и не открывать «недр своей души», но в интимных беседах, к сожалению, проскальзывал глубокий пессимизм и полная растерянность: «что делать дальше?», «что будет дальше?», «германцы придут скоро», «команда не даст потопить суда — убьют», «как надо поступить?» — вот какими гаданиями и паническими предположениями был занят командный состав флота в те трудные исторические дни.

Но существовала и другая группа офицеров, которая с самого момента выхода из Севастополя ясно отдавала себе отчет в том, что надо было делать, отчетливо формулируя свою программу: — «ушли из Севастополя, т. к. не успели бы там уничтожить флот, ввиду чрезвычайно быстро [59] и неожиданно развившихся событий, и пошли в Новороссийск, чтобы, выиграв время, дать возможность флоту организованно покончить самоубийством и на время закрыть книгу истории Черноморского флота, не запачкав ее».

Эта группа очень скоро, еще задолго до начала трагедии, начала резко выделяться на фоне расшатанного, колебавшегося большинства. Группа «за потопление во чтобы то ни стало» тесно сплотилась в постоянном общении как на кораблях, так и на берегу, и постепенно прекратила почти всякие сношения с остальной частью офицерства, пока больше философствовавшей, чем открыто заявлявшей о необходимости вернуться в Севастополь. Но накипевшее настроение, которое до поры до времени тщательно скрывалось «в недрах души», иногда все-таки прорывалось наружу. Помню, например, двух офицеров из группы, которая впоследствии сделалась моими «противниками», — двух офицеров, имевших большое влияние среди ушедших в Севастополь. Один из них, фамилию которого мне не хотелось бы называть из этических соображений, еще задолго до начала агонии флота, в конце мая месяца, в интимной беседе со мной, во время которой я развивал свои взгляды, сказал мне буквально следующее: «После декабрьского избиения морских офицеров в Севастополе у нас больше чести нет и нам надо бежать хоть к японцам, китайцам, наконец, черт знает к кому, так как хотя без чести, у нас все же осталась жизнь».

Другой — это командир миноносца «Дерзкий», молодой весьма развязный бывший лейтенант Житков (правая рука бывшего капитана 2 ранга Н. Р. Гутана, миноносец которого, как будет видно ниже, Н. Р. Гутан восхваляет за то, что он почти в единственном числе не хотел «бежать» от немцев из Севастополя) и впоследствии один из главных «агитаторов» за поход в Севастополь — сей «офицер» еще в самом начале, вскоре после прихода флота в Новороссийск (имею все данные, что он знал мои взгляды на то, что надо делать с флотом), после покраски миноносца «Керчь» к празднику Пасхи и «генеральной» чистки корабля по всем правилам «морского искусства», подошел [60] к миноносцу и крикнул мне, когда я стоял на палубе: «Что это у вас — старый режим? — краситесь? — драйте медяшку?» — но ему быстро пришлось скрыться, так как команда миноносца встретила его демагогию площадной бранью и угрозами.

Вот общая характеристика новороссийских «настроений» в рассматриваемый период.

Дальнейшие события развивались так: 10 июня стало известно, что Германия предъявила Совнаркому ультиматум «о переходе флота из Новороссийска в Севастополь к 19 июня» для интернирования до окончания войны.

Конечно, никто не верил, что Германия вернет нам суда по окончании войны, но в случае неисполнения этого требования Германия угрожала возобновить наступление по всему фронту.

В это же время, на делегатском собрании в присутствии командиров всех судов (командиры, как раньше, так и в дальнейшем, всегда присутствовали на делегатских собраниях), временно исполнявший должность командующего флотом, бывший капитан 1 ранга А. И. Тихменев и комиссар флота Н. П. Глебов-Авилов {11} ознакомили собрание с текстами телеграмм Совнаркома, и полномочиями, данными Совнаркомом И. И. Вахрамееву {12} на предмет потопления флота.

В общем, дело сводилось к следующему: с одной стороны, не доверяя бумажным гарантиям императорской Германии, с уверенностью можно было предсказать, что флот нам обратно возвращен не будет, и следовательно, его надлежит потопить. Но с государственной точки зрения для России может оказаться гибельным наступление немцев, вызванное неисполнением их ультиматума. Для согласования этих диаметрально противоположных положений надлежало поступить так: из дипломатических соображений [61] Москва дает открытую радио с приказанием идти в Севастополь к установленному сроку, но это приказание, как совершенно условное, исполнению не подлежит, и флот еще до истечения срока ультиматума топится в Новороссийске.

Делегатское собрание решило флот топить, но тем не менее, считая себя не полномочным разрешить столь важный вопрос, постановило, ознакомив корабли с содержанием вышеуказанных документов, поставить на голосование вопрос о судьбе флота.

Вот с этого момента и начинается разложение флота его же собственным командным составом, на самом деле, в части своей состоявшем из тайных и явных сторонников сдачи судов немцам, и при том — «во что бы то ни стало».

Командующий флотом, притворяясь простачком, все снова и снова повторял, что ему неясно, какое приказание центра он должен исполнить, — топить ли флот, или идти в Севастополь — «как за то, так и за другое», — извольте ли видеть, «вне закона».

Эта версия, конечно, усиленно муссировалась офицерами, солидарными с А. И.

Тихменевым. Внесение именно двух решений, а не одного за «потопление флота во что бы то ни стало», внесение двух решений в момент, когда стало ясным для всех, что пришел последний час, и требовалось твердое одно решение, и в момент, когда от былой жажды «твердой власти и порядка» в один миг осталось только одно воспоминание и жутко начал проявляться шкурный инстинкт деморализованной и сбитой с толку массы, упорное внесение этих двух вопросов на каждый последующий референдум и каждое последующее делегатское собрание отнюдь не создавало выхода из положения, но наоборот, раскалывало, разбивало на два друг друга исключаящих течения беспомощно барахтавшуюся массу.

Между тем на лицо имел место тот факт, что распоряжение центральной Советской Власти совпало со впитанными со школьной скамьи намерениями каждого честного морского офицера, русского гражданина — защищать не только честь своего флота, но также и достоинство своей Родины. [62]

Правда, эти хорошие намерения Советской Власти ее представителем И. И. Вахрамеевым проводились в Новороссийске довольно неумело и примитивно, но тем не менее, если бы А. И. Тихменев стал на точку зрения честного морского офицера, любящего свою Родину и ее флот, то он вместо указанного разложения широких масс должен был бы, невзирая на свои политические взгляды, опереться на него, как на лицо, которое могло бы ему помочь повлиять на широкие массы и привлечь на свою сторону возможно большее число сторонников потопления флота, а не дискредитировать его.

Совершенно естественно, что первый, после столь ошеломляющих сведений, референдум, после которого команды не успели одуматься и выкристаллизовать свой лучший и худший элемент, дал почти поголовно следующее решение: «Флота не топить, пока ему не будет угрожать реальная, непосредственная опасность». За поход в Севастополь не было ни одного голоса. Но за то начал, хотя пока и в незначительной степени, появляться лозунг «сражаться до последнего снаряда», лозунг по опыту Одессы, Николаева и Севастополя, самый опасный, безответственный, дающий возможность, непрерывно митингуя и ничего не предпринимая до последней минуты, тут же с митинга удрать, куда глаза глядят.

Делегатское собрание, заседая до утра, не пришло ни к какому положительному решению, способному разрешить кризис и вывести флот из тупика.

С этого момента начинается агония флота, сплошное митингование, единичные случаи дезертирства и даже самоубийства. Но все же, на мой взгляд, казалось, что все понемногу утрясется и в течение шести оставшихся дней, перед необходимостью во что бы то ни стало принять определенное решение (уход судов в Севастополь должен был бы совершиться не позже 17 июня ночью, дабы к сроку успеть прибыть в Севастополь), произойдет перелом, тем более что первый референдум категорически и единогласно отклонил «проект» похода в Севастополь.

Но всему этому помешало роковое 14 число и последовавшее за ним вынесение на референдум и обсуждения [63] делегатским собранием пресловутых «двух решений», выдвинутых А. И. Тихменевым.

Дело в том, что 14 июня на делегатском собрании появились представители Кубано-Черноморской республики — председатель ЦИК — А. И. Рубин и представитель от армии той же республики, какой-то разбойничьего вида субъект, увешанный револьверами. А. И. Рубин в пространной, почти часовой, речи, весьма талантливой по изложению, пытался склонить собрание не исполнять распоряжения центральной власти и не топить флота. Все это, ввиду блестящего якобы положения на сухопутном фронте, где армия республики (под Ростовом-на-Дону) с успехом сражается с немцами. Между прочим, как раз накануне, в штабе флота были получены известия, что немцы в Тамани начали высаживать десант в размере около 20 тысяч человек — это была уже непосредственная угроза Новороссийску. Не стесняясь такими фактами, А. И. Рубин утверждал, что немцы якобы предъявили ультиматум о прекращении боевых действий на Ростовском фронте, что Совнарком приказал войскам Кубано-Черноморской республики прекратить наступление, но что ЦИК республики решил этого не исполнять.

Тогда кто-то поставил А. И. Рубину вопрос ребром: «Значит ли его заявление призыв к непризнанию Советской Власти, и если это так, то имеет ли возможность и согласна ли Кубано-Черноморская республика взять на себя снабжение флота всем необходимым в случае, если флот отколется от центра» А. И. Рубин заявил, что неисполнение приказа центра Кубано-Черноморская республика не считает за факт непризнания Советской Власти, но что вследствие плохой связи и информации центр не знает настоящего положения на Кубани и впоследствии только похвалит нас всех за неисполнение его ошибочного распоряжения.

Что касается вопроса снабжения флота, то он не считает себя полномочным решить этот вопрос без общего собрания ЦИК и предлагает выбрать делегацию от собрания, которая, поехав в Екатеринодар, получит ответ непосредственно от ЦИК. [64]

Тут же была избрана делегация в составе нескольких офицеров и матросов, с командиром миноносца «Пронзительный» бывшим лейтенантом Бессмертным во главе. Характерно то обстоятельство, что ЦИК Кубано-Черноморской республики почему-то не мог собраться в течение трех дней, и делегация вернулась лишь 17 июня к вечеру, т. е. уже тогда, когда решение было окончательно принято, и суда, постановившие идти в Севастополь, уже находились не в гавани, а на рейде. В конце концов, делегации сообщили, что ЦИК Кубано-Черноморской республики от предложений А. И. Рубина отмежевался и предоставляет решить вопрос о судьбе флота ему самому, без всякого давления со стороны ЦИК.

Но вернемся к описываемому собранию; после А. И. Рубина взял слово председательствовавший, вместо не желавшего присутствовать на собрании командующего флотом А. И. Тихменева, командир дредноута «Свободная Россия» бывший капитан 1 ранга Терентьев.

Последний, подробно изложив действительное положение флота, представлявшего из себя собрание судов, лишенных почти всякой боеспособности и возможности передвигаться даже для элементарного маневрирования, правильно указал, что никакой реальной поддержки при существующих условиях флот армии оказать не может.

Тогда взял слово вышеуказанный представитель фронтовых частей Кубано-Черноморской республики и с истерическим воплем закричал: «А я скажу вот что: дела на фронте хороши, к нам идет из центра масса оружия, ожидаются эшелоны в несколько тысяч офицеров — добровольцев из Москвы и Петрограда, нам не важно, будет ли флот в состоянии сражаться или нет, для масс важна моральная сторона, им нужна уверенность, что в тылу находится наш флот, — если же флот себя потопит, то фронт придет в отчаяние, и я заявляю, что вся армия в количестве 47 тысяч повернет свой фронт на Новороссийск и подымет всех до одного моряков на свои штыки».

Все это приправлялось угрожающими грубыми жестами. Само собой разумеется, что этот неожиданный выпад произвел удручающее впечатление на собрание. Сторонники [65] потопления поняли, что решение, приемлемое для них, теперь потеряло много шансов на успех, — сторонники же «сдачи» в душе воспрянули духом, так как теперь за них оказалась та часть шкурников, которым немцы были менее страшны, чем штыки Кубанской республики. Вероятно, этим психологическим фактором и объясняется, что в дальнейшем решение «за поход» в Севастополь, до тех пор не собравшее среди широких масс ни одного голоса, дало в конечном результате сравнительно большой процент голосов.

Как только широкие массы узнали о результатах бывшего собрания, начало твориться нечто невероятное: почти поголовно, на бесчисленных митингах, начал процветать лозунг «сражаться до последнего снаряда» и неизменно сопровождающее его массовое дезертирство.

Так тянулось время до 16 июня, когда во что бы то ни стало надо было прийти к определенному решению. Кстати упомяну, что 12 июня неожиданно выехали: из Новороссийска комиссар флота Н. П. Глебов-Авилов и представитель центра И. И. Вахрамеев.

16 июня я вернулся на миноносец с последнего делегатского собрания, на котором командующий флотом А. И. Тихменев, как это будет видно ниже, бессовестно подтасовав подсчет голосов, заявил, что большинство высказалось за уход в Севастополь — к немцам, и приказал приготовиться к походу на завтра, 17 июня, к 9 часам утра.

Я собрал команду своего миноносца и, осветив общее положение, сказал: «Завтра утром будет поднят сигнал командующего о выходе судов на рейд для похода на Севастополь. Я имею приказание приготовиться к походу к 9 часам утра на завтра. Но я сам и несколько человек из числа команды решили этого приказания не исполнять и я заявляю, что мы решили лучше умереть, чем сдать миноносец «Керчь» германцам в Севастополе или Новороссийске, и примем все меры, чтобы его утопить. Я призываю Вас исполнить, может быть последний в Вашей жизни, долг перед Черноморским флотом, который так или иначе покончит свое существование 19 июня. Я спрашиваю, кто пойдет вместе с нами не только затопить свой миноносец, но и поможет потопить те корабли, которые сами этого [66] сделать будут не в состоянии. Для устранения возможности угрозы армии Кубано-Черноморской республики, в которую я, признаться, не верю, я предлагаю идти после потопления судов в Туапсе, где я, с несколькими желающими, после своза команды на берег, затоплю миноносец».

Результат был ошеломляющий: вся команда до одного поклялась затопить не только свой миноносец, но и другие корабли, и заявила, что ни один человек не уйдет с корабля, не исполнив своего долга. Тут же команда предложила мне единоличное командование, причем на членов судового комитета возлагалась обязанность содействовать скорейшему исполнению отдаваемых мною приказаний.

Итак, на «Керчи» оказался полный состав команды (134 человека), каковой и сохранился до самого прихода в Туапсе, так как за все это время на миноносце не было ни одного случая дезертирства. У трапа сейчас же был установлен караул, дабы на корабль никто без моего ведома, или ведома членов судового комитета, не мог проникнуть на палубу — мера совершенно необходимая, так как пристани были битком набиты толпой весьма подозрительного вида, и отдельные лица то там, то сям проникали на соседние миноносцы.

Боясь какой-нибудь провокации, я взял к себе в каюту все приборы Обри от мин и боевые ударники, которые до самого конца неизменно охранялись либо мной, а когда я отлучался с корабля, минно-машинным унтер-офицером 1 статьи Кулиничем.

16 июня около 6 часов вечера я был у командующего флотом А. И. Тихменева на «Воле». В присутствии минного офицера, минной бригады бывшего лейтенанта Цветкова, с давних пор ярого сторонника сдачи судов, и артиллерийского офицера «Воли» бывшего лейтенанта Неаронова я убеждал А. И. Тихменева не уходить в Севастополь, а потопить суда, памятуя, что его руками пишется последняя страница истории Черноморского флота, которого послезавтра все равно существовать уже больше не будет. Я подчеркивал, что в настоящее время только страх перед угрозой Кубано-Черноморской республики не позволяет массам решиться на потопление флота, что легко исключить [67] эту угрозу, обещав свезти команды, принимавшие участие в потоплении, в Туапсе, и что, наконец, миноносец «Керчь» целиком, в полном составе, решил топиться.

А. И. Тихменев ответил, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу: «Это совершенно верно, но теперь уже поздно. Я знаю лучше вас настроение флота, и он весь пойдет в Севастополь, — да и вы не можете быть уверены в своей команде — уверяю вас, они выбросят вас при первых же попытках потопления судов за борт».

Неаронов молчаливо и с иронической улыбкой смотрел на меня, как смотрят на Дон-Кихота. Цветков же был предприимчивее: после реплики А. И. Тихменева, видимо заметив его колебание, он бесцеремонно схватил меня за рукав и грубо сказал: «Ну, пойдете отсюда, вы мешаєте командующему флотом, он очень занят». Мне стала ясна бесцельность спора с людьми, у которых, как призрак перед глазами, стояло декабрьское избиение офицеров в Севастополе, парализовавшее в них всякую волю, решимость и чувство чести, столь необходимые в столь тяжелый момент.

Дальше события развивались так: ночью с 16 на 17 июня началось повальное дезертирство, всю ночь пристани были усеяны подозрительной толпой с явно погромными тенденциями и попытками грабить миноносцы, стоявшие у пристаней. Утром 17 картина была такая: начинают медленно, частью на буксире, выходить на рейд миноносцы: «Дерзкий», «Поспешный», «Беспокойный», «Живой», «Жаркий» и «Громкий, а затем и дредноут «Воля». Остаются в гавани, не исполнив приказания командующего флотом, миноносцы «Керчь», «Гаджибей», «Фидониси», «Калиакрия», «Пронзительный», «Лейтенант Шестаков», «Капитан-лейтенант Баранов», «Сметливый» и «Стремительный».

Позиция дредноута «Свободная Россия» еще не была вполне выяснена, — делались попытки развести пары, но постепенно число команды все уменьшалось и уменьшалось, и «Свободная Россия» продолжал стоять в гавани у стенки.

Когда все суда, решившие уходить в Севастополь, стали на якорь на внешнем рейде, на миноносце «Керчь» [68] был поднят сигнал: «Судам идущим в Севастополь: Позор изменникам России!».

В это время на оставшихся в гавани судах творилось нечто невообразимое: суда оказались почти без команд, все бежали куда глаза глядят; толпа же, облепившая пристани, начала грабить корабли.

Около 3 часов дня ко мне прибежал бывший мичман Н. Деппишь (активный сторонник потопления) с миноносца «Пронзительный», командир которого, бывший лейтенант Бессмертный, все еще не возвращался из Екатеринодара, и сообщил, что скоро начнут грабить его миноносец. Я предложил ему попытаться развести пары и подойти к «Керчи» встав под его охрану. Необходимо отметить доблесть мичмана Н. Деппишь и 12 оставшихся на «Пронзительном» матросов, которые, будучи в столь небольшом числе, сумели в кратчайший срок развести пары на миноносце и подвести его к пристани, у которой стоял миноносец «Керчь».

На «Керчи» день 17 июня проходил в приведении миноносца в полную боевую готовность, так как ясно было, что во время потопления судов, которое должно было быть произведено

на внешнем рейде, так же как и во время похода в Туапсе, не исключалась возможность встречи с неприятельскими судами.

Еще задолго до разыгравшейся трагедии, вблизи самого Новороссийска появились немецкие подводные лодки и велась, при помощи немецких аэропланов, воздушная разведка. Кроме того, у Темрюка (т. е. вблизи Новороссийска) немцами, как было сказано выше, велась десантная операция, которая, несомненно, прикрывалась боевыми судами противника.

Правильность этих соображений подтверждает и то обстоятельство, что 18 июня около 7 часов вечера, т. е. уже после потопления судов, над Новороссийском появился немецкий аэроплан, производивший разведку.

Около 2 часов дня ко мне на «Керчь» пришел флагманский инженер-механик флота, бывший генерал-майор В. Ф. Берг, и со слезами на глазах, выражая уверенность, что миноносцу «Керчь» будет принадлежать руководящая [69] роль в потоплении судов, умолял помнить пример Порт-Артура и топить суда так, чтобы противник не мог бы ими воспользоваться. Для этого он советовал, подложив на нефтяных миноносцах под турбины, а на угольных — под цилиндры машин, не менее чем по одному десятифунтовому подрывному патрону, взорвать их с помощью бикфордова шнура.

17 поздним вечером у меня на «Керчи» состоялось совещание наиболее активных членов группы за потопление в составе: командира миноносца «Гаджибей», бывшего лейтенанта В. Алексеева, командира миноносца «Лейтенант Шестаков», бывшего мичмана Аненского, и вышеупомянутого бывшего мичмана Н. Деппишь.

Было решено передать с «Керчи» лишний запас подрывных патронов на те миноносцы, которые их не имеют.

План потопления сводился к следующему: дабы замаскировать от возможной немецкой разведки истинный смысл выхода судов из гавани на рейд и тем самым не дать возможности немецким боевым судам помешать потоплению, суда, стоящие в гавани, по способности, либо при помощи буксировки миноносцами, у которых будут пары, а также буксирных средств (которые надеялись найти в порту) должны были начать выход на рейд в 5 часов утра.

На рейде корабли становятся на якорь и ждут, когда дредноут «Свободная Россия» будет подходить к параллели Дообского маяка. К этому времени либо по сигналу с «Керчи», либо (если окажется такой миноносец, на котором некому будет произвести потопление) после взрыва этого миноносца миной с «Керчи» производится общее одновременное потопление, после чего «Керчь» полным ходом идет к «Свободной России» и топит ее минным залпом. Потопление кораблей производится при посредстве открытия кингстонов, клинкетов и отдраивания всех иллюминаторов на накрененном борту, затем перед самым отъездом участников потопления с миноносцев зажигается бикфордов шнур заложенных подрывных патронов.

Для осуществления самого потопления была установлена потребность в людях: 4–5 человек на корабль. [70]

На этом заседании окончилось.

Не могу не отметить глубокого понимания своего долга командиром миноносца «Гаджибей» бывшим лейтенантом В. Алексеевым. Дело в том, что во время заседания пришел к нам председатель судового комитета того же миноносца и сообщил, что на «Гаджибее» команда окончательно деморализована и не представляется возможным предотвратить проникновение на миноносец разных подозрительных лиц. Он убеждал Алексеева не ночевать на «Гаджибее», а оставаться на «Керчи», так как он может во время сна сделаться жертвой провокаторов.

Мы все убеждали Алексеева остаться ночевать на «Керчи», но он неизменно отвечал: «Последнюю ночь жизни моего родного миноносца я проведу на нем, вы и без меня сумеете его потопить». После заседания, горячо с нами распрощавшись, В. Алексеев ушел на «Гаджибей».

Любопытно отметить следующий инцидент. Около 11 часов вечера вахтенный доложил мне, что у сходни, на пристани, стоят два человека и просят пропустить их на корабль, дабы сообщить команде чрезвычайно важные известия.

Я вместе с дежурным членом судового комитета — минно-машинным унтер-офицером 1 статьи Гончаровым, вышел на палубу и, не впуская на миноносец этих лиц, спросил: кто они, и что им нужно? Не назвав своих фамилий, один отрекомендовался командиром одного из коммерческих кораблей, стоявших в Новороссийске (к сожалению, название не помню), другой — только что прибывший из Москвы, якобы сотрудником газеты «Известия ВЦИК». Первый из незнакомцев сообщил, что радиоприемником на его корабле перехвачена радиотелеграмма адмирала М. П. Саблина из Москвы, адресованная на имя временно исполнявшего должность комфлота капитана 1 ранга А. И. Тихменева, в коей М. П. Саблин якобы приказывает флота не топить, но и в Севастополь не идти, до его, М. П. Саблина, приезда в Новороссийск. Провокатор добавил, что текста этой радиотелеграммы он с собой не захватил, но если мы хотим, то он может сбегать на корабль и через полчаса принести ее. [71]

Мнимый «корреспондент» усиленно поддерживал своего «темного» товарища, командира транспорта, стараясь убедить нас в правильности его слов, повторяя, что и он видел текст телеграммы.

Ясно сознавая, что это гнусная провокация, тем более что за все время радиостанцией «Керчи» не было принято никаких радиотелеграмм, — мы дали понять этим субъектам, что если они посмеют еще раз появиться вблизи «Керчи», да и вообще на пристанях, то будут немедленно арестованы, причем не исключено, что команда «Керчи» разделается с ними самосудом.

По-видимому, это были агенты той части коммерческих моряков, которые боялись, что их могут впоследствии, как моряков вообще, причислить к участникам потопления.

После полуночи суда, решившие идти в Севастополь и стоявшие, как было указано выше, на внешнем рейде, снялись с якоря и ушли в Севастополь.

Впоследствии выяснилось, что миноносец «Громкий» (командир — бывший старший лейтенант Новаковский), имевший столь небольшое количество личного состава, что дальше параллели Дообского маяка он идти под своими машинами не мог, отказавшись от предложения командующего флотом взять его на буксир, был затоплен своей командой. В 1 часу ночи ко мне на «Керчь» пришел мичман со «Свободной России» (фамилию не помню) и передал мне от имени командира, бывшего капитана 1 ранга Терентьева, что он самостоятельно выйти на рейд не может, так как команда разбежалась (осталось всего 120 человек) и некому продолжать разводиться пары. Поэтому Терентьев просит меня потопить корабль. Я ответил, что сделаю все возможное, но в точности пока не могу сказать, так как не знаю, какова будет обстановка к утру.

В 1 час ночи пришел ко мне командир миноносца «Лейтенант Шестаков» бывший мичман Аненский и сообщил, что с миноносца «Капитан-лейтенант Баранов» (с которым рядом у пристани стоял «Лейтенант Шестаков») началось паническое бегство команды и что такое же дезертирство может охватить и команду «Лейтенанта Шестакова». [72]

Я предложил ему немедленно развести пары, взять к себе оставшуюся команду «Капитан-лейтенанта Баранова» и при первой возможности, имея эсминец на буксире, дать ход и отойти хоть на несколько десятков саженей от пристани, прекратив всякое сообщение с берегом.

Около 2 часов ночи «Лейтенант Шестаков», имея 45–50 человек сборной команды, с «Капитан-лейтенантом Барановым» на буксире, отошел на середину гавани, сохранив тем самым способность передвигаться, что было большим счастьем и сыграло огромную роль в потоплении флота.

Честь столь важного и блестяще выполненного поступка надо отнести не только на счет энергии и твердости мичмана Аненского, но и председателя судового комитета миноносца

«Лейтенант Шестаков» доблестного С. М. Лепетенко, горячего, энергичного и смелого сторонника потопления флота еще задолго до его агонии.

Наконец настало утро рокового 18 июня.

К этому времени оказалось, что на всех миноносцах, кроме «Керчи» и «Лейтенанта Шестакова», осталось не более 5–6 человек команды на каждом, на миноносце же «Фидониси» — ни одного. Даже командир его, бывший старший лейтенант Мицкевич, со своими офицерами позорно, ночью, бежал с корабля и, как выяснилось впоследствии, на моторном катере пробрался в город Керчь, а оттуда в Севастополь.

Итак, к этому времени из всех кораблей, оставшихся в гавани, способны были дать ход и, следовательно, буксировать другие корабли только миноносцы «Керчь» и «Лейтенант Шестаков».

Около 5 часов утра миноносец «Лейтенант Шестаков», снявшись с якоря, взял на буксир миноносец «Капитан-лейтенант Баранов» и начал выводить его на внешний рейд к месту потопления.

В то же время я вызвал к себе Н. Деппишь и предложил ему собрать все наличные портовые суда и суда, хоть сколько-нибудь приспособленные для буксировки, и, в случае отказа, угрозой карательных мер со стороны миноносца «Керчь» заставить их подойти к нам для получения инструкции. [73]

Через час вернулся взволнованный Н. Деппишь и сообщил, что не только со всех портовых буксиров, катеров и судов, но даже и со всех коммерческих кораблей вся команда до одного сбежала, они стоят мертвенно пустыми.

Положение создавалось почти критическое — для буксировки фактически остался один только миноносец «Лейтенант Шестаков». Нужно было действовать с крайней осторожностью, помня случай с миноносцем «Гневный», который при выходе из Севастополя при занятии его немцами — выскочил на бон исключительно из-за того, что в машине, благодаря нервному настроению команды, дважды дали ошибочные хода, и миноносец получил такие повреждения, что дальше идти не мог.

Выход же с буксиром из Новороссийской гавани представлял особые затруднения, так как противоположный бон в воротах гавани не мог быть разведен целиком.

Благодаря этим обстоятельствам, я не хотел рисковать миноносцем «Керчь», авария которого могла бы помешать потоплению остальных кораблей, а главное, дредноута «Свободная Россия», для взрыва которого миноносец «Лейтенант Шестаков» не имел достаточного количества исправных и приготовленных к действию мин Уайтхеда.

Итак, фактически вся работа по выводу миноносцев на рейд легла на миноносец «Лейтенант Шестаков».

Миноносцы выходили из гавани на рейд, держа на мачтах сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!» — с этими сигналами они и шли ко дну.

Около 5 часов утра, т. е. с рассветом, прибыл на «Керчь» представитель центральной Советской Власти Ф. Ф. Раскольников {13} и, ознакомившись с положением на «Керчи», попросил моторный катер для поездки на «Свободную Россию», дабы выяснить ее положение, сообщив, что у него есть надежда достать средства для [74] буксировки «Свободной России» к намеченному месту ее потопления и создать обстановку, благоприятную для потопления судов.

Здесь я впервые познакомился с Ф. Ф. Раскольниковым.

Хотя политическая сторона вопроса не входит в область моего рассмотрения, тем более что я был очень далек от нее, тем не менее не могу не отметить резко бросающуюся в глаза разницу между деятельностью представителей центрального правительства И. И.

Вахрамеева и Ф. Ф. Раскольникова. Несмотря на то что Ф. Ф. Раскольников прибыл в Новороссийск лишь ранним утром 18 июня, среди окончательно уже деморализованных к тому времени масс, благодаря его влиянию, появился резкий перелом. Потопление судов сразу приобрело общую симпатию, что несомненно сильно способствовало успеху.

Кроме того, я считаю своим долгом категорически опровергнуть заявление автора ниже рассматриваемой книги о том, что Ф. Ф. Раскольников якобы вел агитацию, направленную против офицеров, это сплошная ложь.

Около 10 часов утра толпа на пристани, у которой стоял миноносец «Керчь», сделалась положительно сплошной, появились какие-то подозрительные субъекты, показывавшие из корзин и из-за пазухи бутылки с вином, громко предлагая команде «Керчи» выпить.

Тогда я решил, что пора отойти от пристани, и, дав ход, вышел на рейд, где стал на якорь около входных ворот в гавань.

Около 12 часов дня я поехал на «Свободную Россию», дабы сговориться с ее командиром, бывшим капитаном 1 ранга Терентьевым, о буксировке «Свободной России» при помощи миноносца «Керчь» и «Лейтенанта Шестакова» на тот случай, если бы Ф. Ф. Раскольникову не удалось достать буксира.

На «Свободной России» я застал Терентьева в его каюте, заботливо укладывавшего свои вещи.

Очень сухо со мной поздоровавшись (он был ярким сторонником похода в Севастополь и деятельно, хотя и [75] неудачно, агитировал за это на своем корабле), он просил меня не задерживать его длинными разговорами, так как он очень якобы торопится с укладкой вещей. Ознакомившись с целью моего прихода, Терентьев сказал: «Раскольников буксир достанет, и нам не о чем больше с Вами говорить», — и нагнулся над чемоданом. Считая «аудиенцию» оконченной, я начал выходить из каюты, тогда Терентьев, повернувшись, крикнул мне вслед: «Очень-то на рейд не вылезайте с миноносцами, Вас может атаковать немецкая подводная лодка».

В 1 час дня к «Свободной России» подошел небольшой коммерческий пароход, который, благодаря неисчерпаемой энергии Ф. Ф. Раскольникова, был в столь краткий срок укомплектован командой и приготовлен к походу.

Буксир, выводивший «Свободную Россию», отбуксировав ее кабельтовых на 5 от мола гавани на внешний рейд, застопорил машину.

К «Свободной России» подошла парусно-моторная шхуна и, сняв с нее оставшуюся команду, пошла в гавань. Эта шхуна, возвращаясь в гавань, прошла почти вплотную мимо стоящего на рейде миноносца «Керчь». К своему изумлению я заметил, что на ней, а не на буксире, находился командир «Свободной России» Терентьев. Последний, проходя мимо «Керчи», крикнул мне, показывая рукой на «Свободную Россию»: «Старший лейтенант Кукель, вот Вам пустой корабль, делайте с ним, что хотите, распоряжений буксиру никаких не дано».

Около 3 часов дня, когда в гавани остался только покинутый всем своим личным составом миноносец «Фидониси», к «Керчи» подошел миноносец «Лейтенант Шестаков», командир которого сообщил мне, что в кочегарках все время работали преимущественно нештатные кочегары и команда так утомлена, что дальше положительно работать не может (к тому же и день был исключительно жаркий), и что он принужден идти к месту потопления, — что ему мною было предложено сделать. В это время я заметил, что на пристани, у которой стоял миноносец «Фидониси», собрался многолюдный митинг и на импровизированной трибуне (на фонаре) появлялись какие-то [76] ораторы. Цель этого окончательно выяснилась, когда возвратившаяся с рейда шхуна по приказанию с «Керчи» пыталась взять на буксир миноносец «Фидониси», чтобы и его вывести к месту потопления. Взбудораженная ораторами толпа пыталась помешать шхуне, пришедшей за «Фидониси».

Тогда, подойдя близко к пристани, я пробил боевую тревогу, навел на нее орудия и крикнул в мегафон, что открою огонь, если будут мешать буксированию «Фидониси». Это подействовало магически, и корабль был выведен на рейд.

К 4 часам дня все военные суда, стоявшие прежде в гавани, сосредоточились на рейде. Тогда с миноносца «Керчь» был взорван миной миноносец «Фидониси» — что послужило сигналом к потоплению. Через 35 минут все суда затонули, и рейд оказался мертвенно-пустым. После взрыва миноносца «Фидониси» «Керчь» полным ходом подошел к

«Свободной России», которая к этому времени была на параллели Дообского маяка, и рядом минных залпов затопил ее.

Незабываемой стоит перед моими глазами картина гибели дредноута «Свободная Россия», вся команда «Керчи» — на верхней палубе, мрачно и молча смотрит на переворачивающийся вверх килем гигант. Головы всех обнажены. Мертвенно тихо. Слышны только тяжелое дыхание, глухие вздохи и сдерживаемые рыдания.

После того как корпус «Свободной России» скрылся под водой, миноносец «Керчь» пошел по направлению к Туапсе.

Около 10 часов вечера 18 июня, при подходе к Туапсе, с миноносца «Керчь» была послана радиотелеграмма следующего содержания: «Всем. Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель — позорной сдачи Германии.

Эскадренный миноносец «Керчь».

Эта радиотелеграмма, с одной стороны, должна была доказать судам, бежавшим из Новороссийска, что в потоплении флота не было ничего невозможного, а с другой стороны, еще раз подчеркнуть предательство отряда, ушедшего в Севастополь для сдачи своих судов немцам. [77]

Что эта радиотелеграмма должна была быть принята и теми, для кого она предназначалась, доказывает то обстоятельство, что ее текст полностью был напечатан во всех газетах юга России и Северного Кавказа через несколько дней после завершения Новороссийской трагедии.

19 июня в 4 часа 30 минут утра, после съезда команды на берег, бывшим мичманом Подвысоцким, минно-машинным унтер-офицером 1-й статьи Кулиничем, машинным унтер-офицером 1-й статьи Вачинским, мотористом Белюк и мною, по пеленгу N на маяк Кадошь, в полутора милях от него, на глубине 15 сажен, был затоплен миноносец «Керчь».

Приятно отметить, что весь дивизион имени адмирала Ф. Ф. Ушакова, стяжавшего себе незабываемую среди моряков славу в боях при Керчи, Гаджибее (Одессе), острове Фидониси и мысе Калиакрия, покончил свое существование, не запятнав имени своего доблестного шефа — так же, как не запятнал его в японскую войну броненосец «Адмирал Ушаков».

А вот как изображены изложенные события, разыгравшиеся в мае — июне 1918 года в Новороссийске, бывшим капитаном 2 ранга Г. К. Графом в его книге и бывшим капитаном 2 ранга Н. Р. Гутаном, давшим ему справочный материал.

Рассматривая обстоятельства, предшествовавшие переходу части Черноморского флота из Севастополя в Новороссийск, в период, когда разъезды генерала Коша заняли уже окрестности Севастополя, автор, изображая упорное стремление миноносца

«Пронзительный», положительно рвавшегося в Новороссийск, на стр. 396 пишет:

«Едва об этом пронюхали команды других миноносцев, как на всей бригаде является неудержимое желание бежать. Почти все миноносцы, за исключением «Дерзко го», «Гневного», «Звонкого» и «Зоркого», готовятся к походу. Внешняя сторона решения — спасти суда от неприятеля; истинная причина — шкурный вопрос (? скобки мои. — В. К.). Большинство командиров и офицеров миноносцев разъясняют командам необходимость подчиняться и ждать приказа командующего флотом, по, не имея успеха в этом пути, идут с миноносцами в море, [78] дабы переходом в Новороссийск хоть временно отдалить гибель судов».

Какие же это были командиры и офицеры, которые ждали... приказа командующего флотом и были вынуждены, против своего желания, уйти из Севастополя?

Каких приказаний ждали они, когда главные силы немцев были в 2–3-часовом переходе от Севастополя и никаких предварительных мер по уничтожению судов командованием флотом предпринято не было, да и технически было слишком поздно их предпринимать в такой малый промежуток времени, когда с минуты на минуту можно было ожидать полной паники, в каковой момент всякие приказания, даже о походе были бы уже бесцельны?

Какую гибель судов подразумевает автор, указывая, что она временно отдалилась?

Расшифровывается просто. Эти командиры и офицеры были те, которые впоследствии ратовали за сдачу судов немцам. Приказание же, которого они ждали, это — сдать немцам суда.

Но почему здоровый и честный порыв назван «шкурничеством»? Кому могли быть страшны немцы, если сам автор на стр. 397 пишет:

«Кризис больных большевизмом команд разрешился в положительную сторону. Команды начинали выздоравливать. Причиной служило обстоятельство, что почти все лица, замешанные в расстрелах, бежали еще раньше».

О каком «шкурничестве» могла быть речь, когда многие из офицеров и матросов бросали свои семьи в Севастополе на произвол судьбы, без средств к существованию и без надежды на сколько-нибудь скорое с ними свидание? Нет, немцы не были и не могли быть кому бы то ни было страшны.

Отметим: в самом начале работы, у автора проглядывает явное желание оклеветать благородный порыв матросской массы и комсостава, порыв, впоследствии нашедший свое полное выражение в самоубийстве флота.

Не прелюдия ли это к чему-то скверному?

На стр. 402 автор описывает речь командующего флотом адмирала М. П. Саблина в Новороссийске, на делегатском собрании, произнесенную после того, как референдум [79] команд, облек его полнотой власти:

«...офицеры эти, в количестве немногим более сотни, забыли все и, бросив все — даже свои семьи, ушли с Вами, дабы спасти корабли. Вот как сильна любовь к России и преданность к родному флоту».

Значит, спасение кораблей заключалось в уходе из Севастополя. Что же думают об этом те офицеры, которые как бы против своей воли ушли в Новороссийск (в числе которых находился Н. Р. Гутан), предпочитая ожидать «какого-то приказа» командующего флотом? Перечитывая строки, посвященные отъезду командующего флотом бывшего адмирала М. П. Саблина в Москву и передаче им командования флотом командиру дредноута «Воля» А. И. Тихменеву, на стр. 409 мы находим:

«На собрании адмирал заявил, что ему необходимо ехать в Москву, чем еще надеется спасти флот. Вместо себя, — сказал он, — я оставлю доблестного командира «Воли» капитана 1 ранга А. И. Тихменева, которого знаю давно с которым много плавал и взгляды которого на службу те же, что и у меня. Заметно волнуясь, адмирал подошел и обнял А. И. Тихменева». Вот и все, а на самом деле автором пропущена самая существенная часть речи адмирала М. П. Саблина, ясно подчеркивающая его мнение о том, что флот будет принужден в конце концов покончить свое существование потоплением.

В действительности М. П. Саблин, сильно волнуясь, так закончил свою речь:

«История не забудет момента, когда Вы, доблестно бросив свои семьи и имущество в Севастополе, ушли в Новороссийск почти без всякой надежды на лучшее будущее, только затем, чтобы флот не достался в руки врагу.

События могут развернуться так быстро, что к моменту, когда будет решаться судьба флота, я не успею вернуться к Вам. Но я спокоен за флот и за Вас, так как передаю командование доблестному капитану 1 ранга А. И. Тихменеву, которого я знаю давно с которым много плавал, взгляды которого на службу совершенно совпадают с моими собственными и в личные качества которого я твердо верю».

После этого адмирал подошел к Тихменеву [80] и обнял его. Замечу, что М. П. Саблину уже тогда было известно содержание привезенных И. И. Вахрамеевым документов, которые будут ниже цитированы мною.

У Г. К. Графа на стр. 409 мы читаем по поводу описываемых событий следующее:

«После его ухода, счел почему-то нужным выступить и находившийся здесь Глебов-Авиллов. Он признавал отъезд адмирала чрезвычайно важным, хотя находил, что события идут настолько быстро, что быть может судьба флота решится прежде, чем командующий доедет до Москвы».

Как видно из моего изложения, мысль о скором кризисе в судьбе Черноморского флота была высказана самим М. П. Саблиным, а вовсе не комиссаром флота Н. П. Глебовым-Авиловым, как пытается изобразить факты наш автор. На стр. 412 мы читаем:

«Кроме того, из полученных 10 июня телеграмм, флот узнал, что Германией предъявлен Совнаркому ультиматум о переходе флота в Севастополь, где суда должны быть интернированы на все время войны.

Последним сроком выполнения своего требования противник назначил 16 июня, но потом продолжил его до 19 числа. Дальше говорилось, что если флот 19 июня не перейдет в Севастополь, то германское командование будет вынуждено прекратить дальнейшие переговоры и продолжать наступление по всему фронту. В силу этого ультиматума в срочном порядке предписывается уничтожить как боевые корабли, так и все другие суда, находящиеся в Новороссийске, а всему личному составу предписывалось эшелонами отбыть в Саратов, где формировались какие-то морские батальоны.

Что касается зашифрованной телеграммы, то она, по своему цинизму, превзошла все ожидания. В ней говорилось: «Вам будет послана открытая телеграмма — во исполнение ультиматума идти в Севастополь, но Вы обязаны этой телеграммы не исполнять, а, наоборот, уничтожить флот, поступая согласно привезенного И. И. Вахрамеевым предписания».

Когда карты Совнаркома, благодаря этой телеграмме, были окончательно раскрыты и обнаружено его двуличие, командующий флотом созвал на «Воле» первое собрание [81] командиров, председателей судовых комитетов и представителей команд.

На этом же совещании присутствовали И. И. Вахрамеев и Н. П. Глебов-Авилов.

Командующий объявил, что им получены чрезвычайной важности документы из Москвы, которые он просит выслушать самым серьезным и внимательным образом, ибо ими решается судьба флота.

Затем он предложил обоим комиссарам прочитать собранию все прочитанные документы и телеграммы, в порядке их получения. Комиссары попробовали было отказать, прося это сделать командующего, но последний стоял на своем, и они, поторговавшись друг с другом, решили, что документы прочтет Н. П. Глебов-Авилов.

Чтение их не раз прерывалось возгласами недоверия и возмущения. Огласив простые телеграммы, Н. П. Глебов-Авилов однако скрыл текст зашифрованной. Тогда командующий заявил ему, что он не прочитал еще одной телеграммы, по его мнению — самой важной. Сильно растерявшись, Н. П. Глебов-Авилов по пытался что то пролепетать о секретности и несвоевременности объявления.

В ответ на это А. И. Тихменев объявил всем, что есть еще одна телеграмма, которую комиссар почему-то скрыл, и, взяв ее из рук Н. П. Глебова-Авилова, прочитал собранию.

Чтение этой телеграммы прямо ошеломило присутствующих — негодованию не было границ, слышались голоса: «Эти предатели хотят свалить на нас вину потопления флота, хотят поставить нас вне закона».

Здесь уже начинается тенденциозное искажение фактов бывшим командующим и его присными, которым во что бы то ни стало надо объяснить и оправдать вынесение ими на суд широких масс двух параллельных решений, о которых я уже говорил выше.

Для тех, кто хотел понять, и для тех, кто был за потопление флота, создавшееся положение было совершенно ясно; оно сводилось к следующему: Германия под угрозой возобновления военных действий требует от Совнаркома перехода флота в Севастополь для интернирования. Совнарком, не имея реальных сил для противодействия этому наступлению, избирает единственный оставшийся [82] выход — дипломатический.

Отстаивая государственную точку зрения и в то же время не желая передавать флот в руки немцев, Совнарком открытой радиотелеграммой извещает немецкое командование о принятии им всех мер для возвращения флота в Севастополь и одновременно зашифрованной радиотелеграммой отменяет это приказание и предписывает командующему флотом во что бы то ни стало потопить флот, считая совершенно правильно, что в вопросе первостепенной

государственной важности за судьбу отдельных личностей особенно бояться нечего, что участников потопления можно условно и временно поставить вне закона, тем более что фактически и за ним будет тайное сочувствие и содействие центральной власти, партии, и общественного мнения всей России. Рядом с могучей, моральной и материальной поддержкой, которую Москва оказывала участникам потопления, — угроза фиктивного, чисто юридического осуждения просто не существовала.

Между тем ясно, что неисполнение матросами официального приказа Совнаркома и «самовольное» потопление судов не могло бы дать Германии юридического повода к наступлению, так как юридически Совнарком не ответственен за «контрреволюционные» действия Новороссийских моряков.

Это соображение блестяще оправдалось впоследствии, когда половина флота, на которую рассчитывала Германия, все же была потоплена.

Припомните, господин Н. Р. Гутан, кто же в страхе подавал панические реплики вроде: «Эти предатели хотят свалить на нас вину за потопление флота, хотят поставить нас вне закона?». Конечно не сторонники потопления флота во что бы то ни стало, так как эта группа ясно отдавала себе отчет, что не только всякий честный гражданин Российской Республики, но и всякий порядочный офицер обязан рисковать собой за честь и достоинство умирающего, неотвратимым приговором истории осужденного флота. Если коммунистов к этому обязывала их партийная дисциплина, то нас — воинское воспитание, которое всеми в свое время было получено, чувство чести и патриотизма. [83]

Чтобы не быть голословным, процитирую две радиотелеграммы (от чего автор рассматриваемой книги по вполне понятным причинам воздержался). Я смело могу их цитировать, так как по признанию самого автора на стр. 413.:

«... на каждом корабле командам была разъяснена обстановка и все ознакомлены с документами, полу ценными из Москвы».

У меня в руках они тоже побывали и глубоко врезались в память. В открытой радиотелеграмме объяснялся текст ультиматума, предъявленного Германией, и говорилось о том, что правительство, не желая подвергать истерзанную Родину новым испытаниям и кровопролитию, предписывает флоту к 19 июня быть в Севастополе. Заканчивалась она текстуально:

«... все, неисполнившие приказания власти, избранной многомиллионным трудовым народом, будут считаться вне закона». Занумеровано под № 140.

Смысл шифрованной радиотелеграммы сводился к тому, что республика, не веря бумажным гарантиям Германии и предвидя, что по окончании войны флот нам возвращен не будет, предписывает еще до срока ультиматума флот затопить, а предыдущую радиотелеграмму, помеченную № 140, не числить. Заканчивалась она текстуально так же, как и открытая, и была занумерована № 141.

Кажется, положение было более чем ясно. Но господа Тихменевы умышленно не желали ничего понимать, и вот — на стр. 413 мы неожиданно читаем:

«Решено было запросить Москву о том, какую же телеграмму исполнять — открытую или шифрованную».

Это уже не недоразумение, а нечто худшее: А. И. Тихменев решил запросить Москву, наперед зная, что она не может ответить откровенно, не рискуя спокойствием всего государства. Предоставляя читателю самому судить о «непонятливости» командующего флотом капитана 1 ранга А. И. Тихменева и его «советников», я резюмирую: А. И. Тихменев умышленно не понял тактики Совнаркома, пытавшегося спасти и мир государства, и честь несчастного Черноморского флота.

Описывая результат референдума команд после ознакомления их с указанными документами, автор на стр. 413 [84] пишет:

«За немедленное потопление не высказался ни один корабль, но никто тоже не высказался и за переход в Севастополь».

Здесь уже определенно выплывает «второе решение», т. е. поход судов в Севастополь, предательски подсказанный массам в трудную минуту. Спрашивается, кто же поставил на референдум — этот дотоле не существовавший и, по признанию автора, никем не поддерживавшийся вопрос? Референдуму команд предшествовало «ознакомление» их с документами, полученными из Москвы. В этих документах ни слова не говорилось о необходимости похода в Севастополь. Откуда же, в таком случае, возникла мысль об этом постыдном маневре? Автор и тут дает нам вполне исчерпывающий ответ. На стр. 413 мы читаем, что референдуму предшествовало специальное разъяснение обстановки на кораблях. В качестве добровольных ораторов, очевидно, выступали те командиры, которые всеми фибрами души стремились назад в Севастополь. Они-то своими разъяснениями и подготовили атмосферу, в которой так блестяще разыгралась «непонятливость» А. И. Тихменева.

Далее, на стр. 415 мы читаем:

«На заседании, во время которого обнаружилось исчезновение комиссаров, было получено первое донесение о том, что немцы высаживаются в Тамани и что высадить предполагается отряд в 20 000 человек. Это известие окончательно убивало последнюю надежду остаться в Новороссийске».

Конечно, господин Н. Р. Гутан, пока немцы не наступают, пожалуй, и не стоит им сдаваться. Но боже избави в случае, если они вздумают перейти в наступление на Новороссийск, думать о чем-нибудь ином, кроме позорной капитуляции. На этом делегатском собрании я не останавливаюсь, так как оно не имеет особого принципиального значения и только дорисовывает Н. Р. Гутана.

На стр. 415 автор, описывая чрезвычайно важное с исторической точки зрения делегатское собрание от 14 июня, состоявшееся при участии представителей Кубано-Черноморской республики, очень кратко его обходит, приведя только речь Рубина и вскользь упомянув о факте посланки делегации от собрания на заседание ЦИК Кубано-Черноморской [85] республики в Екатеринодар, зато умолчав совершенно о присутствии представителя фронтовых частей Кубано-Черноморской республики, об его любопытной реплике, о всей вообще обстановке, сложившейся между 14 и 16 июня, т. е. за промежуток времени, протекший со дня собрания до момента, когда окончательно решилась судьба флота. Ни в одном месте своего труда автор не заикается об угрозе Кубано-Черноморской республики, высказанной ее представителем по адресу новороссийских моряков. Отсылая читателя к моему введению, в котором указанным событиям уделено достаточно внимания, предоставляю ему самому сделать выводы по поводу досадной забывчивости Н. Р. Гутана.

Весьма характерна, между прочим, попытка автора оправдать тот факт, что А. И. Тихменев не высказал за все время развития трагедии Черноморского флота своего взгляда, как надлежало бы поступить с флотом, а в особенности в то время, когда не только матросская масса, но и большинство командного состава, окончательно сбитые с толку, не могли прийти к определенному, достойному решению.

Автор прекрасно понимал, что каждый добросовестный критик, рассматривающий этот исторический период, задает вопрос: «а на каком решении о судьбе флота настаивал командующий? Высказал ли он открыто и мужественно свое определенное мнение?». И вот на стр. 416 мы находим:

«Временно командующий флотом почти совершенно не принимал участия в заседаниях и ни разу не высказал командам своей точки зрения. Учитывая настроение матросов, которые вновь вспоминали митинговые лозунги, и зная на основании опыта, что на людей в таком состоянии в хорошем смысле повлиять нельзя, он ждал момента, когда они, испробовав все, придут и скажут: приказывайте что нам делать».

Эта цитата характерна еще тем, что она еще раз подчеркивает всю шаткость выдвигаемых автором оправдательных аргументов. В самом деле, чем, как ни полным отсутствием воли и

беспринципностью, можно назвать изложенное поведение А. И. Тихменева: он ждал, когда [86] массы, испробовав все, придут и скажут: «приказывайте что нам делать».

Тихменеву, конечно, не могло прийти в голову то обстоятельство, что именно в такие моменты, которые имели место в рассматриваемый период, и при существующей обстановке массы не пришли бы к нему просить вывести их из создавшегося положения, и вот почему: психологически это могло бы иметь место только тогда, когда для выхода из положения собственными средствами, без риска, личной гибели, не было бы никакой надежды. В данном же случае такие выходы, как, например, просто удрать или уйти в Севастополь, оставались до самого конца.

Между тем веское слово честного и достойного решения, высказанное командующим, пользовавшимся, благодаря своему демократическому образу действий, большим авторитетом, сыграло бы конечно крупную роль: оно собрало бы вокруг него группу наиболее решительных и твердых людей, как из числа матросов, так и командного состава, которой, конечно, не могла бы помешать выполнить свой долг перед Родиной и флотом беспринципная и трусливая другая часть моряков.

По-видимому, чувствуя несостоятельность и двусмысленность своих объяснений, Н. Р. Гутан старается замаскировать свои неблагоприятные поступки «техническими» условиями, из которых был только один выход: в Севастополь, в объятия немцев. На стр. 416 читаем: «За этот короткий, но тяжелый промежуток времени, командующий всячески изыскивал способ спасти суда, но, к сожалению, выхода не представлялось. Увести корабли было некуда, так как не оставалось ни одного порта, где хотя бы временно суда могли укрыться: ввести же флот куда-нибудь, чтобы топить его на мелком месте, было невозможно, так как большинство команд не пошло бы в море, а разбежалось. Кроме того, флот, с минимумом команды, а частью — на буксире, т. е. в совершенно небоеспособном состоянии, вряд ли был бы пропущен неприятелем далее 10–12 миль».

Бедный А. И. Тихменев и бедные его советники! Вот воистину трагическое, безвыходное положение. Надо было уйти куда-то в море, более, чем на 10–12 миль; искать [87] какие-то мелкие места, а команда видите ли не хотела. Воистину командующий флотом прав: кто же пойдет искать мелких место в открытом море, когда их достаточно у берегов, где стоит флот.

Вероятно, А. И. Тихменев забыл в тревоге дней, что в Новороссийске, перед самой гаванью, есть какие угодно места; хоть на полторы сажени, хоть на пятнадцать — выбирай, да и только.

Дальше, на стр. 417, приводится взгляд атамана П. Н. Краснова, информированного А. И. Тихменевым о положении дел на флоте и одоббившего намерение флота идти в Севастополь. Этот взгляд, как говорит автор на той же 437стр., был передан А. И. Тихменеву через гимназистку, «прибывшую в Новороссийск за несколько часов до момента, когда окончательно надо было прийти к тому или другому решению». То есть за несколько часов до заседания 16 июня, решившего судьбу флота. Не слышится ли здесь глубокий вздох облегчения, вырвавшийся из стесненной груди А. И. Тихменева и «иже с ним», что так кстати, во время безнадежной экскурсии в область «мелких мест», пришел совет столь «почтенного», умудренного опытом генерала (кстати немецкой ориентации)?

Неведомая никому гимназистка рассекает гордиев узел и возвещает истину трусливо колеблющимся отцам флота.

Не открывается ли завеса над решением, упомянутого заседания: не был ли поход в Севастополь, столь лелеемый в душе А. И. Тихменевым и Н. Р. Гутаном и столь трудно в начале осуществимый, теперь зафиксированным; как твердое и бесповоротное решение?

На той же 417 стр. читаем:

«Для того чтобы хоть немного понять психологию тех сравнительно немногих офицеров, которые до конца связали свою судьбу с кораблями, на которых они плавали и с которыми сжились особенно за время войны, надо ознакомиться с той обстановкой, в которой им приходилось решать тяжелый вопрос спасения флота. Помощи ждать было неоткуда.

Оставаться в Новороссийске было нельзя, ибо такое решение было равносильно отдаче судов германцам в [88] неповрежденном состоянии, ибо личный состав в последнюю минуту все равно разбежался бы и некому было бы взрывать суда».

Эту характеристику офицеров Новороссийской эскадры я оставляю в силе только для тех из них, которые сдали свои корабли противнику. В самом деле, — что значит фраза: «оставаться в Новороссийске было нельзя?» — Куда же надо было идти? — Ясно, в Севастополь: сдавать суда немцам в том же неповрежденном состоянии.

Что значит фраза: «Ибо такое решение было равносильно отдаче германцам судов в неповрежденном состоянии, ибо личный состав в последнюю минуту все равно разбежался бы и некому было бы взрывать суда?». Это значит, что А. И. Тихменев, Н. Р. Гутан и компания тоже разбежалась бы, как разбежались их компаньоны, командир миноносца «Фидониси», бывший старший лейтенант Мицкевич со своими офицерами. Эти офицеры не могли пойти в Севастополь, так как команда, не пожелав ни топиться, ни идти в Севастополь, до последнего человека просто удрала, пробралась затем на моторе в город Керчь, а оттуда сухим путем в Севастополь.

А между тем, как показал дальнейший опыт, и как теоретически совершенно верно предсказывала другая группа офицеров, топившая флот при гораздо более трудных политических и технических условиях, для приведения в негодность кораблей нужно было иметь очень мало участников. Одних же морских офицеров в Новороссийске находилось более 100 человек и на каждом корабле несомненно осталось бы в среднем не менее 5–7 человек матросов (что тоже оправдалось на практике), чего конечно было совершенно достаточно для уничтожения судов.

По моему глубокому убеждению, группа моих «противников» лишь на словах не хотела этого понять, в душе же несомненно она все знала и все учитывала не хуже нас.

И вот на стр. 411 обнаруживается истинная подкладка всех «технических» препятствий, воздвигнутых А. И. Тихменевым на пути к почетной, добровольной гибели флота. За всеми предложениями, не выдерживающими критики, яснее и яснее проступает обыкновенное «шкурничество»: [89]

«Капитан 1 ранга А. И. Тихменев в присутствии флагманов объявил И. И. Вахрамееву и Н. П. Глебову-Авилову, что он преждевременно взрывать корабли не будет, ибо уверен, что если при данной обстановке он отдаст подобное приказание, то команда скорее выбросит за борт его, офицеров и И. И. Вахрамеева с Н. П. Авиловым, чем потопит корабли».

Если читатель вспомнит приведенный выше разговор А. И. Тихменева со мной, имевший место 16 июня вечером, он убедится, что командующий флотом ни на минуту не переставал считаться с возможностью вылететь за борт. Это «почетное» самочувствие не покинуло его и тогда, когда пришло время взрывать корабли.

Кто же присутствовал на указанном заседании флагманов? По признанию самого же автора на той же 111 стр., присутствовали: А. И. Тихменев, его начальник штаба капитан 1 ранга А. И. Лебединский и вместо почему-то заболевшего начальника минной бригады бывшего капитана 1 ранга В. И. Лебедева — наш старый знакомый Н. Р. Гутан.

Между тем капитан 1 ранга В. И. Лебедев был несомненно сторонником потопления флота, так как до самой последней минуты он был единственным из числа офицеров, ушедших в Севастополь, который посещал на кораблях группу офицеров — «за потопление», неизменно одобряя это намерение.

Вместе с тем, мне что-то не помнится, чтобы капитан 1 ранга В. И. Лебедев был настолько болен, что не мог посетить заседание, так как почти ежедневно я виделся с ним во время частых и долгих бесед и не вспоминаю, чтобы он жаловался на недомогание. Напрашивается вопрос: не был ли В. И. Лебедев умышленно отстранен от этого заседания и заменен «надежным» человеком?

Отметим, кстати, попытку командования терроризировать комиссаров, которые до некоторой степени могли повлиять на решение масс.

На стр. 414 мы читаем:

«Надо сказать, что с самого начала разговора о потоплении флота в городе велась определенная агитация в том смысле, что уничтожение судов выгодно только офицерам и что этот план измышлен офицерами». [90]

Резюмируя эти две цитаты, спрашиваешь себя: откуда эта приниженная трусость, неужели призрак севастопольских кровавых дней, витая над сторонниками «сдачи судов», мог до такой степени убить в них всякое сознание своего офицерского и гражданского долга. Дальше на стр. 417 мы читаем: «Таким образом оставалось только два решения». Вот здесь уже твердо и определенно зафиксирован пресловутый «двуобразный» выход из создавшегося положения и расшифровывается вышеизложенная «недогадливость» А. И. Тихменева, при ознакомлении его с двумя радиотелеграммами Совнаркома, и дальше: «Первое — топить корабли, чтобы они не могли попасть в руки немцев и не были бы ими использованы против наших союзников. С узко-военной точки зрения такое решение было единственно правильным».

Какой «широкий человек», этот командующий флотом капитан 1 ранга А. И. Тихменев. Ему, видите ли, мало было узко-военной точки зрения. Он решил, не доверяя судьбы государства таким плохим юристам, как В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий {14}, самостоятельно пересмотреть весь вопрос, и при том с вершин современной юриспруденции.

Вот заключение юрисконсульта А. И. Тихменева (стр. 417):

«Против него (потопления, скобки мои. — В. К.) говорило соображение, что, потопив флот, а не выполнив требование германцев вернуться в Севастополь, Россия тем самым давала юридическое право Германии продолжать наступление, т. е. занимать новые области наиболее богатые хлебом, в том числе и Кубань. Стремление немцев занять Кубань и вывезти из нее хлеб для большинства тогда было совершенно ясно, и казалось, что они ищут только повода для ввода туда своих войск.

Если бы это действительно произошло, то вина в этом ложилась исключительно на остатки личного состава флота».

Автор книги и Н. Р. Гутан, видимо «забыли», что на стр. 412 они в очень сочувственном тоне цитировали возгласы [91] некоторых участников собрания, раздавшиеся при оглашении двух радиотелеграмм: «Эти предатели хотят свалить на нас вину потопления флота, — хотят поставить нас вне закона», а с другой стороны, они очевидно полагают, что читатель не разберется или будет столь невнимательным при чтении книги и не сообразит, что Совнарком открытой телеграммой поставил себя в такие условия перед Германией, что последняя не могла иметь никакого юридического основания продолжать наступление, и как раз при указанных условиях никакого «повода», которого якобы искала Германия, не могло быть.

Нет, юридические выкрутасы так же мало удаются нашему автору, как и «мелкие места». Размышлениями о тонкостях международного права господина Н. Р. Гутан, А. И. Тихменев и компания старались обмануть свою и чужую совесть, в душе прекрасно сознавая свою неправоту, а теперь в тиши и вдали от «дел» стараются подвести логический фундамент под свои преступные ошибки.

Дальше, на той же 417 стр. и переходя на 418 стр., мы читаем:

«Кроме того, факт подозрительного поведения Совнаркома в отношении флота, выразившегося в отдаче диаметрально противоположных друг другу распоряжений, толкал на мысль, что если не Германии важно уничтожить Черноморский флот, дабы в случае окончания мировой войны не в пользу Германии, Россия все же долгие годы была бы беззащитна на Черном море, то во всяком случае это весьма желательно Совнаркому». Итак, вот последняя соломинка, за которую хватаются утопающие в собственной лжи автор и Н. Р. Гутан. Большевики нарочно хотели уничтожить флот, чтобы укрепить свое положение в будущем. Это страшно интересно и ново. Читаем дальше на той же стр. 418: «Армия путем планомерной провокации и пропаганды была уничтожена. Личный состав флота был тоже тем же путем сведен на нет, но оставались еще корабли, которые при первом отрезвлении народа могли быть укомплектованы и подняться против них. Это стремление

Совнаркома уничтожить военные суда с первого взгляда покажется маловероятным, но если вспомнить аналогичную попытку [92] уничтожить своими руками суда Балтийского флота, притом же в обстановке далеко не такой безвыходной, как в Черном море, то окажется, что этот взгляд не только возможен, но имеет свои обоснования».

Но как же примирить этот выпад с тем, что автор пишет на стр. 427:

«Ясно, что уничтожение Черноморского флота, судьбу которого безусловно уже выяснял Брест-Литовский договор, было важно не большевикам: все равно, если бы флот и подлежал выдаче, им было бы очень рискованно нарушать условия мира; если же он оставался в их руках, то топить его не было никакого смысла, потому что он находился в полной их зависимости, и если они его и потопили, то только в силу требования союзников, предъявленного в тяжелый момент».

На той же стр. 427 мы читаем:

«Все это вместе взятое убедило их в действительной необходимости уничтожения Черноморского флота. Больше же большевикам ничего не требовалось».

Здесь уже имеет место прямая попытка одурачить читателя. На стр. 418 автор доказывает, что, пожалуй, большевикам выгодно было бы потопить флот вследствие того, что он мог стать оружием против них самих; затем, отвлекши внимание читателя изложением самого трагического момента Новороссийской трагедии и выливанием ушатов грязи на меня и моих единомышленников, уже через 9 стр., т. е. на стр. 427, доказывает, что большевикам никакого смысла топить флот не было, потому что он находился в их полной зависимости, а затем опять (на стр. 427) доказывает, что большевики ничего так не желали, как потопления флота.

Противоречия, клевета, — сама себя опровергающая на каждой странице, попытки оправдать себя и своих при помощи юридического, технического и политического злопыхательства и, наконец, в роли виновников потопления Черноморского флота не только Совнарком и группа офицеров, к которой я имел честь принадлежать, но и бывшие наши союзники.

Возвращаясь опять к стр. 418, мы читаем:

«Второе решение было вернуться в Севастополь для интернирования судов германцами. С точки зрения старых военных [93] традиций и истории, это, конечно, казалось неприемлемым, но при той обстановке, когда вся история, традиции, воинская доблесть и дух были уже втоптаны в грязь, рассуждать приходилось только с государственной точки зрения».

Вот и добрались до точки зрения А. И. Тихменева, Н. Р. Гутана и их компании, которой они руководствовались, решив сдаваться немцам.

На счет воинской доблести, традиций и истории, «втоптаных в грязь», группа офицеров, к которой я принадлежал, имела другую точку зрения, чем наши «противники»: было совершенно ясно, что тяжелой памяти Брест-Литовский договор предрешил судьбу Черноморского флота, его неизбежную и окончательную гибель.

Тогда же, в январе месяце 1918 года, во флоте была объявлена демобилизация и он перешел на условия вольного найма. Всем желающим офицерам предоставлена была полная возможность окончательно уйти с военной службы независимо от занимаемых ими должностей, принуждения никакого не было.

Большая часть офицеров Черноморского флота, чувствуя себя неспособной работать на новых основаниях, честно покинула свои корабли и занялась различной деятельностью — для того, чтобы заработать кусок хлеба, вплоть до столярства и сапожничества.

Но была и другая, немногочисленная часть офицеров, «которые до конца связали свою службу с кораблями, на которых они плавали и с которыми сжились, особенно за время войны» (у Г. К. Графа на стр. 417) и которые, по моему глубокому убеждению, решили «закрывать глаза» своему родному флоту в момент его смерти, охраняя даже во время тяжелой агонии, поскольку представлялась физическая возможность, его честь и достоинство. Ясно, что для этих офицеров не все было «втоптано в грязь»: они не хотели бросить флот на

произвол торжествующего 4-летнего врага. Их честь не зависела от случайных, чисто внешних перемен. Она была и осталась при них.

Что же касается второй, якобы «государственной точки зрения», принятой Г. К. Графом, и его рассуждений на [94] счет того, что немцы в случае потопления флота возобновят наступление на Россию, то она мною уже была опровергнута в свое время.

И так оказывается, что у А. И. Тихменева, Н. Р. Гутана и у самого автора (с упорством и настойчивостью, достойных лучшей участи, старающегося обелить своих «клиентов») никакой вообще выдержанной, принципиальной точки зрения не было.

Я, со своей стороны, позволю себе задать господам А. И. Тихменеву, Р. Н. Гутану и компании следующий вопрос: почему они не ушли из флота вместе с большинством офицерства, предпочитавшего дворницкую метлу, передник и шило сапожника — службе на флоте? Правы были или ошибались эти люди — все равно. Но они имели мужество открыто исповедовать свои убеждения, они заплатили за них чернорабочим трудом и нищетой. Почему господа Гутаны и Тихменевы не последовали их примеру, и, вместо того, чтобы нуждаться и таскать кули на пристани, остались на кораблях, весьма аккуратно получая крупное жалование?

Дальше на той же 418 стр. мы читаем:

«Не давая никаких гарантий, кроме бумажных, немцы разумеется могли бы в любое время использовать наши суда или при не удачном исходе войны их уничтожить. Но вряд ли немцам это сулило какие-нибудь выгоды, и вот почему: на Черном море, за отсутствием противника, немцам вооруженной силы не было надо, тем более что в их распоряжении имелись «Гебен» и суда турецкого флота. Об использовании судов против наших союзников не могло быть и речи, так как немцы, увеличив свои силы на два дредноута и десять миноносцев, все равно не были бы в состоянии состязаться с ними».

И на стр. 429 находим:

«Нельзя не подчеркнуть еще раз, что союзникам не было никакого основания бояться захвата и использования немцами наших кораблей, т. к. они всегда могли легко противопоставить им значительно большие силы».

Это уже экскурсия в область военно-морских оперативных вопросов. А вот выдержка из протокола, подписанного союзными представителями в России, высказывающего взгляд высшего союзного командования [95] на военную обстановку на Черном море к рассматриваемому периоду:

«... переход в распоряжение Германии или ее союзников кораблей Черноморского флота, ныне находящихся в Новороссийске, повлек бы за собой значительное ухудшение, с нашей точки зрения, положения в Средиземном море.

Даже если бы эти корабли не проявили особой активности, самый факт усиления вражеского флота в Черном море на два дредноута, 12 миноносцев новейшего типа и многих вспомогательных судов заставил бы нынешних хозяев Средиземного моря значительно увеличить морские силы, блокирующие Дарданеллы, и поставил бы в неблагоприятное положение наш Салоникский фронт, а также наши морские сообщения с Дальним Востоком. Поэтому уничтожение судов Черноморского флота, для предотвращения их перехода в руки наших врагов, является делом чрезвычайно важным и в высшей степени полезным для обеспечения нам успешного окончания войны».

Этот протокол был подписан представителями Франции, Англии и Италии, с приложением официальных правительственных печатей указанных государств.

Смею думать, что высшее союзное командование не хуже разбиралось в вопросах тактики и стратегии, чем автор и его друзья, А. И. Тихменев и Н. Р. Гутан. Как видим, последняя попытка нашего автора спрятаться за ширму высших военных соображений терпит такую же неудачу, как все предыдущие. Даже Н. Р. Гутан не может подыскать оправдания изменническому походу в Севастополь.

На той же 418 стр. мы читаем:

«Даже если бы ход военных действий повернулся бы не в пользу Германии, то и тут надо констатировать, что такое уничтожение нашего флота было бы страшно не выгодно Германии, ибо при мирных переговорах ей пришлось бы отчитаться перед державами согласия, которые заставили бы ее уплатить за уничтоженные суда. В крайнем случае если бы даже это и произошло, то по крайней мере флот не [96] был бы нами уничтожен преждевременно, а погиб только тогда, когда рушилась бы последняя надежда на возвращение нам кораблей после окончания войны».

Конечно, гораздо проще сдать флот немцам, чем возиться с его потоплением в Новороссийске. Пусть немцы сами разбираются, как с ним поступить, раз у России «рушится» последняя надежда получить его обратно.

А вот и резюме на стр. 418, достойное всех предыдущих «логических» предпосылок: «...суммируя все возражения за и против, приходишь к выводу, что если оставалась хоть малейшая надежда на спасение флота, то только в том случае, если он возвратится в Севастополь».

Как была «спасена» часть флота, ушедшая в Севастополь, мы покажем ниже.

На стр. 426 автор сообщает, что незадолго до рокового конца Черноморского флота в Петрограде состоялось совещание нескольких, пользовавшихся авторитетом, высших морских чинов старого флота, которые в то время находились в отставке. Дело сводилось к тому, что, желая убедить офицеров Новороссийской эскадры в необходимости потопить флот, совещание решило послать копию своего протокола в Новороссийск, командующему флотом.

Кроме того, совещание сочло важным получить на этом протоколе подписи союзнических миссий, находившихся в Петрограде, чтобы подчеркнуть, что Черноморский флот уничтожается также в интересах союзников. Этот факт учитывался тем обстоятельством, что в то время офицерство считало еще действительными обязательства России по отношению к союзникам.

По поводу изложенного мы находим у Г. К. Графа любопытнейшую цитату, относящуюся к стр. 426, с переходом на стр. 427.:

«Союзники согласились подтвердить свое требование в протоколе, и с его копией в Новороссийск был отправлен лейтенант Вербов. К счастью, он приехал туда, когда часть флота уже перешла в Севастополь.

Как свидетельствовал впоследствии временно командующий флотом капитан 1 ранга А. И. Тихменев, он [97] не задумываясь потопил бы весь флот, если бы получил подобный протокол».

Эта цитата очень характерна: она дорисовывает моральный облик как автора, так и А. И. Тихменева.

В самом деле: чем можно объяснить такое своеобразное отношение автора к родному ему флоту, выражающееся в радостном восклицании, что Вербов опоздал своим приездом в Новороссийск? Ведь автор в той же книге (как будет видно ниже) сам же описывает те небывалые в истории русского флота унижения и оскорбления от немцев, а затем и союзников, выпавшие на долю той части судов Черноморского флота, которые ушли в Севастополь.

Больше того, автор дальше скорбит о судьбе этих же кораблей, по его выражению, «приходящих постепенно в полную негодность под защитой Франции». И все это пишется в 1922 году.

Что думает автор об упомянутой им же реплике А. И. Тихменева, что он, Тихменев, не задумываясь потопил бы весь флот, если бы получил упомянутый выше протокол?

Ведь автор, как мы видим, всячески пытался до сих пор доказать, что А. И. Тихменев, много продумав о создавшемся положении, другого выхода, как уход в Севастополь, найти не мог. Чем объясняется такое резкое противоречие?

Как выпукло обрисовывается моральный облик безвольных и беспринципных временно командующего флотом А. И. Тихменева и его советников. Они не могли без авторитетной

указки со стороны найти честного, не позорящего их и родной им флот, достойного решения в вопросе о судьбе флота.

Как ярко изложенные цитаты подчеркивают то обстоятельство, что для честного и беспристрастного критика рассматриваемая часть труда Г. К. Графа не имеет никакой данности при объективном суждении о трагедии Черноморского флота.

Дальше на стр. 419 мы читаем:

«В этом же смысле 14 июня (не 14 а 16, скобки мои. — В. К.) командующий флотом выпустил приказ к командам. В нем А. И. Тихменев объявлял, что есть только два исхода: [98] «либо топить суда, либо перейти к 19 июня в Севастополь». В среде личного состава по этому вопросу возник глубокий раскол, почему командующий, разъяснив еще раз общее положение, приказал его решить всему личному составу путем поименного тайного голосования. Результат голосования и должен был выполнить флот. Другие решения командующим совершенно исключались. Результат референдума был таков: за уничтожение флота высказалось 450 голосов, за переход в Севастополь больше 900 и около 1000 воздержавшихся или желавших бороться до последнего снаряда.

Эти 1000 голосов приказано было не считать, как уклонившихся от прямого ответа.

Необходимо заметить, что за возвращение в Севастополь подала голоса большая часть команд дредноутов. Таким образом, к полудню 15 июня (не 15 а 16, скобки мои. — В. К.) личный состав флота решил последний вопрос своего дальнейшего существования. При подсчете голосов сторонники уничтожения судов пробовали доказать, что 1000 воздержавшихся или голосовавших за третье решение необходимо отнести к ним. Особенно горячо ратовал за это представитель водного транспорта, вышеупомянутый Кремлянский, а также впервые открыто выступивший командир миноносца «Керчь» старший лейтенант В. А. Кукель.

Их предложение было категорически отвергнуто, и представители команд и командиры судов, кроме В. А. Кукеля и еще двух или трех, заявили, что подчинятся только приказаниям командующего флотом.

Командующий объявил, что раз большинство решило переходить в Севастополь, то он утверждает это тяжелое решение и поведет туда флот в надежде, что суда наши все-таки нам будут возвращены. С этого момента он потребовал безусловного исполнения всех своих приказаний».

При подходе к самому важному и принципиальному моменту, у автора начинается какая-то вакханалия лжи, умалчивание важнейших фактов и сведение фактов, бывших на двух разных заседаниях 16 июня, к одному и, как [99] мы увидим дальше, выливание ушатов грязи на сторонников потопления флота.

На самом же деле события 16 числа развивались так: 16 июня к 9 часам утра, на «Волю» временно командующим флотом были собраны командиры всех судов и представители команд. Открыв заседание, председательствовавший на нем временно командующий флотом А. И. Тихменев объявил, что день, в течение которого должно быть вынесено окончательное решение о судьбе флота, наступил, так как крайний срок выхода судов в Севастополь, указанный ультиматумом Германии, это 17 июня вечером.

После этих слов командующего взяли слово председатели судовых комитетов дредноутов «Воля» и «Свободная Россия» для внеочередного заявления.

Это заявление сводилось к тому, что в течение ночи, с 15 на 16 июня, с их кораблей дезертировало большинство команды и что они, вследствие этого, считают свои корабли совершенно не боеспособными (некому даже обслуживать артиллерию), что, судя по настроению оставшихся на них команд, не исключается возможность дальнейшего дезертирства ближайшей ночью.

Тогда, взяв слово, я заявил: «... как всем известно, в настоящий момент среди большинства процветает лозунг «бороться до последнего снаряда». Заявлениями же председателей судовых комитетов «Воли» и «Свободной России» этот лозунг, вообще бессмысленный, окончательно аннулируется, так как корабли, представляющие главную и единственную силу

обороны, не в силах фактически выпустить этого пресловутого «последнего снаряда». Опираясь на этот убедительный аргумент, надлежит подробно разъяснить командам создавшееся на сегодня положение и практические выводы, которые из него надлежит сделать, категорически настаиваю на том, чтобы командование флотом, поддержанное собранием, отдало бы немедленное приказание о подготовке судов к уничтожению, каковое должно быть осуществлено на завтра. Предупреждаю, что при существующей деморализации команд можно ставить вопрос только в плоскость одного, определенного и твердого уничтожения судов. При постановке [100] же двух решений, никакой возможности выйти с честью из создавшегося положения нет. Заранее отвергаю могущие быть возражения, что команды не дадут потопить кораблей, так как глубоко убежден, что многие из тех, кто мог бы это сделать, имея «шкурную» на то причину, уже дезертировали. Узнавши об определенном и твердом решении, принятом командованием, к нему присоединится и та часть колеблющихся масс, которая пока еще осталась на кораблях».

После моих слов, временный командующий флотом А. И. Тихменев, взяв слово, в длинной и нудной речи, пережевывая всем уже давно известную военную и внешне-политическую обстановку на Черном море и упомянув тоже всем известное плачевное техническое и материальное состояние флота в смысле отсутствия топлива, возможности пополнения боезапасов и т. д. и совершенно не коснувшись ни существа моего заявления, ни факта неудержимого дезертирства, заявил, что, много подумав над создавшимся положением, он пришел к твердому и определенному мнению, что есть только два выхода: или 17 июня вечером идти в Севастополь, или к этому же времени уничтожить флот. Что в этом же духе им сейчас будет разослано по кораблям воззвание к командам, приказывающее по ознакомлении с ним команд, произвести голосование. Но он предупреждает (и в воззвании это указано), что никаких других, кроме изложенных выше двух решений, в расчет при подсчете голосов принимать не будет. Закончил Тихменев свою речь тем, что на настоящем собрании он больше никаких прений не допустит, так как времени мало, и он приглашает присутствующих явиться снова, к 12 часам дня, сюда же, для подсчета голосов. Затем собрание было им срочно закрыто.

Характерно то обстоятельство, что в указанном воззвании командующий флотом ни словом не обмолвился о том, какое из этих двух решений он лично считает правильным и сообразным с честью флота, — наоборот, из текста воззваний ясно было видно, что командующий, «демократически», всецело предоставляет решить вопрос самим массам и что он является лишь исполнителем их воли. [101]

Около 1 часу дня командиры всех судов и представители команд опять собрались на «Воле». Результат референдума указан автором правильно, кроме цифры за переход в Севастополь. На самом деле она была не больше 900, как указывает автор, а несколько больше 500{15}. После выяснения результатов голосования командующий флотом заявил, что им были исключены все решения, кроме двух предложенных в воззвании, и потому он считает, что флот высказался за поход в Севастополь.

Тогда я, взяв слово, повторил вышеизложенные мною мотивы за уничтожение судов, указал, что 1000 воздержавшихся и голосовавших за «борьбу до последнего снаряда» — это и есть именно те, от которых можно было бы в крайнем случае ожидать сопротивление при уничтожении судов, сопротивление, в которое я вообще не верю. Ясно, что эти лица безусловно разбегутся, узнав об определенном приказании командующего топить флот — у них для этого времени достаточно. Кроме того, часть команд, высказавшихся за поход в Севастополь, присоединится к ним, и, таким образом, некому будет воспрепятствовать уничтожению кораблей, тем более что на флоте (как видно из голосования) имеется 450 человек матросов, которые решили, не считаясь ни с какими угрозами, принять участие в потоплении судов.

Вместе с тем я обращаю внимание, что поименное голосование дало в сумме немного более 2000 человек, вместо имевшегося ранее состава 3500 слишком моряков.

Из приводимых цифр видно, что почти 50% команд уже дезертировало к моменту настоящего собрания.

Опираясь на эти данные, я утверждаю, что фактически большинство высказалось за потопление судов, и это решение должно быть принято, тем более что для его выполнения потребуется очень небольшое число участников, имеющееся с избытком на лицо. [102] Меня горячо поддерживали: командир миноносца «Гаджибей» лейтенант В. Алексеев, командир миноносца «Лейтенант Шестаков» мичман Аненский, председатель судового комитета того же миноносца С. М. Лепетенко, командир миноносца «Сметливый» лейтенант Панфилов и представитель водного транспорта Кремлянский.

Тогда А. И. Тихменев заявил: «Повторяю, что флот высказался за поход в Севастополь, и я утверждаю это тяжелое решение в надежде, что флот по окончании войны все же будет нам возвращен. Требую безусловного исполнения всех моих приказаний, приказываю: сегодня принять провизию для похода, к вечеру закончить все расчеты с берегом и иметь пары на завтра, к 9 часам утра, после какового времени последует сигнал о выходе судов из гавани на рейд. Считаю заседание закрытым».

Тогда к командующему флотом А. И. Тихменеву, подошли: С. М. Лепетенко, лейтенант В. Алексеев, лейтенант Панфилов, мичман Аненский и я и заявили ему, что мы не считаем для себя возможным исполнить его, А. И. Тихменева, приказание о походе в Севастополь. Ничего не ответив, Тихменев повернулся и вышел из кают-компании «Воли», где происходило это собрание.

Отмечу, что Г. К. Граф сообщает, будто решения были приняты собранием, а мои, кстати приводимые в искаженном виде, предложения, якобы «категорически» были отвергнуты именно собранием.

На самом же деле оба собрания проходили под «диктатурой» А. И. Тихменева и кроме указанных мною заявлений и предложений никому не было дано возможности высказаться или вступить в прениях, и правильного голосования ни по одному вопросу не было. Вот как у флота было вырвано А. И. Тихменевым и его советниками давно уже намеченное ими позорное решение.

Дальше, на той же 419 стр. мы читаем:

«Однако, к сожалению, появившийся в командах раскол уже не прекращался до самого конца. Ему очень способствовала позиция, занятая некоторыми офицерами со старшим лейтенантом В. А. Кукелем во главе. Кукель стал горячо [103] агитировать против возвращения флота в Севастополь. В офицерской среде он проповедовал это под тем соусом, что ему якобы не позволяет идти в Севастополь его офицерская честь и достоинство.

Повторяя все время красивые фразы, В. А. Кукель увлек за собой 5–6 молодых офицеров, поверивших искренности его убеждений, на самом же деле «достоинство старого офицера» не мешало Кукелю, переодеваясь матросом и в фуражке с черной лентой (а не в георгиевской-черноморской) с надписью «Керчь», пробираться в команды и агитировать за потопление судов уже на совершенно другой подкладке. Особенно он агитировал за это среди команд дредноутов».

Отметим начало выливания «ушатов грязи». Всему личному составу флота, бывшего в Севастополе и Новороссийске, отлично известно, что я вообще на митингах не выступал и никаких политических речей не произносил (а на них-то очевидно и намекает Г. К. Граф, говоря «о другой подкладке» моей агитации).

Митинг действительно выбрал делегацию, которая во главе с Кулиничем (опять с черной ленточкой) отправилась к дредноуту «Воля», собиравшемуся выходить из гавани.

Подойдя к «Воле», делегация изложила вахтенному начальнику (со стенки, так как на палубу она пущена не была) цель своего прихода и просила доложить о себе А. И.

Тихменеву. Последний передал через того же вахтенного начальника, что всякие разговоры на эту тему бесцельны, его решение идти в Севастополь неизменно и «Воля» сейчас приступит к выходу на рейд. На этом прерывается история таинственной «черной ленточки», столько раз тревожившей совесть Н. Р. Гутана в те грозные исторические дни.

Дальше на 419 стр. находим:

«Позиция, занятая офицерами, пошедшими за В. А. Кукелем и явно вышедшими из повиновения командующему, не могла не усилить раскола в командах, в особенности на миноносцах. Почти половина судов, раньше хотевших идти в Севастополь, в последнюю минуту решила топиться». [104]

Пожалуй, автору не стоит особенно скорбеть о таком неповиновении нескольких командиров своему командующему — военная история оправдывает не один случай неповиновения, когда оно вело к положительным для дела результатам.

На стр. 425 мы находим:

«К вечеру 15 июня (не 15, а 16 июня, у автора выше была ошибка в исходной хронологической дате, скобки мои. — В. К.) на остальных миноносцах, главным образом на третьем, так называемом «Ушаковском дивизионе» («Керчь», «Калиакрия», «Гаджибей» и «Фидониси»), все время шли сплошные митинги с участием разных посторонних лиц. На них особенно выделялся своими демагогическими выступлениями все тот же старший лейтенант В. А. Кукель».

Как было сказано, я ни в каких митингах участия не принимал, за исключением, пожалуй, одного-единственного раза.

Дело было вечером 17 июня (а не 16), когда все суда, решившие идти в Севастополь, уже стояли на якоре на внешнем рейде. Дело в том, что после отъезда моряков-делегатов в Екатеринодар — столицу Кубано-Черноморской республики, в массы, кроме лозунга «борьбы до последнего снаряда», начал просачиваться характерный, но тем не менее бесконечно нелепый по своему содержанию лозунг: «Ничего не предпринимать до возвращения из Екатеринодара делегации моряков, посланной заседанием 14 июня на пленум ЦИК Кубано-Черноморской республики». Эти сведения мне сообщил вышеупомянутый Кулинич, который, посещая все митинги, неизменно информировал меня об общих настроениях широких масс. Этот же Кулинич вскоре после выхода на рейд судов, решивших идти в Севастополь, пришел ко мне и сообщил, что у него создается впечатление, что среди команд оставшихся в гавани судов, начинает заметно все больше пользоваться популярностью лозунг «Ничего не предпринимать до возвращения делегации из Екатеринодара». Вечером того же числа мне стало известно, что на «Гаджибее» идет митинг всех оставшихся в гавани судов, на котором указанная делегация, только что вернувшаяся из Екатеринодара, делает доклад о своей поездке. [105]

Считая, что с выходом командующего на рейд «Керчи» будет предназначена руководящая роль в потоплении судов, я решил пойти на митинг, дабы на случай провокации со стороны вернувшихся делегатов, позиция которых мне была неизвестна, постараться эту провокацию предотвратить.

На «Гаджибее» я застал следующую картину: место оратора было занято главой делегацией, вышеупомянутым командиром миноносца «Пронзительный» бывшим лейтенантом Бессмертным. Митинг, видимо, подходил к концу. Конец речи Бессмертного (начала которой я не слышал), сводился к следующему: командующий флотом вышел на рейд только для того, чтобы удостовериться в повиновении флота, и теперь приказывает всем кораблям, стоящим в гавани, немедленно выйти на рейд.

Тогда я, перебив Бессмертного, спросил его, изменил ли А. И. Тихменев свое решение идти в Севастополь, или нет?

Весьма сконфуженный Бессмертный, улыбаясь, сказал: «Нет».

Тогда я, обратившись к Бессмертному, сказал: «Передайте командующему, который является изменником России, что суда, оставшиеся в гавани, завтра будут затоплены и, конечно, ему не подчинятся».

Мое заявление было бурно поддержано всем митингом.

Получив такую неожиданную отповедь, сей «доблестный» командир, покинув свою ораторскую «позицию» и сев на ожидавший его у борта моторный катер, уехал на рейд для того, чтобы, бросив в гавани свой миноносец, уйти в Севастополь в качестве «пассажира».

Считая, что и мне больше нечего делать на «Гаджибее», я вернулся к себе на миноносец «Керчь». Отметим, во-первых, попытку командования флотом через Бессмертного спровоцировать выход из гавани на рейд оставшихся судов с очевидным намерением под угрозой орудий «Воли» и «верных» миноносцев заставить указанные корабли следовать за собой в Севастополь. Расчет тем более верный, что команды этих судов, сознавая полную невозможность высадиться на берег или оказать [106] организованное сопротивление, в большинстве, конечно, подчинились бы давлению со стороны командования, на что Тихменев очевидно и рассчитывал.

2) Доклад, сделанный Бессмертным командующему флотом и его ближайшим советникам о неудавшейся «миссии», вероятно, и дал повод Н. Р. Гутану, подтасовав время действия, упомянуть о моих, якобы демагогических, выступлениях на «Ушаковском дивизионе». На стр. 421 мы находим:

«В то время как часть толпы облепила у пристаней миноносцы с «Керчью» во главе, на котором, очевидно под руководством В. А. Кукеля, все время подымались сигналы вроде как: «Позор и смерть судам, идущим в Севастополь» и «Изменники-предатели, одумайтесь». На самом же деле было так: когда все суда, решившие идти в Севастополь, вышли на внешний рейд и стали там на якорь, на «Керчи» был поднят сигнал следующего содержания: «Судам, идущим в Севастополь: позор изменникам России!». Этот сигнал был немедленно отретирован другими судами, стоявшими в гавани.

На флагманском корабле «Воля» (корабль, на котором находился командующий) был сперва поднят «ответ до половины» (сигнал замечен), а затем — «до места» (сигнал разобран). После этого, сигнал на всех кораблях, стоящих в гавани, был спущен.

Никаких других сигналов, как до этого момента, так и впоследствии, на «Керчи» не подымалось.

Отмечаем попытку разбить на несколько сигналов текст одного, выхватить некоторые слова, прибавить от себя другие, умолчав о третьих. Как называются такие поступки, господин Н. Р. Гутан? А вот на стр. 422 автор сам указывает, как реагировало население Новороссийска на решение некоторых судов идти сдаваться неприятелю:

«Выходить из гавани судам приходилось под дикий рев и проклятия огромной толпы, собравшейся на конечностях обоих молв, что тоже сильно нервировало команду».

Отметим необычайную деликатность, с которой автор изображает негодование русских людей, по заслугам напутствовавшим сдачу судов торжествующему врагу. [107]

На стр. 425 мы читаем:

«Сама «Керчь» после потопления судов под командованием В. А. Кукеля ушла в Туапсе, где и была потоплена... Есть основание предполагать, что «Керчь» ушла в Туапсе потому, что в Новороссийске население было слишком озлоблено против нее за январь 1918 года, когда ее командой были расстреляны офицеры Варнавинского пехотного полка и произведено много грабежей и насилий».

Почему «Керчь» ушла в Туапсе — видно было выше в моем кратком очерке. Читателю стоит только сравнить эту цитату с предыдущей, чтобы решить, на чьей стороне в действительности были симпатии населения. Можно ли так безжалостно опровергать себя. Кстати, мы находим на стр. 397 следующую деталь, относящуюся к моменту перехода части флота из Севастополя в Новороссийск:

«Команды начали выздоравливать. Причиной служило обстоятельство, что почти все лица, замешанные в расстрелах, бежали раньше».

Иными словами я, Н. Р. Гутан, отрицаю на стр. 397 факты, сообщенные на стр. 425, и действительно все лица, замешанные в расстрелах, бежали раньше. Дело в том, что перед самым моим вступлением в командование миноносцем «Керчь» (т. е. в начале апреля 1918 года), наведя справки, я узнал, что участников расстрела офицеров Варнавинского полка в городе Новороссийске в январе 1918 года на «Керчи» больше не было — они скрылись.

Но здесь, видимо, автором и Н. Р. Гутаном дело затеяно очень тонко: подпущен как будто между прочим расстрел офицеров Варнавинского полка для того, чтобы читателю пришла в

голову догадка, что я был в то время командиром «Керчи» и хотя бы косвенно, но замешан в это дело. Отчего бы не воспользоваться удобным случаем и не замарать своего противника. Но где тонко, там и рвется.

Подводя итоги изложенным событиям, автор на стр. 425 патетически возглашает: «Кто же были вдохновителями этого дела? По чьему наущению был уничтожен целый ряд совершенно новых, только что вошедших в строй кораблей?». [108]

И тут же на стр. 431, излагая те оскорбления и унижения, которые выпали на долю части Черноморского флота, оказавшейся в Севастополе после Новороссийской трагедии, со стороны немецкого командования и союзников, автор пишет:

«Быстро движется время, и печальные остатки русского флота, находясь «под защитой Франции», постепенно приходят в полную негодность. Так некогда умирала в Лиссабоне эскадра адмирала Сенявина».

Не дурно. Автор, восплавав негодованием на стр. 425 по поводу «уничтожения целого ряда совершенно новых, только что вошедших в строй кораблей», на стр. 431 указывает, что такой же ряд совершенно новых, только что вошедших в строй кораблей (т. к. именно часть таких же и сдалась немцам) постепенно приходит в полную негодность.

Спрашивается, стоило ли целому ряду судов уходить из Новороссийска для того, чтобы, претерпев небывалые в истории русского флота оскорбления от немцев, а затем и от союзников, написав в историю флота ряд печальных страниц, привести эти суда в полную негодность?

Необходимо указать автору, что часть Черноморского флота, находившаяся в Севастополе, после позорной сдачи его немцам, не имела права ожидать ни от немцев (которые прекрасно умеют ценить поступки, освященные военно-морской этикой), ни от союзников ничего, кроме недоверия и презрения.

Отметим упорную тенденцию автора путем передержек оправдывать своих «клиентов», а также действовать на невнимательных читателей противоречивыми, искусно замаскированными, отделенными друг от друга промежутками в несколько страниц, цитатами.

Кроме того, Г. К. Графу, старому морскому офицеру, стыдно сравнивать бесславную и позорную кончину сдавшихся судов Черноморского флота с эскадрой адмирала Д. Н. Сенявина — эскадра которого перед интернированием во вражеском английском порту не прошла через позор сдачи и последовавших за ней унижений и оскорблений. [109]

Теперь автор, подтянув все свои «резервы» и «тяжелую артиллерию», закидывает меня градом снарядов самой беззастенчивой клеветы.

На стр. 428 мы к своему удивлению находим:

«Нет ничего тайного, чтобы не стало явным. Во французской миссии, в Екатеринодаре, сами же члены ее проболтались о похождениях некоего лейтенанта Бенье и капрала Гильом — агентов французской контрразведки, которым было поручено высшим командованием уничтожить Черноморский флот, не стесняясь ни подкупам, ни средствами.

Лейтенант Бенье несколько не отказывался тогда от участия своего в этом деле, но, наоборот, весьма любезно сообщил некоторые подробности.

По его словам выполнить такое поручение было довольно трудно. Дело дошло значительно легче лишь после того, как удалось завязать непосредственное сношение с И. И.

Вахрамеевым, Н. П. Глебовым-Авиловым, старшим лейтенантом В. А. Кукель и несколькими матросами.

В особое смущение их приводили дредноуты, которые первое время совершенно не поддавались агитации, толь ко потом уже представилась возможность склонить на свою сторону и часть команды «Свободной России», но она считалась весьма «ненадежной».

В распоряжении Бенье и Гильома имелись значительные суммы, из которых некоторую часть они передавали на расходы своим «русским друзьям», уплатив им кроме того вперед часть условленного вознаграждения, ввиду того, что подкупить все команды было немисливо и представляло некоторый риск для пользы дела».

Здесь уже прямо говорится о том, что я был подкуплен союзниками — и это после тех бедствий и лишений, которым я и моя семья были подвергнуты после потопления флота (вплоть до ампулы мороженщика), несмотря на «французские деньги», звеневшие в моем кармане.

Насколько бесчестны и нелепы эти предположения, я предоставляю судить читателю, но все же замечу: автору, видимо, показались недостаточно убедительными те мотивы, которые он изложил выше: вдруг все раскроется, ведь в России осталось так много свидетелей деятельности [110]

В. А. Кукеля, который может быть постарается себя оправдать и сошлется на показания очевидцев... Что же делать? — и автор, посоветовавшись с господином Н. Р. Гутаном, решает очень хитро «ущемить» В. А. Кукеля, да так, чтобы не было никакой возможности ему «вылезти», даже в том случае, если все остальные клеветы будут явно опровергнуты — надо во что бы то ни стало свести эту «проклятую романтику» Кукеля на нет. Думали и придумали следующее: «лейтенант Венье нисколько не отказывался тогда от участия в этом деле» и дальше «но, наоборот, весьма любезно сообщил некоторые подробности членам французской миссии». Но кому из членов французской миссии он сообщил эти «подробности» и кто из них кому передал? господину Гутану? или комунибудь другому? Ведь автор знает, что всякий порядочный человек, возводя на другого столь тяжелые и позорящие его обвинения, всегда указывает фамилии лиц, коими эти факты были сообщены, если они не сообщались непосредственно самому обвинителю. Дело ясно: автор никаких достоверных источников назвать не может.

Конечно, мною будут приняты меры, могущие пролить свет на эту клевету, так как здесь затронута не только моя честь, но и честь родного мне флота.

Оговорюсь, между прочим, мне кажется, что если я, Н. П. Глебов-Авилов и И. И. Вахрамеев были главными помощниками агентов французской контрразведки, то ясно, что мы не только должны были действовать совместно, но и познакомиться и иметь постоянное общение в Новороссийске. Если бы мы сами этого не сделали, то, конечно, такие «предприимчивые», как их описывает автор, агенты французской контрразведки, как лейтенант Бенье и капрал Гильом, свели бы нас вместе, памятуя, что «в единении сила». Между тем не только за все время пребывания в Новороссийске Н. П. Глебова-Авилова и И. И. Вахрамеева я с ними никаких сношений не имел, но и до сих пор не имел случая с ними познакомиться.

Считаю нужным обратить внимание читателя и еще на одно обстоятельство; автор подчеркивает, что дредноуты особенно плохо поддавались агитации за потопление, приводя [111] своим упорством в отчаяние бойких французских агентов.

Естественно напрашивается вопрос, чем же именно, (если не считать моей зловредной агитации с переодеванием) объясняется тот факт, что на дредноутах действительно было большое число сторонников ухода в Севастополь? Не велась ли там за это агитация, которая не менее противоположно ей вносила раскол в сбитых с толку массах? Как увидим ниже, это действительно имело место.

Распространяясь дальше об участии официальных и «неофициальных» агентов французской контрразведки в потоплении судов, автор на стр. 428 описывает их тревогу:

«Сильные опасения вызывало то, что командующий не задумается открыть огонь по неповинующимся кораблям, так как это могло бы испортить все планы».

Вот теперь видно, кто после заседания 16 июня, на котором решилась судьба флота, распускал провокационные слухи о том, что по неповинующимся кораблям будет открыт огонь, слухи, усиленно муссировавшиеся среди команд, решивших топить свои суда. Я утверждаю, что их распускал сам А. И. Тихменев и его ближайшие сторонники, у которых, однако, в последнюю минуту не хватало ни мужества, ни характера, чтобы привести в исполнение свою угрозу. Еще перед походом миноносцев из Севастополя (перед занятием его немцами) в Новороссийск по этим кораблям расхаживала «делегация» от «Воли» и «Свободной России», заявляя, от имени этих дредноутов, что всякий корабль, который

посмеет выйти из Севастопольской бухты, будет расстрелян из 12-дюймовых орудий. Но миноносцы не позволили себя запугать и обещали ответить минной атакой на первый же выстрел.

Кстати, для общей характеристики любопытно зарегистрировать еще один факт.

В самый день ухода из Севастополя в Новороссийск, около 10 часов вечера, т. е. за час до похода, я возвращался с заседания командиров кораблей, решивших идти в Новороссийск, на котором был выработан порядок выхода из бухты и диспозиции на походе. Эти вопросы требовали серьезного внимания, так как Севастопольская бухта самым беззащитным образом блокировалась немецкими [112] подводными лодками, и было известно, что они имели предписание от немецкого командования топить каждое русское военное судно, которое «посмеет» выйти из Севастопольской бухты. (Господа Тихменев, Гутан, Житков и компания — не правда ли, как все это «страшно»?).

Когда я уже подходил к сходням миноносца «Керчь», откуда-то вынырнул уже знакомый читателю командир миноносца «Дерзкий», бывший лейтенант Житков, и сказал мне: «Вы идете в Новороссийск? А разве Вы не знаете, что «Воля» и «Свободная Россия» расстреляют Ваш миноносец из 12-дюймовых орудий?». На это я ответил, что знаю, но прибавил, что миноносцы при первом же выстреле произведут на дредноуты минную атаку. После этого, высказав лейтенанту Житкову свой взгляд на общее положение, я спросил, почему собственно его миноносец не уходит из Севастополя вместе со всей минной бригадой? Последовал ответ: «Я собственно здесь ни при чем, — команда так решила, а я считаю для себя неудобным производить какое бы то ни было давление на их совесть».

Неправда ли, получается прекрасная иллюстрация типа демократического офицера?

Дальше на той же 428 стр. автор, продолжая распространяться о моей связи с французскими агентами, пишет:

«В числе других обязательств, принятых на себя В. А. Кукслем, он взялся, между прочим, следить за «Свободной Россией», чтобы она не переменяла своего решения. В случае, если бы она захотела все-таки присоединиться к «Воле», Кукель должен был настичь ее на «Керчи» и угрозами вернуть обратно».

Вот это тоже любопытно, но абсолютно неверно. В действительности имел место следующий факт: вечером 17 июня, т. е. тогда, когда уже все корабли, решившие идти в Севастополь, стояли на внешнем рейде, появился председатель судового комитета дредноута «Воля» (фамилию, к сожалению, не помню) и сообщил о том, что час тому назад он имел с глазу на глаз беседу с А. И. Тихменевым (он же командир «Воли») и убеждал его не идти в Севастополь, а ночью, свезя команду на берег, затопить суда. На это А. И. Тихменев ответил ему, что, вполне разделяя его взгляд, он, Тихменев, якобы [113] находится под давлением команды, которая твердо решила идти в Севастополь и ни в коем случае не даст потопить суда. Председатель судового комитета «Воли» пробовал спорить с А. И. Тихменевым, утверждал, что все это гнусная ложь, что настроение команды ему известно, что одного решительного слова Тихменева, пользующегося большим влиянием на команду, благодаря своему «демократическому» к ней отношению, достаточно, чтобы убедить матросов в необходимости потопить родной корабль, тем более что решение «Воли» идти в Севастополь, главным образом, являлось следствием его, Тихменева, влияния и агитации. Все напрасно. Командующий флотом продолжал свою политику уклончивости. Председатель судового комитета «Воли» был крайне взволнован и нервничал. Закончил он свое сообщение тем, что умолял миноносец «Керчь» догнать эскадру, когда та снимется с якоря, минным залпом затопить дредноут «Воля», после чего команды других кораблей, будучи деморализованными, согласятся затопить свои корабли. Он утверждал, что «Воля» по сравнению с миноносцем «Керчь» находится в таком небоеспособном состоянии, что не будет в состоянии отразить атаку «Керчи». Это предложение было категорически отвергнуто.

Отказ был мотивирован тем, что этические чувства не позволяют нам губить такое большое число людей, тем более что все равно им придется впоследствии отдать отчет в своем поступке перед историей русского флота.

Дальше на стр. 429 мы читаем:

«Вот общая картина того, что происходило одновременно в Петрограде и в Новороссийске в момент решения судьбы Черноморского флота: вот кто в действительности организовал его потопление.

Нельзя не подчеркнуть еще раз, что союзникам не было никакого основания бояться захвата и использования немцами наших кораблей, так как они всегда могли легко противопоставить им значительно большие силы. Их совести и выводам читателя мы предоставляем скорбную повесть крушения русской мощи на Черном море». [114]

О том, как союзникам не было никакого основания бояться захвата немцами наших кораблей, мы уже выше говорили, но нас поражает то, что автор, посвятивший свой труд Андреевскому флагу, еще раз скорбит о том, что не все корабли Новороссийской эскадры опозорились. (Суда Новороссийской эскадры плавали под Андреевским флагом. Под этим флагом суда, ушедшие в Севастополь, и сдались немцам).

Так же как и автор, я предоставляю читателю самому судить, кто поступил правильнее: кто уже не так усиленно заботился о русской мощи на Черном море (которой, кстати сказать, уже не было к тому времени и участь которой предрешил Брест-Литовский договор, что так же и подтверждает автор) или те, которые об ней столь усиленно «пеклись».

Отметим попытку автора одурачить читателя необоснованными патетическими возгласами, опровергнутыми им же самим.

Я считал бы свою задачу незаконченной, если бы оставил без внимания заключительную часть рассматриваемой книги, где автор, подводя итоги Европейской войне и захлебываясь от восторга, воспекает доблесть немецких моряков, потопивших в английском порту Скапа-Флоу в июне 1919 года германские военные корабли накануне их передачи союзникам. Поучительно провести некоторую параллель, едва ли не приходившую в голову автору, между положением германского флота в Скапа-Флоу и Черноморского флота в Новороссийске.

К моменту потопления германского флота монархия была уже свергнута и революция глубоко захватила Германию — влияние большевиков (спартаковцев) было огромно среди матросов, на флоте имели место частые случаи убийств офицеров своими командами. Рассуждая подобно Г. К. Графу, следовало бы сделать заключение, что если для русских морских офицеров вся история, традиции, воинский дух и доблесть оказались «втоптаны в грязь», то, казалось бы, следует распространить аналогичную свободу от всех нравственных принципов и на германских моряков. Но доблестный «капитан [115] 2 ранга Российского Императорского флота» (как он подписывается в конце своей книги) по правилу, «что для русского здорово, то для немца — смерть», делает исключение для моряков германского флота.

Германский флот стоял в Скапа-Флоу с полным составом команд, на якоре, а не у стенки, у него не было угроз Кубано-Черноморской республики, не было положения «вне закона», в море не было настороженного противника, не было риска гибели. В чем же дело?

Достойный поступок личного состава германского революционного флота Г. К. Граф считает сообразным с его духом, а такие же действия в русском революционном флоте он полагает возможными только лишь с помощью «демагогической агитации», «подрыва основ дисциплины» и союзнического «подкупа». Где же — последовательность и объективность? Рассмотрим точку зрения Графа. (Цитирую только выдержки, имеющие принципиальный характер). На стр. 417:

«Флот вышел в последний поход из своей родной базы. Он шел уже не с гордым вызовом врагам, не на жестокий бой, но принять бесславие, вкусить горечь плена.

Что происходило в это время в душе германских моряков, каким отчаянием, горем и незаслуженной обидой были наполнены их сердца?

И все германские суда, интернированные в Скапа Флоу, должны были перейти в собственность союзников.

Но все расчеты победителей, поделивших между собой уже корабли, внезапно рухнули, и телеграф оповестил весь мир о совершившейся в Скапа-Флоу трагедии».

На стр. 448:

«Все германские суда, находившиеся там, были затоплены своими командами, не сможими равнодушно отнестись к тому, чтобы они попали в руки торжествующих врагов.

Взрыв негодования союзных держав был ответом на героический поступок германских моряков. Особенно по этому поводу волновалась и горячилась французская печать, которая даже называла этот подвиг «бесславным делом» и «грязным поступком». Видимо, наш XX век, окончательно погрузившийся в мелочные дразги житейской суеты, уже не в состоянии понять красоты героизма [116] и воздать ему должную дань. Однако дело было сделано, и никогда германский флот не станет уже обстреливать родные берега, никогда в руках неприятеля он не будет угрожать родной стране. Необходимо отметить то высокое проникновенное понимание долга и чести, ту солидарность и сплоченность между собой, что проявили германские моряки — участники Скапа-Флоуской трагедии, начиная с Рейтера и кончая экипажем эскадры.

Обвинение Германии в преднамеренном потоплении флота в Скапа-Флоу носило характер явного пристрастия, слишком тут очевидна инициатива офицеров и команд, чтобы можно было толковать о каком бы то ни было секретном правительственном приказе на этот счет.

Такие дела делаются не по указу свыше, но голосом чувства и гордости и чужды чьего либо влияния. Как по ступили немцы, так и поступил бы личный состав любого флота».

Да, господин Г. К. Граф, такие дела совершаются не по указу свыше и чужды чьего либо влияния (тем более подкупа).

Но я позволю себе возразить автору его же словами, высказанными им по адресу союзников:

«Видимо, наш XX век создал в тиши эмиграции из «императорского русского флота» капитана 2 ранга Г. К. Графа, человека окончательно погрузившегося в мелочные дразги житейской суеты, который уже не в состоянии понять «красоты героизма и воздать ему должную дань».

Отмечу характерную разницу между адмиралом Рейтером, командовавшим судами немецкого флота, нашедшими себе могилу в Скапа-Флоу, и бесславным командующим Черноморским флотом А. И. Тихменевым.

На стр. 449 мы находим у автора текст тайного приказа адмирала Рейтера:

«Со среды 18 июня необходимо все стороны усилить бдительность, как ночью, так и днем, и наблюдать не только за каждым необычным движением или действием англичан, но также и за сигналами, подаваемыми с «Эмдена». Ввиду того что нельзя всецело положиться на экипаж, офицеры должны сами принять необходимые меры наблюдения и предосторожности. [117]

Я имею намерение потопить корабли, если враг сделает попытку овладеть ими без согласия на то нашего правительства. Если же правительство по условиям мирного договора согласится отдать наши суда, то в таком случае они будут переданы, и пусть позор за это ляжет на тех, кто нас поставил в такое положение.

Офицеры командного состава должны сохранить этот документ в строгой тайне. Он не должен попасть в руки врага. Подписал: фон Рейтер».

Позорное поведение А. И. Тихменева совершенно противоположно. Находясь в лучших условиях, в отличие от Рейтера, так как, имея за собой полную поддержку правительства, он в тот момент, когда стало ясно, что вверенный ему флот в ближайшие дни будет неизбежно передан торжествующему врагу, делается «ультра-демократичным» и выносит секрет на бесконечные митинговые обсуждения деморализованных масс, часть которых он держит под своим твердым влиянием. Больше того, он разлагает команды двойственными решениями, определенно не высказывая своего мнения.

Он разлагает их издевательствами по поводу «непонятливости» московских радиотелеграмм. Он доходит в своей истеричности до того, что секрет становится известным с быстротой молнии за пределами Новороссийска, превращаясь таким образом в «секрет полишинеля». Вместо того чтобы сплотить вокруг себя весь командный состав, А. И. Тихменев ни разу не приглашает к себе даже командиров для обсуждения столь важного вопроса, а, запершись в каюте, шушукается только со своими фаворитами, не желающими топить флот.

Какое глубокое органическое различие во всем поведении Рейтера и Тихменева. А ведь, наверное, Рейтер не менее Тихменева «негодовал» на свое правительство, так как с точки зрения политических симпатий Рейтера оно не могло приходить к нему «по вкусу».

Любопытно, что общее мнение наиболее уважаемых в старом флоте бывших морских офицеров высказалось в пользу потопления флота в Новороссийске, как единственного выхода из положения. [118]

В клеветнической книге Г. К. Графа опозорен весь русский флот, замараны светлые страницы его исторических подвигов. Во имя чего сделано это черное дело? Какие причины побудили бывшего капитана 2 ранга Г. К. Графа совершить такое преступление? Отвечу прямо — во имя призрачной реабилитации среди эмигрантских кругов и иностранного общественного мнения тех непорядочных людей, которые вместо молчания и стыда дали автору позорную информацию, изобразив свою скверную роль как геройство и оклеветав тех, кто еще сохранил гражданское достоинство. Но автор, к своему стыду, по соображениям политической борьбы, не захотел отнестись к обильно предоставленному ему материалу, как следовало бы честному и любящему свой флот военному моряку. [119]

Белый флот на Черном море

П. А. Варнек. Образование флота Добровольческой армии

Первые попытки создать какие-либо морские силы, непосредственно подчиненные Добровольческой армии, были предприняты после занятия 25 июля 1918 года Ейска казаками генерала Покровского. В порту оказался поврежденный крейсер пограничной стражи «Ястреб» и несколько малых буксиров и катеров. Капитан 2 ранга Г. Ф. Дудкин был назначен командиром этого порта, и последовало распоряжение откомандировать в Ейск морских офицеров. Немного позже начальником охраны побережья Азовского моря от Ростова на юг был назначен капитан 1 ранга Н. Н. Дмитриев. Но уже 2 августа два буксира, укомплектованные морскими офицерами, выйдя из Ейска, высадили в Приморско-Ахтарской десант казаков, которые освободили от красных все побережье до Таманского полуострова, оккупированного в то время немцами.

26 августа 1918 года Добровольческая армия достигла Черного моря и заняла Новороссийск. Теснимая ею красная Таманская [122] армия, под обстрелом стоявшего в порту немецкого тральщика, ринулась по береговому шоссе на юг. Опрокинув 28 августа у Архипо-Осиповки пытавшиеся преградить ей дорогу грузинские части, 1 сентября Таманская армия вступила в Туапсе и затем повернула в сторону Армавира. 8 сентября отряд кубанских казаков, действовавших в составе грузинской армии, без боя занял Туапсе и затем, соединившись с подошедшими из Новороссийска частями Добровольческой армии, влился в ее состав.

Лишившись таким образом единственной оставшейся у них боеспособной части, грузины эвакуировали все побережье до Адлера включительно, но немцы, опасавшиеся дальнейшего распространения влияния Добровольческой армии до Батума, откуда они рассчитывали получать нефть, под предлогом нейтрализации границы высадили у Адлера небольшой отряд. Но неприязненное отношение правительства Грузинской республики, отчасти вызванное непримиримой политикой генерала А. И. Деникина в вопросе о национальных меньшинствах, принудило Добровольческую армию держать в районе Адлера отряд войск.

Выход армии к морю не принес каких-либо положительных результатов, ибо все уцелевшие после самопожертвования флота в Новороссийске корабли и коммерческие пароходы находились в немецких руках. В Новороссийском порту оказалось лишь несколько малых судов, для выхода которых в море требовалось разрешение немецкого командования, с которым генерал А. И. Деникин отказался иметь какие-либо сношения. Тем не менее в Новороссийске было образовано управление военного порта, и сюда стали прибывать морские офицеры, гардемарины и кадеты Морского корпуса. Командиром порта был назначен капитан 2 ранга В. Н. Потемкин, главной деятельностью которого явилось оборудование морскими орудиями бронепоездов с морскими командами. По его собственной просьбе Потемкин был назначен командиром бронепоезда «Князь Пожарский» и в январе 1919 года командиром порта стал контр-адмирал А.М. Клыков. При ставке генерала А. И. Деникина в Екатеринодаре было организовано морское управление, временным начальником которого явился капитан 1 ранга В. И. Лебедев, [123] а с декабря вице-адмирал А.М. Герасимов, помощником которого стал Лебедев.

22 ноября, после капитуляции Турции и Германии, в Новороссийск пришли английский крейсер «Ливерпуль» и французский «Эрнест Ренан», команды которых посетили Екатеринодар, где им была устроена восторженная встреча. Одновременно в Севастополь и Одессу прибыли другие корабли Антанты. Представители союзного командования сообщили о решении стран Антанты оказать Добровольческой армии помощь оружием и снабдить ее всем необходимым, но фактически первый английский транспорт прибыл в Новороссийск лишь 16 февраля 1919 года, и в дальнейшем одна Великобритания интенсивно помогала Добровольческой армии снабжением.

Но прибытие союзников не оправдало надежд на их помощь по образованию флота, и даже наоборот, они принесли в этом деле лишь вред. Вскоре после их прибытия в Севастополь они подняли свои флаги на всех исправных миноносцах: «Дерзкий» и «Счастливый» были взяты англичанами, «Беспокойный» и «Капитан Сакен» стали французскими Р-1 и Р-2, итальянский флаг поднял «Зоркий», а греки получили «Звонкий». «Воля», единственный оставшийся после самоуничтожения в 1918 году флота дредноут, англичане увели в Измит. Склады порта подверглись буквально разграблению, и команды кораблей всех наций брали без всякого разрешения все, что находили для себя интересным; в особенности в этом отличились греки с броненосца «Лемнос». В Симферополе образовалось марионеточное крымское правительство, не признававшее генерала А. И. Деникина и претендовавшее на принадлежность ему всего, что находилось в Севастополе. В Севастополь прибыл вице-адмирал В. А. Канин, которого генерал А. И. Деникин назначил командующим флотом. Но он держал себя совершенно независимым от Екатеринодара и, сформировав весьма многочисленный штаб, под предлогом, что крымское правительство противится переводу кораблей в Новороссийск и забастовки рабочих на судоремонтном заводе, не принимал никаких мер для восстановления кораблей. [124]

В Одессе, где французы и греки высадили свои войска, управляющим военно-морской базой порта стал вице-адмирал Д. В. Ненюков. Но там, кроме двух канонерских лодок и тральщиков бывшей украинской партии траления, военных кораблей не было. Связь с Екатеринодаром отсутствовала, и морская база мало чем себя проявила.

С грузовым тоннажем дело обстояло значительно лучше. Правда, союзники захватили все транспорты из бывших австрийских и немецких пароходов, но остальные, так же как пароходы контролируемых правительством обществ, были в распоряжении Добровольческой армии. Но частные судовладельцы, чтобы избежать всяких реквизиций и большевицкой национализации, стремились вывести свои пароходы за проливы, и во избежание этого было опубликовано запрещение пароходам покидать Черное море без разрешения. Французы иногда более или менее принудительно фрахтовали пароходы для своих нужд; некоторые большие пассажирские пароходы РОПит {16} до конца Гражданской войны находились в их распоряжении и, в частности, были ими использованы для репатриации русских солдат из Франции и военнопленных. Но фрахтование пароходов и

военных транспортов приносило Добровольческой армии валюту, которой расплачивались за покупку за границей самого необходимого. После ухода немцев, первой военной перевозкой была отправка 29 ноября 1918 года на пароходе «Саратов» частей Добровольческой армии из Новороссийска в Керчь и Ялту.

Несмотря на пассивность штаба флота, группы морских офицеров начали приводить в порядок некоторые корабли, на которых находились лишь вольнонаемные караульные команды, состоявшие из матросов, симпатизировавших левым партиям, и которых приходилось так или иначе удалять. Была набрана команда для посыльного судна «Буг». Вопреки противодействию англо-французов, опасавшихся подводных лодок, капитаном 2 ранга В. В. Погорецким и группой офицеров была восстановлена подводная лодка «Тюлень». По поручению адмирала В. А. Канина, [125] она дважды ходила в Новороссийск: 6 февраля с посланным им для связи в Екатеринодар капитаном 1 ранга П. Ф. Келлером, а потом за деньгами для флота. Ввиду отсутствия для лодки в Новороссийске необходимых ей материалов, «Тюлень» не смог перебазироваться в этот порт, тогда как «Буг» оставался в распоряжении адмирала В. А. Канина. В декабре, по предписанию начальника Морского управления в Екатеринодаре, группа из восьми морских офицеров со старшим лейтенантом А. П. Ваксмутом во главе отправилась из Новороссийска в Севастополь, имея задачей получить в распоряжение Добровольческой армии военный корабль. Не встретив никакой поддержки в штабе адмирала В. А. Канина, эта попытка успеха не имела, и в январе 1919 года, чтобы иметь хоть какое-нибудь судно, в Новороссийске был вооружен двумя 75-мм орудиями ледокольный буксир «Полезный», который под командой капитана 2 ранга С. Медведева явился первым кораблем Добровольческой армии.

В конце марта Красная армия, заняв Украину, подошла к берегам Черного и Азовского морей и к Крымским перешейкам. 3 апреля французское командование приняло решение эвакуировать Одессу, ввиду отказа многих французских частей воевать с большевиками и революционного движения на кораблях. Эвакуация была затруднена забастовкой русских коммерческих моряков, покинувших свои пароходы. Ввиду этого, около 20 различных судов, в том числе канонерские лодки «Донец» и «Кубанец», были выведены в близлежащий Тендровский залив и там оставлены на якорях. Адмирал Д. В. Ненюков на яхте «Лукулл» ушел в Константинополь и туда же был отбуксирован транспорт-мастерская «Кронштадт». Всего было эвакуировано 112 различных судов, очевидно считая и парусники. Ушли в Севастополь несколько тральщиков и транспорт «Шилка», на который перешли и частично заменили его команду собранные еще ранее на стоявшую в порту с неисправными машинами канонерскую лодку «Кубанец» воспитанники Морского корпуса. «Шилка» — транспорт Сибирской флотилии — была послана адмиралом А. В. Колчаком из Владивостока для связи с генералом А. И. Деникиным и с военным грузом и прибыла в [126] Черное море в начале 1919 года. За несколько дней до эвакуации, старший лейтенант Н. Н. Машуков с тральщиком «Ольга» (военный комендант мичман И. Д. Богданов) и баржей, имея на борту отряд из 78 офицеров-грузчиков, прибыл на остров Березань, где были огромные склады снарядов и военных материалов бывшего Юго-Западного фронта. Офицерский отряд разоружил находившуюся на острове большевицки настроенную караульную команду и приступил к погрузке снарядов. В течение недели на суда было погружено вручную около 50 000 3- и 6-дюймовых снарядов и некоторое количество минометов, после чего «Ольга» с баржей на буксире, минуя Севастополь, пришла в Новороссийск, как раз в то время, когда Добровольческая армия ощущала снарядный голод. После ухода «Ольги» команда французского крейсера «Брюи» 12 апреля взорвала на острове батареи и уничтожила все склады. Сформированная в Одессе бригада добровольцев генерала Н. С. Тимановского отошла в Бендеры и была интернирована румынами в Тульче. 27 марта красные начали наступление на Мариуполь. После двухдневных боев с превосходящими силами и восстания в тылу рабочих заводов добровольцы отошли в порт и в ночь на 29 марта начали эвакуироваться морем. Бронепоезд «Вперед за Родину» пришлось оставить. С моря добровольцев поддерживал отряд французских кораблей в составе

миноносцев «Юссар», «Ансень Анри», канонерской лодки «Ла Скарп» и яхты, которые для защиты порта высадили небольшой десант. 29 марта французы заключили с красными однодневное перемирие, благодаря которому эвакуация порта прошла спокойно. Пароходы с беженцами и войсками ушли в Керчь, а недостроенные минные транспорты «Грозный» и «Страж» и суда землечерпательного каравана были отведены в Ейск. В порту осталось два буксира, один из которых, под названием «Воля», на следующий день был захвачен в море миноносцем «Юссар» и при буксировке затонул. 31 марта красные заняли Бердянск. В ночь на 29 марта для поддержки отряда добровольцев, защищавшего Арабатскую стрелку и состоявшего всего лишь из двух рот, одного эскадрона и двух орудий, к Геническу пришел «Полезный» [128] с капитаном 1 ранга Н. Н. Дмитриевым на борту. 1 апреля «Полезный» встретил шедший под красным флагом «Ледокол № 4», который, после нескольких попаданий и имея 13 убитых, выбросился у Генического маяка на берег. В этот же день французский миноносец «Деортъе» обстрелял генический вокзал, разгрузочную станцию красных войск, действовавших против Чонгара и Арабатской стрелки. Уже 24 марта из Севастополя в Азовское море вышел «Тюлень», с разрешением французского командования, которое требовалось на каждый выход подводной лодки. После захода в Феодосию и Керчь командир связался со штабом генерала А. А. Боровского в Симферополе, который просил командира уничтожить находившиеся в Геническе плавучие средства; 27 марта «Тюлень» вышел из Керчи, но после двухдневных попыток пройти между ледяными полями был принужден вернуться. 2 апреля, на этот раз с помощью вооруженного в Керчи одной 75-мм пушкой буксира «Никола Пашич», «Тюлень» подошел к Геническу, около которого стоял «Полезный». На следующий день «Тюлень», несмотря на лед, подошел ближе и обстрелял вокзал и порт, где его снарядами был поврежден катер пограничной стражи «Коршун» и вызван пожар на стоявших парусниках. Вечером, по просьбе начальника отряда на стрелке, «Тюлень» и «Деортъе» обстреляли скопление красных перед Генической горкой. Всего за день «Тюлень» сделал 120 выстрелов из 75-мм орудий. Но с утра 5 апреля северный ветер погнал ледяные поля и причинил повреждение рулевому устройству, что вынудило «Тюлень» 7 апреля вернуться в Керчь и затем, для исправления штуртроса и пополнения запасов, уйти в Севастополь. 6 апреля на позицию вернулся «Полезный» и 10 апреля к нему присоединился вооруженный в Керчи двумя 75-мм орудиями колесный пароход «Граф Игнатъев», которые после прорыва красными 4 апреля Перекопских позиций содействовали отходившим к Ак-Монаю частям. В течение этого времени, со стороны мелководного Егорлыцкого залива, оборону Перекопских позиций поддерживал отряд капитана 1 ранга А. Д. Бубнова в составе малых английских мониторов и речной канонерской лодки К-15. Это была оборудованная в начале 1917 года для [129] действий на Дунае находившаяся в постройке паровая шаланда, по бортам которой навесили принадлежавшую ранее какому-то броненосцу броню, установили броневую рубку, два 150-мм орудия под щитами (снятые, вероятно, при перевооружении «Кагула»), 75-мм зенитку, пулеметы, дальномер и прожектор. Это был грозный для борьбы с берегом корабль, но слабая машина не могла ему дать более 6 узлов хода, да еще при условии тихой погоды. Но, считая, что для действий у мелководных крымских перешейков лучшего корабля в русском флоте не было, старший лейтенант А. А. Остолопов по своей инициативе набрал в Севастополе для К-15 команду и в конце марта ушел к Перекопу. В это же время была организована экспедиция под командой капитана 1 ранга А. В. Городысского для вывода из Хорлов оставленных там буксирных катеров и барж с мукой. Для этой цели были привлечены пришедшие из Одессы в Севастополь тральщики «Волга» (командир — лейтенант Б. Брискорн) и колесный «Граф Игнатъев» (командир — старший лейтенант Г. Мусатов), на которые был взят небольшой офицерский отряд «Морской охраны Севастополя» под командой старшего лейтенанта А. Кисловского. Операцию прикрывал греческий миноносец «Пантер». Офицерский отряд был высажен в порту, отогнал ружейным и пулеметным огнем внезапно появившийся партизанский отряд Тарана и все находившиеся в Хорлах плавучие средства были выведены из порта.

В конце концов, ввиду бездействия адмирала В. А. Канина и его штаба, приказом главнокомандующего от 25 марта должность командующего несуществовавшего флота была упразднена. Вместо этого со званием «Главного командира судов и портов Черного моря» был назначен энергичный контр-адмирал М. П. Саблин, который 2 апреля прибыл в Севастополь. Но время было упущено, так как до эвакуации оставалось менее двух недель. 4 апреля Красная армия прорвала Перекопские позиции, обороняемые слабым отрядом добровольцев и двумя ротами греков; 9 апреля красные заняли Джанкой и добровольческие части генерала А. А. Боровского отходили на Ак-Монайский перешеек, связывавший Керченский полуостров с Крымом. [130]

Адмирал М. П. Саблин приказал всеми силами ускорить приготовления для перехода кораблей в Новороссийск и ввиду того, что там не имелось никаких необходимых военным кораблям запасов, взять возможно большее количество материалов из складов Севастопольского порта, погрузив их на транспорты. Ввиду отказа рабочих что-либо делать, погрузка происходила силами малочисленных команд кораблей и с помощью некоторого числа сухопутных офицеров, все это при противодействии содержателей и прочих служащих порта. Кроме того, транспорты и предназначенные для перевода в Новороссийск кораблей буксиры надо было снабдить углем и для последних составить экипажи. Группы офицеров заняли некоторые миноносцы, в частности под командой капитана 2 ранга Н. Р. Гутана образовалась группа на эскадренном миноносце «Поспешный», но недостаток времени и команды не дал им возможности привести корабли в порядок. В момент ухода в Новороссийск на «Поспешном» было лишь 25 человек команды.

Немного ранее, по распоряжению крымского правительства, решившего обзавестись флотом, лейтенант Галафре начал восстанавливать миноносец «Живой», который по исчезновении этого правительства поднял Андреевский флаг. Вскоре командиром миноносца стал старший лейтенант Кисловский, и ко времени его ухода из Севастополя его команда состояла из десяти морских и десяти армейских офицеров и некоторого количества студентов и гимназистов. Уже в Новороссийске с транспорта «Шилки» на «Живой» были переведены гардемарины и кадеты Морского корпуса. Капитан 2 ранга В. А. Потапьев, после переговоров с лицами штаба и двух рапортов на имя командующего флотом, 28 марта добился разрешения с помощью Морского офицерского отряда занять крейсер «Кагул» и снять с него рабочих спасательной партии. Этот крейсер в конце 1917 года окончил капитальный ремонт, и его котлы и машины были в относительном порядке; его артиллерия была модернизирована и теперь состояла из четырнадцати 130-мм, двух 75-мм и двух 40-мм зенитных орудий системы Виккерс. По распоряжению немцев в 1918 году крейсер был передан в качестве базы [131] спасательной партии, работавшей по подъему линейного корабля «Императрица Мария». Вероятно по этой причине, считая «Кагул» небоеспособным, союзники им не завладели. Капитан 2 ранга Потапьев начал набирать команду и готовить крейсер к походу. К моменту ухода из Севастополя команда крейсера состояла из 42 морских офицеров, 19 инженер-механиков, двух врачей, 21 сухопутного офицера, нескольких унтер-офицеров и 120 охотников флота, включая три десятка присланных из Екатеринодара кубанских казаков, и это при нормальном составе в 570 человек. Первыми зачисленными на крейсер охотниками явились сыновья морских офицеров Г. Афанасьев, В. Гезехус и кадет Одесского корпуса Г. Суханов {17}. Перед уходом из Севастополя из Екатеринодара прибыл капитан 1 ранга Лебедев и вступил в командование «Кагулом», а капитан 2 ранга Потапьев стал его старшим офицером. Офицеры «подплава» были наиболее активными и по примеру «Гюленя» готовили еще две лодки, и это несмотря на разные неприятности с французами. Капитан 2 ранга Я. В. Шрамченко начал восстанавливать канонерскую лодку «Терец», большинство команды которой составил прибывший из Ялты в день эвакуации кавалерийский отряд во главе с полковником, вмешивавшимся во все корабельные дела. Большой транспорт «Рион», на котором не было команды, должен был идти на буксире и предназначался для эвакуации гражданских лиц. Отход был назначен на 11 апреля, и на борту находилось около 4 тысяч

пассажиров, расположившихся по палубам [132] и трюмам. Среди них на корабль проник большевицкий агент, принесший в носовой трюм в чемодане бомбу с часовым механизмом. Уже в сумерках произошел большой силы взрыв, разбросавший во все стороны скученных пассажиров; 21 человек был убит и 79 ранено, среди них женщины и дети. Командиру транспорта капитану 2 ранга Городысскому и бывшим с ним на борту девяти офицерам удалось энергичными действиями остановить возникшую панику, во время которой несколько человек спрыгнуло за борт. Все же после наведения порядка, около половины пассажиров, опасаясь новых взрывов, покинуло транспорт.

По мере возможностей суда покидали Севастополь.

Утром 12 апреля была занята Балаклава, где во избежание захвата красными был затоплен груженный снарядами транспорт «Батум». Защитить Севастополь от подходившей Красной армии шансов почти не было. Добровольцы располагали лишь незначительным гарнизоном, имелся батальон греков, несколько батальонов алжирских и сенегальских стрелков и два батальона французского 175-го полка, которые отказывались воевать. Стоявшие в Северной бухте французские линейные корабли могли составить своей артиллерией большую помеху продвижению красных, но в случае боев в городе причинить ему неисчислимы разрушения. Французы не могли в ближайшие дни эвакуировать Севастополь, так как в Северном доке стоял их линейный корабль «Мирабо», севший на мель и только что стянутый с камней при помощи крейсера «Кагул»; для заделки его пробоин требовалась двухнедельная работа. 15 апреля передовые части Заднепровской дивизии красных заняли Инкерман и подошли к Корабельной слободке. С целью воспрепятствовать их дальнейшему продвижению французская полевая артиллерия открыла огонь, но по ошибке обстреляла район Черной речки и радиостанцию.

В это же утро на флагманский корабль командующего французским флотом адмирала Амета «Жан Бар» прибыли парламентарии с одним предложением — начать переговоры о заключении перемирия и нейтрализации Севастополя с условием, что отряды добровольцев и занятые [133] ими корабли должны быть немедленно разоружены. В связи с этим адмирал Амет послал адмиралу М. П. Саблину письмо, полученное им лишь вечером 15 апреля, следующего содержания: «В интересах сохранности арсенала, которую я вполне надеюсь обеспечить, я Вас прошу приказать «Кагулу» и остальным кораблям, которые Вы хотите увести отсюда, сняться в течение ночи и ближайшего утра. Это будет также соответствовать положению, что Вы лично вместе с морскими офицерами тоже уйдете отсюда, за исключением командира над портом и тех офицеров, без которых нам нельзя обойтись в деле помощи нам по сбережению портовых учреждений. Я считаю также условленным, что тральщики останутся здесь, чтобы очистить минные поля вместе с помощью летчиков». Коменданту крепости генералу В. Ф. Субботину и полковнику Нолькену адмирал Амет предложил немедленно оставить город и вывести из него русские войска.

Адмирал М. П. Саблин отправил французскому адмиралу письменный протест, в котором говорил, что такое распоряжение является совершенно неожиданным, ввиду ранее сделанных адмиралом Аметом заявлений, что Севастополь не будет эвакуирован в ближайшее время, и что собрать быстро личный состав затруднительно, так как многие из людей живут в городе, и что в течение 12 часов нет возможности погрузить на суда все необходимое, войска и беженцев. В конечном результате адмирал Амет, который не имел другой возможности спасти «Мирабо», как заключить перемирие, назначил последним сроком для выхода русских судов 16 апреля в 15 часов, после чего все оставшиеся суда должны были спустить русские флаги.

По получении вышеуказанного письма адмирал М. П. Саблин приказал всем кораблям, имевшим на то возможность, выходить в море для следования в Новороссийск. Один за другим транспорты, некоторые — имея на буксире военные корабли, начали покидать Севастополь, и по ним с Корабельной стороны время от времени стреляли из винтовок. Утром из Северной бухты под флагом адмирала М. П. Саблина вышел «Кагул» и последним кораблем в 15 часов подводная лодка «Тюлень». В течение двух суток «Кагул», на случай

оказания кому-либо [134] помощи, крейсировал у южного берега Крыма, пока не прошли все корабли. Своими машинами шли: посыльное судно «Буг», № 7 (бывший миноносец № 273), транспорты и пароходы. Пароход «Дмитрий» вел на буксире подводные лодки «Утка» и «Буревестник», буксир «Бельбек» — миноносец «Жаркий», «Доброволец» — миноносец «Живой», который с полпути пошел своим ходом. Кроме того, шли на буксирах: эскадренные миноносцы «Поспешный» и «Пылкий», миноносцы «Строгий» и «Свирепый», канонерская лодка «Терец», посыльное судно № 10 (бывший миноносец № 258) и транспорт «Рион». Вернувшаяся из Каркиницкого залива канонерская лодка № 15 ушла в Керчь. С утра 16 апреля французские линейные корабли «Жан Бар», «Франс» и «Вернио», с целью задержать продвижение к городу красных частей и, может быть, больше для психического воздействия, начали обстрел Корабельной стороны, района Английского кладбища, Малахова кургана, и снаряды частично падали в пригородных кварталах {18}.

Систематический обстрел продолжался и ночью и был остановлен в 10 часов следующего утра, когда прибыли парламентарии, уполномоченные командованием 2-й украинской Красной армии. Адмирал Амет, который, надо отметить, как старший на рейде, действовал от имени всех союзников, заявил:

- 1) к 30 апреля союзные войска будут эвакуированы из города;
- 2) подводные лодки, которые находятся в порту, будут потоплены;
- 3) все миноносцы и боевые корабли будут приведены в негодность путем взрывов цилиндров машин.

Желая спасти корабли, начальник советской делегации спросил, нельзя ли этого избежать, если украинское советское правительство даст гарантию, что корабли не [135] будут употреблены для действий против союзников. На это предложение адмирал ответил, что советское правительство никем не признано и никаких обещаний и гарантий от него он не примет. В конечном результате было заключено перемирие.

Вместе с тем на французских кораблях произошли революционные выступления матросов, и 20 апреля в городе была большая манифестация французских солдат и матросов, к которой присоединились и гражданские лица.

Приведение в негодность кораблей взяли на себя англичане с линейного корабля «Эмперор оф Индия». Уже за два дня до ухода «Кагула», по распоряжению союзного командования, буксиры вывели с базы 12 подводных лодок, на которых не было команд, и поставили на одну бочку в Северной бухте. В окружении адмирала М. П. Саблина предполагали, что это было сделано во избежание захвата лодок красными, в случае их внезапного вторжения в город, и для облегчения дальнейшего увода лодок союзными судами. Но если бы М. П. Саблин знал, что готовят англо-французы, он безусловно принял бы меры для спасения хотя бы новых лодок. 26 апреля подводные лодки «Орлан», «Гагара», «Кит», «Кашалот», «Нарвал», АГ-21, «Краб», «Скат», «Судак», «Лосось» и «Налим» были выведены на внешний рейд и потоплены подрывными патронами на большой глубине, тогда как сданный к порту уже в 1917 году «Карп» был затоплен в Северной бухте.

Подрывные команды английских матросов взорвали крышки цилиндров высокого давления и иногда упорные подшипники на шести старых линейных кораблях, крейсере «Память Меркурия», эскадренных миноносцах «Быстрый», «Жуткий», «Заветный» и даже на старых номерных миноносцах и служившем казармой транспорте «Березань». Лишь штабной корабль «Георгий Победоносец» почему-то избежал этой участи.

Французы занялись приведением в негодность орудий береговых батарей и разгромили базу гидроавиации, уничтожив все самолеты. Оставшиеся в их распоряжении десять летчиков с капитаном 2 ранга Крыгиным во главе, которые по заданию французского начальника [136] войск вылетали на разведку, получили разрешение погрузиться на транспорт «Почин», на котором был поднят греческий флаг, ушедший в Пирей с беженцами-греками. Французы грузили на транспорты войска и их материальную часть, но, кроме того, брали, что им нравилось, из складов порта. Поставленный ранее в Северной бухте крейсер-яхта «Алмаз» был ими уведен в Константинополь. В это время пришел из Новороссийска пароход «Святой

Николай», которому адмирал М. П. Саблин поручил попытаться взять в Севастополе снаряды, но адмирал Амет запретил ему что-либо грузить и на время пребывания парохода в Севастополе приказал спустить русский флаг.

Наконец «Мирабо» смог выйти из дока и на буксире линейного корабля «Жюстис» ушел в Константинополь, оставив по недостатку времени снятые с него тяжести. Уже при генерале П. Н. Врангеле, когда всеми способами стремились получить валюту для покупки за границей угля, более тысячи тонн его броневых плит были погружены на пароход и проданы в Италии.

28 апреля была закончена эвакуация французских войск, и во второй половине следующего дня красные войска торжественно вступили в город, но «Жан Бар», последний из французских кораблей, вышел из бухты лишь 1 мая.

Пришедшие на буксире в Новороссийск корабли требовали серьезного ремонта. За время непрерывных походов во время войны и более чем года стоянки в Севастополе без присмотра, механизмы и главным образом котлы пришли в плачевное состояние. Все было покрыто ржавчиной и грязью, вся утварь, инструмент, весла и паруса со шлюпок, сигнальные флаги и даже мелкое электрическое оборудование было растащено, а обивка мебели срезана. Но Новороссийск, хотя и большой коммерческий порт, не имел ремонтных мастерских, и лишь в конце 1917 года в Новороссийск было эвакуировано отделение Ревельского судостроительного завода, но у него почти не было необходимых материалов, ни квалифицированных рабочих. Дока в Новороссийске не было, и лишь в июне, после занятия Мариуполя добровольцами, буксир «Черномор» [137] привел оттуда секцию плавучего дока, которая могла поднять суда до подводных лодок включительно, но была мала для нефтяных миноносцев. Самое незначительное количество запасов флота, к тому же погруженных без всякой системы, удалось вывезти из Севастополя. По этим причинам ремонт кораблей должен был производиться своими, вначале малочисленными и неопытными командами и офицерами инженер-механиками. Постепенно удалось пополнить команды, главным образом за счет охотников флота в большинстве учащихся из приморских городов, а также кубанских казаков. Специалистов матросов старого флота, почти не было, за исключением эскадренного миноносца «Поспешный», на который старался их привлечь командир миноносца капитан 2 ранга Н. Р. Гутан. Новобранцев надо было обучать всем премудростям морской службы, что было сравнительно нетрудно сделать с интеллигентно развитыми охотниками флота. На транспорте «Рион» были организованы школы сигнальщиков и радиотелеграфистов, а на большой барже № 69 образован флотский экипаж. Большинство бывших на кораблях сухопутных офицеров было списано. Затопленное в порту посылное судно «Летчик» (бывший № 256) было поднято и затем поставлено в док. В начале мая весь действующий флот Добровольческой армии состоял из крейсера «Кагул», миноносца «Живой», речной канонерской лодки К-15, подводной лодки «Тюлень», посыльных судов «Буг», № 7 (вскоре названный «Разведчик») и «Граф Игнатъев» и двух вооруженных буксиров «Полезный» и «Никола Пашич».

Кроме того, 27 апреля, для исполнения специального задания, пароход «Цесаревич Георгий» (официальное наименование «Георгий») был вооружен тремя 3-дюймовыми пушками и зачислен во флот вспомогательным крейсером. Сохранявшаяся в секрете цель операции была освободить и погрузить на пароходы, не входя в сношения с румынскими властями, находившуюся в Тульче добровольческую бригаду генерала Тима-Невского. 29 апреля «Георгий» и пароходы «Анатолий Молчанов» и «Россия», под общим командованием командира крейсера старшего лейтенанта Н. П. Машукова, вышли из [138] Новороссийска. Через двое суток отряд прибыл в Тульчу, где пароходы сразу подошли к пристани. Очень быстро погрузив почти бегом около 3 тысяч человек бригады, прежде чем румыны решили, что им предпринимать, пароходы отдали швартовы и пошли вниз по Дунаю в Черное море. Принимая во внимание малочисленность в то время Добровольческой армии, доставленная бригада явилась хорошим пополнением.

14 мая старший лейтенант Н. Н. Машуков получил от адмирала М. П. Саблина следующее предписание: «Предлагаю Вам, приняв на «География» офицерский отряд старшего лейтенанта Никитенко, с буксиром «Черномор» следовать на Тендру. На Вас возлагается задача вывести в Новороссийск стоящие там суда, причем при выборе судов надлежит руководствоваться следующим порядком:

- 1) канонерские лодки «Кубанец» и «Донец»;
- 2) транспорты Морского ведомства;
- 3) суда Добровольного флота и Русского общества;
- 4) прочие русские пароходы».

18 мая «Георгий» и «Черномор» — самый сильный буксир на Черном море, но не имевший вооружения, — вышли из Новороссийска. Им предстояло дважды обогнуть занятый красными Крым, и не была исключена возможность встречи с каким-либо вооруженным красным судном. Прибыв на Тендру, старший лейтенант Н. Н. Машуков приступил к осмотру стоящих там со времени эвакуации Одессы судов. Оказалось, что разыгравшимся в конце апреля штормом канонерская лодка «Донец» была сорвана с якоря и, ударившись о корпус служившего в 1913 году для опытных стрельб броненосца «Чесма», затонула у его борта; большой транспорт «Грегор», два парохода и два буксира были выброшены на песчаный берег, а пароход «Князь Потемкин» затонул. Но машины пароходов «Харакс» и «Херсонес» были в относительном порядке, и они могли совершить самостоятельный переход. Для них из офицерского отряда, в составе которого были инженер-механики, и из экипажа «География» были образованы команды. На предназначенные для буксировки суда были назначены небольшие команды. Подготовка судов к походу, погрузка угля, завоз буксиров, подъем вручную [139] якорей стоили командам больших усилий, но через неделю отряд вышел в обратный путь. «Георгий» вел на буксире канонерскую лодку «Кубанец» и транспорт «Рома», «Черномор» — пароход «Г. Гапонов», «Харакс» взял «Румянцева» и «Херсонес» — «Ай-Годор». Погода благоприятствовала, и четырехсотмильный переход прошел без особых приключений. 27 мая «Георгий» — приветствуемый командами стоявших в порту судов, привел всю армаду в Новороссийск. К сожалению, при детальном осмотре «Кубанца» выяснилось, что его котлы требуют замены, и он был разоружен и зачислен базой «Спасательной партии», а его орудия установлены на сооружавшиеся в Новороссийске бронепоезда.

Кроме кораблей непосредственно подчиненных генералу А. И. Деникину, Донское правительство создало под начальством контр-адмирала И. А. Кононова свое морское управление, образовавшее флотилию, состоявшую из речного отряда (контр-адмирал С. С. Фабрицкий), Азовского отряда (капитан 1 ранга В. И. Собоцкий) и морских железнодорожных батарей. Пользуясь хорошими отношениями атамана Краснова с немцами, орудия для вооружения некоторых судов и железнодорожных батарей были сняты с находившихся в Севастополе броненосцев. Корабли подняли донской сине-красно-желтый флаг. Образованный 1 марта 1919 года в Таганроге Азовский отряд состоял из флагманского судна «Пернач» (бывшая яхта «Колхида»), двух канонерских лодок типа «Эльпидифор» — К-10 («Ваня») и К-12 («Амалия»), вооруженного буксира «Атаман Каледин» (бывший «Горгипия»), «Ледокола Донских Гирл» {19} и трех барж-болиндеров, вооруженных одним 6-дюймовым орудием каждая.

В мае 1919 года, после объединения генералом А. И. Деникиным верховного командования Вооруженных сил Юга России, корабли Донской флотилии вошли в состав Черноморского флота, подняли андреевские флаги и «Колхиде» вернулось ее старое название. [140]

В первой половине февраля 1919 года грузины, желая воспользоваться слабостью Добровольческой армии и расширить свою территорию, начали военные действия и потеснили находившийся у Адлера отряд генерала А. Н. Черенова, но после нескольких дней боев положение было восстановлено.

В середине апреля они возобновили свою попытку более крупными силами и принудили державший фронт 1-й Кавказский офицерский полк отойти за Адлер. 21 апреля из

Новороссийска вышел транспорт «Шилка», имея на борту хорошо вооруженный офицерский отряд в 80 человек. Этот отряд состоял ранее в охране ялтинских дворцов, где находились императрица Мария Федоровна и другие члены императорской фамилии, которые были эвакуированы английским дредноутом. С помощью прибывшего отряда грузины были снова отброшены за Адлер и в конечном результате граница была установлена по реке Псу, но для избежания инцидентов между пограничными постами была образована нейтральная зона. 27 апреля, для упрочения положения на Кавказе, из Новороссийска вышел миноносец «Живой» под командой капитана 2 ранга А. Д. Кисловского. Молодые, неопытные и непривычные к физическому труду кочегары из добровольцев быстро устали, миноносец шел малым ходом с остановками и в помощь кочегарам были посланы люди с верхней палубы и все офицеры. На следующее утро «Живой» зашел в Туапсе, где в течение двух дней занимался переборкой некоторых механизмов, после чего миноносец посетил Сочи и Адлер и 15 мая вернулся в Новороссийск.

Все снабжение войск у Адлера и других мелких отрядов, боровшихся с зелеными на побережье, шло через Туапсе, откуда развозилось на места нанимаемыми моторно-парусными шхунами, которые попутно брали пассажиров. Позднее для этой цели был назначен небольшой транспорт «Осторожный» и для использования железнодорожных мастерских Туапсе туда были переведены четыре бронекатера с их базой «Ингул», которые в июле были отправлены по железной дороге в Царицын и вошли [141] в состав Волжской флотилии под командой капитана 1 ранга А. Н. Заева.

Батум в это время был оккупирован англичанами, которые через него держали связь с их силами на Каспийском море. Находившийся в Батуме военный представитель Добровольческой армии получил от англичан разрешение на вывоз боеприпасов из оставшихся складов Кавказской армии. Для этой цели в конце мая был послан транспорт «Ризе» и для его защиты от нападения грузинских быстроходных катеров, которых у них было три, и ввиду сообщения англичан о замеченной их миноносцем большевицкой подводной лодке, в качестве конвоира была придана подводная лодка «Тюлень». Но сообщение англичан было ложным и «Ризе» благополучно доставил в Новороссийск столь нужные Добровольческой армии снаряды.

Отошедшие на Ак-Монайский перешеек, шириной в 22 км, части генерала А. А. Боровского силой не более 3 тысяч человек, получили приказание защищать во что бы то ни стало эту позицию. Эта задача оказалась возможной лишь благодаря артиллерийской поддержке действовавших на двух флангах кораблей, орудия которых простреливали всю позицию. 19 апреля, с помощью транспортов «Мечта» и «Маргарита», была эвакуирована Феодосия, и части Красной армии начали подходить к Ак-Монаю.

После прихода в Новороссийск, вместо отбывшего в Екатеринодар капитана 1 ранга Лебедева, командиром «Кагула» был назначен капитан 1 ранга И. П. Остелецкий, но его команда мало увеличилась, так как флотский экипаж еще лишь организовывался. Все же 27 апреля крейсер пошел к Ак-Монайской позиции. По недостатку кочегаров переход был совершен 6-узловым ходом. В Феодосийском заливе, примерно в двух милях от берега, вытянувшись в одну линию, стояли английские дредноуты «Айрон Дьюк» и «Мальборо», один крейсер, matka гидросамолетов «Эмпресс», греческий броненосец «Лемнос», несколько английских и два французских миноносца.

28 апреля, по просьбе из штаба сухопутного отряда, «Айрон Дьюк» (флаг командующего английским флотом адмирала Сеймура) бомбардировал селение Владиславовка, [142] место сосредоточения красноармейских отрядов. Через несколько дней по той же цели, при корректировке английского гидросамолета, одним орудием стрелял «Кагул»; это были его первые выстрелы по позициям красных. Для поддержки азовского фланга позиций 29 апреля был послан «Граф Игнатъев», к которому 1 мая присоединился вооруженный буксир «Полезный» с начальником отряда капитаном 1 ранга Н. Н. Дмитриевым. Кроме того, здесь же находились два малых английских монитора № 18 и № 29 и немного позже прибыли канонерская лодка и болиндер из Донской флотилии.

1 мая красные части перешли в наступление на азовском фланге позиции, и занимавшая этот участок фронта гвардейская кавалерия в беспорядке отошла назад. Лишь благодаря интенсивному огню кораблей, причем «Полезный» подошел к самому берегу, удалось остановить продвижение красных в глубь полуострова и на третий день восстановить положение. 4 мая красные снова начали наступать, на этот раз в центре, но сильный огонь с двух сторон морской артиллерии не позволил им продвинуться вперед. Английские корабли выпустили сотни снарядов и разрывы 13,5-дюймовых с дредноутов были очень эффективны. Греческий броненосец «Лемнос» и «Кагул» приняли участие в этой бомбардировке, тогда как прибывшая накануне к Ак-Монаю К-15, стреляя по указанию берегового наблюдательного поста по невидимой цели, израсходовала 187 6-дюймовых снарядов. После этой неудачи красных наступило относительное затишье, но по заявкам сухопутного командования корабли обстреливали те или иные цели.

Воспользовавшись этой обстановкой, «Кагул» ушел в Новороссийск и там в пополнение команды на крейсер было прислано около 100 кубанских казаков, из которых образовали кочегарную роту. Под руководством офицеров инженер-механиков кубанцы довольно быстро стали заправскими кочегарами.

11 мая К-15 была отправлена на усиление Донской речной флотилии, но из-за недостаточных глубин устья реки зашла в Таганрог, где присоединилась к отряду капитана 1 ранга В. И. Собецкого. [143]

«Айрон Дьюк» с адмиралом Сеймур и «Лемнос» тоже ушли, и командир «Мальборо» стал начальником Феодосийского отряда кораблей, в состав которого входили крейсер «Сентаур», матка гидросамолетов «Энгадайн», два-три английских и два французских миноносца.

Но на Керченском полуострове враг был не только на фронте. В лабиринте километров штолен находившейся близ Керчи каменоломни, еще со времен немцев и гетмана, укрывались большевики и разного рода дезертиры, количество которых не переставало увеличиваться. Имея вооружение, они время от времени совершали вылазки с целью раздобыть провиант и захватить оружие. Малочисленный керченский гарнизон, которого 11 мая поддерживал «Граф Игнатъев», с трудом с ними боролся, и в конце мая партизанам удалось даже на некоторое время занять город. Лишь с помощью прибывших с фронта частей и артиллерийского обстрела «Графом Игнатъевым», английским лидером «Монтроз» и французским миноносцем удалось снова загнать повстанцев в каменоломни, где они продолжали находиться до конца Гражданской войны.

В середине мая началось наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне. На побережье Азовского моря корабли оказывали содействие войскам. 17 мая при поддержке отряда капитана 1 ранга В. И. Собецкого был занят Мариуполь. 30 мая посланный в крейсерство «Граф Игнатъев» высадил с демонстративной целью небольшой судовой десант у деревни Куль-Тепе. 6 июня при содействии отряда капитана 1 ранга В. И. Собецкого был занят Бердянск. 13 мая «Кагул» снова ушел в Феодосийский залив. Условия службы на крейсере в течение его пребывания там были неважные: команда питалась главным образом солониной и сухарями; иногда давали свежую провизию с «Мальборо» — белый хлеб и картофель по полфунта на человека в день. Обмундирования не было, и люди ходили одетые во что попало. Лишь под конец операции, по распоряжению командира «Мальборо», было выдано на «Кагул» пятьсот комплектов английского матросского обмундирования, что сильно подняло дух команды. Чтобы избежать лишних походов в [144] Новороссийск, английский транспорт в два приема дал крейсеру 350 тонн угля и воду.

22 мая «Мальборо» с корректировкой привязного аэростата и английские миноносцы обстреляли район восточнее Владиславовки. Ввиду полученных англичанами агентурных сведений, что красные подготовили три моторных катера для атаки торпедами кораблей, 24 мая «Кагулу» было поручено обследовать находящуюся западнее Феодосии Двужорную бухту, где была торпедная пристрелочная станция; одновременно эта операция должна была потревожить тыл красных. Подойдя к бухте, катер пограничной стражи «Ворон»,

сопровождаящий крейсер, высадил под командой капитана 2 ранга Кочетова небольшой десант из команды «Кагула», при приближении которого отдельные вооруженные люди бежали в горы, причем один комиссар из бывших матросов был убит. На берегу стояло три не вполне исправных моторных катера; их спустили на воду, но один сейчас же затонул, а два других были взяты «Вороном» на буксир. В это время на горе был замечен человек, сигналивший флагами. Не зная, кто он — красный или белый, — сигнальщики начали принимать семафор, и на их блокноте появилась отборная марсофлотская ругань. Чтобы проучить нахала, в его сторону был сделан выстрел из зенитного орудия, и человек, бросив флажки, кубарем скатился под откос. Когда десант уже вернулся к крейсеру, с горы был открыт пулеметный огонь, но после нескольких посланных из зенитки шрапнелей пулеметы замолчали.

В этот же день для усиления демонстрации «Мальборо» обстрелял берег и 26 мая снова изредка стрелял отдельными орудиями. Продолжая поиски мнимых катеров, на состоявшемся на «Мальборо» совещании было решено осмотреть Феодосийский порт, для чего был назначен лидер «Монтроз», а для его прикрытия, не входя в гавань, крейсер «Кагул».

3 июня «Монтроз» под парламентерским флагом вошел в порт и вступил в переговоры с городским советом о том, чтобы было дозволено осмотреть порт. Из этих переговоров ничего не вышло, но все же было установлено, что гавань совершенно пуста. В тот же день «Мальборо» давал [145] одиночные выстрелы по берегу, а 6 июня с корректировкой азростатом произвел стрельбу по двум железнодорожным постам с целью затруднить подвоз снабжения к фронту. В этот же день отряд добровольцев пытался проникнуть в деревню Дальние Камыши, но был с потерями отбит. На следующий день «Мальборо» бомбардировал эту деревню и выпустил 70 снарядов из 343-мм орудий и триста 150-мм. «Кагул» и французский миноносец «Каск» стреляли по той же цели. В результате бомбардировки деревня была сильно разрушена, причем, не считая занимавших ее красноармейцев, пострадало гражданское население.

17 июня началось новое наступление Добровольческой армии в Донецком бассейне, угрожавшее сообщению Крыма с севером. На 18 июня было назначено наступление войск на Ак-Монайской позиции, В то же утро «Кагул» должен был высадить в тылу у красных у местечка Коктебель армейский десант, задачей которого было захват узла дорог, ведущих из Феодосии в глубь Крыма. Ночью крейсер принял на борт 160 человек, при десяти пулеметах 52-го Виленского полка, под командой полковника Королькова. Рано утром «Кагул» в сопровождении английского миноносца подошел к Коктебелю и с помощью буксира «Дельфин» без сопротивления высадил десант, который быстро пошел вперед и занял деревню Насыпной. После этого «Кагул» с дистанции в 17 км сделал 20 выстрелов по селению Старый Крым, где находились резервы красных. Кроме того, имея телефонную связь с начальником десанта, крейсер по его указанию оказывал ему огневую поддержку. Около 17 часов десант соединился с прорвавшими фронт левофланговыми частями генерала А. А. Боровского.

Наступление на перешейке было поддержано артиллерийским огнем: со стороны Черного моря — «Мальборо» и другими английскими кораблями, со стороны Азовского моря — «Графом Игнатьевым» и мониторами. Ввиду прорыва фронта и угрозы на севере красное командование решило эвакуировать Крым, и в частности Севастополь, но отошедшие на Арабатскую стрелку части все же оказывали сопротивление, и находившиеся в Азовском [146] море корабли оказали сильную поддержку наступающим по стрелке добровольцам. Семь моторных катеров, вооруженных пулеметами, прошли в Сиваш, и 20 июня судовой десант, высаженный под прикрытием артиллерийского огня, взорвал железнодорожный путь у Геническа. На следующий день десантом был занят остров Бирючий.

22 июня была произведена операция, имевшая целью занятие последнего находившегося в руках красных порта Геническ. По агентурным сведениям и наблюдениям с моря, береговых батарей у Геническа не было и в самом городе почти не было войск, но находились заслоны

в сторону Бердянска. Согласно выработанному плану, в ночь на 18 июня, при поддержке кораблей отряда капитана 1 ранга В. И. Собецкого на «Колхиде», армейский десант силою в 500 человек (под командой генерал-майора Залесского) должен был высадиться северо-восточнее Геническа у деревни Юзкуя. Утром же 18 июня невооруженная паровая шхуна «Перикл» должна была высадить в самом порту сформированную для этого морскую роту в 80 человек под командой капитана 2 ранга Медведева. Два английских миноносца должны были поддержать «Перикл». В 3 часа ночи, после обстрела Юзкуя канонерской лодкой К-15, два болидера высадили десант, который, встретив вскоре сильное сопротивление, не смог продвинуться вперед. Утром, под прикрытием редких выстрелов английских миноносцев, «Перикл» вошел в канал и начал высадку. В это время совершенно незамеченный из-за проливного дождя, оказавшийся случайно в Геническе бронепоезд подошел на близкое расстояние и открыл по «Периклу» беглый огонь из своих орудий и пулеметов. Капитан 2 ранга Медведев был убит на мостике, и «Перикл», пытаясь отойти, сел на мель. Погибли также лейтенант Елкин, мичман Цепровский и кадет Морского корпуса Борейша. Часть людей прыгала за борт, и два гардемарина достигли вплавь английского миноносца, кроме того, еще девять человек были спасены. Большая часть отряда, которая успела высадиться в надежде на подход десанта из Юзкуя двинулась к центру города, но на главной площади была окружена и сложила оружие. По советским сведениям, всего было взято в [148] плен 87 человек, очевидно включая в это число команду «Перикла». Можно с основанием удивляться — по какой причине в эту операцию был послан безоружный пароход, а не канонерская лодка, так как было неосновательно базироваться на сведения об отсутствии в Геническе артиллерии, которая, как это и вышло, могла прибыть туда с часу на час. Десант у Юзкуя к вечеру был взят обратно на корабли. В течение этого дня «Граф Игнатъев», вооруженный буксир «Гидра» и «Ольга Мефенити» поддерживали артиллерийским огнем наступавшие вдоль Арабатской стрелки части. В конечном результате Геническ был занят Добровольческой армией лишь 6 июля, причем «Граф Игнатъев» содействовал с моря. С этого дня все побережье Азовского моря оказалось в руках Добровольческой армии. После занятия Феодосии, 19 июня «Кагул» ушел в Новороссийск, на этот раз имея пары в девяти котлах 13-узловым ходом. Во время прошедшей операции, принимая во внимание, что в Новороссийске не было снарядов для орудий крейсера, а на корабле был запас лишь на 600 выстрелов, капитан 1 ранга Остелецкий их сэкономил и за все это время израсходовал 71 снаряд из 130-мм и 16 — из зенитных пушек, предоставляя англичанам, когда это было необходимо, вести массированный огонь, что те делали очень охотно. Пополнив в Новороссийске запасы и дав команде отдохнуть, 27 июня «Кагул», имея на борту генерала А. И. Деникина и адмирала М. П. Саблина, в сопровождении посыльного судна «Буг» и отремонтированного «Летчика» {20}, пошел к берегам Кавказа. Целью похода было как бы подтверждение принадлежности Сочинского округа правительству Юга России. Посетив Туапсе, Сочи и Адлер, 30 июня отряд вернулся в Новороссийск.

17 июня, в связи с революционными выступлениями матросов и солдат на юге России, французское правительство постановило прекратить вооруженную интервенцию, и после этого французские корабли, за редкими исключениями, непосредственного участия в операциях не принимали. [149]

Взамен «Кагула» в Феодосию прибыл миноносец «Живой». В это время красные уже оставили побережье и спешили на север. 24 июня красноармейские отряды и администрация покинули Севастополь, но об этом стало известно лишь через несколько дней. Идя вдоль южного берега Крыма, «Живой» своим появлением в попутных местах как бы санкционировал их занятие Добровольческой армией и оказывал моральную поддержку образовавшимся местным властям. 28 июня «Живой», первым кораблем под Андреевским флагом, пришел в Севастополь и встал на якорь против Графской пристани. В городе уже образовывались городское управление и охрана, но группа с «Живого» арестовала и без всякого следствия расстреляла капитана 1 ранга Б. Е. Тягина, который во время двухмесячного пребывания красных в Севастополе занимал должность командира порта и

вся его деятельность свелась к сохранению складов и кораблей от расхищения; при уходе красных он добровольно остался в Севастополе. 6 июля «Кагул», с адмиралом М. П. Саблиным и его штабом, пришел в Севастополь. Адмирал М. П. Саблин поднял свой флаг на стоявшем брандвахтой старом броненосце «Георгий Победоносец», и с этого дня Севастополь снова стал главной базой флота.

Несмотря на расхищения, которым подверглись запасы флота в складах порта, все же многое осталось, но далеко не всегда, что в настоящий момент было нужно. Склад огнеприпасов в Сухарной балке имел еще много снарядов разных калибров, но 4-дюймовых гильз почти не было. На блокшиве «Двенадцать Апостолов» находилось 1500 малых мин тина «Рыбка», а на кораблях со взорванными машинами было много орудий, которые могли быть использованы для вооружения канонерских лодок и бронепоездов. Судоремонтные мастерские и доки остались в сохранности, но не хватало многих материалов; все же, поскольку рабочие не бастовали, можно было ремонтировать корабли.

Что же касается пополнения корабельного состава, в Севастополе оказалось лишь несколько тральщиков, оставленных во время эвакуации в распоряжении французов, и несколько минных и других катеров. Но англичане [150] передали в Новороссийске два 19-узловых сторожевых катера в 37 тонн МЛ-204 и МЛ-405, которые вскоре получили названия в память убитых офицеров: «Капитан 2 ранга Медведев» и «Старший лейтенант Макаров»; последний был убит в 1918 году под Ставрополем, командуя морским бронепоездом.

Находившиеся в Новороссийске корабли, поскольку им позволяло состояние механизмов, спешили перейти в Севастополь. 14 июля пришел уже закончивший ремонт миноносец «Жаркий» и в то же время — «Терец». 21 июля восьмиузловым ходом пришел «Поспешный» и был поставлен к Минной базе для ремонта котельных ветрогонок, исправить которые в Новороссийске не было возможности. 5 августа из Мариуполя прибыл строившийся там как минный транспорт для Очаковской крепости «Грозный» и был зачислен канонерской лодкой, но его вооружение — два 120-мм и два 100-мм — из-за смешения калибров и расположения орудий нельзя было считать удачным.

В конце июля по просьбе адмирала А. В. Колчака, в армии которого был большой некомплект в командном составе, во Владивосток был послан пароход «Иерусалим», имевший на борту более двухсот сухопутных офицеров. По готовности и пополнении запасов и команд, корабли уходили в Тендровский залив для участия в операции, закончившейся занятием Николаева и Одессы. [151]

П. А. Варнек. Действия флота в северо-западном районе Черного моря в 1920 году
Нельзя отрицать того, что десятимесячная оборона Крыма оказалась возможной лишь при условии господства в море Белого флота. Благодаря флоту были перевезены в Крым десятки тысяч войск из Новороссийска, Туапсе, Сочи, Одессы, потом прорвавшиеся к морю через Кавказский хребет в Адлер и Грузию кубанцы генерала Фостикова и, наконец, 27 июля из Сулины — бригада генерала Н. Э. Бредова. Артиллерия флота позволила отошедшим в Крым слабым частям Добровольческой армии удерживать перешейки. В дальнейшем флот произвел несколько армейских десантов, а его демонстрации у вражеских берегов оттягивали силы красных от главного фронта. Владая морем, флот обеспечивал спокойствие и безопасность крымских берегов и беспрепятственную доставку в Крым снабжения и продовольствия, которые почти полностью шли морским путем. [152]

Господство на море ставило флоту главной задачей не допустить выхода в открытое море судов красных, что осуществилось, в частности, блокадой Одесско — Очаковского района. Для выполнения этой задачи силы флота были вполне достаточны: летом 1920 года они состояли из одного линейного корабля, одного крейсера, двух или трех вспомогательных крейсеров, трех больших и пяти старых эскадренных миноносцев, четырех подводных лодок, девяти канонерских лодок из оборудованных для этой цели пароходов и прочих мелких судов. Но после трех лет войны и революционной разрухи механизмы на кораблях были сильно изношены и ощущался большой недостаток в материальной части, пробелы,

которые Севастопольский порт, разграбленный разными оккупантами, с его часто бастующими рабочими не мог, не был в состоянии упразднить.

Не все было благополучно и с личным составом, где наблюдался недостаток в опытных обер-офицерах, и далеко не все корабли имели полный комплект кадровых офицеров. Многие из морских офицеров находились в армии, где служили, в частности, на бронепоездах, иные стремились уклониться от службы на импровизированных военных судах, разных «болиндерах» {21}, буксирах и «каках», как в шутку называли канонерские лодки, обозначенные литерой «К». Для пополнения офицерского состава был учрежден Корпус корабельных офицеров (ККО), состоявший из кондукторов, обладавших хорошими знаниями по своей специальности, из офицеров военного времени, из прапорщиков флота, из переводимых на флот сухопутных офицеров и даже кадетов Морского корпуса. Некоторые из них не имели никакого опыта в морской службе. Командиры кораблей имели чрезвычайно пестрый состав. Матросов старого флота, за исключением части команды эскадренного миноносца «Дерзкий», было самое ограниченное количество. Экипаж давал лишь новобранцев, которых [153] надо было обучать на кораблях, но матроса, и тем более специалиста, нельзя создать за один год. Надо, впрочем, сказать, что «охотники флота» из учащейся молодежи приморских городов, которых было немало на действующих кораблях, благодаря своей культуре и свойственному молодежи энтузиазму, довольно быстро изучили палубные, главным образом, специальности. Но они все не были привычны к тяжелой физической работе. Практики было недостаточно, так как обстановка не давала времени на планомерное обучение специалистов, и первая же стрельба была обычно уже боевой. Особенно трудно было с машинными командами, обслуживавшими сложные и хрупкие механизмы боевых кораблей, и офицерам инженер-механикам пришлось не мало трудиться и иногда самим братья за кочегарную лопату. Все же к лету 1920 года на некоторых кораблях, плававших в боевой обстановке уже целый год, как, например, на «Генерале Корнилове», «Дерзком» (на который перешла команда «Поспешного»), «Жарком», «Тюлене» и некоторых других команды, накопили достаточный опыт.

Ввиду того что вооруженные красными суда по своим малым размерам не представляли объектов для торпедных атак и действия кораблей были направлены против береговых целей, то эскадренные миноносцы торпед не имели и, за исключением одного случая, действовали, так же как и подводные лодки, только своей артиллерией. Лишь осенью 1920 года «Беспокойный» и один миноносец типа «Жаркий» получили торпеды.

Принимая во внимания трудности восстановления в то время сложных механизмов подводных лодок и нефтяных миноносцев, для которых периодически не было нефти, и также отсутствие опытных специалистов, можно задать вопрос: не сделало ли командование ошибки, тратя время и материалы на ремонт кораблей этих классов? Не было ли целесообразней вооружать в более короткие сроки коммерческие пароходы с исправными и более простыми в обращении машинами, требовавшими меньше команды для их обслуживания? В этом случае имелась бы возможность увеличить количество фактически [154] действовавших кораблей, так как подходящих для этой цели паровых шхун, так называемых «Эльпидифоров» {22}, было более чем достаточно. Примером может служить Азовский отряд, весь почти состоявший из импровизированных канонерских лодок, что не помешало ему, даже имея противником сильную красную флотилию, владеть этим морем. Несмотря на все эти дефекты, плавающий личный состав флота в целом с честью преодолел все трудности, связанные с боевой службой и плаванием при столь ненормальных условиях, когда приходилось бороться и с неприятелем, с одной стороны, и с плохим техническим состоянием своих кораблей, с другой, и это, порою, при самом скудном питании, а зимой — при температуре ниже нуля.

Для поддержки малочисленных частей, оборонявших крымские перешейки, 7 января 1920 года был сформирован под командой капитана 2 ранга Н. Н. Машукова «Отряд судов Азовского моря», оперировавший у Геническа и Арабатской стрелки. С другой стороны, у Перекопского перешейка, действовал «Отряд Каркинитского залива». Но здесь мелководный

залив, в который даже плоскодонные баржи не могли проникнуть, ограничивал действия этого отряда. Лишь у мыса Карт-Казак, примерно на высоте Юшунь, глубины позволяли вооруженным баржам стать на якорь и держать под обстрелом местность впереди Юшуньских позиций.

22 января бригада 46-й советской стрелковой дивизии пыталась с хода ворваться в Крым. 24 января ей удалось подойти к деревне Юшунь, но на следующий день контратакой частей генерала Я. А. Слащева, поддержанных огнем двух барж — болиндеров, вооруженных 6-дюймовыми орудиями, красные были отброшены. Новое наступление [156] красных, предпринятое 31 января, было снова отбито при активном участии артиллерии болиндеров. В последние дни января, после эвакуации Николаева и Херсона, в Каркинитский залив пришел действовавший ранее в Днепро-Бугском лимане отряд капитана 1 ранга В. И. Собецкого в составе канонерской лодки «Альма» (1–120-мм, 1–75-мм), болиндера, парохода-базы и нескольких катеров. Капитан 1 ранга В. И. Собецкий вступил в командование объединенным отрядом, получившим наименование «Отряд Каркинитского залива». Для передовой базы было выбрано место при входе в залив, в укрытии мыса Сары-Булат, тыловая же находилась в Ак-Мечети, доступной судам с большой осадкой. 12 февраля при поддержке двух болиндеров наши войска перешли в успешное контрнаступление и, продвинувшись к Перекопу, вышли из сферы действия корабельной артиллерии. По свидетельству красных, разрывы 6-дюймовых морских снарядов, кроме потерь и разрушений, оказывали большое психологическое воздействие на красноармейцев и этим немало способствовали успеху белых войск.

Весной капитан 1 ранга В. И. Собецкий заболел и в командование отрядом вступил капитан 1 ранга И. К. Федяевский.

С целью ослабить давление, оказываемое противником на крымские перешейки, и дезорганизовать его тылы командование приняло решение произвести одновременно два десанта за флангами занимаемых красными позиций. Высаженные войска должны были затем прорваться на соединение с частями, занимавшими перешейки. Во исполнение этого плана 15 апреля Азовский отряд судов высадил у деревни Кирилловки Алексеевский и Самурский пехотные полки, которые прорвались затем в Геничеськ и соединились с продвинувшимся навстречу Своднострелковым полком. Второй десант надлежало высаживать в порту Хорлы, расположенном в мелководной части Каркинитского залива. Фарватер, ведущий между отмелями к Хорлам, оканчивался прямым и узким каналом около трех километров длиной, но которому суда могли идти лишь в кильватерной колонне. Акватория порта была очень мала, и имелось всего лишь две пристани, одна — [157] параллельно высокому берегу, другая — ей перпендикулярно. Все эти условия осложняли морскую часть операции.

В десант была назначена Дроздовская бригада под командованием генерала В. К. Витковского в составе 1600 человек, при 4-орудийной батарее. Войска были погружены в Севастополе на пароходы «Веста» и «Россия», паровую шхуну «Павел» и тральщик № 412. Начальник отряда капитан 1 ранга И. К. Федяевский и генерал В. К. Витковский находились на вспомогательном крейсере «Цесаревич Георгий», эскадренный миноносец «Беспокойный» сопровождал отряд. В Каркинитском заливе к ним присоединились малые тральщики «Скиф» и «Березань», буксир «Смелый» и моторный сторожевой катер СК-3. По данным разведки, красных войск в Хорлах не было, и в связи с этим предполагалось подвести оба больших парохода к пристани и прямо с них и высаживать десант. Утром 15 апреля пароходы, имея головным «Цесаревича Георгия», начали приближаться к порту. Внезапно четырехорудийная полевая батарея красных открыла беглый огонь и, несмотря на большое расстояние, застрочили и пулеметы. Имея три 75-мм орудия, из которых лишь два могли стрелять на один борт, «Цесаревич Георгий» не мог рассчитывать своим огнем подавить батарею. Сигналом начальник отряда приказал оставшемуся мористее «Беспокойному» (3–100-мм орудия), приблизиться и обстрелять батарею, но командир миноносца капитан 2 ранга В. П. Романовский, считая, что среди отмелей его длинный

миноносец не сможет маневрировать, остался вдали. СК-3 (одна 37-мм пушка и пулеметы) было приказано идти к берегу и своим огнем подавить пулеметы, но ввиду интенсивного огня красных он не мог этого сделать. Батарея противника открыла огонь, когда наши суда еще не совсем вошли в канал, и это дало возможность им развернуться и отойти в море, где они стали на якорь. Несмотря на падавшие среди судов снаряды, ни потерь, ни попаданий в корабли не было.

Ввиду неожиданного противодействия противника высадке, был выработан новый план: тральщики «Скиф» и «Березань» получили задачу высадить на пристани [158] авангард силой в батальон, который должен был оттеснить красных от берега и обеспечить высадку с пароходов главных сил отряда. Перед рассветом, малым ходом, чтобы уменьшить шум машин, тральщики вошли в канал. У входа в порт ход был увеличен до полного, и два пулемета, стоявшие открыто на обрыве на берегу, открыли огонь по шедшему головным «Скифу». Пулеметной очередью, прошедшей вдоль тральщика, был убит его командир, мичман Ковалевский, и были убиты и ранены среди стоявших на палубе один вплотную к другому дроздовцев. Тяжело раненный рулевой, падая, повернул штурвал, и «Скиф» врезался в деревянные сваи пристани, возвышавшейся над палубой тральщика. Меткой очередью, выпущенной из «Люиса» дроздовским офицером, оба красных пулемета были приведены к молчанию, в одном месте пристани оказалась лестница, по которой дроздовцы стали быстро взбираться на берег и бросились в атаку. Вошедший тем временем в порт «Цесаревич Георгий» дал несколько выстрелов по гребню обрыва, но видя, что дроздовцы почти уже достигли его, прекратил огонь. Красная батарея ускакала за перешеек, где на следующий день была захвачена дроздовцами. Наблюдавший с марса за боем командир «Цесаревича Георгия» капитан 2 ранга М. В. Домбровский заметил столб пыли, поднятый уходившей батареей, и приказал преследовать ее огнем.

Довольно скоро весь полуостров, на котором расположены Хорлы, был занят высадившимся батальоном авангарда, и после 10 часов утра к пристани подошли пароходы и начали высаживать главные силы и артиллерию. По окончании разгрузки, взяв на борт раненых, пароходы выходили на внешний рейд, где становились на якорь. Переночевав в Хорлах, утром 17 апреля Дроздовская бригада двинулась вперед и после 60-верстного перехода, ведя непрерывный бой, прорвалась к Перекопу. После ухода бригады из порта Хорлы отряд кораблей направился в Севастополь, так как мелководный залив, вдоль которого шли с боем дроздовцы, был недоступен даже катерам.

Разбирая эту операцию, можно отметить, что по сравнению с десантом, высаженным в Азовском море, артиллерийская поддержка сухопутных войск огнем корабельной [159] артиллерии была плохо организована, и было бы целесообразнее иметь в отряде вместо миноносца мелкосидящие канонерские лодки. Неизвестно, впрочем, имелись ли таковые налицо.

После эвакуации Одессы, этот порт до самого окончания Гражданской войны имел некий особый статус и был как бы «полунейтральным». Флот установил наблюдение за этим портом, летом 1920 года превратившееся в почти непрерывную блокаду, но в то же время туда свободно ходили французские и итальянские транспорты с репатрируемыми русскими военнопленными и солдатами «особых» бригад с Западного и Салоникского фронтов. Начавшаяся после Новороссийской эвакуации (конец марта) и укрепления положения в Крыму посылка кораблей в Одесско-Очаковский район имела целью вести наблюдение за возможными действиями и предприятиями красных, недопущение морских перевозок между занятыми красными портами и коммерческих сношений с заграницей, диверсионные действия и высадка мелких десантов, беспокоившие красное командование, высадка на берег и прием агентов разведки и попутно, в особенности — в первое время, снятие бежавших с берега на шлюпках людей. Для экономии угля и продления таким образом операции корабли, действовавшие в этом районе, стояли обыкновенно на якоре в виду Очакова, в Тендровском заливе, выходя время от времени в крейсерство вдоль берегов.

Инициатором этих походов был энергичный командир эскадренного миноносца «Жаркий» старший лейтенант А. С. Манштейн, которому, после того как были исправлены полученные при эвакуации Одессы миноносцем повреждения, не сиделось без дела в Севастополе и он добился от штаба предписания идти в Одесский район. 1 апреля в Одессу прибыли четыре транспорта с военнопленными. Ожидая их разгрузки, конвоировавшая транспорты французская канонерская лодка «Ла Скарп» держалась в море недалеко от берега, что дало возможность шлюпкам с беглецами ее достигнуть. Здесь же находился и «Жаркий», которому французы передали снятых со шлюпок людей. Миноносец тоже встретил [160] несколько таких шлюпок и, кроме того, захватил и отвел в Тендровский залив несколько фелюг. За один день «Ла Скарп» и «Жаркий» встретили двадцать шлюпок и фелюг. Вечером миноносец пришел в Тендру и после осмотра груженые главным образом сельскохозяйственными продуктами фелюги были отправлены с вооруженным конвоем в Севастополь. Там хозяевам уплачивали за груз и пустые фелюги, если им это нравилось, отпускались назад.

Иногда перед рассветом «Жаркий» подходил ближе к берегу и становился на якорь по западную сторону Очакова. Когда светало, обнаруживались обыкновенно идущие из Одессы фелюги, которые миноносец несколькими выстрелами принуждал подойти к своему борту. Когда пришло время возвращаться в Севастополь, «Жаркий» привел туда на буксире несколько таких фелюг.

Канонерская лодка «Альма», из отряда Каркинитского залива, высадила однажды на берег несколько человек для покупки провизии у крестьян. Красные приняли этот «десант» за рекогносцировку для готовящейся операции.

Советское командование отлично понимало роль флота в предстоящей кампании и сразу же после выхода Красной армии к морю предприняло шаги для создания флотилий и организации береговой обороны. Нетронутые запасы Балтийского флота облегчали эту задачу.

Существует мнение о малой компетентности командования Красного флота того времени, но если просмотреть список морских начальников, относящийся к лету 1920 года, можно констатировать, что мнение это ошибочно: командующим Морскими силами республики и управляющим делами комиссариата был контр-адмирал А. В. Немитц, начальником Морских сил Черного и Азовского морей — капитан 1 ранга А. В. Домбровский, командующим Азовской флотилией — старший лейтенант Е. С. Гернет, Новороссийской базой заведовал лейтенант А. А. Кондратьев, начальником отряда судов и обороны побережья северо-западного района — капитан 2 ранга Н. А. Пини, начальником дивизиона канонерских лодок Днепро-Бугского [161] лимана — старший лейтенант Б. В.

Хороших и, наконец, «Эльпидифорами» этого дивизиона командовали мичмана. На вооруженных пароходах, правда, почти не было офицеров, но на должностях специалистов были большей частью матросы с многолетним стажем.

Красное командование с самого начала опасалось высадки крупного десанта в Одесско-Очаковском районе, для противодействия которому в районе Одессы находилась, не считая других частей, целая стрелковая дивизия. Ввиду отсутствия вначале морских орудий для противодесантной обороны было привлечено десять армейских батарей, до 6-дюймового калибра включительно. В Очакове была первоначально установлена четырехорудийная 48-линейная батарея. Из Кронштадта были затребованы морские орудия, мины заграждения и прочие материалы, включая замки для очаковской 6-дюймовой батареи, которые не то белыми, не то красными были увезены при одной из эвакуации. Уже в начале марта 1920 года с Балтийского флота прибыло 100 моряков с командным составом, которые послужили кадром для создаваемой флотилии. Одновременно принимались меры для пуска в ход Николаевских заводов для достройки «Эльпидифоров», для сборки подводных лодок и, в первую очередь, для ремонта и вооружения оставленных во время эвакуации мелких судов. 16 апреля вступила в строй первая вооруженная 6-дюймовым орудием баржа «болиндер», которая была поставлена против Очакова, за Кинбурнской косой. В конце апреля, желая,

очевидно, устроить сюрприз находившемуся в Тендровском заливе миноносцу, плавучая батарея на буксире вышла в залив и на рассвете его обстреляла. Несмотря на близкие разрывы, никаких повреждений миноносец не получил и вышел из сферы огня.

3 мая у Очакова произошел инцидент с французами. Канонерская лодка «Ла Скарп», конвоируя русский пароход «Император Александр III» с репатрируемыми [162] солдатами, имела намерение высадить их в Очакове и для переговоров с местными властями направилась к берегу. Когда канонерка подошла на 15 кабельтовых, плавучая батарея № 1, не зная намерений французов, открыла по ней огонь и вторым снарядом попала в середину корабля, повредив машину. «Ла Скарп» (командир капитан 2 ранга Мюзелье, впоследствии — адмирал, сподвижник Де Голля), имея четырех убитых и 17 раненых, стала на якорь и подняла белый флаг, после чего команда была свезена на берег и объявлена военнопленной. 7 мая прибыла французская эскадра в составе линейного корабля и нескольких других судов и, угрожая бомбардировкой, потребовала возвращения «Ла Скарп» и освобождения ее команды. По распоряжению из Москвы это требование было исполнено, и 9 мая, взяв канонерку на буксир, французский отряд ушел в Константинополь.

12 мая в Очакове было закончено оборудование трехорудийной 6-дюймовой батареи Кане. Четвертое орудие, разбитое в 1919 году снарядом с эскадренного миноносца «Поспешный», заменено не было.

3 мая в Севастополе произошла перемена в командном составе, и вместо вице-адмирала А.М. Герасимова, в продолжение трех месяцев занимавшего должность командующего флотом, был назначен вице-адмирал М. П. Саблин, уже в 1919 году бывший на этом посту. В мае миноносец «Жаркий» снова вернулся в Тендровский залив. В ночь на 17 мая для задержания фелюг он стал на якорь с западной стороны Очакова и для экономии угля притушил котлы. На рассвете 6-дюймовая батарея открыла по миноносцу огонь, но ее залпы дали перелеты. Кочегары, поливая уголь нефтью, начали поднимать пары, а команда вручную выбрала якорь. Повалившийся из четырех труб густой дым скрыл миноносец, и, предполагая, вероятно, что миноносец дал ход, батарея продолжала стрелять на перелетах. Когда пары были подняты, ее залп лег недолетом, и, нормально, следующий должен был бы быть накрытием, но тут миноносец дал ход и ушел в сторону Одессы. Немного далее его обстреляла полевая батарея, но после нескольких ответных выстрелов она прекратила огонь. [163]

Продержавшись день в море, старший лейтенант А. С. Манштейн решил уничтожить хорошо оборудованный пост службы связи с телефонной станцией у Григорьевки. В следующую ночь, посадив на шестерку двух служивших в команде сухопутных офицеров и десять охотников и взяв шлюпку на буксир, «Жаркий» малым ходом зашел, насколько ему позволяла осадка, в глубь небольшой бухты, у поста. В 4 часа утра шестерка отвалила от борта и бесшумно подошла к берегу. Одна группа высадившихся подкралась к посту и, ворвавшись в дом, захватила в плен спавших там двух красноармейцев. Командующий группой офицер приказал одному из пленных телефонируют в Одессу и в Очаков, что у Григорьевки стоит эскадра белых и высаживает десант. После этого годные еще аппараты, сигнальные книги и документы были перенесены на шестерку, а все прочее уничтожено. Вторая группа, имея подрывные патроны, взорвала несколько телеграфных столбов, и в 6 часов утра десант вернулся на миноносец. Но «Жаркий» не ушел и, не отдавая якоря, стал ожидать дальнейших событий. Прислуга стояла у заряженных орудий и пулеметов. Ждать пришлось недолго, и вскоре из-за холма, скрывавшего дорогу в Одессу, появилась шедшая в колонне кавалерийская часть, автомобиль и несколько мотоциклистов. Спускаясь к берегу, красные увидели миноносец и обстреляли его из пулемета. Это дало сигнал к открытию огня «Жарким». Прямой наводкой, боковое орудие — картечью, другое — фугасными снарядами, а пулеметы — длинными очередями смели красную часть. Ища укрытия за холмом, уцелевшие бросились назад и больше не показывались. Считая, что «Жаркий» наделал достаточно шума и красные, вероятно, подвезут сейчас артиллерию, старший лейтенант А. С. Манштейн ушел в море. Уголь был на исходе, и надо было

возвращаться в Севастополь, но для этого было необходимо обогнуть поставленное во время войны минное заграждение, тянувшееся от Очакова до Одессы. При приближении «Жаркого» к восточной оконечности заграждения, очаковская батарея открыла огонь и преградила ему этот путь, но штурман миноносца рассчитал, что есть возможность пройти вдоль самой [164] границы заграждения вне досягаемости батареи. Это было сопряжено с известным риском, так как граница заграждения в открытом море не может быть точно определена. Приказав команде надеть спасательные пояса и приспустив шлюпки, командир приказал штурману вести миноносец малым ходом по этому пути. Все обошлось благополучно, но на подходе к Севастополю кончился уголь, и только взятая накануне с задержанной фелюги макуха позволила «Жаркому» дойти до порта. В следующую ночь, имея целью завлечь миноносец в ловушку, плавучие батареи красных № 1 и № 2 (1–130-мм) были выдвинуты к острову Березань, но операция эта опоздала.

Вслед за «Жарким» в Тендровский залив был послан однотипный ему «Звонкий» (командир капитан 2 ранга Г. А. Мусатов), который производил аналогичные операции, в результате чего красное командование запретило плавание судов и рыбную ловлю у своих берегов, что вызвало большое неудовольствие среди рыбаков.

Один из миноносцев, уходя на Тендру, взял на борт взвод моряков из отряда капитана 2 ранга Кисловского, предназначавшийся для производства диверсионных десантов. Взвод был высажен на Тендровской косе, где могли появиться красные. В мае десант был высажен на шлюпках у Покровки, против Очакова, и оставался там целый день. Это вызвало у красных тревогу, и они отправили через лиман для ликвидации десанта отряд моряков. Но ко времени прибытия красных, наш десант уже ушел.

В связи с планом общего наступления армии, 6 июня в 10 часов утра, Азовский отряд судов, не встретив сопротивления, произвел высадку частей 2-го армейского корпуса у Кирилловки. Успеху операции способствовали намеренно распускавшиеся слухи о том, что десант будет произведен в Хорлах и у Одессы. Активные действия наших судов в северо-западном районе моря служили, с точки зрения красного командования, подтверждением этих слухов, и, ожидая высадки главного десанта в Хорлах, красные усиливали свои войска в этом районе, оставив побережье Азовского моря почти без защиты. Чтобы держать противника возможно дольше в заблуждении, отряд судов [165] Каркинитского залива утром того же 6 июня произвел демонстрацию у порта Хорлы, и три вооруженные баржи, став на якорь, обстреляли порт. Вскоре полевая батарея красных открыла ответный огонь, и суда, отойдя от порта, оставались в видимости целый день.

7 июня наши войска прорвали Перекопские позиции красных и, быстро продвигаясь по Северной Таврии, 12 июня вышли к Днепру у Каховки, а на следующий день заняли расположенный против Херсона город Алешки. В перспективе дальнейшего наступления армии в Новороссию, овладение широким, в 50 километров длиной, Днепро-Бугским лиманом приобретало большое значение, но для овладения им и для прохода туда достаточно сильного отряда судов было необходимо нейтрализовать защищавшие вход в лиман очаковские батареи.

8 первые же дни наступления армии отряд судов Каркинитского залива, оставив там на всякий случай болиндер Б-2, перешел в Тендровский залив, и его дивизион вооруженных барж (начальник старший лейтенант Реймерс) был поставлен в Егорлыцком заливе, отделенном от лимана узким перешейком. Выставив на берегу лимана связанные телефоном наблюдательные посты, баржи имели возможность обстреливать значительную его часть. Оборудованная в Севастополе дунайская баржа Б-1 была вооружена двумя 130-мм орудиями, имевшими дальность стрельбы около 16 км, и двумя зенитками и имела радио, позволявшее ей держать связь с кораблями в Тендровском заливе. На перешейке, у селения Покровка, был высажен небольшой отряд моряков. Капитан 1 ранга И. К. Федяевский перешел на «Звонкий», и отряд, приказом от 3 июля, был переименован в 3-й отряд судов. Еще до начала наступления армии в Севастополе были подготовлены команды, имевшие мелкие орудия и пулеметы для вооружения двух речных отрядов судов на Днестре. Команды

вышли на запад вслед за войсками и в ожидании возможности сформировать флотилии включились в оборону берега Днепра.

1-й Днепровский речной отряд под командой капитана 2 ранга Рыкова направился в район нижнего Днепра, где при занятии Голой Пристанки был захвачен буксирный [168] катер «Николай», на котором установили одно 47-мм орудие. Такое же орудие, за неимением других судов, было поставлено на маленькую баржу, тогда как для разведок в лимане взяты две парусные фелюги.

Из местных партизан с кадрами моряков был образован «морской кавалерийский отряд», ведший разведку вдоль берега. 30 июня часть отряда под командой старшего лейтенанта Фомина, совместно с полуэскадрой мариупольских гусар, которым командовал бывший кадет Морского корпуса штабс-ротмистр А. А. Векслер, огнем своих многочисленных пулеметов отбили попытку красных переправиться по островам Днепра у Алешек. Таким образом, морские команды с помощью вооруженных барж, усиленные в июле десантной ротой крейсера «Генерал Корнилов» и в начале августа ротой линейного корабля «Генерал Алексеев» и стрелковой ротой Черноморского экипажа, обеспечили фланг армии вдоль лимана.

Судьба 2-го Днепровского речного отряда, образованного из части команды (числом около 100 человек) разоруженного к тому времени вспомогательного крейсера «Цесаревич Георгий», под командой его бывшего командира капитана 2 ранга М. В. Домбровского, сложилась трагично. В предвидении взятия Александровска он был направлен на Днепр для создания там флотилии. Походным порядком отряд пришел в село Водяное, лежащее почти напротив Никополя. Здесь он имел частые перестрелки с занимавшими противоположный берег красными и произвел несколько ночных поисков на дубках на другую сторону. После начавшегося наступления Красной армии отряд получил приказание отходить. У селения Малая Белозерка он встретился с Донским стрелковым полком и, поступив под начальство командира полка, занял позицию перед селением. На следующий день 15 августа 1920 года отряд был атакован крупными силами красной конницы, которая, несмотря на пулеметный огонь, буквально раздавила отряд и захватила много пленных. Мичману А. А. Герингу с десятком матросов удалось достичь селения, через которое они стали пробиваться, ведя огонь из единственного имевшегося пулемета «Люиса» и бросая ручные гранаты. [169] Бросив в скакавших всадников последнюю гранату, был убит прапорщик флота Гасенко, и в конце этого неравного боя невредимыми остались только мичман Геринг, фельдфебель Будяков и знаменщик, кадет 2-го корпуса Гепферт, спрятавший знаменный флаг себе под рубаху. Но красная конница, которую теснила с севера донская дивизия генерала Н. П. Калинина, в Малой Белозерке не задержалась и, бросив пленных, ушла к югу.

На следующий день мичман Геринг занялся розыском раненых и сбором уцелевших людей, которые в большинстве были раздеты и разуты красными. Раненым нашли одного лишь мичмана Казанского, который позже скончался в Симферополе. Капитану 2 ранга Домбровскому тоже удалось бежать из плена, и через два дня он прибыл на сборный пункт в Мелитополь. Впоследствии он был назначен командиром «Ростислава».

Постепенно 3-й отряд судов усиливался. Вскоре в Тендровский залив прибыл эскадренный миноносец «Капитан Сакен» (командир капитан 2 ранга А. А. Остолопов), имевший два 120-мм орудия, и также четыре сторожевых катера, тогда как «Звонкий» был отправлен в Скадовск, через который шло снабжение частей, находившихся у южной части Днепра. В середине июля отряд был усилен эскадренным миноносцем «Дерзкий» (капитан 1 ранга Н. Р. Гутан) и прибыли четыре тральщика, отлично натренированных начальником дивизиона, специалистом трального дела капитаном 2 ранга князем В. К. Тумановым. На случай прорыва в лиман в первую очередь предназначались канонерские лодки «Кача» и «Альма». Все снабжение отряда, до котельной воды включительно, высылалось на транспортах из Севастополя, но впоследствии у Тендровской косы была поставлена баржа-база «Гилли». Сосредоточение кораблей в Тендровском заливе и производимые ими демонстрации убеждали красное командование в подготовке большой операции и высадки десанта, и оно

приняло меры для усиления обороны. Уже 30 мая в Николаев из Каспийского моря прибыли 4 гидросамолета (в дальнейшем их число было удвоено), а в Очаков был доставлен наблюдательный аэростат. Второй [170] гидроавиационный отряд формировался в Одессе. В лимане уже действовали три плавучих батареи, но 15 июня в бою с полевой батареей у Алешек на плавучей батарее № 2 снарядом было сбито орудие. Из вооруженных 75-мм орудиями буксиров создавался дивизион канонерских лодок, а оставленные в Одессе не вполне достроенные «Эльпидифоры» №413 и №414в ночь на 18 июня перешли, не будучи замеченными, в Николаев, где каждый из них был вооружен двумя 130-мм орудиями. № 413 вступил в строй в июле, а № 414 — в августе. Николаевский остров, лежащий у входа в лиман, во избежание захвата его десантом, как это произошло в 1919 году, был занят батальоном пехоты, и в июле на нем были установлены два 130-мм и одно зенитное орудия. Созданная таким образом там батарея получила название «Первомайской». В то же время трехорудийная батарея того же калибра была установлена в Люстдорфе, у Одессы, и начались подготовительные работы для создания двухорудийных 8-дюймовых батарей из снятых с «Андрея Первозванного» орудий, одной — у Одессы, другой — на острове Березань.

Работы, производившиеся на Николаевском острове, были замечены из Покровки, и 2 июля стоявшие в Егорлыцком заливе баржи подвергли остров бомбардировке. Впоследствии баржи неоднократно обстреливали как остров, так и суда красных, появившиеся в лимане. 11 июля вооруженный буксир красных обстрелял Прогнойск, но после открытия огня с баржи ушел полным ходом к противоположному берегу.

19 июля, южнее Большого Фонтана тральщики красных поставили заграждение в 192 мины образца 1912 года. На следующий день итальянский эскадренный миноносец «К. А. Раккия», конвоировавший три транспорта с военнопленными, взорвался на mine и, переломившись, затонул. Во второй половине июля катера красных, работая по ночам, закончили постановку к западу от Кинбурнской косы 80 мин крепостного типа. Мины были поставлены вдоль отмели, которую большие корабли обыкновенно обходили, но они преграждали вход в лиман с этой стороны судам с малой осадкой. В августе было поставлено заграждение по другую сторону Очакова, на меридиане [171] мыса Аджиаска и у Сычевки, и было усилено заграждение у Одессы. Всего до окончания Гражданской войны красные поставили в Одесско-Очаковском районе 1300 мин заграждения {24}. В заключение можно отметить, что береговая оборона красных к концу июля начала принимать серьезный характер, и прорыв отряда наших кораблей в Днепро-Бугский лиман и затем бой с флотилией красных, при отсутствии войск для занятия очаковских батарей, превышал, вероятно, возможности нашего флота того времени. Вместе с тем красные продолжали усиливаться.

17 июля, имея на борту, кроме нормального состава команды, еще в полуроту гардемарин Морского корпуса, вышел из Севастополя крейсер «Генерал Корнилов» (капитан 1 ранга В. А. Потапьев). Зайдя по пути в Ак-Мечеть, куда в качестве стационара и для тренировки команды был послан крейсер «Алмаз», и затем в соседнюю бухту Ярылгач, 20 июля крейсер пришел в Тендровский залив и, приблизившись к Кинбурнской косе, открыл в 17 часов 30 минут огонь по Очакову. Дав несколько залпов (всего 18 выстрелов), как бы в подтверждение своего прихода, крейсер отошел и стал на якорь в заливе.

Первомайская батарея ответила на этот «привет» семью выстрелами, и, хотя снаряды упали вблизи крейсера, попаданий в корабль не было. На следующий день десантная рота «Генерала Корнилова» под командой поручика Высочина была свезена на берег и заняла район Прогнойска. С той поры «Генерал Корнилов» оставался на Тендре до самой эвакуации, и капитан 1 ранга И. К. Федяевский поднял на нем свой брейд-вымпел.

В ночь на 24 июля на правом берегу лимана, в селении Станиславка и других, вспыхнуло крестьянское восстание. Оно было начато преждевременно, без согласования с ожидавшимся наступлением нашей армии. Повстанцы захватили паровой катер «Игрушка», который пришел, прося помощи, в Прогнойск. Узнав об этом, старший лейтенант С. А. Реймерс сообщил по радио капитану 1 ранга И. К. Федяевскому о восстании, но слабые

силы, разбросанные по [176] берегу лимана и, главное, отсутствие плавучих судов не позволили нам поддержать повстанцев. Лишь «Игрушка», взяв на буксир шлюпки, груженные боеприпасами, во второй половине дня отправилась назад, но в пути ее встретила канонерская лодка красных «Харьков», имевшая два 75-мм орудия, которая открыла огонь и погналась за ней. На помощь «Игрушке» подоспели Б-1 и Б-3, прогнавшие «Харьков», но от оказания другой помощи повстанцам пришлось отказаться.

Один миноносец произвел только демонстрацию у Сычевки и обстрелял красные войска, замеченные на берегу. С помощью своей флотилии, которая высаживала десанты в тылу повстанцев, красным удалось через полтора суток ликвидировать восстание, но как редкость для того времени нужно отметить, что ночью повстанцам удалось сбить гидросамолет красных.

Начиная с июля авиация красных начала налеты на корабли, вначале единичными гидросамолетами. Одна бомба попала в канонерскую лодку «Кача», проделав небольшую дыру в верхней палубе.

В связи с начавшимся 25 июля наступлением армии, для отвлечения красных сил и для выяснения возможности прорыва отряда судов в лиман была произведена 29 июля энергичная бомбардировка очаковских батарей. В 7 часов 20 минут утра «Генерал Корнилов» со стороны Кинбурнской косы открыл залповый огонь по Первомайской батарее. «Кача» и «Альма», делая вид, что идут на прорыв, приблизились к входу в лиман и несколько позже, демонстрируя высадку десанта, обстреляли Карабуш. Миноносцы также приняли участие в бомбардировке, а подводная лодка (АГ-22?) была послана к Одессе. Для усиления своих батарей болиндеры красных № 1 и № 2 были высланы к входу в лиман, но они были обстреляны из Егорлыцкого залива баржами и отошли. Б-1 и Б-3 также стреляли по Первомайской батарее. С промежутками бомбардировка продолжалась семь часов, и корабли израсходовали около 650 снарядов. Два-три раза, когда крейсер временно прекращал огонь, батарея на острове оживала и давала несколько залпов. Кроме того, «Генерал [177] Корнилов» был дважды атакован гидросамолетом, заставившим его маневрировать, уклоняясь от бомб.

Не считая тревоги, созданной у красных, опасавшихся начала большого десанта, непосредственные результаты бомбардировки оказались незначительными. Среди прислуги батарей имелись небольшие потери, но ни одно орудие уничтожено не было, несмотря на разрывы снарядов почти вплотную к ним. Действительно, при условии хорошего укрытия брустверами и броневыми щитами лишь прямое попадание в лицевую часть щита могло дать результат. Можно также отметить, что «Генерал Корнилов», на котором не хватало двух орудий, переданных на бронепоезда, имел бортовой залп из семи 130-мм орудий, что по опыту боев флота с берегом давало скорее преимущество очаковским батареям, имевшим в это время пять 6-дюймовых и 130-мм орудий. Это, конечно, при условии, что их прислуга не пряталась бы в казематы после первых близких разрывов, как это имело место в Очакове. Для уничтожения этих береговых батарей необходимо было применить снаряды большого калибра, в полтонны весом, и это явилось задачей пришедшего 1 августа, под флагом вице-адмирала М. П. Саблина, линейного корабля «Генерал Алексеев». Одновременно с ним прибыла яхта командующего «Лукулл» и подводная лодка «Тюлень».

Доставленный кораблем гидросамолет был отправлен на Тендровскую косу, где для него была оборудована база, но из-за неисправности мотора он почти не летал. С «Генерала Алексеева» были свезены в Покровку десантная рота и стрелковая рота Черноморского экипажа, взятая в Севастополе.

В этот день два болиндера красных, приблизившись, обстреляли стоявшие в Егорлыцком заливе баржи, которые немедленно открыли ответный огонь, и после нескольких близких разрывов красные отошли к своему берегу.

2 августа тральщики произвели контрольное траление по направлению к Очакову и, чтобы красные ночью не набросали бы здесь мин, в конце протраленного фарватера был оставлен в дозоре тральщик «Бакан». Следующим [178] утром, следуя за тральщиками, «Генерал

Алексеев» подошел ближе к берегу и стал на якорь в 97 кабельтовых (18000 метров) от Первомайской батареи. На Кинбурнской косе, против острова, был оборудован наблюдательный пункт, связанный телефоном со стоявшей в Егорлыцком заливе Б-1, которая по радио передавала корректировку на корабли. Через несколько дней на посту была установлена маломощная радиостанция, позволившая ускорить передачу наблюдений. В 10 часов утра линейный корабль открыл огонь одиночными орудиями из носовой башни, произведя 21 выстрел, причем 6 или 7 снарядов попали в остров. По сообщению корректировавшего стрельбу старшего лейтенанта Реймерса прислуга батареи покинула остров на шлюпках. Осталось невыясненным, по какой причине не была сделана попытка занять остров десантом из Покровки, в районе которой, не считая других мелких отрядов, находились три роты моряков.

Утром 4 августа по протраленному накануне в сторону Очакова фарватеру, в конце которого снова был оставлен «Бакан», «Генерал Алексеев» подошел ближе к городу и был установлен на якорях, бортом к берегу. «Генерал Корнилов» стал в двух милях от него. В 14 часов корабль открыл огонь из своей третьей башни по батарее Кане, но связь с Б-1 нарушалась все время радиопомехами красных, и за этот день было произведено лишь 7 выстрелов. На ночь корабли остались на месте, и с 14 часов следующего дня «Генерал Алексеев» возобновил обстрел той же батареи, сделав за день 21 выстрел, причем «Генерал Корнилов» давал добавочную корректировку. По наблюдениям с корабля, попаданий в стоявшую перед самым обрывом батарею было мало. За действиями наших кораблей наблюдал из Очакова привязной аэростат красных, часто менявший место, что исключало возможность уничтожения его артиллерийским огнем. Во время бомбардировки скрытый за Николаевским островом болиндер красных открыл огонь по наблюдательному пункту, но после трех выстрелов из башни и нескольких залпов «Генерала Корнилова» по предполагаемому месту его стоянки он замолчал. [179]

Утром 6 августа «Генерал Алексеев» обстреливал батарею Кане из своей третьей башни, сделав с хорошими результатами 29 выстрелов. Снаряды в полтонны весом падали в районе цели, вздымая огромные столбы земли, и на батарее было замечено три взрыва. Во время полуденного перерыва стрельбы из-за Николаевского острова полным ходом вышел буксир и открыл огонь из 75-мм орудия по наблюдательному пункту. «Генерал Алексеев» произвел по нему 6 выстрелов, но буксир, повернув назад, быстро вышел из поля зрения комендоров. Во второй половине дня первая башня сделала еще 21 выстрел по той же батарее, и старший лейтенант Реймерс телеграфировал, что он считает батарею уничтоженной. После этого были обстреляны предполагаемые позиции других батарей, по которым было выпущено еще 17 снарядов.

7 августа была произведена как бы «генеральная репетиция» прорыва канонерских лодок в лиман, имевшая целью вызвать огонь уцелевших на красных батареях орудий. Утром «Генерал Корнилов», следуя за тральщиками, подошел на 50 кабельтовых (9000 метров) к Очакову, а затем канонерские лодки «Кача» и «Альма», идя от Березани, прошли всего лишь в трех милях от берега и обстреляли очаковские батареи беглым огнем. Потом «Кача» прошла еще раз туда и назад, а после полудня «Альма» с близкого расстояния еще раз обстреляла Очаков, и к берегу был послан тральщик «Язон». Весь день «Генерал Алексеев» и «Генерал Корнилов» находились в готовности поддержать ходившие вдоль берега корабли, но батареи красных молчали. Как выяснилось впоследствии, ввиду невозможности бороться с дредноутом прислуга батарей покидала их с утра и возвращалась лишь ночью для исправления полученных за день повреждений. Можно предположить, что в этот или на следующий день прорыв в лиман отряда судов, в состав которого предназначались эскадренный миноносец «Капитан Сакен», две канонерские лодки, две баржи и катера, был вполне возможен, но затем, до занятия берегов армией, отряд был бы отрезан от базы, без возможности пополнить запасы угля и другого снабжения. Кроме того, командующий флотом [180] получил из штаба флота телеграмму, в которой сообщалось, что ввиду начавшегося наступления красных наше командование не предполагает перенести в

ближайшем будущем действия наших войск за Днепр и это исключает необходимость прорыва флота в лиман. В связи с этим командующий флотом приказал временно прекратить операцию, и после двух часов все корабли отошли к Тендровский косе. Воспользовавшись этим, катера красных в ту же ночь поставили минное заграждение на меридиане мыса Аджиаск.

В эту же ночь вице-адмирал М. П. Саблин ушел в Севастополь на «Лукулле», который взял с «Генерала Алексеева» находившуюся на нем без дела полуроту гардемарин. По пути «Лукулл» зашел в Ак-Мечеть, где адмирал посетил стоявший там крейсер «Алмаз». Вечером после выхода «Лукулла» из бухты поднялся ветер, который быстро развел сильную волну. Старая, с комично качающимися горизонтальными цилиндрами машина, построенная в 1866 году, внезапно остановилась, и яхту, развернувшуюся бортом к волне, стало нести к берегу. Качка дошла до предела, и волны ежеминутно вкатывались на палубу с двух сторон, через фальшборт. Какие-то арбузы, разные другие вещи, гардемаринские винтовки катались по палубе яхты. Гардемарины цеплялись за что могли, чтобы не быть унесенными за борт. Адмирал М. П. Саблин вышел из кормового помещения и, держась за протянутый вдоль палубы леер, прошел на ходовой мостик не без того, чтобы его не окатило волной. Его спокойный вид придал всем бодрости. Довольно скоро машинисты исправили аварию, цилиндры снова закачались, и «Лукулл» пошел дальше. По приходе на Тендру подводная лодка «Тюлень» была послана для наблюдения за движением судов к Одессе. 4 августа его сменила пришедшая из Севастополя «Утка», имевшая задачей задержать при выходе из порта находившийся в Одессе итальянский коммерческий пароход. 7 августа «Утка» была отозвана в Севастополь, и ее снова заменил «Тюлень».

Как раз в эти дни между красными и французами произошел новый инцидент. 1 августа в Одессу под конвоем эскадренного миноносца «Алжержен» прибыли два [181] транспорта с репатрированными солдатами. На одном из них находились десять гидросамолетов, предназначенных, по всей вероятности, для доставки в Крым. Красное командование в Одессе, считая самолеты военной контрабандой, потребовало их выгрузки в порту и ввиду отказа французов это сделать задержало транспорты. 5 августа к Одессе пришел отряд французских кораблей в составе броненосного крейсера «Вальдек Руссо», двух авизо типа «Изер» и тральщиков. Командующий отрядом адмирал Кипе, угрожая бомбардировкой порта, потребовал освобождения транспортов. 10 августа французские тральщики начали траление, но после залпа с батареи у Большого Фонтана отошли. В этот же день по приказу из Москвы транспорты были отпущены и вместе с «Алжержен» вышли из порта. Вероятно, имеете с ними ушел и итальянский пароход.

В ночь на 7 августа при активной помощи своей флотилии красные переправились через Днепр в районе Алешек и у Каховки. 10 августа в Голой Пристані их канонерские лодки захватили пароход «Николай», баржу и два паровых катера. 11 августа, с целью отвлечения сил красных демонстрацией десанта, «Кача» и «Альма» бомбардировали находящийся между Одессой и Очаковым Сычевский мыс. 13 августа, как бы с намерением пройти в лиман, корабли отряда подошли к Очакову, но к этому времени красные, кроме ставшего потом знаменитым Каховского плацдарма, везде были отброшены за Днепр.

Не предвидя в ближайшее время крупных операций, линейный корабль «Генерал Алексеев», эскадренный миноносец «Капитан Сакен» и два сторожевых катера были 17 августа отправлены в Севастополь. Они были заменены приведенными транспортом «Ингул» катерами СК-4 и СК-6. Таким образом, в конце августа отряд судов в Тендровской заливе, в командование которым снова вступил капитан 1 ранга В. И. Собецкий, состоял из крейсера «Генерал Корнилов», эскадренного миноносца «Дерзкий», подводной лодки «Тюлень», канонерских лодок «Кача» и «Альма», сторожевых катеров «Киев» и «Полтава» (вооруженные одним 75-мм орудием минные катера), барж Б-1 и Б-3, трех СК, вооруженного катера [182] К-51, тральщиков «Скиф» и «Язон», буксира «Смелый», баржи-базы «Тилли» и, попеременно, одного из транспортов с углем. 3 сентября прибыл еще на буксире «Рабочего» болиндер Б-2.

В связи с начавшимся новым наступлением красных 3-й отряд произвел 24 августа демонстрацию у Очакова. С 9 часов до 13 часов «Генерал Корнилов» в сопровождении других кораблей произвел сильную бомбардировку батарей. Вечером, уже после возвращения к Тендровской косе, корабли были атакованы гидросамолетом. На следующий день два катера красных вышли из лимана на постановку мин, но, обнаружив патрулировавшие катера, ушли назад, но в ночь на 28 августа канонерской лодке «Припять» удалось усилить заграждение у Аджиаска, тогда как выходявшие из Одессы на минную постановку катера, увидя какое-то судно, возможно — «Тюлень», вернулись обратно. 29 августа «Генерал Корнилов» бомбардировал Первомайскую батарею, выпустив 182 снаряда. Батарея ему не отвечала.

Красные продолжали усиливать минные заграждения, и 31 августа четыре тральщика поставили 80 мин типа «Рыбка» у Сычевки. Сопровождавшее их посыльное судно № 1 было замечено «Тюленем», который за ним погнался. В этот же день произошла безрезультатная перестрелка между болиндером красных, которого сопровождали две канонерские лодки, и баржами из Егорлыцкого залива. Со 2 по 4 сентября красные усилили 434 минами заграждение у Большого Фонтана {25}. Высланный в дозор к Сычевке катер «Ястреб», увидя «Тюленя», поспешно вернулся в Одессу.

В составе 3-го отряда находилась присланная из Севастополя маленькая баржа, имевшая некоторое количество мин типа «Рыбка», но капитан 1 ранга В. И. Собоцкий, считая, [183] что постановка заграждений только свяжет действия кораблей у берега, их не использовал. Ввиду перенесения центра тяжести морских действий в Азовское море силы 3-го отряда постепенно уменьшались. 9 сентября ушел «Дерзкий», последний из находившихся в Тендровском заливе миноносцев, у которого оставалось нефти лишь на переход в Севастополь. 16 сентября, с пирамидами арбузов на палубе, ушла «Кача», ушел, израсходовав свои запасы, «Тюлень» и ушли также два катера.

Вместе с тем чувствовалось, что силы красных с каждой неделей возрастают. В начале сентября прибыл из Красноводска новый отряд гидросамолетов, и в связи с этим участились налеты на корабли. Обыкновенно налеты происходили перед вечером, но лишь когда была спокойная погода, чего требовала несовершенная конструкция самолетов того времени. Это были в большинстве своем летающие лодки типа М-9, бравшие две бомбы весом в 15 кг. Иногда они обстреливали корабли из пулеметов. Атаки с воздуха не давали конкретных результатов, но они вносили помехи в жизнь отряда, вынуждая рассредоточивать корабли и прекращать прием снабжения с транспортов. Зенитная артиллерия кораблей по своему несовершенству равнялась авиации того времени и состояла из приспособленных 47-мм и 37-мм орудий Гочкиса, лишь на крейсере были установлены две 40-мм зенитки Виккерса, устройство которых знал один только прошедший специальную школу поручик корпуса корабельных офицеров Погребняк, а, не считая матросов-комендоров, обслуживавшие их гардемарины знакомились с этими пушками лишь при первом налете! Английские зенитки часто заклинивались в самый критический момент, и, вероятно, самыми действительными против сравнительно низко летавших самолетов были высоко задиравшие дуло 130-мм орудия. Эффектные разрывы их шрапнелей были очень неприятны пилотам. При приближении самолетов, о высоте которых иногда предупреждали из Покровки, начиналась хаотическая стрельба всех кораблей отряда из орудий, пулеметов и в первое время даже из винтовок. [184]

Видя такой прием, самолеты обыкновенно отворачивали и избирали менее опасную цель, как, например, 6 сентября шедший одиноко тральщик «Язон».

13 сентября были получены сведения, что собранная в Николаеве подводная лодка АГ-23 вышла на пробу в лиман. Из предосторожности начальник отряда приказал всем кораблям перейти ближе к Тендровской косе, где глубины не позволяли подводной лодке подойти в подводном положении. Во избежание ночной атаки с поверхности два катера становились на ночь на якорь мористее крейсера. «Генерал Корнилов» произвел учебную стрельбу противолодочными снарядами. Эти меры были вполне целесообразными, но капитан 1 ранга

В. И. Собецкий не мог знать, что в Николаеве не оказалось торпед для американских аппаратов АГ-23!

С целью вызвать огонь батарей, которые после августовских бомбардировок линейным кораблем упрямо молчали, утром 15 сентября СК-4 был послан к Очакову. Когда катер подошел к берегу на 20 кабельтовых, 6-дюймовая батарея внезапно ожила, но попасть в уходивший зигзагами 25-узловым ходом катер, конечно, не могла. Когда СК-4 уже подходил к месту стоянки отряда, происходил воздушный налет. Заметив одинокий катер, два гидросамолета бросились к нему и, снизившись, обстреляли его из пулеметов и старались попасть в катер бомбами. Но при каждом заходе самолета шедший полным ходом катер бросался в последний момент в сторону, накренившись так, что вода доходила до палубы. Бросив без результата все 4 бомбы, самолеты ушли. Во время этой атаки, боясь повредить катер осколками своих снарядов, «Генерал Корнилов» прекратил огонь и его команда с волнением наблюдала эту картину.

12 сентября канонерская лодка «Альма» и СК-4 ходили вдоль берега в сторону Одессы и, не обнаружив никаких судов, вернулись назад. 21 сентября отряд был впервые атакован сразу тремя самолетами. Один из них сбросил свои бомбы в районе аэробазы на косе, другой чуть не попал в пришедший с углем тральщик № 412. Продолжая быть под гипнозом возможного десанта у Одессы, 22 и 30 сентября тральщики красных поставили новые минные [185] заграждения к югу от порта, но фактически в этот район суда отряда не ходили {26}.

В связи с начавшейся Заднепровской операцией армии отряд получил приказание активизировать свои действия. 8 октября в 17 часов «Генерал Корнилов» снялся с якоря и, следуя за тральщиками, подошел на 84 кабельтова к Первомайской батарее, которую бомбардировал трехорудийными залпами, выпустив более ста снарядов. В то же время «Альма», подойдя со стороны Березани, начала обстрел Очакова, но открывшая по ней огонь батарея Кане вынудила канонерскую лодку отойти в море. Высланный, вероятно, на поддержку батарей болиндер красных обстрелял Покровку. Перед сумерками «Генерал Корнилов» стал на якорь у Кинбурнской косы на высоте Покровки и ночью тревожил красных светом своего прожектора. На следующий день авиация красных была особенно активна. Утром два гидросамолета атаковали баржи в Егорлыцком заливе, а третий сбросил бомбы на наблюдательный пост на косе. В 17 часов «Генерал Корнилов» снялся с якоря и в то же время показались три самолета, атаковавшие крейсер с трех сторон, принудив крейсер маневрировать, чтобы уклониться от их атак. Настойчивость летчиков и их тактика значительно улучшились, но и зенитная артиллерия крейсера тоже стала более действительной, и самолеты вернулись на свои базы, имея, вероятно, много пробоин от шрапнельных пуль. Когда налет окончился, оставалось уже мало времени до темноты, вследствие чего предполагавшаяся бомбардировка Очакова была отменена, и крейсер ушел к Тендровской косе. В течение этого времени «Альма» в сопровождении двух тральщиков обстреляла посты в Аджиаске и Карабуше. Когда отряд проходил мимо Первомайской батареи, она с большой дистанции сделала по кораблям несколько выстрелов. 11 октября из Севастополя пришел транспорт «Добыча», имевший всякого рода снабжение и материалы для отряда и предназначенный служить ему плавучей базой. Но самым трудным вопросом было снабжение отряда [186] водой. Опреснители крейсера, работая без остановки, не могли удовлетворить все корабли, и воду приходилось привозить на «Водолею» из Севастополя или же на барже из Хорлов.

11 октября у Одессы была опробована 8-дюймовая батарея. Готовность батареи того же калибра, которую устанавливали к западу от Очакова, ожидалась через три-четыре недели. По мнению начальника Морских сил советской республики, бывшего адмирала Немитца, после вступления в строй этих батарей весь Одесско-Очаковский район окажется, без участия в операции дредноута, недоступным другим кораблям.

Во время очередного налета 13 октября близким разрывом 130-мм шрапнели был поврежден мотор одного из самолетов, но пилоту удалось спланировать в лиман, где аппарат был взят на буксир катером красных. Два других самолета, не долетев до отряда, повернули назад.

25 октября приказом генерала П. Н. Врангеля вместо серьезно заболевшего вице-адмирала М. П. Саблина командующим флотом был назначен контр-адмирал М. А. Кедров и начальником штаба контр-адмирал Н. Н. Машуков. Несколько дней спустя адмирал М. П. Саблин, с именем которого была связана история Черноморского флота двух последних лет, скончался.

11 октября красные при помощи флотилии совершили несколько десантов, в Алешках, Голой Пристани и в других местах нижнего Днепра. В происшедших затем боях суда их флотилии получили повреждения, и ее начальник, бывший старший лейтенант Б. В. Хорошхин, был ранен. 20 октября контратакой действовавшего здесь гвардейского отряда положение было восстановлено, но 18 октября были прекращены военные действия на Польском фронте, что дало возможность красным перебросить на юг освободившиеся войска и перейти здесь в решительное наступление. 28 октября 1-я конная армия С. М. Буденного прорвала фронт у Каховки, а переправившаяся через Днепр южнее 6-я армия на рассвете 30 октября вышла к Перекопу.

Уже вечером 28 октября войска, занимавшие линию нижнего Днепра, начали отходить к Перекопу и, частично, [187] к Скадовску. В последних числах октября наступили морозы, и сильный норд-ост развел в Тендровском заливе волну, не позволявшую грузить уголь на мелкие суда, которые вместе с № 411 были отправлены к Покровке. 30 октября температура упала до 7 градусов, и Егорлыцкий залив начал покрываться льдом, что вынудило перевести баржи к выходу из залива. Бывшая на крейсере в «летнем учебном плавании» полурота гардемарин не имела шинелей, и гардемарин пришлось освободить от несения вахт и от работ. 30 октября было получено приказание эвакуировать Прогнойск и Покровку. Утром 1 ноября «Генерал Корнилов» для прикрытия эвакуации стал на якорь против Покровки и принял с берега свою десантную роту. № 411 уже накануне взял Алексеевскую и стрелковую роту экипажа и несколько гражданских лиц и передал всех их на «Добычу». Находившийся в Прогнойске катер «Игрушка» был взорван. 2 ноября эвакуация была закончена и весь отряд собрался у затопленной «Чесмы».

Утром 4 ноября капитан 1 ранга В. И. Собоцкий получил приказание отправить вооруженные баржи и катера в Каркинитский залив для оказания поддержки войскам на Перекопском перешейке.

«Генералу Корнилову» и «Альме» предписывалось продолжать блокаду и не допустить выхода судов красных из лимана в море. Капитан 1 ранга В. И. Собоцкий, предназначавшийся в предвидении возможной эвакуации Крыма начальником морской части посадки в Севастополе, должен был идти туда на «Добыче», которая взяла на борт находившихся на крейсере гардемарин. В то же утро Тендровский залив покинули тральщик «Язон» с Б-1 на буксире, в полдень — «Работник» с Б-2 и «Скиф» с Б-3 и около 17 часов — «Добыча», буксируя «Тилли» и минную баржу, и «Смелый» с катерами «Киев», СК-4 и К-51. К вечеру поднялся сильный противный ветер, который развел большую волну. В 22 часа, ввиду того что волны заливали катера, «Смелый» стал на якорь у берега и «Добыча», которая до входа в Каркинитский залив сопровождала другие суда, последовала его примеру. Утром суда пошли дальше, но маленький «Работник» не выдержал [188] волны и повернул назад. Его встретила получившая накануне вечером приказ тоже следовать в Каркинитский залив «Альма», которая и взяла Б-2 на буксир. Когда «Добыча» проходила Софиевку, к берегу подскочил кавалерийский разъезд, открывший по транспорту огонь из пулемета. Вскоре транспорт был обстрелян и артиллерийским огнем, что заставило невооруженную «Добычу» повернуть в море. Ночью оторвалась не имевшая людей на борту минная баржа, а под утро — «Тилли», которая после безуспешных попыток завести на волне новый буксир была, по снятии людей, поставлена на якорь. Камбуза для пассажиров и запаса питьевой воды на «Добыче» не было, и люди питались галетами, запивая их ржавой котельной водой. После более чем трех суток плавания «Добыча» пришла наконец в Севастополь. «Смелый» привел свои катера в Ак-Мечеть, после чего разыскал «Тилли» и

отбуксировал ее в Севастополь, где она послужила для перевозки имущества Морского корпуса.

Вечером, после ухода «Добычи», «Генерал Корнилов» получил приказание командующего флотом срочно идти в Севастополь, и утром 5 ноября, после пятимесячного пребывания у Очакова, крейсер покинул Тендровский залив. В тот же день был эвакуирован и Скадовск, где находился грузившийся зерном пароход «Саратов» с баржей. «Альма» и баржи, преодолев штормовую погоду, пришли в Каркинитский залив, где уже находились заградитель «Буг», посыльное судно «Атаман Каледин» (бывший буксир «Горгипия»), болиндер Б-4 и база — плавучий маяк «Песчаный». В командование составленным таким образом 3-м отрядом вступил командир «Буга» капитан 2 ранга В. В. Вилкен, подчинявшийся в оперативном отношении командующему фронтом генералу А. П. Кутепову.

Для артиллерийской поддержки войск на Юшуньских позициях четыре баржи (пять — 130-мм и 6-дм орудий) заняли позицию у Кара-Казак. Уже при первой попытке красных прорваться в Крым Б-4 своим беглым огнем способствовала отражению их атак. В ночь на 8 ноября красные части перенравились через Сиваш и подошли вскоре к Юшуньским позициям. 9 и 10 ноября баржи, и вероятно, [189] также и «Альма», получая по телефону указания целей и корректировку, вели интенсивный огонь по наступающему противнику. Передвижениям судов и отчасти стрельбе мешал норд-остовый шторм, и залив покрылся льдом до 12 сантиметров толщиной. Несмотря на неблагоприятные условия, огонь судов был, по свидетельству Н. Липатова, действительным, и части 6-й армии несли потери от флангового обстрела из Каркинитского залива. В ночь на 11 ноября Юшуньские позиции были оставлены, но суда продолжали находиться на своих позициях и утром бомбардировали станцию Юшунь. Во второй половине дня отряд получил приказание идти в Евпаторию, но снятию барж с позиции уже мешал плотный лед. На следующее утро отряд вошел в густой туман и, по ошибке в счислении, в 9 часов 40 минут в 4 милях от Ак-Мечети «Буг» сел на мель. Несмотря на перегрузку тяжестей на баржу Б-2, усилия буксиров стащить «Буг» с мели остались безуспешными, и в ночь на 13 ноября, по снятии команды, он был приведен в негодность.

Пришедшие к Евпатории баржи, перед уходом эвакуировавших Евпаторию судов 14 ноября, когда в городе уже развевались красные флаги, были по приказанию старшего морского начальника, контр-адмирала А. М. Клыкова, потоплены снарядами тральщика № 412. Канонерская лодка «Альма» пришла в Севастополь, но после года непрерывных походов у нее потек котел, и, чтобы она, попав в руки красных, не смогла бы обстреливать еще стоявшие у Стрелецкой бухты суда, по распоряжению штаба флота она была затоплена в Южной бухте.

Мало кому известно, что ушедшие при эвакуации из Севастополя суда подвергались реальной опасности встречи с подводной лодкой красных АГ-23. Через два дня после ухода «Генерала Корнилова» из Тендровского залива АГ-23 перешла в Одессу и 13 ноября была направлена в район Севастополя, куда, надо думать, она пришла после ухода последних судов, покинувших внешний рейд поздно вечером 14 ноября. Возможно, что в море она разошлась с эскадренным миноносцем «Пылкий», который до 8 часов утра 15 ноября находился у Евпатории и затем [190] пошел в Константинополь, косвенно являясь прикрытием с запада для транспортов. Посланную из Одессы телеграмму с приказанием выйти на линию Севастополь — Константинополь лодка не приняла из-за неисправности своей радиостанции и, никого не встретив, 18 ноября вернулась в Одессу. Но можно отметить, что экипаж лодки не имел никакой практики, механическое ее состояние оставляло желать много лучшего и сомнительно, чтобы вставленные при помощи клиньев торпеды меньшего, чем диаметр аппаратов, размера могли бы попасть в цель. Все же даже одно появление подводной лодки вблизи шедших иногда с большим трудом транспортов могло причинить немало неприятностей и даже оказаться трагедией. [191]

П. А. Варнек. У берегов Кавказа в 1920 году

Хорошо оборудованный Новороссийский порт являлся главной базой снабжения Добровольческой армии иностранными грузами, и на складах находились огромные запасы вооружения и прочего имущества. В порту англичане имели свою базу, через которую проходили все выгружаемые ими в Новороссийске грузы. Там же обыкновенно стоял один из их старых крейсеров. В Новороссийске было организовано управление военного порта, командиром которого с начала 1919 года являлся контр-адмирал А.М. Клыков, но после перехода флота летом в Севастополь управление потеряло свое значение. Все же в Новороссийске постоянно находился вспомогательный крейсер или один-два миноносца, которые время от времени для устрашения грузин и зеленых и для наблюдения за нелегальным судоходством посылались вдоль кавказского побережья. В один из таких походов миноносец задержал и отвел в Новороссийск грузинский вооруженный буксир «Чорох», присутствие которого к северу от [192] границы казалось подозрительным. Но после данных капитаном объяснений буксир был отпущен.

Туапсе, единственный между Новороссийском и Поти оборудованный порт, связанный железной дорогой с Армавиром, был почти не использован. Изредка сюда приходили транспорты, доставлявшие снабжение местным гарнизонам и грузинскому фронту, и иногда заходил один из миноносцев. Летом 1919 года в Туапсе находились четыре бронекатера и их база «Ингул», которые в июле были отправлены по железной дороге в Царицын, где вошли в состав Волжской флотилии под командой капитана 1 ранга А. Н. Заева. При оставлении Царицына в октябре катера были перевезены в Азовское море.

* * *

6 февраля 1920 года из Севастополя с секретной миссией вышел в Новороссийск крейсер «Генерал Корнилов» под флагом контр-адмирала П. П. Остелецкого. Войдя в бухту, крейсер попал в знаменитую Новороссийскую «бору» — дувший с гор страшной силы шквальный норд-остовый ветер. Мороз дошел до 10 градусов, и под ударами ветра море как бы кипело, высоко поднимая водяную пыль. Все надстройки, орудия и мачты покрылись коркой льда, и, несмотря на отданный якорь, крейсер дрейфовало к берегу. Из-за обледенения цепи и всего бака поднять якорь не было возможности и его пришлось бросить. Когда крейсер повернул бортом к ветру, его буквально повалило, грот-стенга с антенной сломалась и упала за борт. На второй день ветер уменьшился, и, получив новое приказание, «Корнилов» ушел в Севастополь.

После нескольких неудачных попыток, сделанных грузинами в 1919 году с целью отбросить части Добровольческой армии и завладеть Сочинским округом, между грузинским правительством и генералом А. И. Деникиным было заключено соглашение, по которому граница фиксировалась южнее Адлера, по реке Псу, но во избежание конфликтов между позициями обеих сторон была образована нейтральная зона в несколько километров шириной. В начале октября 1919 года для борьбы с Н. И. Махно, угрожавшим Таганрогу, лучшая часть из находившегося на [194] грузинской границе отряда, 3-й Кавказский офицерский полк, на вспомогательном крейсере «Цесаревич Георгий» был перевезен в Мариуполь. В районе Адлера осталась лишь слабого состава бригада 52-й пехотной дивизии. Кавказские горы давали хорошее укрытие разного рода зеленым. Вначале они состояли из укрывавшихся от мобилизации местных жителей и были мало активными, но постепенно усиливались. В связи с поражениями на фронте банды зеленых сильно пополнились дезертирами, и направленные партией из городов коммунисты и скрывавшиеся командиры приступили к военной организации отдельных отрядов и к объединению их в более крупные части, образовавшие в конечном результате «Партизанскую армию». В связи с участвовавшими налетами партизан на прибрежные селения, еще осенью 1919 года мелкие казачьи отряды, стоявшие на пограничных кордонах, были стянуты к крупным центрам, и вся местность между ними и приморское шоссе оказались под контролем «покрасневших» зеленых. Телеграфные линии были перерезаны, и фактически Туапсе, Сочи, Адлер и другие пункты оказались без связи между собой и с центром.

28 января, спустившись из района Красной Поляны, крупный отряд партизан после боя занял Хосту; остатки находившегося здесь отряда белых отошли по направлению к Сочи. Через два дня партизаны заняли Адлер и дошли до грузинской границы и затем, повернув на север, 9 февраля вступили в Сочи. 24 февраля Туапсе было одновременно атаковано партизанами, подошедшими с юга, и другим отрядом, спустившимся с гор вдоль железной дороги. Захваченный врасплох гарнизон, после короткого боя, вместе с его командиром генералом Бруевичем был взят в плен. Партизаны захватили здесь несколько орудий. Очевидно, что в Новороссийске не знали о грозящей опасности Туапсе, военных кораблей в Туапсе не было, и в порту находилось лишь три стоявших без паров буксира. Продвигаясь далее вдоль моря, партизаны подошли к Геленджику и рано утром 13 марта внезапно обстреляли из пулеметов и маленькой пушки стоявший на якоре эскадренный миноносец «Беспокойный». Открыв огонь из своих орудий, миноносец сразу заставил противника прекратить [195] стрельбу. Несмотря на то что пули понаделали много дырок в трубах и надстройках, потерь на миноносце не было. На рассвете следующего дня «Беспокойный» подошел к Туапсе и с целью вызвать огонь батареи переменными галсами стал приближаться к порту. Около 9 часов батарея себя обнаружила и снаряд ее третьего залпа сломал на миноносце стеньгу и сорвал радиотелеграфную сеть. Но место батареи было замечено, миноносец обстрелял ее беглым огнем всех трех орудий, и она сразу замолчала; после этого был бомбардирован вокзал, в районе которого пострадали лишь мирные жители. Находившийся тут же английский миноносец решил войти в порт, но был встречен беглым огнем батареи и, не теряя времени на разворачивание, полным задним ходом вышел назад. 15 марта «Беспокойный» и английский миноносец поддерживали своим огнем войска, оборонявшие Геленджик, но все же после 7-часового боя партизаны его заняли; дальнейшее их продвижение к Новороссийску было остановлено в районе Кабардинки, примерно в 20 километрах от порта. Но, проходя горами, мелкие отряды партизан не раз совершали налеты на восточные пригороды, что вынуждало иметь в Новороссийске достаточный гарнизон, в состав которого входила переформированная Марковская дивизия. В это время на Кубани шли тяжелые бои: белые армии постепенно отходили к югу, и занятая ими территория, на которой скапливались беженцы, раненые и больные, уменьшалась. Это вызвало необходимость разгрузить тыл от небоевых элементов, и таким образом частичная эвакуация через Новороссийск началась до крушения фронта, но непрочное положение на крымских перешейках, во всяком случае, пока была надежда отстоять Кубань, мешало организовать предварительную эвакуацию в Крым. По этой причине, поскольку позволяли политические обстоятельства, эвакуируемые направлялись за границу. 6 марта ушел в Пирей приспособленный как госпитальное судно пароход «Херсон», имея 1042 раненых и больных на борту. Другие раненые и неспособные носить оружие были направлены в Болгарию, куда был также эвакуирован кадетский корпус, иные через Салоники в Сербию. В индивидуальном порядке беженцы устраивались на [196] ходившие в Константинополь пароходы Русского общества и другие, принимавшие при уплотнении до 800 пассажиров. Но развязка произошла быстрее, чем это предполагало главное командование. 19 марта на станции Крымская генералом А. П. Кутеповым был создан совет старших начальников Добровольческого корпуса, признавший, что ввиду упавшей боеспособности войск дальнейшая борьба на Кубани невозможна. На следующий день 20 марта генералом А. И. Деникиным было принято окончательное решение об эвакуации армии в Крым, причем обеим кавалерийским дивизиям и Донской армии было приказано отходить на Таманский полуостров, пехоте же и прочим частям идти для посадки на пароходы в Новороссийск; предполагалось, что находившаяся на восточной стороне фронта Кубанская армия сможет выйти к морю у Туапсе или где-либо далее. Таманский полуостров в смысле эвакуации представлял большие возможности. (Этим путем воспользовались немцы при оставлении ими Северного Кавказа.) {27} Действительно, оборона полуострова со стороны Кубани не требовала больших сил, тогда как малое

расстояние до Керчи позволяло, не говоря о пароходах, даже десантным баржам вместимостью на 1500 человек сделать в одни сутки два или даже три рейса.

Для этой цели начальник действовавшего в Азовском море 2-го отряда судов капитан 1 ранга П.Н. Машуков получил от командующего флотом вице-адмирала А.М. Герасимова приказание сосредоточить в Темрюке и Тамани имевшиеся в его отряде мелкосидящие канонерские лодки, баржи и прочие плавучие средства для перевозки в Крым большого количества людей.

Подготовка морской части эвакуации Новороссийска, в том, что касается транспортных средств, была возложена на начальника морского транспорта инженер-механика генерал-майора М. М. Ермакова, но в несколько оставшихся в его распоряжении дней было чрезвычайно трудно собрать в Новороссийске требуемое количество пароходов. [197] Необходимо отметить, что в это время большинство больших пароходов и некоторые из транспортов, частично на фрахте французского и английского правительств, находились за проливами и не могли быть возвращены в скорое время. Бывшие в Крыму транспорты и пароходы были направлены в Новороссийск, так же как и четыре мобилизованных морской базой в Константинополе парохода. Пароходы необходимо было снабдить углем и прочими материалами, некоторые освободить от груза, что было помехой для быстрого прихода их в Новороссийск. Несмотря на все принятые меры, количество сосредоточенного тоннажа не позволяло сразу взять всю массу людей, которых следовало эвакуировать, но по предложению морского командования эвакуация должна была продолжаться несколько дней, что позволило бы транспортам, ввиду короткого расстояния до порта разгрузки Феодосии (переход 12–15 часов), совершить по два или более рейсов. Но в действительности этого не произошло.

По заявке штаба армии каждой дивизии Добровольческого корпуса был представлен один среднего размера пароход, на который поредевшие в боях и от дезертирства дивизии, насчитывавшие в это время от двух до трех тысяч бойцов каждая, бросив обозы, артиллерию и лошадей, должны были уместиться. Отдельные полки, отряды и службы были расписаны по другим транспортам, а для эвакуации раненых и больных было предназначено два больших парохода.

Кроме русских пароходов, в Новороссийск прибыло также несколько иностранных, из которых находившиеся в распоряжении английской миссии транспорты по выдаваемым пропускам брали связанных с армией гражданских лиц, также легко раненных и больных. В это время в Новороссийском порту стояли эскадренные миноносцы «Беспокойный», на котором находился начальник восточного отряда судов капитан 1 ранга В. И. Лебедев, «Пылкий», «Капитан Сакен» и посыльное судно «Летчик». Предназначенный для эвакуации генерала Деникина и его штаба вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» стоял у первой пристани, на которой под охраной бронепоезда находились штабные поезда, а в [200] предвидении какого-либо внезапного нападения с другой стороны ошвартовалась подводная лодка «Утка».

На внешнем рейде, под флагом командующего Средиземноморского флота адмирала Сеймура, стояли английский дредноут «Эмперор оф Индия», крейсер «Калипсо», матка гидропланов «Пегасус» и пять английских миноносцев, а также отряд французских кораблей в составе двух броненосных крейсеров, двух эскадренных миноносцев и канонерской лодки. Для эвакуации подданных своих стран итальянцы прислали старый крейсер «Этна», а греки — эскадренный миноносец «Иепаз» {28}. Кроме того, скорее в качестве наблюдателей стояли американский крейсер «Гальвестон» и два миноносца.

Генерал А. П. Кутепов, находясь в своем поезде, продолжал управлять отходившими частями Добровольческого корпуса и арьергардами, но руководство всей эвакуацией номинально оставалось в руках штаба главнокомандующего, начальником военного и морского управления которого был генерал-лейтенант А. С. Лукомский, имея своим помощником по морской части капитана 1 ранга А. И. Тихменева. Даже в последнем этапе, когда флот и его транспорты играли главную роль, руководство эвакуацией морскому

командованию передано не было. Вместе с тем в самом разгаре погрузки войск верховное командование распалось, и фактически отдельные морские и сухопутные начальники были предоставлены самим себе. При этом обстоятельстве известную помощь оказал адмирал Сеймур, который, имея предписание содействовать проведению эвакуации, в последний день до некоторой степени распорядился движением пароходов и распределением эвакуированных на стоящие на рейде суда.

Приказ генерала А. И. Деникина, отданный 20 марта об эвакуации Кубани и соответствующих с ней движений войск, ввиду разложения во многих частях и усилившегося давления со стороны Красной армии, явился запоздалым. Лишь 21 марта кавалерийские дивизии, находившиеся в районе Крымской, выступили на запад в сторону Тамани, [201] но красные части, переправившись через реку Кубань, закрыли им туда дорогу и к вечеру 22 марта заняли Анапу, которую защищали Атаманский и Лейб-казацкий полки. Не будучи в состоянии прорваться на запад, обе кавалерийские дивизии и Черноморский конный полк, являясь арьергардом армии, стали отходить к Новороссийску. Переход на Тамань Донской армии, державшей фронт правее Добровольческого корпуса, являлся сложным рокадным маневром, невыполнимым в том состоянии, в котором находилась в это время Донская армия; донцы и находившиеся при них огромные обозы беженцев стихийно ринулись к Новороссийску. Лишь их правофланговый 3-й корпус начал отступать в сторону Туапсе.

Если большинство боевых частей Добровольческого корпуса было более или менее обеспечено пароходами, этого нельзя сказать про тысячи других военных, вольно или невольно отбившихся от своих частей или принадлежавших ранее к различным службам, не считая массы продолжавших прибывать в порт беженцев. Это положение катастрофически усугублялось неожиданным прибытием в Новороссийск кавалерийских дивизий и всей Донской армии. Никаких мер для создания вокруг Новороссийска временной обороны порта принято не было, и фактически арьергарды отходили, имея дело лишь с конницей красных. Возможно ли было по состоянию частей организовать такую оборону — судить не нам, но при создавшемся положении последовательной эвакуации быть не могло, а наличные в порту транспорты не были в состоянии принять сразу такое большое количество людей. В первые после объявления эвакуации дни Новороссийск покинули уже грузившиеся пароходы с беженцами и не боевыми элементами. Так, в ночь на 23 марта ушел английский транспорт «Бургмейстер Шредер», имея 5000 беженцев и некоторое количество легко раненных на борту. В этот же день ушли «Анатолий Молчанов» с более чем тысячью пассажиров и зафрахтованный донским правительством пароход «Дунай» с чинами донских правительственных учреждений и отошедшими от Анапы казаками Атаманского полка, общим числом 900 пассажиров. [202]

В этот и на следующий день ушли «Лазарев», бывший австрийский «Бруени», и еще несколько пароходов.

По плану верховного командования главная масса войск должна была прибыть в порт утром 26 марта и немедленно начать погрузку на назначенные частям транспорты. Арьергарды, занявшие в нескольких километрах от порта позиции, оставив временно на местах кавалерийские отряды и несколько бронепоездов, должны были начать отход в первую половину этого же дня; взяв их на борт, к полуночи 26 марта все транспорты должны были отойти от пристаней. Фактически, ввиду того, что собственно единственная ведущая из Кубани дорога была забита обозами, артиллерией и бесчисленными повозками беженцев, а вдоль железной дороги на несколько километров от вокзала стояли брошенные составы с интендантскими грузами, бронепоезда и пассажирские вагоны, отход частей произошел с большим опозданием. Связь между войсками и командованием была нарушена и лишь более или менее осуществлялась конными ординарцами. Большинство солдат из мобилизованных и бывших пленных, не желая эвакуироваться, бросало оружие и разбегалось, но многие другие, боясь опоздать на пароходы, оставляли свои части и спешили в порт. При всех этих

обстоятельствах большинство войск прибыло на пристани с опозданием на несколько часов, и это еще больше усложнило посадку на пароходы.

С 25 марта числа началась интенсивная погрузка, но боевые части прибыли лишь на следующий день. От каждой части заблаговременно был установлен у основания пристани караул, который пропускал на назначенный ей транспорт лишь тех, которые к ней принадлежали. Но на нефтяной пристани, у которой стоял предназначенный для эвакуации команд бронепоездов тральщик № 412, караул несли вооруженные французские матросы, а у английских транспортов проверяли документы английские солдаты. Густая толпа стояла у пристаней и всячески пыталась прорваться к пароходам, и лишь угроза применения оружия смогла их удержать. На сходнях некоторых пароходов происходила невероятная давка и драки, во время которых люди падали в воду; в борьбе за место обезумевшие [203] люди спихнули носилки с тяжело раненым и сестру, которая пыталась его защитить.

Но погрузка сохранивших дисциплину частей Добровольческого корпуса произошла в порядке, и за малым исключением, не считая вольно или невольно потерявших связь со своими полками, они были взяты на транспорты, не считая ручного оружия, пулеметов, седел и нескольких походных кухонь для прокормления военных в пути, вся материальная часть, орудия, автомобили и лошади были брошены, и в ангарах порта оставлены большие интендантские склады и огнеприпасы, которые частично были преданы огню.

Днем 26 марта ушел приспособленный как госпитальное судно пароход «Владимир», имея 983 раненых и больных; примерно такое же количество эвакуировал «Тигр». Насколько можно установить, все находившиеся в новороссийских госпиталях раненые были вывезены ранее, но из числа прибывших в Новороссийск в последний день, если их не взяли с собой боевые товарищи, некоторое количество осталось на берегу. В нескольких километрах от порта застрял санитарный поезд (вероятно, и не один), персонал которого, бросив тяжело раненных, разбежался. Исключение составили лишь две добровольно оставшиеся сестры. Не имея возможности эвакуировать через Новороссийск прибывшие части Донской армии, им было предложено двинуться дальше по береговому шоссе и, опрокинув зеленых, занять и организовать оборону Геленджика. Морское командование рассчитывало, несмотря на мелководность этой бухты, с 28 марта организовать эвакуацию через этот порт.

Действительно, уже утром 27 марта ожидался шедший из Константинополя пароход «Колыма», и из Севастополя вышел большой транспорт «Рион». Начальнику 2-го отряда судов, ждавшему донцов у Тамани, было приказано идти к Геленджику, где его мелкосидящие суда могли бы, снимая с берега и пристани людей, доставлять их на большие транспорты. В дальнейшем можно было рассчитывать на приход разгрузившихся в Феодосии пароходов. Кроме того, только что возвращенный англичанами эскадренный миноносец «Дерзкий», [204] который принимал в Ялте с выведенной из Новороссийска баржи нефть и как будто там забытый, получил срочное приказание идти к Новороссийску. Вечером 26 марта 1-я Донская дивизия, с целью прорваться к Геленджику, атаковала Кабардинку, но вместо предполагаемых слабо вооруженных зеленых здесь уже оказались перевалившие из Кубани по горной дороге регулярные части 9-й Красной армии, которые отбросили донцов назад. Корабли флота в этом деле могли бы оказать действительную огневую поддержку, но морское командование о готовящейся операции не было уведомлено.

Потрясенная поражением и безрезультатностью всех кровавых жертв и двухлетних усилий и лишений некоторая часть офицерства открыто обвиняла генерала А. И. Деникина и его штаб в происходящей трагедии. Один офицерский отряд пришел на пристань, у которой стоял «Цесаревич Георгий»; к этому времени генерал А. И. Деникин и его штаб уже перешли на крейсер. Начальник прибывшего отряда заявил, что он желает видеть главнокомандующего. Опасаясь недоброго, командир «Георгия» капитан 2 ранга М. В. Домбровский посоветовал генералу А. И. Деникину с другого борта перейти на миноносец «Капитан Сакеи», что тот и сделал, взяв с собой лишь нескольких лиц своего штаба. «Капитан Сакен» тотчас же отошел

и стал на якорь в отдалении. Можно считать, что с этого момента верховное командование распалось, и какое-либо руководство эвакуацией перестало существовать.

Согласно полученным приказаниям, во второй половине дня 26 марта к порту начали стягиваться арьергардные части, которые временно занимали ближайшие к пристаням здания. Отход арьергардов происходил несогласованно; батальон Марковской дивизии, занимавший позицию на горах севернее бухты, прибыл в порт уже в 16 часов, и именно с этой стороны на следующее утро появились первые красные, тогда как находившийся на железной дороге арьергард из Корниловской дивизии, в частности стоявшие у туннеля юнкера Корниловского училища, прибыли лишь поздно вечером, а еще позднее Самурский и часть 3-го Дроздовского полка. [205]

После 14 часов три последних бронепоезда покинули станцию Тоннельная, которая уже обстреливалась артиллерийским и пулеметным огнем. Не дойдя до станции Гайдук, которая находится в 10 километрах от новороссийского вокзала, вследствие крушения, бронепоезда были оставлены и их команды пешим порядком направились и порт, куда прибыли после 23 часов. Но №412, на котором они должны были эвакуироваться, уже в 20 часов отошел от пристани.

Около 16 часов, с целью облегчить отход арьергардов, «Эмперор оф Индия» открыл редкий огонь из 340-мм орудий по районам, где проходили железная и шоссейная дороги, и по окрестным высотам. Разрывы снарядов более тонны весом, образуя огромные воронки, имели большое психическое воздействие на красноармейцев и наводили панику в их рядах; в частности, это помогло Своднокавалерийской дивизии, находившейся у шоссейной дороги и в направлении на Абрау-Дюрсо, удержать позиции у Борисовки до наступления темноты, пока она не получила приказ отходить к порту. Французский крейсер «Вальдек Руссо» тоже стрелял из своих башенных орудий.

Постепенно пароходы, беря как можно больше людей, отходили от пристаней. Для эвакуации были использованы все возможные плавучие средства. Большая баржа, на которой поместилось несколько сот людей, была выведена на рейд одним из пароходов; стоявшая разоруженной в порту речная канонерская лодка К-15, благодаря энергии командовавшего ею подпоручика по Адмиралтейству, была приведена в порядок и, взяв на борт триста казаков, ушла в Феодосию. Последним уходили войсковые транспорты. В 23 часа ушла «Маргарита» с Марковской дивизией числом в 900 человек, захватившей с собой 4 орудия с запряжками и несколько повозок. На этот транспорт был также погружен Сибирский батальон и еще несколько мелких частей. После полуночи ушел «Цесаревич Георгий», на котором находился штаб и управление армии, отряд охраны и команды двух бронепоездов. Генерал А. П. Кутепов со штабом Добровольческого корпуса и его охраной перешел на эскадренный миноносец «Пылкий», который ночью вышел на рейд.

Корниловская дивизия [206] грузилась на пароход «Корнилов», который, поджидая арьергардный батальон, отошел позже. Дроздовская дивизия (2000 человек) ушла на транспорте «Екатеринодар». Для эвакуации двух кавалерийских дивизий, которые не вошли в первоначальный расчет, остался лишь пришедший в Новороссийск небольшой пароход «Аю-Даг». Прибывшая первой на пристань дивизия генерала Барбовича быстро заполнила пароход, и из прибывшей около 22 часов Сводной кавалерийской дивизии генерала П. В. Чеснакова лишь двум-трем сотням удалось еще втиснуться на «Аю-Даг», который вскоре ушел. Адмиралу Сеймуру было сообщено о бедственном положении последних защитников Новороссийска, и он приказал одному маленькому пароходу в несколько рейсов перевезти на стоявшие на внешнем рейде корабли оставшихся кавалеристов. В два рейса пароход увез около шестисот человек, но ввиду начинавшегося рассвета англичане не разрешили ему идти в порт в третий раз. Таким образом, на берегу остался Мариупольский гусарский полк в составе 450 человек и небольшая часть Клястицкого полка. На рассвете 27 марта, в надежде найти возможность эвакуироваться, гусары пошли пешком кругом бухты к восточному молу, где у пристани Цементного завода еще стоял транспорт «Николай 119», задержавшийся ожидая отходивший последним Самурский пехотный полк. Он уже имел на

борту Алексеевскую дивизию и был забит людьми разных частей, и кавалеристы на него проникнуть не смогли; закончив погрузку самурцев, «Николай» после рассвета вышел на внешний рейд. В то же время ушла подводная лодка «Утка», взявшая на буксир парусную яхту «Забава», на которой нашли себе место десятка два людей. Порт опустел, но на его восточной стороне, у цементной пристани и в районе восточного мола, находилась многотысячная толпа главным образом казаков, но и других военных, а также беженцев с женщинами и детьми и их подводками, груженными всяким скарбом. Стоял целый табор калмыков, среди которого были верблюды. Весь район порта был запружен брошенными повозками, автомобилями, пушками и танками и в нем находились тысячи оставленных лошадей, которые, привыкнув к уходу за ними [207] людей, в большинстве оставались на месте. Пробиваясь с трудом через всю эту «кашу», большинство гусар достигло восточного мола в километр длиной и в надежде, что придут еще пароходы, пробралось в его конец. В большинстве своем бывшая на берегу толпа пассивно ожидала своей участи, многие женщины плакали, но необходимо отметить, что здесь же находились также тысячи солдат из мобилизованных и бывших пленных, которые никакого желания эвакуироваться не имели. Но были случаи, что некоторые отчаявшиеся офицеры, предпочитая плену смерть, стрелялись. Более энергичные разыскивали в порту шлюпки и оставленные маленькие катера и на них, иногда без весел, гребя лишь досками и руками, выходили за входные маяки, где их подбирали миноносцы.

В районе вокзала и в северной части порта горели склады английской базы и армии и шел грабеж оставленного имущества.

В начале утра на горах за Цементными заводами показались передовые отряды красных и при этих обстоятельствах адмирал Сеймур считал, что дальнейшая эвакуация людей из порта невозможна. Но в это время с «Пылкого» был замечен вышедший из ворот порта маленький паровой катер, дававший тревожные гудки. На катере, которым не без труда управлял бывший кадет Морского училища поручик А. А. Векслер, среди других оказался командир Мариупольского полка, который доложил генералу Кутепову о нахождении полка на молу. Об этом было сообщено капитану 1 ранга Лебедеву на «Беспокойный», причем генерал А. П. Кутепов просил принять все меры для спасения бывших в последнем арьергарде гусар. Приказав «Пылкому», на котором было много эвакуированных, передать всех пассажиров на английский дредноут, капитан 1 ранга Лебедев с «Беспокойным» и «Капитаном Сакеном» направились в порт. Видя это, начальник французской военной миссии генерал Манжен, не желая оставаться лишь зрителем, привлек к этой операции французские корабли. Обеспечивая других, «Беспокойный» стал на якорь среди порта и открыл огонь по спускавшимся с гор красным цепям, которые, пока с дальнего расстояния, начали обстреливать порт из пулеметов. На [208] пристани против «Беспокойного» горел поезд с боеприпасами и осколки взрывающихся снарядов падали кругом. «Капитан Сакен» (капитан 2 ранга А. А. Остолопов) подошел к концу мола и в несколько минут вся его палуба была забита перепрыгнувшими на миноносец людьми. Отойдя от мола, капитан 2 ранга А. А. Остолопов направился к стоявшей у одной из пристаней барже, на которой находилось несколько сотен пехотных солдат и казаков и, взяв ее на буксир, вышел на внешний рейд. Французская канонерская лодка «Дю-Шаффо» тоже подошла к молу и, взяв на борт 190 человек, ушла прямо в Феодосию. Примерно в то же время в порт вошла подводная лодка «Утка» (старший лейтенант Н. А. Монастырев). Красные уже успели подвезти батарею, открывшую огонь по молу и порту, но ее место было замечено с «Утки», которая, открыв огонь из своих двух 75-мм орудий, заставила батарею замолчать. Лишь расстреляв весь свой боевой запас, лодка вышла из порта.

Около 9 часов к молу подошли французский эскадренный миноносец «Ансьен Ру» с генералом Манженом на борту и «Пылкий», но когда французский миноносец, наполнив палубу людьми, хотел отойти от мола, у него произошла авария в машине, и он не смог дать ход. К этому времени красные части вышли к порту со стороны вокзала и открыли пулеметный огонь с пристаней. Отошедший уже от мола «Пылкий», имея 300 пассажиров на

борт, видя беспомощное состояние француза, вернулся назад и, частично прикрыв его своим корпусом, подал ему буксир. Одновременно «Пылкий» вел огонь по неприятельским пулеметам и по снова начавшей стрелять батарее. Выпустив за короткое время около ста 102-мм снарядов, около 10 часов «Пылкий» вывел «Ансень Ру» на рейд и подвел его к французскому крейсеру.

Французское правительство оценило самоотверженное поведение «Пылкого» и наградило его командира капитана 2 ранга В. А. Григоркова орденом Почетного Легиона офицерского креста, старшего артиллериста лейтенанта И. Н. Брюховецкого орденом кавалерского креста и заведовавшего заводкой буксира боцмана-кондуктора И. Крупина военной медалью. [209] Принимая во внимание действия подвезенной красными артиллерии, дальнейшая посылка в порт кораблей была признана слишком рискованной, но все же в это утро, не считая бывших на барже солдат, кораблями с мола было снято более тысячи человек, среди которых все прибывшие на мол кавалеристы и какой-то мусульманский отряд.

К 15 часам красные части завершили оккупацию всего порта и города.

Произведя необходимую перегруппировку эвакуированных, в частности освободив русские миноносцы от пассажиров и дав им с «Эмперор оф Индия» нефть, после полудня английская эскадра, французский крейсер «Вальдек Руссо» и другие корабли направились к крымским берегам. После 14 часов, по инициативе капитана 1 ранга Лебедева, «Беспокойный» пошел в Туапсе с целью выяснить, не прорвались ли туда какие-либо войска. Вероятно, для ремонта машины на «Ансень Ру» в Новороссийской бухте остались крейсер «Жюль Мишле» и миноносец «Алжерьен», которым было суждено произвести последний акт Новороссийской эвакуации.

Среди оставшихся на берегу оказалось более двухсот человек 3-го Дроздовского полка, опоздавших на предназначенный их дивизии транспорт и затем не смогших втиснуться на уже перегруженный «Николай», а также Черноморский конный полк в 300 шашек, не получивший вообще парохода. По предложению командира Дроздовского полка полковника Манштейна, было решено совместно сделать попытку пробиться к Геленджику. Видя проходившие мимо полки и узнав о цели их движения, из стоявшей толпы в одиночку и группами к Черноморскому полку присоединилось около четырехсот имевших оружие конных и пеших, среди них часть команды бронепоездов. Но шедшим впереди дроздовцам у Кабардинки дорогу перегородили занимавшие позицию части Красной армии. Положение казалось безвыходным, но, услыша стрельбу и видя на берегу войска, с приблизившегося французского миноносца была послана шлюпка и прибывший офицер, войдя в связь с командующим Черноморским полком, предложил эвакуировать весь отряд. [210]

Французы послали к берегу все свои шлюпки, которые буксировали паровые катера крейсера, но все же перевозка людей шла очень медленно. Когда дроздовцы начали отходить к месту посадки, чтобы задержать красных, «Жюль Мишле» открыл огонь по району дороги перед Кабардинкой. После 17 часов все бывшие здесь люди, около 900 человек, были взяты на французские корабли. Этим закончилась Новороссийская эвакуация.

По сведениям, опубликованным в журнале «Часовой», не считая беженцев, гражданских чинов и лиц, принадлежавших разным тыловым учреждениям, число которых не поддается учету, было эвакуировано 35 000 человек находившихся в боевых частях Добровольческой армии и 10000 казаков, но является сомнение, не вошли ли в это число казаки, эвакуированные неделю спустя из Туапсе? Все плавучие средства, за исключением трех-четырёх маленьких буксиров, были выведены из порта.

Эскадренный миноносец «Пылкий», котлы и механизм которого за годы войны и революции, не имея серьезного ремонта, совершенно износились, выйдя из бухты оказался в бедственном положении и без котельной воды. После 16 часов у Мысхако его встретил вышедший в 8 часов утра из Ялты эскадренный миноносец «Дерзкий». «Пылкий» стал на якорь, и с целью дать ему воды «Дерзкий» подошел к его борту, но довольно сильная волна, раскачивая миноносцы в противоположные стороны, стала бить их один о другой, причинив этим небольшие повреждения в надстройках, и принудила миноносцы разойтись. «Пылкий»

направился к оказавшемуся поблизости пароходу «Колыма», который опоздал к эвакуации. К вечеру волна немного улеглась, что дало возможность «Колыме» снабдить миноносец водой, и после починки сдавших механизмов в 2 часа ночи «Пылкий» и «Колыма» пошли в Феодосию. Этот небольшой инцидент очень показателен, в каком состоянии в то время находились многие корабли белого флота и какие усилия должны были прилагать их командиры, чтобы они все же могли действовать.

После 17 часов эскадренный миноносец «Дерзкий» вошел в Новороссийскую бухту, имея предписание присоединиться к «Беспокойному» и получить от начальника [211] дивизиона дальнейшие инструкции. Но «Беспокойного» здесь не оказалось, и отходившие от Кабардинки французы сообщили, что он ушел в море. В ожидании получения по радио новых инструкций командир «Дерзкого» решил держаться у входа в бухту, с целью перехватить продолжавший идти к Новороссийску транспорт «Рион»; предполагалось, что могут быть еще другие суда, не уведомленные об оставлении порта. После полуночи удалось связаться по радио с «Рионом» и передать ему приказание идти в Феодосию, откуда он через несколько дней перевез в Севастополь Дроздовскую бригаду. В 23 часа ушел в море французский отряд, и наконец около 4 часов утра на «Дерзком» получили радио с «Беспокойного», срочно идти в Туапсе. В помощь «Пылкому» из Керчи, где еще не знали о падении Новороссийска, лишь вечером был выслан буксир «Шалун», который утром 29 марта подошел к Новороссийской бухте, у входа которой стояли вернувшийся из Феодосии крейсер «Калипсо» и французская канонерка, от которых он узнал, что Новороссийск эвакуирован и «Пылкий» уже накануне вечером пришел в Феодосию.

Выйдя по окончании эвакуации порта из Новороссийской бухты, вечером 27 марта эскадренный миноносец «Беспокойный» подошел к Туапсе и обнаружил, что порт занят перевалившими через горы казаками. Выяснилось, что 3-й Донской корпус, Кубанская армия, бригада астраханцев, другие мелкие части и 7 бронепоездов, отходивших вдоль Армавир-Туапсинской железной дороги, объединились в одну группу войск под командой генерала П. К. Писарева. После безрезультатных переговоров о пропуске к морю с зелеными партизанами, занимавшими Гойхтский перевал, кубанская дивизия генерала А.М. Шифнер-Маркевича, при поддержке бронепоездов, 22 марта заняла станцию Гойхт, и вечером следующего дня бронепоезда дошли до станции Туапсе. За ними двинулись войсковые части и бывшие с ними обозы с беженцами. Партизаны поспешно отступили по новороссийскому шоссе, и вслед за ними был выдвинут отряд казаков с батареей, занявший деревню Небуг и дошедший до Казачьей балки, в 22 километрах от Туапсе. В районе Гойхтского перевала [212] был оставлен арьергард в составе 2-й Кубанской дивизии с тремя бронепоездами.

Двинутые по сочинскому шоссе кубанские казаки обнаружили лишь мелкие группы партизан, которые при их приближении убегали в горы. Этими мерами, во всяком случае до подхода главных сил Красной армии из Новороссийска или с севера, спокойное проведение эвакуации Туапсе было обеспечено. По какой-то причине преследовавшие казаков 34-я и 50-я стрелковые дивизии Красной армии отстали и несколько дней не двигались вперед. Находившийся на «Беспокойном» начальник восточного отряда судов капитан 1 ранга Лебедев по радиотелеграфу сообщил о создавшемся в Туапсе положении и просил срочно выслать из Феодосии пароходы для эвакуации многих тысяч людей. Бывшему у Новороссийска эскадренному миноносцу «Дерзкий» было приказано немедленно идти в Туапсе. Следовавшему к Геленджику, который продолжал занимать противник, начальнику 2-го отряда судов капитану 1 ранга П. Н. Машукову было передано, чтобы он со своим отрядом тоже шел в Туапсе.

В 8 часов утра 28 марта «Дерзкий» пришел в Туапсе. Этот миноносец, как и все другие, бывшие в хорошем состоянии корабли, был захвачен в январе 1919 года «союзниками» и лишь 1 марта 1920 года был возвращен в Измите англичанами. Туда пришел эскадренный миноносец «Поспешный», который предполагалось отправить на Мальту в ремонт, и его уже сплававшаяся команда с капитаном 2 ранга Н. Р. Гутаном во главе перешла на «Дерзкий». После перегрузки всех материалов, снарядов и имущества и необходимого ознакомления с

новым кораблем «Дерзкий» 22 марта прибыл в Севастополь. По нефти для него там не оказалось, и через три дня «Дерзкий» был послан в Ялту для приема горючего с бывшей там баржи. Но нефть оказалась настолько густой, что ее с трудом могли перекачивать помпы, и, не догрузившись, миноносец ушел к Новороссийску. По приходе «Дерзкого» в Туапсе капитан 1 ранга Лебедев со своим флаг-офицером перешел на него, а «Беспокойный», у которого все запасы были на исходе и оставалось мало снарядов, перекачав на «Дерзкий» немного лишней нефти и взяв некоторое количество [213] раненых, в следующую ночь ушел в Феодосию. Капитан 1 ранга Лебедев с помощью капитана 2 ранга Гутана и офицеров «Дерзкого» взял в свои руки все управление морской частью эвакуации. Было организовано управление портом, и на балконе его дома непрерывную вахту несли сигнальщики «Дерзкого», через которых шла вся связь между сухопутным командованием и стоявшим в порту на якоре миноносцем.

29 марта пришел отряд капитана 1 ранга Н. Н. Машукова, который находился на канонерской лодке «Георгий», оборудованной из парохода серии «Эльпидифоров», вооруженный «Ледокол № 1», впоследствии названный «Всадник», с десантной баржей-болиндером и сторожевой катер «Старший лейтенант Макаров». Вслед за ними прибыл тральщик № 412, начали приходить из Феодосии пароходы и прибыл находившийся у Новороссийского залива английский крейсер «Калипсо» и эскадренный миноносец «Стедфаст».

Немедленно было приступлено к погрузке войск, но тут выяснилось, что кубанский войсковой атаман генерал Н. А. Букретов, председатель рады Иванис и председатель краевого правительства Тимченко и другие лица ведут усиленную пропаганду среди кубанских казаков в смысле полного разрыва с Добровольческой армией, отказа от эвакуации в Крым и создания независимой Кубани в союзе с мифической Горской республикой, зелеными Черноморья и будто бы с активной поддержкой Грузии. Несмотря на противодействие командующего Кубанской армией генерала А. Г. Шкуро и большинства офицерства, кубанские казаки поддались этой пропаганде и не пожелали эвакуироваться. Но все эти обещания были лишь пустыми словами: Горская республика была быстро ликвидирована красными, зеленые превратились в Красную партизанскую армию, а Грузия отказалась пропустить казаков на свою территорию. В связи с этим положением началась погрузка 3-го Донского корпуса, астраханцев, попавших в Туапсе добровольцев и беженцев. Ввиду большого количества подлежащих эвакуации лиц из Феодосии были вызваны добавочные пароходы. Пассажирский пароход «Тигр» был предоставлен раненым и больным, беженцы [214] устраивались по способности, в частности на пришедшие английский и французский пароходы.

30 марта канонерская лодка «Георгий» пошла к Сочи для оказания содействия продвигавшимся вдоль моря на юг кубанским казакам. Сторожевой катер «Старший лейтенант Макаров» для выяснения намерений грузин был послан в Сухум, но к назначенному ему сроку не вернулся. 31 марта «Ледокол № 1», взяв под командой мичмана два десятка вооруженных матросов с «Дерзкого», при пулемете, был послан к Джубге, где стояли два буксира и парусные шхуны, на которых при оставлении Туапсе партизанами часть из них бежала. С хода ледокол подошел к стоявшему на якоре «Тайфуну», на который перепрыгнули матросы «Дерзкого», но на буксире никого не оказалось. Маленький буксир «Елизавета» стоял у береговой пристани и захватить его не было возможности. Выпустив несколько 75-мм снарядов по берегу, ледокол взял «Тайфун» на буксир и привел его в Туапсе. По поводу «Тайфуна» между Лебедевым и Машуковым произошел забавный спор. Основываясь на том, что буксир был захвачен кораблем его отряда, Машуков настаивал на его зачислении в этот отряд, но Лебедев, которому «Тайфун» ввиду отсутствия в Туапсе буксиров был крайне необходим для оказания помощи при швартовке пароходов и для буксировки болиндера, напомнил старый корсарский обычай, по которому призовое судно принадлежит тем, которые первые завладели его палубой и на ней продолжали оставаться, то есть в данном случае мичман и его команда с «Дерзкого». Но в это время команда,

оставив «Тайфун» стоять на якоре, вернулась на миноносец. Зная это, капитан 2 ранга Н. Р. Гутан, для продолжения занятия буксира и избежания захвата оставленного судна азовцами, срочно послал на него гардемарина. Капитан 1 ранга Н. Н. Машуков был очень рассержен таким поворотом дела.

В 6 часов утра 2 апреля «Дерзкий» с целью подбодрить находившиеся на фронте части и устрашения партизан вышел в море. У Небуга с берега на шлюпке прибыл кубанский генерал В. Г. Науменко, заменивший отбывшего со своим корпусом генерала П. К. Писарева. [215]

Генерал В. Г. Науменко предложил пройти на северо-запад с целью установить, не подходят ли по шоссе из Новороссийска части Красной армии. Малым ходом «Дерзкий» в двух-трех километрах от берега пошел дальше. У Ольгинского кордона был обстрелян из орудий конный разъезд. Затем было выпущено несколько снарядов по Джубге, где, вероятно, находилась главная база партизан, и были утоплены стоявшие у берега буксир и шхуна. На обратном пути миноносец обстрелял деревню Ольгинка, а затем по просьбе, переданной из штаба отряда, открыл огонь по склону дальней горы, до которой полевая артиллерия не доставала и где виднелась цепь партизан, убежавшая после первых же выстрелов. В это время казачья батарея обстреливала шоссе и прибрежную гору. Никакого движения войск по шоссе не было замечено, из чего можно было заключить, что с этой стороны части Красной армии еще не подходили. После захода солнца «Дерзкий» вернулся в порт.

3 апреля в Туапсе пришла вторая партия пароходов: «Лазарев», «Колыма», «Россия» и транспорт «Николай 119», благодаря которым явилась возможность эвакуировать всех желающих. Пришла также французская канонерская лодка «Дю-Шаффо», взявшая на борт небольшое количество интеллигентных беженцев.

Вечером партизаны произвели внезапное наступление и отбросили передовые части казаков за реку Небуг. Опасаясь их дальнейшего продвижения, генерал В. Г. Науменко попросил об оказании артиллерийской поддержки с моря. В 2 часа ночи 4 апреля «Дерзкий» снялся с якоря и, подойдя близко к берегу и осветив долину прожекторами, в 4 часа утра открыл огонь залпами из своих орудий по мосту, шоссе и южному склону долины. Перед рассветом миноносец отошел в море, но в 6 часов, когда он снова стал приближаться к Небугу, по нему начали стрелять два полевых орудия, сразу давшие один перелет и один недолет. Орудия, которые стояли в разных местах, были сейчас же обнаружены по вспышкам выстрелов; развернувшись бортом, «Дерзкий» их обстрелял и после первых же близких разрывов они замолчали. С целью снова вызвать их стрельбу миноносец прошел четыре раза [216] в двух-трех километрах от берега, но орудия упорно молчали. В 8 часов «Дерзкий» вернулся в Туапсе и подошел к «Калипсо», который дал ему сколько мог нефти. Действия на морском фланге «Дерзкого», видимо, обескуражили партизан, которые не только прекратили попытки наступать, но даже отошли назад, и высланный в этот день казачий разъезд прошел на несколько километров вперед, никого не обнаружив.

На следующий день капитан 1 ранга Н. Н. Машуков, присутствие которого было необходимо ввиду готовившегося десанта в Азовском море, ушел на «Ледоколе № 1» в Керчь. Вслед за ним, несмотря на поднятый «Дерзким» сигнал «вернуться», который, возможно, не был понят, ушел и «Георгий».

6 апреля фактически эвакуация была закончена, и все пароходы ушли в Феодосию. У железнодорожной пристани остался транспорт «Николай 119», грузивший еще артиллерию и который должен был взять команды бронепоездов. Управление портом было переведено на транспорт, «Тайфун» с болиндером пошел в Сочи, куда должны были посылаться в дальнейшем пароходы. Надо отметить, что в Сочи и далее до Поты не было оборудованных портов и погрузка на суда была лишь возможна при помощи мелкосидящей баржи с пересадкой людей на стоявшие на якоре пароходы. Находившийся на железной дороге арьергард и бронепоезда, устроив в туннелях завалы, в этот день оставили Гойхтский перевал и начали отходить к Туапсе; кубанские части и обозы уходили на юг по сочинскому шоссе. Два бронепоезда отошли на железнодорожную пристань и командир «Николая»

предложил своими стрелами снять с них и погрузить на транспорт орудия и башни. Остальные бронепоезда, кроме одного, были приведены в негодность. Транспорт должен был взять с собой находившийся в порту буксирный катер «Петр», который с трудом был приведен к его борту четверкой «Дерзкого». На остальных мелких катерах машинисты миноносца сняли части механизмов. Окончательное оставление порта было назначено на 7 апреля, в зависимости от того, как быстро будут наступать красные, но из предосторожности стоявшие в середине порта «Дерзкий» [217] и «Калипсо» к вечеру подняли все шлюпки и были готовы к немедленной съемке с якорей. На новороссийском шоссе арьергард отошел на последний перед портом Агойский перевал, но партизаны здесь его не беспокоили, вероятно не решаясь атаковать эту крутую гору. В первую половину дня 7 апреля продвигавшаяся вдоль железной дороги дивизия красных была задержана арьергардом при поддержке бронепоезда у последней станции Кабардинка, но их части продвигались также вдоль долины Паук. В 14 часов «Николай», окончив погрузку, отошел от пристани, но на случай необходимости взять еще кого-либо был поставлен на якорь в порту и ушел лишь два часа спустя. Оставленные им пустые бронеплощадки паровоз столкнул в море. В 15 часов начался отход арьергардов. Для облегчения отступления арьергарда с новороссийского направления «Дерзкий» в 16 часов подошел к долине Агоя и выпустил десяток снарядов вдоль шоссе. В момент поворота миноносца в море, по нему открыли огонь два 3-дюймовых орудия, место которых сразу определить не удалось. «Дерзкий» обстрелял некоторые пункты на берегу, где предположительно могла бы находиться батарея, которая сделала десятка два выстрелов, причем некоторые ее снаряды ложились вблизи миноносца. Наконец, сигнальщики заметили вспышки выстрелов на склоне холма у Небуга и по этому месту был открыт беглый огонь из трех орудий, и тотчас же батарея замолчала. В 17 часов 30 минут «Дерзкий» вернулся к Туапсе и стал на якорь в двух километрах от берега на внешнем рейде, недалеко от вышедшего в 16 часов из порта «Калипсо». К этому времени арьергард с железной дороги уже отошел на юг. У вокзала был большой пожар, зажженный командой бронепоезда, и рвались боеприпасы. Сам бронепоезд отошел на Черноморский вокзал, взорвав после себя мост через Туапсинку. Через город на рысях проходили несколько сотен казаков, бывших в арьергарде на новороссийском шоссе.

Цепи красных появились со стороны Кабардинки и затем на холмах со стороны Паука. Бронепоезд обстреливал их шрапнелью, но по нему открыла довольно меткий огонь батарея; после попадания гранаты в стоявший за [218] ним паровоз, бронепоезд отошел за поворот. Другая батарея (возможно, это был бронепоезд) более крупными снарядами обстреливала город и порт. «Дерзкий» сделал лишь несколько выстрелов, так как с мостика было трудно разобрать, где свои и где чужие. В 18 часов, вероятно приблизившись, как предполагали, 42-линейная батарея одиночными выстрелами открыла огонь по кораблям гранатами и иногда шрапнелью, целя главным образом в «Калипсо». Выбравшие заблаговременно якоря корабли малым ходом начали уходить, причем капитан 2 ранга Н. Р. Гутан, не желая при этом опережать «Калипсо», держался позади его траверза. Ответного огня корабли не открыли, так как местоположение батареи не удалось заметить, а стрелять по городу было безрассудно. Шрапнель разорвалась между мачтами «Дерзкого», и пули, как горох, рассыпались по стальной палубе, но в этой части миноносца по боевой тревоге никого не было, а проходивший здесь старший офицер лейтенант В. К. Полетика успел отпрыгнуть под настройку. Затем у самой кормы «Калипсо» поднялся фонтан воды и разорвавшийся снаряд осыпал ее осколками, после чего крейсер увеличил ход и его примеру последовал «Дерзкий». Батарея оказалась дальнобойной, и корабли находились в сфере ее обстрела 20 минут.

Через Туапсе, включая беженцев и гражданских лиц, было эвакуировано примерно 15 000 человек, некоторое количество лошадей и орудий.

После рассвета «Дерзкий» подошел к Гаграм, чтобы посмотреть, нет ли там пропавшего «Макарова», но катера там не оказалось. На смену «Дерзкого» для продолжения эвакуации должен был прибыть эскадренный миноносец «Живой», вместе с тем на «Дерзком» не было

достаточно нефти, чтобы дойти до Севастополя, требовалось перебрать кое-какие механизмы и его команда от интенсивной работы сильно устала. Принимая это во внимание и предполагая, кроме того, что в Крыму нефти не достать, капитан 1 ранга Лебедев приказал идти в Батум, куда миноносец пришел в 18 часов. Во время спокойной стоянки «Дерзкого» в Батуме у всех оказалось время предаться своим мыслям. Под влиянием произошедшей катастрофы [219] Добровольческой армии в настроении команды произошел некоторый упадок. О реальном положении в Крыму сведений не было, и в случае его падения предполагалось, что миноносец уйдет за границу. Обильное потребление кахетинского вина позволяло забыть горечь поражения, но несколько человек из более чем ста человек команды дезертировало. Среди них оказался старшина одной кочегарки, гардемарин инженерного училища, и, что всех удивило, — боцман, бывший унтер-офицер Гвардейского экипажа. В 1919 году, когда в Новороссийске формировалась команда «Поспешного», он явился на миноносец и на вопрос старшего офицера, есть ли у него документы, распахнул бушлат, показал свою богатырскую грудь, на которой от края до края, в красках, был нататуирован императорский орел, и сказал: «Вот мой документ, куда я с таким могу еще податься!». Но необходимо отметить, что когда через несколько дней «Дерзкий» снова вышел в море и пошел в родной для многих матросов Севастополь, все тяжелые думы были забыты и команда, как раньше, превосходно работала.

Вступивший в командование Русской армией генерал Врангель для разрешения создавшегося на кавказском побережье положения командующим Кубанской армией назначил генерала С. Г. Улагая, доставить которого в Туапсе должен был только что закончивший ремонт миноносец «Живой» (командир старший лейтенант М. А. Лазарев). Взяв на борт генерала С. Г. Улагая, его начальника штаба генерала Н. Н. Стогова и полковника Туманова, «Живой» зашел сперва в Керчь, где на него погрузилось несколько членов кубанской рады из числа лояльных генералу Врангелю, которые должны были оказать влияние на казаков, после чего миноносец направился в Туапсе. Зная о его приходе, всю ночь после оставления порта «Дерзкий» периодически вызывал «Живого» по радио, а уходивший в другую сторону «Калипсо» слал в эфир: «to all to all and руска миноноска» и далее, по-английски: «Туапсе занято большевиками». По какой-то причине не приняв этих телеграмм, во второй половине дня 8 апреля «Живой», пройдя в близком расстоянии Кадошский мыс, подошел к Туапсе. Отсутствие каких-либо кораблей в порту [220] показалось Лазареву подозрительным, и он тотчас же застопорил машины, чтобы осмотреться. Расстояние до набережной было не более километра, и не прошло и нескольких минут, как стоявшее у таможни 3» орудие открыло огонь, и первый его снаряд упал в 50 метрах от борта. Миноносец дал полный ход и, прижимаясь к берегу Кадоша, пошел в море. Кормовое 75-мм орудие открыло огонь, и после нескольких выстрелов ему удалось сбить стрелявшую пушку. На мысу была хорошо видна установленная в 1916 году двухорудийная морская 6-дюймовая батарея, на которой копошились люди, начавшие поворачивать орудие в сторону миноносца. С расстояния в 200 метров батарея была обстреляна из пулемета, и бывшие там люди разбежались. Отойдя в море, «Живой» обстрелял дома на набережной, начиная с большого здания с развевавшимся красным флагом, который загорелся. Всего было выпущено 83 снаряда. Около 18 часов, когда миноносец уже отошел от порта, в ста метрах от него поднялся высокий столб воды от падения крупного, вероятно, 6» снаряда. Через короткий промежуток времени второй снаряд разорвался в восьми-десяти метрах против носовой части, и осколок прочертил по шпилью. В этот момент подошедший с юга английский миноносец начал стрелять залпами по Туапсе, и батарея перенесла огонь на него; повернув в море, миноносцы быстро вышли из сферы падения снарядов. «Живой» пошел к Сочи, но через часа полтора в носовом отсеке была обнаружена вода, и миноносец заметно сел носом. При осмотре борта у ватерлинии против клюза была обнаружена пробоина в 10 на 12 сантиметров с острыми вывернутыми наружу (!) краями. Мотор электрической помпы оказался уже в воде и пришлось организовать откачивание воды ручным брандспойтом, на который встали члены рады. Для уменьшения количества воды

отсек туго забили ветошью и паклей, но вода продолжала прибывать и начала заливать кубрик через отошедший, вероятно по ветхости, люк водонепроницаемой переборки. После нескольких часов усилий машинному унтер-офицеру удалось прижать и заклинить люк и, продолжая выкачивать воду, ее дальнейшее распространение удалось прекратить; в 23 часа был дан ход. Вспышек выстрелов на [221] «Живом» не видали, но все же офицеры предполагали, что стреляла батарея Кадош, хотя бывший командир Туапсинского порта капитан 2 ранга П. П. Винокуров еще в Севастополе сказал Лазареву, что с орудий этой батареи в свое время были сняты замки и стрелять она не могла. В одни сутки красные восстановить ее не могли и можно предполагать, что стрелял тяжелый бронепоезд, с которым потом еще пришлось иметь дело.

После оставления Туапсе кубанские части отошли на 30 километров и, пройдя Лазаревку, закрепились вдоль бурной в это время года горной реки Исезуапэ; затем, после трехдневного боя, они 15 апреля были вынуждены отступить до долины реки Шахе, в 25 километрах от Сочи. Строившаяся железная дорога оканчивалась несколько километров далее у Лоо, поддерживавший казаков бронепоезд был взорван, и его команда погрузилась на прибывший к Сочи пароход «Колыма», грузивший людей с помощью болиндера. Генерал В. Г. Науменко отбыл в Крым, и его заменил генерал Н. А. Морозов.

Утром 9 апреля «Живой» встал на якорь у Сочи; вскоре с берега прибыл генерал А. Г. Шкуро, который имел длинный разговор с генералом С. Г. Улагаем в кают-компании миноносца. Позже было получено радио с приказанием генералу С. Г. Улагаю следовать в Батум, для переговоров с прибывшим туда из Владикавказа командовавшим войсками на Кавказе генералом И. Г. Эрдели. 10 апреля в канун Пасхи «Живой» пришел в Батум. Для более энергичного откачивания поступавшей воды «Дерзкий» передал ему свой брандспойт, и капитан 1 ранга Лебедев обратился за помощью к командиру стоявшего в порту английского крейсера «Карадок». «Живой» был подведен к крейсеру и спустившийся за борт английский машинист, обрезав острые края пробоины, наложил на нее железную планку и крепко ее притянул болтами, после чего поданным шлангом крейсер осушил отсек. Уголь на «Живом» подходил к концу, и англичане разрешили пополнить его запас из возвышавшейся на пристани горы угля. «Дерзкий» впервые после Константинополя смог принять полный запас нефти. Фактически в Батуме всем распоряжались англичане. Они имели здесь свою базу, [222] через которую шло снабжение в Каспийское море и Персию, и в городе стояла их пехотная часть.

С самого основания Грузия страдала отсутствием флота, который состоял лишь из трех бывших русских быстроходных катеров, трех вооруженных маленьких буксиров и имелся лишь один коммерческий пароход «Михаил». Решив воспользоваться крушением Добровольческой армии, грузинские власти захватили в Потти четыре парохода под русским флагом, но после протеста генерала И. Г. Эрдели, поддержанного английским командованием, три парохода были ими отпущены. На одном из них прибыл в Батум бывший кадет Морского училища, подпоручик корпуса корабельных офицеров Малов, состоявший в команде катера «Старший лейтенант Макаров», которому удалось бежать из грузинского лагеря. Малов сообщил, что катер зашел в Сухум и, несмотря на предупреждение капитана 1 ранга Лебедева быть осторожными с грузинами, командир катера, оставив на нем лишь четырех человек, с остальной командой отправился гулять в город, где все были арестованы. К стоявшему на якоре «Макарову» подошли два грузинских катера, и человек 20 вооруженных грузин, перепрыгнув на него, им завладели. После этого «Макаров» был отведен в Потти. Узнав об этом пиратском акте, капитан 1 ранга Лебедев решил с двумя миноносцами идти в Потти и, если надо угрожая бомбардировать порт, потребовать возвращения катера. Английское командование нашло действие грузин в захвате катера неправильным, а командир бывшего в Батуме французского эскадренного миноносца «Хова», вероятно по собственной инициативе, решил присоединиться к этой демонстрации. Поход был назначен на 14 апреля, но командир «Живого» попросил отсрочки, так как принятый им уголь был столь низкого качества, что почти не горел в

топках котлов. На следующий день «Живой» все еще не поднял паров, и капитан 1 ранга Лебедев решил вести его на буксире. Вечером, светя прожекторами, капитан 2 ранга Н. Р. Гутан, очень искусно маневрируя, подвел «Дерзкого» к стоявшему у пристани «Живому», ошвартовавшись к нему бортом, вывел его из порта и в час ночи перевел его за корму. Генерал С. Г. Улагай опять пошел на «Живом». К утру [223] разыгрался штормовой ветер прямо в нос миноносцам и развел довольно большую волну. В 10 часов утра лопнул буксир и не без труда из-за качки был заведен новый. По оборотам винтов ход должен был быть 6 узлов, но фактически миноносцы вперед почти не продвигались и их снесло на старое, но все еще опасное минное поле. После полудня, ввиду не прекращающегося шторма, капитан 1 ранга Лебедев решил операцию отменить и приказал повернуть на Сочи.

Присоединившийся утром «Хова» с благодарностью был отпущен. На новом курсе, хотя качка усилилась, но ветер мешал меньше, и с риском порвать буксир «Дерзкий» прибавил число оборотов, но в действительности ход не превышал четырех узлов. В 23 часа снова со свистом, извиваясь спиралью, лопнул стальной буксир. При свете прожекторов Н. Р. Гутан подвел корму «Дерзкого» к «Живому», при помощи бросательного конца ему был передан перлинь и он был подтянут ближе. Миноносцы качало, и таран «Живого» угрожающе бросало вверх и вниз у самой кормы «Дерзкого». На карапасной, обдаваемой брызгами носовой палубе «Живого» работать было очень трудно, и матросы ежесекундно рисковали свалиться за борт. Было решено в качестве буксира использовать якорный канат, но живинцы его упустили, и сто сажень тяжелой цепи с грохотом полетели за борт; не имея пара на шпиле для его подъема, канат пришлось отклепать. Пришедший на корму Н. Р. Гутан, видя, что команда «Живого» не справляется и его старший офицер мичман Христо-Феодорато безучастно сидит на пушке, приказал строевому унтер-офицеру «Дерзкого» и трем матросам перебраться на «Живой». Цепляясь руками и ногами за канат, они достигли «Живого», после чего дело пошло быстрее и новый буксир был заведен. В 2 часа ночи «Дерзкий» дал ход. К утру шторм постепенно стих и, воспользовавшись этим, команда «Живого» через узкие палубные горловины начала выбрасывать за борт батумский уголь, чтобы добраться до оставшегося, правда в небольшом количестве, хорошего угля. В 11 часов утра 17 апреля миноносцы пришли в Сочи и, к общей радости команды «Дерзкого», «Живой» был передан «Колыме», которая, взяв тысячи полторы пожелавших [224] эвакуироваться, на следующий день ушла с ним в Феодосию.

В день прихода «Дерзкого» у Шахе красные части пытались продвинуться вперед. В 11 часов стоявший у Сочи английский миноносец «Стедфаст» снялся с якоря и днем несколько раз обстреливал тылы красных, до Лазаревки включительно. Вместе с тем в штабе было получено сведение, что в следующую ночь красные собираются на катерах и шлюпках высадить десант в тылу позиции казаков. Ввиду этого в 23 часа «Дерзкий» снялся с якоря и до рассвета, светя прожекторами, малым ходом крейсировал между Лазаревкой и Шахе в поисках проблематичных катеров. После рассвета миноносец через посланную к берегу шлюпку получил просьбу из штаба отряда обстрелять правый берег реки Шахе и прилегающие к ней склоны долины, так как красные начали атаку позиций. Действительно, на берегу была слышна жаркая пулеметная и ружейная стрельба, но артиллерия безмолвствовала. Об этой просьбе были поставлены в известность англичане, и прибывший в Сочи крейсер «Карадок» и «Стедфаст» тотчас же вышли к Шахе. В 8 часов 15 минут проходя 6-узловым ходом в четырех километрах от берега, «Дерзкий» быстро чередуясь с двухорудийными залпами открыл огонь. Через пять минут шедший немного мористее его «Карадок» и немного позднее миноносец начали энергичный обстрел берега. В бомбардировке принял участие десяток скорострельных орудий, и сразу долина и склоны горы покрылись дымом разрывов и пылью. «Дерзкий» обстреливал железную дорогу, шоссе и близлежащий район, тогда как «Карадок» эффектно четырехорудийными залпами посылал 6-дюймовые снаряды дальше в глубь долины. После первых же залпов перестрелка на берегу прекратилась и красноармейцы бросились назад в поисках укрытий. В 8 часов 30 минут корабли повернули на обратный путь, причем «Карадок» и миноносец

вступили в кильватер «Дерзкому», что было удобнее при стрельбе. До 9 часов 10 минут более редким огнем корабли продолжали обстрел берега, после чего «Дерзкий» ушел в Сочи, а англичане остались у Шахе и около полудня снова обстреливали долину. В 16 часов [225] вернулся «Карадок», а миноносец оставался там до темноты, но красные не решались больше что-либо предпринимать.

19 апреля в 8 часов утра, согласно полученному приказанию, «Дерзкий» пошел в Севастополь. Смена ему не посылалась, и надо думать, что это решение было вызвано невозможностью сговориться с кубанскими представителями. Вслед за ним из Сочи вышел «Стедфаст» и, подойдя к Лазаревке, начал ее обстреливать. Внезапно около него начали подниматься высокие столбы воды от падения, вероятно, 6-дюймовых снарядов, но стреляло, видимо, лишь одно орудие. Командир «Дерзкого» хотел идти к нему на помощь, но капитан 1 ранга Лебедев сказал, что в этом нет надобности. Действительно, поставив дымовую завесу и дав самый полный ход, «Стедфаст», ушел зигзагами в море, а появившийся скоро «Карадок» в отместку сильно бомбардировал Лазаревку. По всей вероятности, миноносец был обстрелян вооруженным морским орудием бронепоездом, продвинувшимся в это утро до Лазаревки, и его присутствие усложняло действия кораблей у Шахе.

Положение казаков на остававшейся в их распоряжении маленькой территории продолжало ухудшаться. В этом поистине райском саду, которым является Черноморское побережье весной, когда все деревья в цвету, всегда был недостаток в пищевых продуктах, и казаки лишь с трудом находили себе пропитание и голодали. Ввиду этого, по распоряжению Константинопольской морской базы, пассажирский пароход «Св. Николай», нагрузив 50 тонн муки, 24 апреля был послан в Сочи. Там он взял на борт 1100 больных и 400 других пассажиров и доставил их в Ялту. Видя тщетность своих уговоров, генерал Шкуро со своим конвоем покинул Ялту на английском миноносце. Но развязка быстро приближалась. Потеснив казаков, 29 апреля красные части заняли Сочи, и кубанцы, в надежде быть пропущенными в Грузию, отошли в нейтральную зону; преследуя их, 2 мая красные дошли до границы. У нейтральной зоны, против хутора Веселый, стояли на якорях английский линейный корабль «Айрон Дьюк», эскадренный миноносец, пришедший из Крыма пароход «Бештау» и незаменимый «Тайфун» со своим [226] болиндером. На «Айрон Дьюке» находился генерал Шкуро, который еще раз попытался повлиять на казаков. В конечном результате на «Бештау» и взятый им на буксир болиндер было погружено до трех тысяч казаков, среди них военное училище и много офицеров. Больше пароход не мог вместить, и к вечеру 3 мая все корабли вышли в море. Атаман Н. А. Букретов, при посредничестве генерала Н. А. Морозова, вступил в переговоры с местным красным командованием и заключил с ним при условии нерепрессирования сдавшихся договор о капитуляции, но это условие впоследствии не было признано высшими властями. Обманутые своими лидерами, казаки хотели устроить над ними самосуд, но Н. А. Букретов, Иванис и Тимченко бежали в Грузию. Некоторое количество казаков решили все же не сдаваться и расплылись в окрестных горах.

За это время в Новороссийске произошел не совсем понятный инцидент. 21 апреля в порт вошел итальянский крейсер «Этна», командир которого заявил, что он прибыл с целью начать переговоры относительно возобновления политических сношений между Италией и РСФСР. Документов, подтверждающих эту дипломатическую миссию, командир не имел, и советские власти пришли к заключению, что «Этна» пришла с целью разведки в пользу белых, и решили крейсер задержать. Но 28 апреля вечером «Этна» снялась с якоря и направилась в море. По крейсеру, осветив его прожектором, открыли огонь полевая батарея и бронепоезд; «Этна» стала отвечать из своих орудий и без повреждений ушла в море. Необходимо отметить, что итальянцы в гражданской войне никакого участия не принимали, и обвинение их в помощи белым надо считать ничем не обоснованным.

3 мая в Севастополе была проведена реорганизация морского командования. Генерал П. Н. Врангель, находя деятельность вице-адмирала А.М. Герасимова мало энергичной и, в

частности, то, что он допускал своему начальнику штаба капитану 2 ранга Рябинину открыто говорить офицерам о безнадежности положения Крыма и о необходимости прекращения Гражданской войны, освободил адмирала от занимаемой должности и назначил вице-адмирала [227] М. П. Саблина командующим флотом и одновременно начальником Морского управления. Должность главного командира портов и судов, которую ранее занимал адмирал М. П. Саблин, была упразднена.

Операция с кубанскими казаками не закончила действия флота по эвакуации с Кавказа и перевозки в Крым прорвавшихся к морю воинских частей. Так, в конце мая Астраханско-Терская бригада, под командой полковника Колоссовского, перевалившая через горы, при попустительстве грузин была снята с берега севернее Поти с помощью приведенного болиндера вооруженным ледоколом «Гайдамак» и другим судном 2-го отряда. Но эвакуация более крупной группы войск, главным образом терских казаков с их атаманом генералом Г. А. Вдовенко, отошедшей в Грузию по Военно-Грузинской дороге, встретила препятствие со стороны грузин, опасавшихся осложнений с советским правительством. Для урегулирования этого вопроса генерал П. Н. Врангель поручил адмиралу А.М. Герасимову в качестве своего полномочного представителя отправиться в Батум. В последних числах июня эскадренный миноносец «Жаркий», конвоируя транспорт «Сарыч» (бывший «Маргарита»), вышел по этому назначению. 27 июня туда же, имея на борту генерала из штаба армии, пошла подводная лодка «Утка» (командир старший лейтенант Н. А. Монастырев), которая попутно должна была произвести разведку в Новороссийской бухте. Ночью, подойдя к берегу у Кабардинки, на тузике был высажен кондуктор, который из разговора с жителями выяснил, что в Новороссийском районе никаких повстанцев нет, порт совершенно пустой, и мелкие отряды красноармейцев находятся во всех населенных пунктах побережья. По выходе из бухты в открытом море сильная волна не дала возможности лодке поднять мачты для радиотелеграфирования, и командир для передачи полученных сведений зашел в Керчь, после чего «Утка» отправилась в Батум, куда прибыла 30 июня. Походы подводных лодок, о которых командование должно было предупреждать англичан, всегда их беспокоили; перед Батумом «Утку» встретил миноносец «Стедфаст», который под видом получения сведений послал к ней [228] шлюпку с офицером, и в порту за лодкой велось постоянное наблюдение. В июне английское правительство приняло решение о прекращении интервенции в России и оказания помощи антибольшевицким силам. 28 июня английская военная миссия покинула Севастополь, и с этого времени армия генерала П. Н. Врангеля была предоставлена своим собственным силам, как в военном смысле, так и в финансовом отношении и изыскании способов снабжения. Лишь 10 августа Франция, желая косвенно поддержать Польшу, признала правительство ген. Врангеля. Решение англичан коснулось и Грузии; в начале июля они производили эвакуацию своей Батумской базы, и 7 июля находившаяся там эскадра ушла в Константинополь. Возможно, что новое положение и присутствие в порту русских военных кораблей сделали грузин более уступчивыми, и они дали свое согласие на погрузку войск. 5 июля «Утка» ушла в Севастополь; окончив погрузку войск, «Сарыч» и «Жаркий» тоже покинули Батум.

Ввиду поступавших в Севастополь сведений о восстаниях на Кубани и появления антисоветских отрядов на побережье, в течение лета и осени корабли флота неоднократно ходили к кавказским берегам, высаживали разведочные партии или казачьих офицеров, пытавшихся войти в связь с этими отрядами. Попутно велась блокада занятого красными побережья. В этих операциях участвовали подводные лодки, эскадренный миноносец «Капитан Сакен» и другие корабли. Лейтенант М. П. Бачманов, выйдя из Керчи на катере, высадился у Геленджика и вернулся, добыв ценные сведения. Генерал П. Н. Врангель поручил генерал-майору Муравьеву пробраться в Баталпашинский отдел и, действуя его именем, объединить находившиеся там отряды, а также предупредить их о предполагаемом десанте на Кубань. Чтобы не привлечь внимания появлением военного корабля, генерал Муравьев в сопровождении нескольких офицеров отправился на моторном судне, мотор которого на втором дне перехода сломался, и судно лишь на двенадцатый день было

принесено ветром к азиатскому берегу. После еще долгих скитаний генерал Муравьев прибыл в Гагры и вошел в [229] сношения со скрывавшимся в горах отрядом полковника Улагая. 27 июля полковник Улагай атаковал слабые части красных, стоявшие у границы, и занял Адлер, Хосту и Молдаванку, но получившие подкрепления красные отбросили на следующий день казаков назад, и они расплылись в нейтральной зоне, тогда как Муравьев через горы отправился в район Баталпашинска. Сведения о выступлении отряда Улагая были получены в Крыму с большим опозданием. Не зная еще, что он потерпел неудачу, 17 августа на помощь была выслана «Утка», имевшая на борту войскового старшину Балонева, семь казачьих офицеров и сестру милосердия. На лодку было погружено 410 тысяч ружейных патронов, 300 винтовок и 7 пулеметов, для выгрузки которых на буксир был взят моторный баркас. По пути были осмотрены две грузинские шхуны, которые до этого были задержаны вооруженным моторным катером под красным флагом. «Утка» приблизилась к берегу в надежде поймать этот катер, но в наступавшей темноте его не обнаружила. Капитан грузинской шхуны сообщил, что действительно казаки занимали Адлер, но теперь там снова большевики. 20 августа «Утка» подошла к берегу у нейтральной зоны, и на тузике два офицера были высажены на берег для выяснения положения. Офицерам удалось переговорить с командующим грузинскими войсками генералом Мачавариани, который сообщил им все, что знал о действовавшем на Кубани отряде генерала Фостикова и происшедших в районе Адлера событиях; в заключение генерал добавил: «Передайте вашему командиру, что он может делать, что хочет, при условии ненарушения нейтралитета Грузии». По возвращении офицеров было решено, что вся офицерская группа высадится в нейтральной зоне, где также предполагалось оставить на берегу оружие, но за ненахождением подходящего для этого места последнее не было исполнено. На обратном пути проходя мимо Адлера, лодка была обстреляна полевой батареей, но после нескольких удачных ответных выстрелов батарея замолчала. 25 августа «Утка» вернулась в Севастополь.

С другой стороны, красное командование делало усилия для поддержки находившихся в крымских горах зеленых. [230]

9 августа из Анапы вышел паровой катер «Витязь», имея на буксире моторный катер «Гаджибей», и ночью высадил в Судакской бухте группу в 12 человек с комиссаром Мокроусовым во главе и выгрузил некоторое количество оружия. После этого моторный катер был затоплен, а «Витязь», для избежания встречи с белыми кораблями, спустился к югу и благополучно вернулся в Новороссийск.

14 августа у Приморско-Ахтарской был произведен десант на Кубань и через три дня с целью демонстрации у мыса Утриш был высажен небольшой отряд. Предполагаемого успеха операция не имела, и 31 августа началась эвакуация высаженных войск через Ачуев, а потом через Таманский полуостров. Повстанческие отряды генерала М. А. Фостикова, пытавшиеся 24 августа овладеть Лабинской и Майкопом, потерпели неудачу и, не имея патронов и артиллерии, отступили в горы. У генерала М. А. Фостикова остался лишь один выход: перевалить через горы и прорваться к морю. По плохим горным дорогам, сбивая высланные с побережья заслоны, через Красную Поляну и частью отряда через перевал Умпырь, казаки прорвались к морю и 23 сентября заняли Адлер, где к ним присоединился отряд в 400 казаков полковника Улагая. Опередив свой отряд, генерал Фостиков в сопровождении генерала Муравьева горной дорогой пришли в Гагры, где встретили представителя генерала Врангеля полковника Валуева. Но телеграфной связи с Крымом не было, и для доклада генералу Врангелю о положении отряда, через Батум в Севастополь, отправились генерал Муравьев и полковник Улагай. По получении первых сведений о занятии Адлера казаками, начальник штаба генерала П. Н. Врангеля генерал П. Н. Шатилов отправился туда на миноносце. 3 сентября из Севастополя, под конвоем подводной лодки «Утка», вышел транспорт «Сарыч» и также пароход «Аскольд». После совещания в Адлере с генералом Фостиковым генерал Шатилов заключил о необходимости возможно скорее эвакуировать казаков и ушел на миноносце в Севастополь, и заменявший заболевшего вице-

адмирала Саблина контр-адмирал Николая 6 октября получил предписание произвести эту операцию. [231]

В это время в Севастополе находился, не считая дредноута, лишь вспомогательный крейсер «Алмаз», так как «Генерал Корнилов» был у Очакова, а миноносцы в Мариупольской операции. Начальником операции был назначен командир «Алмаза» капитан 2 ранга В. А. Григорков и старшим транспортным офицером старший лейтенант А.М. Булашевич. Кроме «Алмаза» в состав отряда вошли: большой транспорт «Дон», приспособленный для перевозки лошадей транспорт «Ялта» (бывший «Виолета»), а также находившиеся в Керчи транспорт «Крым» (бывший «Николай 119»), который должен был привести болиндер, и буксир «Доброволец». Вышедшие ранее «Утка», «Сарыч» и «Аскольд» по соединении с «Алмазом» входили в подчинение начальника операции. На «Алмазе» шли генерал Муравьев и полковник Улагай, и на крейсер было погружено полевое орудие, винтовки и 200 тысяч ружейных патронов. На «Дон» было взято некоторое количество провианта. Утром 7 октября «Алмаз» вышел из Севастополя; но у юго-восточных берегов Крыма уже четыре дня свирепствовал норд-остовый шторм, принудивший «Утку» зайти в Феодосию и затем отставаться в Керчи. На «Алмазе» при сильной качке вода через порты для погрузки угля, у которых не было резиновых прокладок, отсутствовавших в Севастопольском порту, стала проникать в угольные ямы и через них в кочегарки. Водоотливные помпы вскоре забились углем, и крейсер был принужден зайти в Ялту. Опасаясь, что болиндер зальют волны, «Крым» и маленький «Доброволец» тоже ожидали улучшения погоды.

Приведя все в порядок и воспользовавшись уменьшением силы волн, утром 10 октября «Алмаз» снялся со швартов и пошел по назначению. На следующее утро двухорудийная батарея, стоявшая на правом берегу речки Сочипета, открыла по крейсеру огонь, но ее снаряды падали большими недолетами, и ввиду дальности расстояния «Алмаз» ей не отвечал. Проходившая потом ближе к берегу «Утка» была тоже обстреляна этой батареей и выпустила по ней восемь снарядов. Не зная точно, кто занимает Адлер, подойдя к нему на 40 кабельтовых, «Алмаз» [232] произвел один выстрел в горы, после чего стоявшая в селении полевая батарея красных открыла огонь, дав первым залпом перелет. «Алмаз» стал немедленно отвечать и, выпустив двадцать 120-мм снарядов, заставил ее замолчать. Когда он подошел к нейтральной зоне, на берегу был замечен делавший сигналы человек. Капитан 2 ранга В. А. Григорков приказал подошедшей «Утке» с темнотой его подобрать, сам же пошел к Гаграм, где ночью для выяснения местонахождения отряда генерала Фостикова на шлюпке был высажен полковник Улагай. За несколько суток, потерянных кораблями из-за шторма, положение отряда коренным образом изменилось, и взятый с берега «Уткой» человек, оказавшийся полковником Лимаиским, сообщил следующее: 5 октября красные, имея броневые автомобили, которым казаки могли противопоставить лишь пулеметы и винтовки, при поддержке артиллерии, атаковали находившуюся в пяти километрах впереди Адлера позицию и вынудили казаков отойти за реку Мзыньта, где они укрепились. Но подошедшие со стороны Красной Поляны части красных, потеснив казачий арьергард, заняли Молдаванку за флангом этой позиции. Кроме того, патроны были на исходе. Принимая все это во внимание, генерал М. А. Фостиков вечером 9 октября отдал приказ всем сосредоточиться в нейтральной зоне у хутора Веселый с целью дальней от моря дорогой перейти в Грузию.

11 октября примерно в 15 километрах от берега отряд перешел пограничную реку Псу и вскоре был остановлен грузинскими постами. Генерал М. А. Фостиков связался по телефону с генералом Мачавариани и стал добиваться от него разрешения интернировать отряд в Грузии. В это время с моря донеслась канонада перестрелки «Алмаза» с батареей, но вернуться отряду к берегу уже не было возможности. Появление кораблей позволило Фостикову переменить тон разговоров, и в конечном результате, при условии сдачи всего оружия, было получено разрешение перейти границу, после чего казаки должны были быть помещены в лагерь на режиме военнопленных. В ночь на 12 октября отряд перешел линию

грузинских постов, сдавая им свое оружие. Но о последнем факте на «Алмазе» узнали лишь через два дня. [233]

Днем 12 октября к Гаграм подошли «Дон», «Крым» с болиндером, «Доброволец» и «Аскольд». «Ялта» пришла лишь на следующий день. «Сарыч» пришел раньше, и грузины разрешили ему взять около четырехсот находившихся в Гаграх раненых и больных. Транспортам было приказано держаться с застопоренными машинами в 10 милях к западу от Адлера.

Вечером, считая, что отряд находится все еще в нейтральной зоне, для создания диверсии «Алмаз» сделал 20 выстрелов по Адлеру и «Утка» — два. В течение ночи корабли течением были отнесены на северо-запад, и когда утром 13 октября они возвращались, сочинская батарея, давая большие недолеты, открыла огонь. Днем появившийся самолет бросил три бомбы большого калибра, упавшие вблизи «Алмаза». После наступления темноты под наблюдением «Утки» к берегу нейтральной зоны был послан «Доброволец» со шлюпкой на буксире, при помощи которой было выгружено некоторое количество патронов в надежде, что их удастся потом передать казакам. «Утка» сняла с берега полковника Шевченко, посланного генералом Фостиковым для связи с кораблями, который сообщил об интернировании отряда и приказание Фостикова направить транспорты к Гаграм, куда по указанию грузин был переведен его отряд.

Утром 14 октября транспорты подошли к Гаграм и, чтобы сделать видимость соблюдения нейтралитета Грузии, подняли вместо военных флагов национальные трехцветные флаги, выдавая себя за коммерческие пароходы. Но вскоре на «Дон» прибыл генерал Фостиков и, ввиду того что вопрос о посадке с грузинами еще не был решен, приказал отвести транспорты от берега. За это время грузины перевели казаков на 25 километров дальше и расположили их около Пицунды, на правом берегу реки Бзыби, в окруженном с трех сторон стенкой большом имении, где они находились под стражей грузинских солдат. Грузины никакой провизии не давали, казаки голодали и обменивали свои вещи и лошадей крестьянам за два-три хлеба. На происшедшем затем на «Алмазе» совещании между М. А. Фостиковым и В. А. Григорковым было решено после наступления темноты сделать попытку [234] взять казаков на корабли. Для отвлечения внимания «Утке» было приказано обстрелять район между Адлером и Веселым. Около полуночи, под видом передачи провианта, на буксире «Добровольца» к берегу подошел болиндер и также шлюпки «Алмаза». Провизия была немедленно выгружена прибежавшими казаками, которые затем заполнили до отказа болиндер и шлюпки. Небольшая грузинская стража, подкупленная подарками, не создавала препятствий, но перегрузка людей с болиндера по одному трапу на высокую палубу «Дона» брала много времени. Вместе с тем погода испортилась, и пошла довольно сильная волна, выбросившая катер «Алмаза» на берег и принудившая прекратить погрузку. Всего до рассвета удалось перевезти на «Дон» 1300 человек, среди них отряд полковника Улагая. С рассветом появился комендант Гагр, который категорически воспротивился дальнейшей погрузке. Ввиду этого генерал Фостиков приказал кораблям отойти в море, а сам снова отправился для переговоров в Гагры. Вечером 15 октября была сделана новая попытка погрузки. «Дон», «Ялта» и «Аскольд» приблизились, а «Доброволец» с болиндером, на который была погружена провизия, подошел к берегу. Но усиленная пехотой охрана не позволила казакам приблизиться к морю и даже не разрешила выгрузить провизию. Попутно выяснилось, что эвакуации еще подлежат около 5000 человек и несколько сот лошадей, так как большинство прибывших с Кубани беженцев и сравнительно небольшое количество казаков, снова поверивших появившемуся Иванису, решили остаться в Грузии. Такое количество людей свободно могли принять «Дон» и «Ялта», и 16 октября капитан 2 ранга В. А. Григорков отправил «Крым» и «Аскольд» в Севастополь. Генерал М. А. Фостиков продолжал вести с грузинами безрезультатные переговоры. Вместе с тем было известно, что, согласно одной из статей заключенного в свое время мирного договора между Грузией и РСФСР, все переходившие грузинскую границу русские белые должны были выдаваться советским властям. Будучи уверенным, что мирным путем нельзя

ничего добиться и казакам грозит выдача красным, уже днем 16 октября капитан 2 ранга [235] В. А. Григорков телеграммой на имя комфлота просил разрешения применить против грузин вооруженную силу. Вечером того же дня из Севастополя был получен положительный ответ, с получением которого капитан 2 ранга В. А. Григорков с «Алмазом» и «Доном» пошел к Пицунде. «Утке», которая уже раньше с «Ялтой», «Добровольцем» и болиндером была послана для новой попытки, было приказано по радио ожидать начальника отряда. Но уведомленный посланным в Гагры офицером о новом решении, генерал М. А. Фостиков приказал до утра ничего не предпринимать. Вместе с тем запасы угля на «Алмазе» и «Доне» не позволяли дольше продолжать крейсерство, и стояла тихая погода, которая в осеннее время могла ежечасно измениться и не допустить похода болиндера и шлюпок к берегу. Принимая во внимание эти факты, Григорков решил взять инициативу в свои руки и в 8 часов утра 17 октября на моторном катере послал лейтенанта Григорьева с письмом, адресованным генералу Мачавариани, в котором Григорков ставил его в известность, что, имея приказание погрузить людей, он начнет эту операцию в полдень и просил генерала дать распоряжения, чтобы ей не было оказано противодействий, в случае которых будут применены все имеющиеся средства. Письмо было передано грузинскому коменданту лагеря, и одновременно генералу Фостикову была передана просьба подготовить отряд к погрузке. Около 14 часов корабли двумя кильватерными колоннами, имея впереди «Алмаз» и «Утку», на которых была пробита боевая тревога, пошли к берегу. Ввиду отсутствия какого-либо движения грузин создавалось впечатление, что они не будут противодействовать посадке, но когда болиндер был подведен к берегу, грузины не позволили ему спустить сходни, и он был принужден отойти. Генерал Фостиков на моторном катере прибыл на «Алмаз» и сообщил, что грузины разрешили лишь выгрузить провизию, и, не видя другого выхода, он присоединился к решению действовать силой. На происшедшем на «Алмазе» совещании было решено, для нейтрализации грузинской стражи с наименьшим кровопролитием для обеих сторон, применить своеобразного «троянского» коня. 250 отобранных из отряда полковника Улагая [236] вооруженных винтовками казаков с обращенного к морю борта «Дона» были посажены с их командиром в трюм болиндера, на который, замаскированный мешками муки, установили пулемет с «Алмаза». Старший лейтенант Булашевич был назначен начальником посадки. Генерал Фостиков пошел на «Добровольце», который в 17 часов подвел болиндер к берегу. Несмотря на протесты стражи, сходни были выкинуты на берег и из трюма высыпались казаки, которые набросились на опешивших грузин и просто вырывали из их рук винтовки. Бросившиеся бежать к забору лагеря были схвачены бывшими там казаками. Для устрашения грузин и, если понадобится поддержка, «Утка» с наведенными пушками подошла как можно было ближе к берегу. Полковник Улагай разделил десант на три отряда, оцепивших место посадки, и после перестрелки окончательно отогнал грузинских пехотинцев. Тотчас началась посадка людей на болиндер; для ее ускорения все шлюпки «Алмаза» и «Дона» были посланы к берегу и стали перевозить эвакуированных прямо к транспортам. Вечером и в течение ночи грузины сделали шесть выстрелов шрапнелями по месту посадки, не причинивших потерь. Очевидно, они это делали, чтобы большевики их не обвинили в попустительстве. Место батареи с «Алмаза» не было замечено, и он ответного огня не открывал. Всего болиндер совершил пять рейсов. В последний раз он отошел от берега в 3 часа 30 минут утра 18 октября, взяв последнюю партию казаков и десантный отряд. Генерал Фостиков, который все время лично руководил посадкой, ушел на баркасе «Алмаза». Казаки привели к месту посадки лишь 150 лошадей, но, ввиду того что они боялись спускаться в темный трюм болиндера, удалось в последнем рейсе взять лишь 36 из них. Закончив погрузку, корабли отошли от берега, и было приступлено к перегрузке лошадей на «Ялту». Всего за две операции было эвакуировано 6203 человек, из которых две трети находились на «Дону», а остальные на «Ялте», среди них около 500 беженцев, и это не считая 400 раненых и больных, взятых на «Сарыч». Поручив «Утке» конвоировать «Ялту», взявшую болиндера на буксир, и «Добровольца» и направить их в Феодосию, а самой идти в

[237] Севастополь, капитан 2 ранга В. А. Григорков с «Алмазом» и «Доном» пошли в Феодосию. Днем выяснилось, что на крейсере не может хватить угля, чтобы дойти до этого порта, и «Дон» взял его на буксир. Но стоявшая все время отличная погода стала портиться, и ночью при задувшем сильном ветре лопнул буксир. Завести новый при сильной волне и маневрируя большим высокобортным транспортом было чрезвычайно трудно, и «Алмаз» снова пошел своими машинами, но угля хватило лишь до Чауды, и, не дойдя 20 миль до Феодосии, «Алмаз» был вынужден стать на якорь, а «Дон» пошел дальше. Утром 20 октября из Керчи пришел буксир «Херсонес», который отвел «Алмаз» в Феодосию.

На этом закончились операции флота по сбору и перевозке войск с кавказских берегов, к которым надо добавить доставленный 27 июля пароходом «Саратов» из Сулина в Феодосию отряд генерала Н. Э. Бредова. Благодаря подвезенным флотом подкреплениям оказалось возможным восстановить казачьи дивизии, сыгравшие немалую роль в действиях армии генерала П. Н. Врангеля.

Как и в других местах, красное командование приняло меры для обороны побережья, что ему облегчалось ресурсами Балтийского флота. В августе была создана Новороссийская морская база, начальником которой был назначен бывший лейтенант выпуска 1919 года А. Кондратьев, и в бухте было поставлено минное заграждение. 27 сентября в районе маяка Дооб и Геленджикской бухты в две линии было выставлено 240 мин образца 1912 года, и в октябре, в дополнение к полевой артиллерии, были установлены батареи: № 1 из 130-мм орудий и № 2, имевшая три 6-дюймовки; кроме того, из Каспийского моря прибыли снятые с находившихся там эскадренных миноносцев торпедные аппараты для устройства в бухте кинжальной батареи. На озере Абрау была оборудована база гидросамолетов. В Туапсе была восстановлена 6-дюймовая батарея. Всеми этими мерами Новороссийск был достаточно укреплен, но собственно морские силы были представлены лишь восемью найденными в порту малыми буксирами и моторными катерами, вооруженными мелкокалиберными пушками и пулеметами, но существование даже [238] этой мелочи вынудило белое командование из предосторожности конвоировать военными кораблями транспорты, когда они должны были идти вдоль берегов. И октября по железной дороге прибыли катера японской постройки типа «Пантера», вооруженные одной 47-мм пушкой и 2 пулеметами, переброшенные из Запад но-Двинской флотилии, и два трехмоторных быстроходных катера. Но неожиданное подкрепление пришло от Кемаль-паши. Две канонерские лодки, имевшие по два 100-мм орудия, и пароход «Шахин» находились в Трапезунде в руках кемалистов. Опасаясь их захвата англичанами, Кемаль-паша приказал им укрыться в Новороссийске. О переходе канонерок стало известно в Севастополе, и когда «Алмаз» и «Утка» уходили к Гаграм, их командиры получили приказание в случае встречи с турецкой канонерской лодкой ее задержать. Но встреча не произошла, так как «Айдин-Рейс» уже 11 сентября пришел в Новороссийск, а «Превеза» 13 октября, то есть когда отряд капитана 2 ранга Григоркова уже второй день находился в районе Адлера. По приходе в Новороссийск турецкие корабли были переданы в пользование советскому правительству, подняли красные флаги и получили новые названия: «Восставший» («Превеза») и «Луч Востока» («Айдин-Рейс»), но в операциях они не приняли участия и потом были возвращены Турции. Но пароход «Шахин» был использован при авантюристической попытке десанта в Крым. Не сведущий в морских делах реввоенсовет Кубанской армии, игнорируя опасность встречи в море с белыми кораблями и тоже вероятность их быстрого прихода из Керчи или Феодосии и неминуемого в этих случаях уничтожения отряда до окончания высадки, составил план десанта на Керченский полуостров. Для перевозки десанта силой в тысячу красноармейцев был предназначен тихоходный «Шахин», которого должны были сопровождать быстроходный катер (второй сжег мотор) и маленький буксир для высадки красноармейцев на берег. По организационным причинам операция несколько раз откладывалась, и отряд вышел в море лишь в ночь на 10 ноября, в течение которой генерал П. Н. Врангель отдал приказ об эвакуации Крыма. [239]

Но в море разыгрался шторм, отряд потерял свое место, и залитый волнами буксир затонул, после чего, лишенный возможности высадить на берег людей, «Шахин» вернулся в Новороссийск. Лишь быстроходный катер дошел до Судакской бухты, где он высадил небольшую группу партизан.

Более опасным для белого флота было отданное 11 ноября приказание командующего Морскими силами республики бывшим контр-адмиралом А. В. Немитцем выставить у южного выхода Керченского пролива минное заграждение. Но Новороссийская база не имела подходящих для такой операции судов и не смогла выполнить эту задачу. 16 ноября корабли белого флота, последним в 18 часов 30 минут вооруженный ледокол «Всадник», под флагом начальника 2-го отряда контр-адмирала М. А. Беренса, смогли спокойно выйти из Керченского пролива и, эвакуируя армию, уйти в Константинополь. [240]

П. А. Варнек. эвакуация из Одессы Добровольческой армии в 1920 году

Начавшееся в конце октября 1919 года контрнаступление красных против выдвинувшейся далеко на север Добровольческой армии увенчалось полным успехом. Между главными силами Добровольческой армии, отошедшими к Дону, и Киевской группой войск генерала Н. Э. Бредова, отступавших в Новороссию, образовался разрыв во много сотен верст, и вся левобережная Украина и подступы к Крыму остались без защиты.

Директивой главнокомандующего генерала А. И. Деникина от 4(17) декабря войска Киевской группы и все прочие части, находившиеся на западе, были подчинены командующему войсками Одесского округа генералу Н. Н. Шиллингу. 26 декабря (н. ст.) из разговора по прямому проводу со Ставкой, находившейся в Екатеринодаре, генерал Н. Н. Шиллинг выяснил, что главной задачей ему ставилось прикрытие Северной Таврии и Крыма с отводом войск на левый берег [241] Днепра у Каховки и Херсона, что предreshало вопрос об оставлении Одессы. Однако это решение вызвало протест руководителей союзных военных миссий, английского генерала Хольмана и французского генерала Манжена, считавших удержание Одессы чрезвычайно важным. Для облегчения этой задачи они обещали доставить в Одессу необходимое вооружение и снабжение и, кроме того, даже боевую поддержку английского военного флота. По этой причине, характера скорее политического, генерал А. И. Деникин отдал 18 декабря (н. ст.) новую директиву: «Союзники встревожены эвакуацией Одессы ... Удержание Одесского района признается чрезвычайно важным...» Далее говорилось о возможности выполнить эту задачу без ущерба для обороны Крыма и в потребованных от англо-французов гарантиях для содействия эвакуации Одессы, в случае если удержать ее не окажется возможным. В связи с новой директивой генерал Н. Н. Шиллинг приказал группе войск генерала Я. А. Слащева, ведшей до того времени борьбу с махновцами в районе Екатеринослава, прикрыть Крым и Северную Таврию, а правофланговому 2-му корпусу, сосредоточивавшемуся в районе Кривого Рога, было указано базироваться на Северную Таврию, что предопределяло его отход в сторону Крыма. Главным силам генерала Н. Э. Бредова предписывалось отходить постепенно к нижнему Днепру и Бугу и прикрыть непосредственно Одессу.

Между тем 13-я советская армия ввиду отхода частей генерала Я. А. Слащева начала продвигаться вдоль левого берега Днепра, и для прикрытия Херсона явилась необходимость оборонять этот район не только с севера, но и с востока 2-м корпусом, перенеся его базирование на Одессу. Изменение первоначального плана выдвигало вопрос об эвакуации в случае неудачи через Одессу всех находившихся в Новороссии войск, большого числа гражданских лиц и огромных складов военного имущества. В своих донесениях в Ставку генерал Н. Н. Шиллинг указывал, что полная эвакуация морем может оказаться невыполнимой даже при содействии союзников, и поэтому просил получить через них разрешение на пропуск войск и беженцев в Бессарабию. [242]

4 января (н. ст.) генерал А. И. Деникин обратился к начальникам союзных миссий с просьбой о содействии в этом вопросе. После переговоров, происходивших в Константинополе между представителем Главнокомандующего генералом А. С. Лукомским и английским командованием, последнее обещало обеспечить эвакуацию морем раненых,

больных и семейств офицеров. Остальных беженцев оно предлагало направить в Одессу. Это мнение основывалось, во-первых, на здравых стратегических соображениях, которыми, казалось бы, должно было руководиться командование Красной армии, и, во-вторых, на малочисленности войск генерала Я. А. Слащева, отходивших к Крымским перешейкам. В самом Крыму никаких сил не было: так, в Севастополе с его многотысячным революционно настроенным рабочим населением, кроме небольшого отряда капитана 2 ранга Кисловского и комендантской команды, единственной надежной частью была рота гардемарин Морского корпуса. Невозможно было предвидеть, что командование красного Юго-Западного фронта, при котором находился Сталин, сделает такой промах и не сумеет сосредоточить своевременно достаточное количество сил для прорыва в Крым. Действительно, наступавшая по левобережной Украине 13-я советская армия при подходе к побережью оказалась растянутой от Таганрога до нижнего Днепра! Английское командование считало угрозу захвата Крыма красными вполне реальной и на случай эвакуации Севастополя держало там два — три транспорта и военные корабли.

Выход Красной армии в первых числах января к берегам Азовского моря заставил командующего флотом вице-адмирала Д. В. Ненюкова озаботиться эвакуацией Мариуполя и других портов. Для этого в Азовское море были посланы все наличные ледоколы и несколько пароходов. 7 января был отдан приказ об образовании под командой капитана 2 ранга Н. Н. Машукова «отряда судов Азовского моря», в состав которого вошли ледоколы и канонерские лодки. С 12 января и до самой эвакуации Крыма корабли этого отряда оказывали сильную огневую поддержку сухопутным войскам, и можно утверждать, что только благодаря артиллерийскому огню кораблей и судовым [243] десантам, а также действовавшему с другой стороны, у Юшуня, дивизиону вооруженных барж войска генерала Я. А. Слащева смогли удержаться на перешейках. В это время флот терпел большой недостаток во всякого рода снабжении и питании. Запасов угля в Севастополе не было, и его скудные остатки выдавались лишь на корабли, находившиеся в операции. Можно указать для примера, что флагманский крейсер «Генерал Корнилов» для экономии угля прекратил пары и, несмотря на морозы, стоял без отопления и освещался керосиновыми лампами. Сам флот был весьма немногочислен: не считая действовавших у перешейков канонерских лодок и ледоколов, фактически были боеспособными в январе 1920 года: один крейсер, три вспомогательных крейсера, пять миноносцев и две-три подводные лодки. Из этого числа один вспомогательный крейсер и часть миноносцев для устрашения грузин и для борьбы с зелеными находились постоянно у кавказских берегов. Накануне падения Одессы, по распоряжению высшего командования, «Генерал Корнилов» под флагом контр-адмирала П. П. Остелецкого был послан в Новороссийск, и это ясно указывает на то, что в Екатеринодаре не отдавали себе отчета в серьезности положения в Одессе. Все эти обстоятельства лишали адмирала Д. В. Ненюкова возможности оказать Одессе существенную помощь.

Между тем в Новороссии события развивались: 23 января советская 41-я стрелковая дивизия и приданная ей кавалерийская бригада Котовского начали наступление по правому берегу Днепра в направлении на Николаев, на фронт 2-го корпуса Добровольческой армии генерала Промтова, усиленного частью Одесского гарнизона. Сильно поредевшие от потерь в предыдущих боях и от сыпного тифа, а также из-за массовой сдачи в плен солдат Одесского полка добровольческие части не выдержали натиска и начали отходить к реке Буг, на северном берегу которого расположена судостроительная база Черноморского флота — Николаев.

В Николаеве, не считая разного рода материалов и военного имущества, находились в постройке или в ремонте многие корабли, некоторые — в почти законченном [244] состоянии. Чтобы не дать красным возможности создать через короткое время отряд из новых кораблей, нужно было эти корабли эвакуировать. В несколько дней эта операция была произведена командиром военного порта контр-адмиралом М. Римским-Корсаковым, воспользовавшимся присланными из Одессы ледоколом и буксирами, для снабжения

которых углем Одесский порт израсходовал последние свои запасы, сняв уголь даже со стоявших в порту пароходов. Несмотря на трудности буксировки по извилистому и уже покрытому льдом фарватеру, крейсер «Адмирал Нахимов», эскадренные миноносцы «Цериго» и «Занте», две подводные лодки, два десантных судна, большие транспорты «Дон» и «Баку» были приведены на буксирах в Одессу. Лишь посыльное судно «Джалита», по вине своего командира наткнувшись на камни, затонуло в Днепро-Бугском лимане.

Последним ушел из Херсона «особый отряд обороны Днепро-Бугского лимана» под командой капитана 1 ранга В. И. Собецкого, состоявший из двух азовских паровых шхун, вооруженной баржи и других мелких судов. На замерзшем Днепре отряд был принужден оставить вооруженный колесный пароход «Корсунь» и два — три катера. В пути суда были несколько раз обстреляны с берега пулеметным огнем. Преодолев лед, с целью оказать поддержку своей артиллерией войскам, оборонявшим Юшуньскую позицию, отряд направился в Каркинитский залив. 25 января две плавучие батареи своей 6-дюймовой артиллерией содействовали успешной контратаке добровольцев.

Не считая далеко не законченных постройкой судов, в Николаеве остались лишь три недостроенных десантных судна типа «Эльпидифор», находившиеся в сборке подводные лодки типа «АГ», ремонтировавшаяся подводная лодка «Нерпа» и несколько недостроенных катеров.

29 января красные заняли Херсон и на следующий день — Николаев. В связи с положением, создавшимся на фронте, стало очевидно, что продолжительная оборона Одессы больше не возможна. 31 января генерал Шиллинг послал генералу Деникину телеграмму с изложением обстановки, а на следующий день уведомил о том же начальника английской миссии. Для ускорения получения помощи [245] из Крыма генерал Н. Н. Шиллинг отправил в Севастополь своего начальника штаба генерала Чернавина, который вечером 31 января на эскадренном миноносце «Жаркий» отбыл в Севастополь. Лишь после его доклада командующему флотом последний уяснил себе истинное положение в Одессе и неизбежность ее эвакуации. Вместе с генералом В. В. Чернавиным адмирал Д. В. Ненюков посетил старшего английского морского начальника в Крыму, командира линейного корабля «Мальборо», который обещал немедленно направить в Одессу два транспорта и пароход с углем. По, опасаясь все же за судьбу Крыма, англичанин обусловил дальнейшую посылку четырех пароходов и крейсера тем, что генерал Я. А. Слащев даст ему заверение о прочности положения на перешейках. В ночь на 3 февраля в Джанкое состоялось совещание, на котором генерал Я. А. Слащев дал просимое заверение. В этот же день из Севастополя вышли приспособленные для перевозки войск английские транспорты «Рио-Прадо» и «Рио-Негро» и распоряжением английского командования в Одессу был послан пароход с углем и крейсер «Кардифф». Другие корабли должны были следовать в течение ближайших нескольких дней. Со своей стороны адмирал Д. В. Ненюков отправил для эвакуации сыпнотифозных больных пароход «Св. Николай» и на следующий день транспорт «Николай» (№ 119). Воспользовавшись предоставленными командиром «Мальборо» с пришедшего в Севастополь угольщика 2000 тонн угля, адмирал Д. В. Ненюков приказал вспомогательному крейсеру «Цесаревич Георгий», миноносцу «Жаркий» и другим транспортам готовиться к походу в Одессу.

Но события на фронте развивались быстрым темпом. Деморализованный поражением 2-й корпус не смог удержаться на линии реки Буг и стал отходить к Одессе. Считая, что его эвакуация через Одессу морем невозможна, генерал Н. Н. Шиллинг приказал генералу М. Н. Промтову отходить, минуя Одессу, к Днестровскому лиману с целью переправиться в Румынию. Находившиеся гораздо дальше к северу главные силы армии под командованием генерала Н. Э. Бредова оказались отрезанными от Одессы и получили приказ сосредоточиться у [246] Тирасполя и отступать в Румынию. Как известно, румыны отказались впустить белые войска на свою территорию, следствием чего и явился 13-дневный поход частей генерала Н. Э. Бредова до соединения их с поляками.

Вследствие отхода остатков 2-го корпуса на запад, между наступавшими со стороны Николаева красными и Одессой не оказалось больше никаких войск. 3 февраля выделенный из советской 41-й стрелковой дивизии отряд занял приморскую крепость Очаков, запиравшую Днепро-Бугский лиман, а главные силы дивизии двинулись прямо на Одессу. 4 февраля генерал Н. Н. Шиллинг опубликовал приказ об эвакуации. Но время для ее планомерной организации, для погрузки десятков тысяч людей и огромных военных запасов было безвозвратно упущено. В Одессе имелось управление военного порта под начальством капитана 1 ранга Н. Н. Дмитриева, который, основываясь на словах генерала Н. Н. Шиллинга и на публикуемых комендантом города полковником Стесселем успокоительных приказах, не проявил инициативы и не принял предварительных мер по организации эвакуации. Находившиеся в порту частновладельческие пароходы не были им мобилизованы, и многие портовые буксиры не имели военных комендантов. Вместе с тем в Одессе состояло на учете достаточное число морских офицеров, не считая даже личного состава эвакуированного в Одессу управления Николаевского военного порта, который тоже не был использован. После ухода «Жаркого», кроме маленького посыльного судна «Летчик», в Одессе не было русских военных кораблей, но, ошвартовавшись кормой к оконечности Платоновского мола, стоял английский крейсер «Серес» и два больших миноносца, а на внешнем рейде отдал якорь дредноут «Аякс» и пришедший затем крейсер «Кардифф».

С утра 5 февраля (нового стиля) весь порт пришел в движение, но командование, поставленное более или менее неожиданно перед огромной задачей, не приняло достаточно энергичных мер для упорядочения эвакуации. Пароходы грузили без всякого плана то, что было вблизи их стоянки, или же имущество и снаряжение, которое доставлялось [247] к их борту по инициативе начальников частей. В первый день эвакуации, еще не веря, очевидно, в близкую опасность, сравнительно малое число людей спускалось к молам. В конце дня линейный корабль «Аякс» обстрелял из башенных своих орудий места предполагаемого скопления красных войск северо-восточнее Одессы. С наступлением темноты в самом городе здесь и там возникала ружейная перестрелка между белыми войсками и начавшими проявлять активность местными большевиками.

К утру 6 февраля доносившаяся с севера артиллерийская стрельба, которую вели, вероятно, отходившие к Одессе бронепоезда, становилась все слышнее, и в городе создавалось если не паническое, то во всяком случае нервное настроение. Тысячи людей толпились у молов, где стояли большие пароходы. Взамен нашедших на них место людей все время подходили новые толпы военных и гражданских лиц, женщин и детей. Порядка при посадке не было, но английские транспорты, как правило, брали лишь по специальным пропускам семейства чинов армии и гражданских лиц, чья предыдущая деятельность или служебное положение не позволяли им остаться у красных. Русские военные транспорты предназначались для эвакуации военных, а один иностранный пассажирский пароход принимал на борт беженцев лишь за солидную плату валютой.

В эти дни стояли морозы около 5–10 градусов, и море на подходах к Одессе было покрыто довольно густым плавучим льдом, образовавшим в порту от движения судов ледяную кашу, в которой пароходы застревали и испытывали затруднения при швартовке к молам. В глубине порта образовался ледяной припай, и команде посыльного судна «Летчик» пришлось ломами прорубить канал до более или менее свободной воды. Ни одного ледокола в порту не было, но имевшие военные команды ледокольные буксиры «Смелый» и «Работник» и большой английский буксир оказывали до последних часов эвакуации помощь транспортам, тогда как некоторые портовые буксиры предпочитали выводить в море за хорошую плату частновладельческие пароходы. Непонятно зачем были выведены на внешний рейд землечерпалка и [248] какая-то баржа. У борта ставшего на якорь английского угольщика «Вотан» была толчея, и капитаны пароходов спорили между собой, кому раньше грузить уголь. Некоторые частные пароходы, никому не подчиняясь, стремились покинуть порт как можно скорее и ушли почти без пассажиров. Имевшие же военных комендантов

пароходы, не говоря уже о военных транспортах, брали на борт как можно больше людей и только тогда отходили от молов, когда все палубы и трюмы были заполнены людьми. Ввиду того что главная масса боевых частей была отрезана от Одессы, на пароходы были взяты главным образом чины различных учреждений и штабов, тыловые части армии, технические войска, вольно или невольно отбившиеся от своих полков военные и некоторое количество гражданских лиц.

Управление военного порта перешло на пароход «Румянцев», который вскоре пошел к «Вотану» для погрузки угля, но командир порта находился на пароходе «Анатолий Молчанов», стоявшем у Платоновского мола. Управление движением в порту совершенно отсутствовало. В последние два дня это частично взял на себя командир крейсера «Серес», который указывал приходившим пароходам место и время швартовки. Подошедший к молу пароход, предназначенный для эвакуации раненых, был взят штурмом толпой военных и беженцев, но начальнику санитарной части удалось через англичан получить в свое распоряжение последний еще свободный большой русский пароход, но далеко не всем раненым и больным нашлось на нем место.

В ночь на 7 февраля генерал Н. Н. Шиллинг со штабом перешел на пароход «Анатолий Молчанов», а в 6 часов утра части советской 41-й стрелковой дивизии со стороны Пересыпи и Куяльника вошли почти без потерь в северо-восточную часть города. Посланная в обход города кавалерийская бригада вскоре заняла станцию Одесса-Товарная. Пройдя с боями всю Украину дивизия, хотя и усиленная присоединившимися к ней партизанскими отрядами, была слабого состава и с малочисленной артиллерией. Продвигаясь к центру города, красные встретили сильное сопротивление, организованное [249] комендантом города полковником Стесселем. С боем, особенно упорным за здание офицерского собрания, красные медленно продвигались к центру города. Одному отряду, составленному, видимо, из партизан, удалось почти без сопротивления проникнуть на господствующий над портом Николаевский бульвар и около 11 часов, после жаркого боя с караульной командой, занять комендантское управление, помещавшееся в Воронцовском дворце. Дальнейшее продвижение красных вниз, на территорию порта, было остановлено заставами юнкеров Сергиевского артиллерийского училища, которые прикрывали его южную половину, начиная от Военного мола, но Каботажная гавань оказалась вне этого периметра. С высоты бульвара красные открыли ружейный и пулеметный огонь по прилегающей территории порта и по ближайшим Военному и Новому молам. Стрельба, хотя и малодейственная из-за расстояния до молов, вызвала панику среди ожидавших возможности погрузиться. Люди искали укрытия за ангарами и железнодорожными составами и бросились в южную часть порта, куда пули не долетали; были, конечно, убитые и раненые. У стоявших еще у молов пароходов образовалась невероятная давка, и пароходы стали торопиться уйти. Не догрузившись, имея на борту всего лишь несколько сот человек конвоя командующего, «Анатолий Молчанов» вышел на рейд. Взяв двойное против нормального количество пассажиров, 1400 человек, ушел «Рио-Негро», оставив на молу большую толпу народа. Через некоторое время юнкера, усиленные некоторыми частями, при поддержке полубатареи, проскочившей в порт по находившемуся в южной части Польскому спуску, перешли в контратаку, без особого труда вытеснили красных с Николаевского бульвара и снова заняли Воронцовский дворец. В порту стало спокойнее, но с центром города, где продолжался бой, связь восстановлена не была, и Военный мол оставался под угрозой обстрела с севера. В это время английское командование, принимая во внимание малочисленность сил, оборонявших порт, приняло решение закончить эвакуацию и отдало приказание своим кораблям еще до темноты выйти на внешний рейд. По распоряжению [250] английского командования крейсер «Серес» должен был взять на борт прикрывавших порт юнкеров, а прочие воинские части должны были сами найти себе место на стоявших еще у молов русских пароходах. После 15 часов юнкера получили приказание постепенно отходить к Платоновскому молу. Бывшие еще в порту русские транспорты старались взять

на борт возможно больше людей, но при отсутствии какого-либо морского командования каждый из этих транспортов был предоставлен своей судьбе.

Пароход Добровольного флота «Владимир» взял на борт несколько тысяч военных, которые заполнили все трюмы и стояли вплотную один к другому на палубе. Но толпа продолжала штурмовать пароход, и, чтобы дать ему возможность отойти, караул был принужден применить оружие. Уходивший одним из последних, если не самым последним, переполненный транспорт «Даланд» застрял в проходе во льду. Воспользовавшись этой его остановкой, проваливаясь в воду, с мола побежали к нему по льду люди. Тревожные гудки «Даланда» остались без ответа, так как все буксиры уже покинули порт.

Имея неисправную машину, транспорт «Дон», на котором находились в большинстве чины технических частей, остался в беспомощном состоянии у Военного мола. Продвигавшаяся к молу цепь красноармейцев была взята под сильный огонь установленных на «Дону» пулеметов бронепомехового дивизиона и залегла. Тогда поручик корпуса корабельных офицеров Моренко с тремя охотниками флота, одним старым матросом и двумя офицерами бронепомехового дивизиона, прыгнули на стенку и под градом пуль добежали до стоявшей у этого же мола паровой шаланды «Сурож». Шаланда была под парами, но ее команда не имела намерения уходить в море. Заменяв команду своими людьми и обрубив швартовы, Моренко подвел «Сурож» к «Дону» и, несмотря на слабую машину шаланды, без труда вывел большой транспорт на рейд. Оценив поведение новой команды «Сурожа», англичане снабдили его углем, но ввиду малой его мореходности поручили французскому пароходу «Жанна Р.» отконвоировать его до Сулина. [251]

Готовый к выходу небольшой пароход «Дмитрий» по невыясненной причине не ушел. Возможно, что не нашлось смельчаков отдать под огнем швартовы, но, может быть, и его команда не пожелала идти в море.

Сняв заставы, юнкера благополучно погрузились на «Серес», взявший также полуроту старших кадет Одесского корпуса, прибывших в порт. В сутолоке на крейсер проникло некоторое количество и других военных. В то время когда последние юнкера грузились на крейсер, по Ланжероновскому спуску, под обстрелом красных, прибежали еще 130 кадет младших классов корпуса, которые были погружены на стоявший у борта крейсера каботажный пароход. Толпа на берегу стала к этому времени рассеиваться, так как многие, не видя возможности эвакуироваться, уходили постепенно назад в город. Через некоторое время после отхода юнкеров красные снова вышли на Николаевский бульвар и возобновили ружейный и пулеметный обстрел порта. Опасаясь, вероятно, огня судовой артиллерии, вниз, к молам, они не пошли.

Полевая батарея красных открыла редкий и безрезультатный огонь шрапнелью по стоявшим на рейде судам. Вскоре пули начали щелкать по надстройкам «Сереса», и перед сумерками, отдав швартовы, крейсер направился к выходу из порта. Молчавшая весь день, несмотря на обещание огневой поддержки, артиллерия крейсера открыла огонь по предполагаемой позиции батареи.

Последняя группа раненых и больных, около двухсот человек, которая смогла достигнуть порта, прибыла, когда не было уже возможности найти для нее место на пароходах, и была укрыта в одном из ангаров. Сопровождавшему эту группу доктору удалось обнаружить портовой буксир, который, не будучи мореходным, остался в порту. Доктор уговорил капитана буксира доставить раненых на внешний рейд. Сажая раненых на палубе вплотную одного к другому, удалось уместить около ста человек, которые на рейде были переданы на только что пришедшее из Константинополя английское госпитальное судно. Затем, не слушая уговоров англичан, тот же доктор решил вернуться в порт за оставшимися в ангаре тифозными и для переноски больных вызвал себе в помощь добровольцев. [252]

Находившийся на госпитальном судне начальник английской военной миссии, восхищенный его самоотвержением, вызвался сопровождать доктора, и в сумерках, когда все корабли уже покинули порт, буксир подошел к назначенному месту. Красных в этом районе еще не оказалось, и все больные были быстро перенесены на буксир. На обратном пути некоторые

из больных, не имевшие даже шинелей, умерли, не выдержав мороза. Предполагалось, что буксир, передав больных на госпитальное судно, вернется в Одессу, но по настоянию его капитана, боявшегося репрессии за помощь, оказанную белым, буксир был отведен госпитальным судном в Варну.

На следующее утро английский миноносец подошел к застрявшему в проходе «Даланду», и с его помощью транспорт вышел на рейд. Вероятно, одновременно был выведен из порта имевший аварию мотора танкер «Баку», на котором оказалось более шестисот пассажиров. Совершенно невероятная история произошла с недостроенным и не имевшим еще орудий эскадренным миноносцем «Цериго». На нем был почти полный комплект офицеров, взявших на борт свои семьи, и небольшая команда добровольцев-матросов. Во второй половине последнего дня эвакуации портовый катер, на котором находился старший офицер миноносца старший лейтенант Коририлович, оттащил «Цериго» от мола, но, пройдя две — три сотни метров, миноносец зацепился за какое-то препятствие. При попытке сдвинуть его с места лопнул буксир, и ввиду слабости машины катера командир миноносца капитан 2 ранга Задлер приказал Корниловичу идти на рейд и привести более сильный буксир. Проходивший мимо около 15 часов пароход «Россия», несмотря на окрики, помощи не оказал. Возможно, что его капитан боялся тоже сесть на мель. На берегу шла стрельба, но пули до миноносца не долетали, и скоро его скрыла темнота. В этом положении «Цериго» простоял всю ночь, но к утру, под влиянием усилившегося ветра, поднявшего, вероятно, воду в порту, миноносец сдвинулся с места и был отнесен обратно к Карантинному молу. Положение находившихся на борту офицеров казалось трагичными, и они с минуты на минуту ожидали появления красных. [253] На всякий случай все они переоделись в матросскую форму.

Но пришедшие на мол красноармейцы, считая, вероятно, что миноносец добровольно остался и перешел к красным, не сделали никакой попытки подняться на его борт. Видя стоящие еще на рейде корабли, офицеры миноносца надеялись, что кто-нибудь придет с моря им на помощь. С другой стороны, было ясно, что такое положение долго продолжаться не может и организующиеся в Одессе красные власти заинтересуются в конце концов стоящим без флага миноносцем. Желая выиграть время и избежать появления красноармейцев на борту, было решено послать в красный штаб представителей от мнимого «судового комитета» с заявлением, что миноносец добровольно остался в Одессе и переходит к красным. Инженер-механик лейтенант А. Ф. Поляков и два матроса составили эту «делегацию» и во второй половине дня отправились в город. Не без труда они нашли штаб нового комендантского управления и были приняты его комиссаром. Выслушав их сообщение, комиссар выдал им бумагу, ограждавшую миноносец от самочинных обысков и от разграбления имущества и материальной части безответственными партизанскими группами. Для избежания возможных инцидентов комиссар распорядился поставить на молу часовых, и под их охраной спокойно прошел весь вечер. Ночью, когда надежда на прибытие помощи почти исчезла, в темноте показался силуэт буксира, который бесшумно подошел к миноносцу и подал конец. На буксире находился старший лейтенант Корнилович, которому удалось получить его только в этот день. Считая, очевидно, что миноносец переходит по приказанию красного командования на другое место, бывшие на молу красноармейцы не реагировали на его уход, и лишь утром 9 февраля, когда миноносец уже был на рейде на якоре, красная полевая батарея выпустила в его сторону несколько снарядов, не причинивших вреда. Достаточно сильного буксира для перевода «Цериго» по разбушевавшемуся морю в Севастополь не было, а волны угрожали между тем сорвать миноносец с якоря и выбросить его на берег. Через некоторое время к «Цериго» подошел вспомогательный крейсер [254] «Цесаревич Георгий», командир которого капитан 2 ранга А. В. Домбровский ввиду невозможности спустить в такую погоду шлюпку приблизился к корме миноносца и при помощи судового крана снял с «Цериго» сначала женщин и затем всех остальных людей. Впоследствии, выдержав все же на якоре шторм, «Цериго» был приведен в Севастополь.

«Цесаревич Георгий» и миноносец «Жаркий» пришли на Одесский рейд, когда эвакуация была уже закончена. «Жаркий» получил задание войти в сумерках в порт и содействовать выходу оставшихся там пароходов, тогда как «Цесаревичу Георгию» было поручено вывести на рейд две груженые снарядами баржи. Следуя за большим английским миноносцем, который открыл ему до входного маяка фарватер в более или менее битом льду, «Жаркий» стал пробиваться дальше самостоятельно самым малым ходом из-за густого льда. В порту все было спокойно, и командир миноносца старший лейтенант А. С. Манштейн по собственной инициативе решил попытаться захватить и вывести на рейд недостроенный крейсер «Адмирал Нахимов». Миноносец подошел кормой к молу, у которого, немного далее, стоял крейсер, и небольшой отряд добровольцев из команды выскочил на мол. Внезапно, с разных сторон и с борта крейсера открыли огонь несколько ручных пулеметов и из темноты полетели в добровольцев ручные гранаты. Осветив мол прожектором, кормовое 75-мм орудие миноносца открыло огонь «на картечь», а бывшие на молу чины команды начали бросать ручные гранаты. Красные (вероятно, это не были их регулярные войска) убежали с мола. Воспользовавшись наступившим затишьем, высаженная партия дошла до крейсера и обнаружила, что он вмерз в лед и без помощи ледокола сдвинуть его с места нет возможности. Продержавшись еще некоторое время в порту и видя бесполезность дальнейшего там пребывания, старший лейтенант А. С. Манштейн решил уходить. С одного из молов миноносец был обстрелян пулеметным огнем и, хотя пули и попадали в надстройки, обошлось без потерь. В 2 часа ночи «Жаркий» покинул порт и стал на якорь у Большого Фонтана. [255]

Утром недостроенный эскадренный миноносец «Занте», который был ранее выведен из Одессы и оставлен командой, сильной волной был сорван с якоря и начал дрейфовать в сторону «Жаркого». На «Жарком», не имевшем паров для экономии угля, быстро стравили якорную цепь, что позволило миноносцу избежать прямого удара, но все же «Занте» навалился на него и помял борт в районе кормового мостика. Желая спасти «Занте», старший лейтенант А. С. Манштейн приказал срочно поднять пар, но пока это было сделано, «Занте» уже выбросило волнами на прибрежный песок, где он и остался до окончания гражданской войны {29}. Осмотр повреждений, полученных «Жарким», выяснил необходимость ремонта, и его командир решил вернуться в Севастополь.

«Георгий» направился в порт после «Жаркого». Он был также обстрелян с берега и в ответ открыл огонь из своих 75-мм орудий. В темноте найти баржи не удалось, и крейсер вышел на внешний рейд. Затем «Георгий» получил задачу произвести рекогносцировку берега в районе Днестровского лимана, в сторону которого отошли части полковника Стесселя, защищавшие центр города. Надо было, в частности, выяснить судьбу четырехсот кадет, которые по невыясненной причине ушли с директором корпуса к румынской границе. Если бы удалось их обнаружить, — то сделать все возможное, чтобы их эвакуировать. Для выполнения этой задачи старшему штурману крейсера лейтенанту Б. Н. Степанову было приказано подвести сопровождавший «Георгия» тральщик «Баклан» возможно ближе к берегу, высадиться на берег на шлюпке и выяснить обстановку. Лейтенант Степанов выполнил эту задачу и из опроса жителей выяснил, что ни кадет, ни других белых в ближайших местах не было. В действительности, ввиду того что румыны отказались впустить их на свою территорию, белые части, и в том числе и кадеты, двинулись более или менее разрозненными группами вдоль Днестровского лимана на север в надежде [256] соединиться с войсками генерала Бредова. 8 февраля находившаяся в районе Овидиополя группа была окружена красной кавалерийской бригадой Г. И. Котовского и наступавшей с севера кавалерийской бригадой 45-й стрелковой дивизии и через два дня сложила оружие. Но группе с полковником Стесселем во главе, в которой находились и кадеты, после кровопролитного боя 12 февраля у станции Выгода удалось частично прорваться на соединение с генералом Н. Э. Бредовым, а некоторое количество кадет было все же пропущено румынами в Бессарабию.

В самой Одессе, по свидетельству советских авторов, упорные бои продолжались сутки и лишь утром 8 февраля красные части проникли в южную часть порта и к 14 часам завершили занятие всей территории Одессы. Ввиду их малочисленности они не распространились вдоль всего побережья, что дало возможность некоторым лицам добраться на яликах до стоящих на рейде пароходов. Часть английской эскадры оставалась на рейде еще три дня, в течение которых взятые на военные корабли беженцы были пересажены на присланный болгарским правительством пароход «Царь Фердинанд» и на другие, стоявшие еще на рейде транспорты. Раненые и больные были переведены на госпитальное судно. Пароходы догружали уголь и по готовности уходили. 9 февраля ушел в Крым «Анатолий Молчанов» с генералом Н. Н. Шиллингом.

С красными установилось как бы перемирие, и командир пришедшего американского миноносца в сопровождении английского офицера съехал на берег для переговоров об эвакуации нескольких оставшихся в Одессе подданных этих стран. Но английское командование было обеспокоено фактом оставления в Одессе двух почти законченных постройкой подводных лодок и приказало их обезвредить. 11 февраля неожиданно для красных английские корабли открыли по порту сильный огонь, под прикрытием которого миноносцы вошли в гавань и захватили подводные лодки «Лебедь» и «Пеликан». Как и в других местах, англичане искали лишь случая уничтожить столь навредившие им во время великой войны подводные лодки и под предлогом закупорки [257] порта, не достигнув все же результата, затопили лодки в южном проходе.

Ввиду неопределенности положения в Крыму английское командование направляло бывшие так или иначе под его контролем пароходы с беженцами в Константинополь. Некоторые пароходы частных обществ, в том числе и «Румянцев», ушли в Варну; большинство же немореходных и мелких судов направились в ближайший Сулин. Лишь военные транспорты и мобилизованные пароходы ушли в Севастополь. Несмотря на изношенность машин на многих пароходах и на поднявшийся 8 февраля сильный северный ветер, почти все суда, порой обледенев до верхушек мачт, благополучно достигли порта. Исключением был транспорт «Грегор», которого вел английский буксир: при штормовом ветре лопнул буксирный трос и транспорт был выброшен волнами на турецкий берег у мыса Шили. Бывшим на нем 350 пассажирам и команде удалось высадиться на берег. Но маленький пароход под командой старшего лейтенанта Кандыба с десятком сухопутных офицеров в качестве команды пропал без вести.

Принимая во внимание то, что покинувшие Одессу пароходы направились в различные порты, трудно установить количество эвакуированных из Одессы людей. Но судя по сведениям, касающимся части транспортов, можно определить это число примерно в 15 000 человек. Указываемая советскими историками цифра в 3000 не может соответствовать действительности, так как один лишь, например, транспорт «Дон» имел на своем борту 4000 пассажиров. Что касается материальной части, то из Одессы были вывезены все танки, все исправные бронев автомобили, часть оборудования технических войск, автомобилей и авиационного имущества, но, конечно, огромные военные запасы были там оставлены. По донесению командующего 14-й советской армией в Одессе было взято в плен три генерала, около двухсот офицеров и три тысячи солдат. Было захвачено сто орудий разных калибров, 4 бронепоезда, 4 бронев автомобиля, несколько сот тысяч снарядов и патронов, склады инженерного, автомобильного, авиационного и прочего имущества и продовольствия. В порту были оставлены недостроенный крейсер «Адмирал [258] Нахимов», десантные суда типа «Эльпидифор» — № 413 и № 414, несколько небольших пароходов, требовавших ремонта, и десятков немореходных буксиров и катеров.

Учитывая малочисленность красных войск, не без труда овладевших Одессой, можно смело предположить, что при продуманной организации обороны и при разумном использовании частей генерала М. Н. Промтова, без всякой пользы направленных к румынской границе, город, и в частности район порта, можно было бы удерживать гораздо дольше, чем это имело место. А каждый выигранный день позволил бы эвакуировать значительное

количество людей, так как к Одессе все время подходили новые пароходы. Лучшая организация посадки позволила бы вывезти больше людей, а опоздавшее лишь на два-три часа большое госпитальное судно могло бы погрузить несколько сот раненых из числа выразивших желание эвакуироваться, из которых 1500 раненых и больных были оставлены в госпиталях. [259]

С. Латышев. Эвакуация кадет из Одессы в 1920 году

В статьях, напечатанных в «Военной Были», авторы которых коснулись событий, сопровождавших эвакуацию Одессы в 1920 году, в частности — эвакуации Одесского и Киевского кадетских корпусов, выпущены подробности эвакуации младших рот этих корпусов. До сего времени еще нигде не появлялось описание того, как кадеты от 1-го до 5-го классов, забытые в оставленные в здании Одесского кадетского корпуса в числе приблизительно 130 человек, прибыли в 1920 году в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, где в городе Сараево, под начальством директора корпуса генерал-лейтенанта Адамовича продолжали и закончили свое образование. Даже в «Кадетской памятке», тщательно составленной и прекрасно изданной генералом Адамовичем, тоже выпущен весь этот эпизод. Таким образом, период с 25 января по средние числа апреля 1920 года оказался как бы вычеркнутым из истории. Естественно задать вопрос: что же случилось в этот период с кадетами младших рот, забытыми [260] своим директором и своими воспитателями в здании Одесского кадетского корпуса? Вперед прошу меня поправить, если я ошибусь в некоторых датах, которые за 47 лет, прошедших с того времени, могли стереться из памяти. К моменту эвакуации города Одессы я не был среди своих товарищей-кадет, а находился в составе пулеметной команды, проходившей специальный курс стрельбы из английских пулеметов «Викерса» и «Льюиса». Нас, десять человек пулеметчиков, оставили для охраны здания и имущества пулеметных курсов, находившихся на Пушкинской улице в доме № 25. Остальные курсанты были отправлены на фронт. Мое желание попасть в корпус, в котором находился мой брат, было вполне законно, но на рапорт моего отца, который находился в то время на фронте, поданный на имя директора корпуса, полковника Линдемана, через штаб Одесского военного округа еще за два месяца до эвакуации, пришел ответ: «За переполнением штатов принят быть не может». Полковник Линдеман исполнял должность директора Владимирского Киевского кадетского корпуса и с ним прибыл из Киева в Одессу, где киевские кадеты стали гостями Одесского корпуса.

Уже в конце декабря месяца по городу начали ползти тревожные слухи о приближении фронта. 22 января 1920 года генералом Н. Н. Шиллингом был отдан приказ об эвакуации Одессы. В 10 часов утра 25 января нам было приказано снять посты по охране здания курсов и отправиться с оружием и с вещами в порт на погрузку. В это время в районе Пушкинской улицы уже слышалась стрельба и все прохожие попрятались. За два дня перед тем из корпуса пришел ко мне мой брат и сказал, что они также ожидают эвакуации и что занятий в корпусе нет. 23 января кадеты уже знали о приказе об эвакуации и, уложив свои вещи в вещевые мешки, ждали дальнейших распоряжений от своих офицеров-воспитателей. Так прошли 23 и 24 января. В этот последний день кадеты никого из своих офицеров-воспитателей вообще и не видели. Прождав в волнении целый день, кадеты, как всегда, легли [261] спать в холодном, нетопленном зале, служившем кадетам-киевлянам временной спальней. Утром 25 января два кадета 5-го класса, Василий Гончаров и Иван Латышев (мой старший брат), первый — коренной аракчеевец, а второй — киевлянин, по собственной инициативе собрали всех оставшихся в здании кадет и приказали им строиться для выхода в порт. Старшие кадеты первой роты под командой полковника Самоцвета вышли раньше. Построившись, кадеты вышли из здания корпуса приблизительно в 10 часов утра. В строю было около 130 кадет. Проходя мимо Сергиевского артиллерийского училища, старшие кадеты Гончаров и Латышев решили вооружить более рослых и крепких и с этой целью повернули строй в здание училища, где вооружились винтовками и продолжали свой путь в строю. Чтобы младшие кадеты не отставали и не терялись, старшие кадеты Гончаров и Латышев поочередно менялись местами: один шел впереди строя, а другой позади.

По улицам шла стрельба и уже бродили банды так называемых «струковцев» (банды «атамана» Струка). Подробностей марша через город рассказать я не могу, так как свидетелем этого не был. Я увидел эту группу кадет во главе с моим братом, в строю «гуськом» (друг другу в затылок), уже при погрузке на английский легкий крейсер «Серес». Как сейчас помню, брат был в кадетской фуражке и в полушубке, с винтовкой. Он стоял у трапа, пропуская мимо себя малышей, а потом и свое отделение. Здесь произошел эпизод, имевший неожиданные последствия: пропустив мимо себя последнего кадет, прошедшего по проложенному мостику, мой брат двинулся за ним с намерением пройти на крейсер. Но он сейчас же был остановлен английским матросом, решившим, по-видимому, что брат мой не кадет, а один из солдат, их сопровождавших. После короткого препирательства матрос толкнул брата пинком в грудь. Брат мой немедленно дал сдачи и настолько успешно, что матрос отлетел на несколько шагов и брат спокойно прошел мостик. Мы, здесь стоявшие пулеметчики, воспользовались этой заминкой и последовали за ним. Моряк пропустил [262] нас, явно не желая повторения того, что только что случилось. Выйдя сам на палубу «Сереса», он вытянул мостки.

Кадеты сразу же сошли с «Сереса» на баржу, стоявшую у правого борта крейсера, мы же остались в ожидании решения дальнейшей нашей судьбы. Вскоре начался обстрел порта, и пули стали щелкать по броне корабля. Простояв еще некоторое время, «Серес» отшвартовался и отошел на внешний рейд. К ночи нас выгрузили на маленький катерок, который бросало на волнах, как мяч, так что мы едва могли с него сойти. Погода стала ветреной, поднялось волнение, и мы на нашем катере, держась кто за что мог, пошли искать транспорт «Анатолий Молчанов». Промерзшие и буквально обледеневшие, мы приблизительно через час отыскивали транспорт и, прыгая у борта на своей скорлупке, криком вызывали начальство, чтобы нас приняли на борт транспорта. После энергичных ругательств и далее угроз с нашей стороны нам сбросили трап, по которому мы и вскарабкались на палубу «Молчанова». Нам было приказано спуститься в трюм, до отказа забитый кавказцами из сотен охраны. Места здесь для нас не нашлось, и мы вернулись на палубу, где дул ветер и было весьма неуютно. Тем не менее, кое-как укрывшись за ящиками, мы устроились на ночевку, с жадностью наблюдая, как мимо нас пробежали лакеи с блестящими подносами, полными всяких яств и напитков. Целый день мы ничего не ели. Приблизительно к часу ночи движение на палубе замерло, и, улучив момент, я пробрался в кухню и, ухватив первое, что увидел на столе, со всех ног бросился в свой угол. Здесь меня постигло разочарование: это был не кусок мяса, как я ожидал, а какой-то слиток шоколада с хрустящим песком, который мы все же с голодухи одолели. Кое-как продремав на холоде до утра, я встал, чтобы согреть озябшие ноги в кованых английских ботинках, как мы их называли «танках». Тут я увидел, что к нам подходит большой черный пароход. Это оказался угольщик «Вотан». Через некоторое время загрохотали цепи лебедок и началась погрузка угля. Я увидел, как к борту «Вотана» вышла маленькая фигурка кадетика в шинели с красными погонами. От неожиданности я просто не [263] поверил своим глазам. Откуда бы ему взяться здесь, на английском угольщике? Преодолев изумление, я крикнул: «Кадет, какого корпуса?» — «Первого!»

«А есть ли киевляне?» — «Есть» — был ответ. «А ну, позови кого-нибудь!» Кадетик побежал и исчез в открытом люке трюма. Через какую-нибудь минуту я уже видел, как вылезает из этого же трюма мой брат и за ним его товарищ, кадет Вася Гончаров. После радостных восклицаний от неожиданной встречи мы тут же решили, что и мне следует перебраться к ним. Нас разделяли какие-нибудь четыре-пять метров пропасти между бортами пароходов. Через эту пропасть были проложены мостки, и, для начала, я бросил на палубу угольщика свой вещевой мешок. Но тут оказался английский матрос, который, процедив что-то крепкое сквозь зубы, перебросил этот мешок мне обратно. Переглянувшись, мы решили выждать, когда стемнеет и в темноте перебраться по мосткам на палубу «Вотана», когда матросы будут отдыхать от работы. К счастью, погрузка не была закончена, мостки остались на ночь, и я благополучно, хотя и не без риска, пробежал в темноте по этим

качавшимся мосткам. Началась уже порядочная качка. Кубарем скатившись в трюм, на палубе я уже не показывался. Здесь, в угольной яме трюма, я нашел товарищей-кадет, отогревавших руки у электрических лампочек. Люк был открыт, и холодный ветер свободно гулял по трюму. Кадеты кучками, греясь друг об друга, лежали прямо на железном полу или подгребали под себя уголь. Все были вымазаны, голодны и крепко мерзли. С кадетами не было ни одного офицера-воспитателя. Куда нас отвезут и где выгрузят, никто не знал. Тут же в углу, в трюме, в английской шинели и кое как прикрытый кадетскими одеялами, лежал офицер, которого кадеты единодушно признали своим начальником и относились к нему с большим уважением и заботливостью. Это был много раз раненный и еще не оправившийся от ран человек, почти не встававший со своего жесткого ложа. Как он попал в этот трюм, никто толком не знал.

Кое-как переночевав в угле и на железе, мы на утро увидели, выбравшись на палубу, что подходим к какому-то [264] пароходу, выглядевшему по сравнению с угольщиком, как нарядная прогулочная яхта. Это был болгарский пароход «Царь Фердинанд». Перебросив трапы, без суеты и криков англичане перегрузили нас на него. Здесь мы тоже оказались в трюме, но в болгарском сене, которого было много, и мы с удовольствием в него зарылись, наполнив трюм возгласами радости. Тут мы застали «старожилов» этого рая — чинов гражданского управления штаба Одесского военного округа, судебные власти и пр. Они были уютно устроены, с запасами галет, консервов и прочих богатств. Так прошло еще двое суток, в течение которых нас сильно укачало, так как на море разыгрался шторм. Лишь на третьей сутки к полудню мы вошли в порт Варны и с нетерпением стали ожидать выгрузки. Но вместо этого нам объявили карантин и вывесили желтый флаг. Однако уже на следующий день, если я не ошибаюсь, на молу появился с иголки одетый, как в мирное время, русский полковник. Он обратился к нам, стоявшим у борта: «Кадеты, вы меня не помните? Я был в Киевском корпусе помощником инспектора классов!» Кто-то угрюмо ответил: «Не помним. Да и должности такой у нас не было!» «Все равно, — сказал он, — я вас скоро выгружу». И действительно, не прошло и двух дней, как мы строим, с песнями, промаршировали через весь город, направляясь к новому нашему становищу, школе Святого Лаврентия. Сдвинув в угол комнаты парты, настелив на полу соломы, мы устраивали здесь свое жилье. Не буду останавливаться на подробностях о том, как мы жили, как нас водили разгружать консервы, и как все это шло на базар, и как мы ежедневно, под «соловья», со свистом, бодро шагали в народную столовую, где приучались к балканской «фасольной культуре». Не помню, сколько мы здесь прожили, может быть — месяц, полтора. В один из визитов полковника Протопопова (так звали нашего неожиданного попечителя) он вызвал моего брата, как старшего кадета, и указал ему на то, что здесь не все кадеты выглядят кадетами, так как одеты в военное обмундирование. Действительно, многие из нас были одеты не по-кадетски, а в английском обмундировании. Среди таковых был и я. [265] На его вопрос, как я попал к кадетам, мой брат, ничего не скрывая, рассказал. Тогда полковник Протопопов официальным тоном, в виде приказа, сказал: «Ваш брат не может здесь оставаться и будет отправлен этапным порядком в Крым, в свою команду» и добавил, чтобы я собрал свои вещи и приготовился бы идти с ним завтра к русскому военному агенту. Я помню, как горечь и тоска охватили меня при сознании, что я опять должен покинуть своих товарищей-кадет и отправляться в неизвестный мне Крым, неизвестно куда, так как отца мы потеряли из виду и никого из близких и родных у меня не было, кроме моего брата. Мне было тогда 14 лет, но плакать я уже не умел, отучился. Может быть, от этого мне было вдвое тягостней...

Прошли дни, и мне было передано, что являться военному агенту будем в Софии. Пробыв в Софии два дня и все время ожидая вызова, я с кадетами продолжал путь до Белграда. В Белграде я опять был предупрежден, что должен буду явиться к военному агенту, но и здесь повторилась та же история: никуда меня не вызвали. И после Белграда, в котором мы прожили несколько дней в заброшенных санитарных бараках за госпиталем, нас погрузили в поезд, и мы проехали до городка Сисак, в 40 километрах от Загреба. Здесь нас разместили в

казармах, где уже собрались некоторые наши офицеры-воспитатели. Должен сказать, что попытки наших воспитателей, сделанные в Варне, взять в свои руки административное управление нами, не имели успеха. В глазах кадет они потеряли всякий авторитет, и я помню, как, не желая видеть своих бывших воспитателей снова своими начальниками, кадеты с гиком и свистом выпроваживали их вон. Малыши не могли забыть эвакуации и поведения некоторых в порту. Были и достойные, как капитан Прибылович, полковник Самоцвет, полковник Волков, а с ушедшими в Румынию — заамурец, капитан Ремерт. Постепенно в Сисак со старшими кадетами стали прибывать и воспитатели, понемногу восстанавливалась и дисциплина. С назначением директором корпуса генерал-лейтенанта Адамовича первым же его приказом я был формально принят в [266] корпус. И потом, уже в Сараево, в Белой Церкви, когда корпус стал жить нормальной своей учебной жизнью, все наши офицеры-воспитатели, без исключения, служили делу воспитания русского юношества в русском духе и с полной добросовестностью. Это не было просто службой, а выполнением священного долга служения русскому делу, и за это всем им и спасибо и вечная память! [267]

Немитц А. В. Недавнее прошлое русского флота (по личным воспоминаниям)

Вице-адмирал Александр Васильевич Немитц

Сейчас уже мало кто даже из флотских офицеров знает об этой незаурядной личности, поставленной в трудные годы Гражданской войны во главе Морских сил Республики, и поэтому небольшой рассказ об Александре Васильевиче мне бы хотелось начать с дарственной ему надписи на книге «Рассказы о флоте» Адмирала Флота Советского Союза И. С. Исакова:

«Глубокоуважаемый адмирал!

Дорогой Александр Васильевич!

Если мне удалось кое-что сделать для родного флота СССР, то этим я в значительной мере обязан Вашему влиянию:

- после изучения архивных документов о деятельности Коморси РСФСР флагмана Немитца;
- после того, как проштудировал курс «Прикладной стратегии» капитана 1 ранга Немитца, в Морской академии;
- после работы в качестве помощника председателя Правительственной комиссии по обороне берегов Черного моря, которую возглавляли Вы на вспомогательном судне «Дунай» в 1929 году; [270]
- после прочтения рукописи «Воспоминаний» адмирала Немитца, когда Вы ее привезли в Москву, еще до последней войны.

Примите от признательного ученика адмирала Исакова 16 ноября 1962 г.»

В этом посвящении сказано об А. В. Немитце то, что, к сожалению, оказалось почти совершенно забытым и как бы выпавшим из истории военно-морского флота.

Род А. В. Немитца берет начало из древнего рыцарского дома «Бобровый камень» на реке Рейне. Предположительно в начале XVIII века Немитцы переселились в Польшу, а затем и в Россию, где приобрели землю в Хотинском уезде Бессарабской губернии. На севере Молдавии, в деревне Котюжаны, где родился будущий адмирал, на сельском кладбище сохранились могилы трех поколений Немитцев, по документам геральдики причисленных к русскому «потомственному дворянству».

А. В. Немитц родился 26 июля 1879 года. Отец его Василий Фердинандович, хотя и владевший небольшим наделом земли, помещичьей деятельностью не занимался, имел высшее юридическое образование и работал по выборам мировым судьей в Одессе. Мать — Софья Апполоновна урожденная Кузнецова из дворян Херсонской губернии, служивших в военном флоте. В своей автобиографии, на склоне жизни, Александр Васильевич запишет: «...я родился в семье говорившей по-русски; крещен православным христианином, вырос с

детства в православной церкви, как и отец и мать сознавал и чувствовал себя русским и любил и люблю, знал и знаю родиной Россию».

Семья дала ему хорошее воспитание и образование. С детства в нем высоко были развиты чувства чести, достоинства, долга и ответственности за порученное дело, любовь и преданность своей Родине. Он хорошо овладел математикой, много читал, прекрасно рисовал, знал немецкий и французский языки. Живя в Одессе и вращаясь среди черноморских семей, в атмосфере дышавшей морем, славными флотскими традициями, он утвердился в желании [271] стать военным моряком и посвятить свою жизнь флоту. В 1899 году А. В. Немитц заканчивает с отличием Морской кадетский корпус и начинает службу на эскадре Черноморского флота.

В 1902 году мичмана Немитца отправили с ответственным поручением к русскому послу в Турцию. В Константинополе он оказался в центре сложной дипломатической игры между русским и германским послами. На попытку посла Германии привлечь Александра Васильевича на свою сторону напоминанием о его якобы немецкой крови, молодой мичман, забыв об этикете, в присутствии всего дипломатического корпуса, бросает ему в лицо: «Я, как офицер, дал присягу, то никогда не должен ей изменить, а оставаться верным ей во всем, всегда! До последней капли крови, независимо от того, какого бы рода эта кровь ни была». В 1903 году, после окончания курса Артиллерийского офицерского класса, А. В. Немитц вновь возвращается на Черное море, служит артиллерийским офицером на кораблях, одновременно являясь преподавателем школы комендоров и гальванеров. В июне 1905 года вспыхнуло восстание моряков на броненосце «Потемкин», а вслед за ним на учебном судне «Прут». Последовала жестокая расправа, в результате которой четырех матросов с «Прута» Александра Петрова, Ивана Черного, Дмитрия Титова и Ивана Адаменко приговорили к расстрелу. Исполнить приговор было приказано образцовой роте учеников-гальванеров, которой командовал А. В. Немитц. Молодой офицер наотрез отказался выполнять позорную роль палача и за себя лично, и за своих подчиненных. В этой обстановке командованию флотом было крайне невыгодно затевать новый процесс, и «дело Немитца» с трудом удалось замять.

На судебном процессе над участниками севастопольского восстания 1905 года и восстания на крейсере «Кагул» матросы попросили А. В. Немитца принять участие в качестве их защитника. Думая, что восставшие раскаиваются, командующий флотом согласился и разрешил Немитцу защищать нижних чинов. Постепенно с двадцати [272] человек подзащитными А. В. Немитца оказались двести участников восстания. Несмотря на всю изобретательность защиты, все же четырех человек приговорили к смертной казни. Рискую своим служебным положением, А. В. Немитц добивается отмены смертной казни для осужденных. Вот как он сам вспоминал об этом эпизоде из своей жизни в 1963 году в беседе со специальным корреспондентом «Недели» Медведевым: «Как только стал известен приговор, адвокаты пришли ко мне домой: последний выход, Александр Васильевич, вам просить командующего Черноморским флотом. Мы понимаем, что сейчас уже ночь и адмирал спит. Мы сознаем, чем это грозит вашей карьере. Но завтра утром будет уже поздно.

Во дворце адмирала Н. И. Скрыдлова долго спорю с часовыми, с адъютантами, наконец по моей просьбе старик разбужен и просит к себе в кабинет. Излагаю мою просьбу: старый моряк впал в мучительное колебание. Излагаю последний аргумент: как христианин, не берите этого греха на душу, ваше высокопревосходительство! Старик вынимает папку с приговором и при мне пишет: «Заменить смерть каторгой». Жизнь осужденных была спасена».

Забегая вперед, следует сказать, что после Февральской революции 1917 года и свержения самодержавия моряки черноморцы преподнесли Александру Васильевичу памятный адрес, где благодарили Немитца за защиту матросов от расправы. Это была высокая награда для офицера флота того времени и признание народа.

Для «либерала» Немитца его защита осужденных не прошла безнаказанно. За это его вызвали на дуэль, и, хотя вызвавший не явился, дело получило огласку, и Александра Васильевича судили, приговорив к четырем месяцам гауптвахты.

Практически на этом его офицерская карьера могла бы и закончиться, но помог случай и в 1907 году лейтенанта Немитца назначают на должность штаб-офицера Морского Генерального штаба. Работая в Историческом отделении Морского Генерального штаба, А. В. Немитц детально знакомится и изучает архив русско-японской [273] войны 1904–1905 годов. Результатом этого явились его работы:

— «Стратегическое исследование русско-японской войны на море» (издано Морской академией в 1909–1910 годах);

— «Исследование русско-японской войны на море периода командования флотом адмирала Макарова» (напечатано в «Морском сборнике» в 1912–1913 годах);

— «Русско-японская война на море» (15-й том «История русской Армии и флота», 1913 год);

— «Очерки по истории русско-японской войны» (издано Морской академией в 1912 году);

— «Очерк морских операций русско-японской войны» (издано Морской академией в 1912–1913 годах).

В Николаевской Морской академии Александр Васильевич читал курс, в котором анализировал уроки русско-японской войны на море. Работа в этой области привела его к глубокому убеждению в отсутствии какой-либо системы в искусстве разработки планов войны на море у адмиралов и офицеров русского флота для новой эпохи развития оружия и техники.

Следствием этих раздумий и этого убеждения явилась в 1913 году работа А. В. Немитца «Прикладная стратегия», о которой упоминается в дарственной надписи Адмирала Флота Советского Союза И. С. Исакова. Именно в ней А. В. Немитц во вступительной части напишет, что одной из причин и «действительных корней нашего поражения» в русско-японской войне явилось то, что «японский флот весь сверху до низу был хорошо обучен военно-морскому искусству, вследствие того, что понимал современное морское оружие и его употребление в современной морской операции».

Построением «военно-морской техники» А. В. Немитц создавал программу для разработки плана операции. В сущности, речь в программе шла о содержании решения на морскую операцию (сражение или бой) и методике его принятия.

В соответствии с предлагаемой программой составитель плана операции должен был: [274]

1. Определить объект операции (т. е. поставить задачу, сформулировать цель, оценить противника);

2. Определить силы и средства для операции (т. е. оценить свои силы и их возможности);

3. Выбрать операционное направление, на основании оценки всей совокупности стратегической обстановки операции (т. е. практически разработать главную часть замысла: определить направление сосредоточения главных и других усилий своих сил);

4. Определить порядок и район стратегического сосредоточения сил и их развертывание (т. е. определить последовательность действий сил);

5. Разработать меры оперативного обеспечения операции (т. е. организовать разведку, назначить силы со специальными задачами обеспечения);

6. Принять меры военно-административного обеспечения операции (т. е. дать указания по базированию, снабжению, судоремонту и инженерному оборудованию театра);

7. Дать указания по выполнению мобилизационных мероприятий для обеспечения операции флота.

После этого исполнитель плана должен был отдать общие и частные распоряжения по плану операции.

Несмотря на то что А. В. Немитц в своей работе основывался на идеалистической философии, чрезмерно увлекался наполеоновским военным искусством и военным искусством немцев во франко-прусской войне 1870–1871 годов, тем не менее его труд

построен также и на живом опыте русско-японской войны и вобрал в себя все лучшее из военно-теоретической мысли России того времени.

Оценивая в целом «Прикладную стратегию», следует подчеркнуть, что она являлась значительным шагом вперед в разработке основ теории и практики принятия решения на морскую операцию. Установление творческого начала, борьба против догматизма в теории ведения военных действий на море существенно отличало работу А. В. Немитца в учебной практике Морской академии.

«От подчиненного, имеющего специальность оперативную работу при командующем, современная война требует [275] в самой широкой степени самостоятельности и активности. Обслуживать эту сторону... искусства во флоте и должна, прежде всего, наша Академия», — писал Немитц.

В 1927 году А. В. Немитц за свои труды по морской стратегии и обобщению опыта русско-японской войны был удостоен звания профессора РККА.

Будет справедливым, если мы восстановим его имя в ряду таких известных военных теоретиков, как ...Н. П. Михневич, А. Г. Елчанинов, А. А. Незнамов, В. А. Черемисов, Н. Л. Кладо, А. В. Шталь, сыгравших заметную роль в развитии военной теории России в преддверии Первой Мировой войны.

Войну капитан 2 ранга А. В. Немитц встретил в должности штаб-офицера Черноморской оперативной части Морского Генерального штаба и с самого ее начала был распределен в Ставку Верховного Главнокомандующего.

Остаток 1914 года он провел, бывая с поручениями Ставки, на флотах и на сухопутном фронте, непосредственно принимая участие в боях.

В 1915 году отпросился у Верховного Главнокомандующего на флот и был назначен командиром канонерской лодки «Донец». В последующие годы принимал участие в боевых действиях Черноморского флота на различных должностях, проявил при этом умение, героизм и мужество.

В 1917 году произошло большое событие в жизни Александра Васильевича: он женился на Анастасии Александровне Врубель — родной сестре знаменитого русского художника и вдове морского офицера с пятью детьми. Этому браку суждено было быть счастливым, хотя и прожили они вместе всего 16 лет. Анастасия Александровна умерла в 1933 году после тяжелой болезни и была похоронена на кладбище Даниловского монастыря в Москве. На всю свою оставшуюся жизнь Александр Васильевич сохранил к ней самые светлые чувства и сердечную благодарность за вместе прожитые годы.

20 июня 1917 года А. В. Немитц был назначен командующим Черноморским флотом, а в августе Временным правительством ему был присвоен чин контр-адмирала. [276]

После Октябрьского переворота и установления советской власти контр-адмирал А. В. Немитц перешел на сторону большевиков.

В этой сложной обстановке он видел свою задачу в поддержании боеготового и боеспособного состояния флота. С этой целью он пробовал проводить боевые походы и учения, но, несмотря на эти усилия и революционный подъем моряков, военная дисциплина на флоте все же падала. Сказывалась здесь и анархистская закваска среди части черноморцев. Так, когда навстречу прорывавшемуся в Черное море крейсеру «Бреслау» были выдвинуты корабли флота, линкор «Свободная Россия» самовольно оставил позицию и ушел в Севастополь. Наверное, это переполнило «чашу терпения» А. В. Немитца, всю свою жизнь привыкшего к четкости, исполнительности и к дисциплине. 13 декабря 1917 года, временно сдав должность начальнику штаба флота контр-адмиралу М. П. Саблину и оставив в Севастополе свою семью, Александр Васильевич выехал в Ставку главнокомандующего на Румынском фронте к генералу Д. Г. Щербачеву, которому был подчинен.

Что хотел он от Щербачева? Может, он ждал от него каких-то разъяснений или указаний, как действовать дальше командующему флотом в сложившихся условиях? Сейчас ответить на эти вопросы, наверно, невозможно. По докладу Севастопольского совета Верховная Морская коллегия в Петрограде, не разобравшись в обстановке и не уяснив кто, почему и

куда уехал, за оставление флота приговорила А. В. Немитца к расстрелу. Трудно оспаривать ее решение, но доля несправедливости в ней есть: человек, который защищал жизни матросов во времена царской реакции — ими же был приговорен к смерти. Возвращаться в Севастополь после этого смысла не было, и Александр Васильевич, оставив службу, первоначально уезжает в Киев, а затем частным лицом поселяется в Одессе.

Дальнейшая служба А. В. Немитца была решена В. И. Лениным. Вот что осталось от этого решения: «Ленин читает письмо члена Совета обороны Украины А. А. Иоффе от 22 июня 1919 года о положении Черноморского флота и мерах по его укреплению с просьбой принять по этому вопросу бывшего адмирала командующего Черноморским флотом [277] А. В. Немитца; пишет на письме резолюцию: «Николаю Ивановичу Игнатьеву...».

Ленин пишет записку зампредреввоенсовета Республики Э. М. Склянскому: «Иоффе очень рекомендует этого Немитца... Повидайте его, он очень недоволен Игнатьевым. Ленин».

В результате А. В. Немитц получает назначение начальником дивизии на Восточный фронт, но обстоятельства сложились совсем по-другому. Вспоминая об этих днях, А. В. Немитц рассказывал:

«Август 1919 года: большое наступление А.М. Деникина. Отход красных фронтов. Командующий 45-й дивизией Красной Армии на Румынском фронте И. Э. Якир прибыл в Одессу, вызвал меня в штаб Одесского округа. Высадка белых может произойти в любой момент: корабли маячат в море у дачных окрестностей города. У отступившей дивизии Якира всего по пять патронов на человека. Формировавшаяся в Одессе 17-я дивизия разбежалась при первых дымках белых кораблей на горизонте: осталось триста человек коммунистов во главе с Логофетом. Решаем эвакуировать Одессу и отступать на север по железной дороге.

Грузим в сорок эшелонов все запасы Одесского военного округа. Эшелоны благополучно доходят до станции Раздельная, дальше, у Вапнярки, сражаются с петлюровцами две бригады 45 и дивизии Якира. На соединение с нами движется из Крыма 58-я дивизия И. Ф. Федько, пока ее нет. Это все, на что мы можем рассчитывать. В Одессе, уже высадился корпус барона И. Н. Шиллинга, в Николаеве корпус генерала Ванповского, он рвется на Киев. С севера — банды Петлюры и Махно. Окружение полное. Собираем все верные Советской власти части в районе Раздельная — река Днестр — Вапнярка — Бирзула. Организуем Южную группу войск под одним командованием. Командование группой берет на себя И. Э. Якир. Реввоенсовет группы: товарищи Я. Б. Гамарник, В. П. Затонский, я назначаюсь начальником штаба».

Обстановка под Одессой менялась не по дням, а по часам. Какого-либо четкого плана действий у командования Южной группы не было. Ориентировались по ходу событий. Попытка И. Э. Якира пробиться на соединение с частями [278] 12-й армии по железной дороге на Вапнярку силами одной своей 45-й дивизии окончилась неудачно. Один из участников этих событий, Осадчий Н. Г. , вспоминал:

«Прибыли на Вапнярку, где мы обезоружили солдат и матросов Мишки-Япончика с участием кавалерии Г. И. Котовского... после чего выступили на передовую против Петлюры. На передовой от меня принял командование полком товарищ Захаров, а я остался комиссаром. Противник повел наступление на нашу цепь, а с тыла восставшие банды кулаков по хлебному полю шли на цепь. По флангам у нас частей не было, почему и пришлось отступить под прикрытие бронепоезда».

В этих условиях единственно правильным решением было сконцентрировать части 45-й, 47-й Черноморской и 58-й стрелковых дивизий в один кулак и идти на прорыв. Такой план был разработан и предложен А. В. Немитцем. План поддержал член Реввоенсовета Я. Б. Гамарник и он был принят И. Э. Якиром. Сосредоточившись в районе Ольвиополь, Балта, Бирзула, Каменка, Ольшанка, станция Рыбница 30 августа Южная группа войск начала прорыв из окружения в общем направлении на Киев с темпами движения 32–37 километров в сутки. Прорыв осуществлялся тремя колоннами: правой во главе с И. Ф. Федько, центральной во главе с И. И. Гарькавым и левую вел И.К. Грицов. В связи с занятием Киева

войсками генерала Ванновского, А. В. Немитц предлагает изменить направление движения на Бердичев. Разгромив петлюровские войска у станции Попельня, войска группы 19 сентября освободили Житомир и вышли на соединение с главными силами 12-й армии. Так, закончился легендарный 400 километровый рейд по тылам противника Южной группы войск, вошедший в историю Гражданской войны как образец искусства маневра войск. Нужно отдать справедливость, что немалая заслуга в этом принадлежала моряку — А. В. Немитцу. Он был ранен в этом походе, но остался до конца в строю, пока войска не вошли в Житомир.

Последствия ранения оказались тяжелыми, и А. В. Немитца пришлось эвакуировать в Москву. 27 октября приказом Реввоенсовета Республики № 290 Александр Васильевич [279] Немитц за этот переход был награжден орденом Красного Знамени {30}.

В конце 1919 — начале 1920 годов Красная армия окончательно добила Деникина на Юге и Колчака в Сибири, и лишь небольшой группе белых во главе с Врангелем удалось укрепиться в Крыму. Советская страна получила передышку, которую нужно было использовать для подготовки к разгрому последнего похода Антанты.

6 февраля 1920 года на заседании политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина принимается решение о назначении «адмирала А. В. Немитца командующим Морскими силами Республики». Это был третий командующий Морскими силами (коморси) после В. М. Альтфатера и Е. А. Беренса. Коморси являлся одновременно членом Реввоенсовета Республики. Многогранной была деятельность Немитца в эти годы. Нужно было создавать военно-морские силы на Юге страны, координировать действия сил Днепровской флотилии с войсками Юго-Западного фронта, организовывать оборону северо-западной части Черного моря, содействовать войскам Красной армии в окончательном разгроме мусаватистско-белогвардейских частей на юге Каспийского моря. Сложной продолжала оставаться обстановка на Балтике и на Севере России. Особую озабоченность у Совета Труда и Оборона вызывала нехватка топлива в стране. Доставке бакинской нефти мешали разбойничьи действия флота английских интервентов и белогвардейцев на Каспии, укрывшихся в персидском порту Энзели. Чтобы уничтожить флот, нужно было ликвидировать его базу. Задача, следовательно, сводилась к тому, чтобы нанести удар по флоту в нейтральных водах и в порту Персии, с которой страна не воевала.

О значении, которое придавалось Энзелийской операции, свидетельствует то, что решение на операцию обсуждалось на совместном заседании главкома С. С. Каменева, командующего Морскими силами Республики А. В. Немитца, наркома иностранных дел Г. В. Чичерина и дважды представлялось на утверждение В. И. Ленину. [280]

1 мая 1920 года А. В. Немитц подписал директиву на проведение операции, в которой, в частности, указывалось:

«Очищение Каспия от белогвардейского флота должно быть выполнено, во что бы то ни стало. Так как для достижения этой цели потребуются десант на персидской территории, то он и должен быть совершен вами... Вы известите при этом ближайшие персидские власти о том, что десант предпринят военным командованием исключительно для выполнения боевого задания, которое возникло только потому, что Персия не в состоянии разоружить белогвардейские суда в своей гавани, и что персидская территория остается для нас неприкосновенной и будет очищена немедленно по выполнении боевого задания».

Вся ответственность за последствия в результате ответных действий Персии или Англии (с которой Россия тоже не воевала) возлагалась полностью на А. В. Немитца.

Замыслом высшего командования порт Энзели предполагалось взять внезапным десантом с моря при поддержке небольшого отряда сухопутных войск со стороны Ленкорани. План операции разрабатывался штабом Волжско-Каспийской флотилии. Утром 18 мая 1920 года отряд кораблей флотилии подошел к Энзели. Противник не оказал сильного противодействия: огневые точки на берегу были быстро подавлены, а одиночная атака торпедного катера отражена. Английские интервенты приняли условия капитуляции, а остатки белогвардейцев на море были разгромлены.

На этом закончилась боевая деятельность Волжско-Каспийской флотилии. За проявленное мужество в борьбе за освобождение Каспийского моря от интервентов и белогвардейцев флотилия была удостоена Почетного Красного Знамени ВЦИК РСФСР и Почетного Знамени Ревкома и Совнаркома Азербайджанской ССР. Отмечая эту победу, командующий Морскими силами Республики писал:

«Поздравляю с победоносным окончанием военной кампании на Каспийском море. Доблестный Красный флот блестяще выполнил возложенную на него Советской Республикой боевую задачу первостепенной важности. 21 мая 1920 г. Коморси Немитц. Комиссар Гайлис». [281]

Несмотря на непродолжительность по времени и ограниченный масштаб, операция имела стратегическое значение. В результате операции война на этом направлении была прекращена, на Каспийском море установлено полное господство Красного флота, страна получила возможность свободно вывозить нефть из Баку, значительно укрепились позиции советской власти в Закавказье.

Выполняя указания В. И. Ленина, требовавшего направить «все усилия... в частности приготовить морские средства» на Юге страны для борьбы с флотом французских интервентов и Врангеля, командующим Морскими силами Республики спешно создавались морские силы на Черном и Азовском морях. Сложность этой задачи заключалась в том, что все основные базы и порты были разрушены, корабли и суда захвачены или повреждены белогвардейцами. Основное внимание было обращено на создание обороны северо-западного побережья Черного моря. Так, в границах от Днестра до Херсона был организован Северо-Западный укрепленный район, в Одессе сформирована военно-морская база, для обороны нижнего течения Днестра и Днепро-Бугского лимана была создана Усть-Днепровская военная флотилия. Принятыми мерами удалось локализовать, а на ряде участков нанести поражение морским силам противника при наступлении Врангеля в Северной Таврии. Одновременно для содействия войскам Юго-Западного и Кавказского фронтов были созданы Морские силы Черного и Азовского морей со штабом в Мариуполе и с непосредственным подчинением коморси А. В. Немитцу. Для усиления морских сил распоряжением А. В. Немитца в их состав на Азовское море были направлены вооружение, техника и личный состав с Балтики, Онежской, Северодвинской и Волжско-Каспийской флотилий. В короткие сроки было вооружено около 40 кораблей и судов, создан воздушный дивизион из 18 морских и сухопутных самолетов, организована и сформирована морская экспедиционная дивизия в 4600 штыков и сабель.

Потерпев поражение в Северной Таврии, белогвардейцы решили продолжить борьбу против Советской республики на Дону и Кубани, рассчитывая на поддержку [282] казачества. 14–17 августа на восточном берегу Азовского моря в районе станицы Приморско-Ахтырская высадился основной врангелевский десант генерала С. Г. Улагая. Десант имел целью развернуть военные действия на Кубани.

В это же время для обеспечения действий сил флотилии в Азовском море командующий Морскими силами Республики А. В. Немитц принял решение поставить мины в Керченском проливе. Так, в ночь на 14 августа отряд кораблей под командованием А. В. Немитца выставил минное заграждение на выходе из Керченского пролива в Азовское море. В тылу у флота противника было выставлено 266 мин. Для борьбы непосредственно с десантом С. Г. Улагая А. В. Немитц принимает решение блокировать минами район Приморско-Ахтарской и высадить у станицы Камышеватская контрдесант в составе морской экспедиционной дивизии. Высадка контрдесанта явилась неожиданной для противника и поставила его в безвыходное положение: вражеский десант оказался окруженным со всех сторон. В результате последующих совместных действий Кубанской армии, морской экспедиционной дивизии и Азовской флотилии белогвардейцы были разгромлены, а остатки улагаевского десанта были сброшены в море.

Боевые действия Азовской флотилии, в которых непосредственно принимал участие А. В. Немитц, сыграли большую роль в борьбе с силами контрреволюции на юге страны летом и

осенью 1920 года. Особенно большое значение имела помощь флотилии войскам Кавказского и Юго-Западного фронтов в их боевых действиях против вражеских десантов. Впервые в истории военно-морского искусства современных флотов была произведена высадка контрдесанта. Эта операция поучительна тем, что был хорошо разработан план ее проведения, умело организовано управление силами, продумано оперативное обеспечение. Это был блестящий образец применения А. В. Немитцем своей теории принятия решения, изложенной в «Прикладной стратегии» на практике. Используя свой личный опыт минно-заградительных и артиллерийских действий в районе Босфора в Первой Мировой войне, А. В. Немитц умело [283] организовал борьбу флотилии с технически превосходящими морскими силами П. Н. Врангеля на Азовском море. Азовское море было очищено от Белого флота.

С учетом полезного опыта прошлого и на основе творческой инициативы большого отряда красных командиров молодого Красного флота рождалось и совершенствовалось советское военно-морское искусство. В ходе Гражданской войны советское военно-морское искусство обогатилось опытом поддержки приморских флангов войск Красной армии, обороны с моря важных промышленных и экономических центров страны, противодействия противнику в создании новых фронтов при помощи вторжения с моря, обеспечения народнохозяйственных и воинских перевозок по морским, озерным и речным коммуникациям, маневра силами и средствами флота с одного театра на другой по внутренним водным путям и железным дорогам, организации взаимодействия флота с сухопутными войсками и авиацией. Содействие сухопутным войскам явилось главным содержанием деятельности флота в Гражданской войне. Артиллерийская поддержка, высадка десантов, создание минно-артиллерийских оборонительных позиций для прикрытия приморского фланга сухопутных войск, обеспечение войсковых перевозок и осуществление переправ через водные преграды — в этом главным образом выразилось содействие флота войскам фронтов. Во всей этой сложной для того времени и многообразной работе немалая доля участия принадлежит Александру Васильевичу Немитцу. Нужно учесть, что к тому же после Южного похода 1919 года он оставался еще больным. Зимой 1920 года, когда войска М. В. Фрунзе прорывались через Перекоп, А. В. Немитц выходил по льду через Керченский пролив на Крымский полуостров. Он шел во главе отряда моряков через полыньи и торосы, опираясь на палочку, так как на ногу еще ступить было нельзя.

В. И. Ленин знал о ранении А. В. Немитца. 14 февраля 1921 года:

«Ленин читает письмо командующего Морскими силами Республики А. В. Немитца от 13 февраля 1921 года с просьбой оставить в его распоряжении машину и отменить решение особой тройки Совета Труда и [284] Оборона по перераспределению автомобилей, пишет на обороте письма поручение управделами СНК Н. П. Горбунову узнать, в чем дело, и вернуть машину. Ленин подписывает распоряжение об оставлении автомашины «Роллс-Ройс» № 2425 в пользование Немитца».

25 марта 1921 года В. И. Ленин пишет записку Э. М. Склянскому:

«... товарищу Склянскому. Мною обнаружено, что товарищ Немитц вынужден был ждать 3,5 часа в Совете Оборона и понапрасну, ибо его вопрос не слушали. Нахожу это несправедливым и предлагаю впредь установить телефонными и секретарскими средствами Военного ведомства и Совета Оборона такую связь, чтобы господин Немитц был извещаем за несколько минут и приезжал (ввиду его болезни) на автомобиле. Председатель СТО В. Ульянов (Ленин)».

По итогам Гражданской войны имя А. В. Немитца стоит в ряду таких военачальников, пришедших из старой армии и флота и вставших на сторону революции, как С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, Б. М. Шапошников, М. Д. Бонч-Бруевич, А. И. Егоров, Д. М. Карбышев, Ф. Ф. Новицкий, В. М. Альфатер, А. П. Зеленой, Е. А. Беренс, Л. М. Галлер, И. С. Исаков. Это имена известных всей стране полководцев и флотоводцев. Не случайно отмечая, прежде всего, флотоводческие заслуги А. В. Немитца перед Вооруженными силами страны, советская историческая литература назвала его «первым красным адмиралом».

Еще не закончилась Гражданская война, а партия была озабочена восстановлением народного хозяйства, укреплением боеготовности и боеспособности армии и флота. В 1920–1921 годах под председательством В. И. Ленина Совет Труда и Обороны принял ряд решений об укреплении флота, создании необходимой материальной базы. 23 октября 1920 года после рассмотрения в Совете Труда и Обороны проекта постановления об организации специальной комиссии для восстановления Балтийского флота В. И. Ленин собственноручно написал решение: «Поручить Петроградскому Совдепу и специально комитету обороны Петрограда обратить особое внимание на ускорение работ по восстановлению Балтфлота и согласование [285] всех учреждений, способных помочь делу, с устранением всякой волокиты и с установлением реального надзора за быстротой и успешностью работы». С этого началось восстановление и возрождение флота.

Огромное значение для строительства армии и флота имели решения X съезда РКП (б) в марте 1921 года, который, вводя новую экономическую политику, в то же время постановил: «... в соответствии с общими положениями и материальными ресурсами Советской Республики принять меры к возрождению и укреплению Красного военного флота».

У истоков этих резолюций и решений в борьбе за возрождение флота в «борьбе за сохранение преемственности жизни морской силы страны» стоял и коморси А. В. Немитц. Но что-то случилось, и в декабре 1921 года, по собственной просьбе, считая, что дальнейшая работа в должности коморси — «беспартийному не по силам», А. В. Немитц переходит на преподавательскую работу первоначально в Академию военно-воздушных сил, а затем и в Военно-морскую академию. При этом он не прекращает своей активной деятельности по участию в строительстве и укреплении Военно-Морского Флота.

С 1922 по 1924 год А. В. Немитц выполняет особые поручения при Реввоенсовете СССР, а приказом председателя РВС СССР К. Е. Ворошилова от 17 декабря 1929 года № 719 «Преподаватель Военно-морской академии Немитц А. В. назначается для особо важных поручений при народном комиссаре по Военным и морским делам и председателе РВС СССР с 15 декабря 1929 года». По заданию РВС СССР в 1924 году им написан «Стратегический обзор Первой Мировой войны на море» и «Служба штаба во флоте» для Академии военно-воздушных сил.

В 1929 году А. В. Немитц проводит большую работу в качестве председателя Правительственной комиссии по обороне берегов Черного моря и делает по результатам этой работы доклад нарком-военмору.

Тяжелое ранение и контузия, большие моральные и физические перегрузки в Гражданской войне не прошли бесследно, и в 1930 году А. В. Немитц на несколько лет [286] выбывает из строя из-за тяжелой болезни. В результате болезни Александр Васильевич полностью теряет слух, но все же «искалеченным, глухим» он возвращается к работе.

В 1938 году он по заданию Главного морского штаба пишет книгу «Работа Морского Генерального штаба», которая из-за начавшейся войны так и не вышла из печати. Также по неизвестным причинам были не доработаны и не изданы мемуары А. В. Немитца «Недавнее прошлое русского флота по личным воспоминаниям». Чудом уцелевший полуистлевший экземпляр проспекта этих мемуаров был обнаружен в музее «Панорама обороны Севастополя». Это как раз та самая рукопись, которую читал И. С. Исаков перед началом войны.

В 1941 году советское правительство присваивает А. В. Немитцу воинское звание вице-адмирала. Деятельность Александра Васильевича во время Великой Отечественной войны была связана с работой профессором кафедры стратегии и тактики Военно-морской академии. После войны он написал в своем анкетном листе: «Принимал участие в боевых действиях и в Отечественной войне — в Азовской военной флотилии». Очевидно, его боевой опыт на Азовском море пригодился и для Азовской, и в последующем для Дунайской флотилии. Во время войны он, со свойственной ему скрупулезностью, написал «Военно-географическое описание театра военных действий нижнего Дуная» и «Водный путь Дуная».

Хочется думать, что эти работы А. В. Немитца пригодились нашим морякам Дунайской флотилии в Яско-Кишиневской операции и в последующих боевых действиях на Дунае. В 1947 году, отслужив во флоте 54 года, Александр Васильевич, увольняется в запас. Он переехал в Севастополь и поселился на улице Луначарского, 42. Несмотря на преклонный возраст, адмирал не мог сидеть сложа руки, и он поступает на работу в картографическо-корректорское отделение отдела Гидрографической службы Черноморского флота. Вот что вспоминает об этом периоде жизни А. В. Немитца капитан 2 ранга в отставке В. Н. Локтев: «Мне посчастливилось близко общаться и работать с ним в одной комнате почти четыре года. Начиная с 1947 года и в пятидесятые [287] годы, будучи в отставке, он работал в отделении отдела Гидрографической службы Черноморского флота старшим корректором, которым я руководил. За это время, по моей просьбе, им много было рассказано о его службе, научной деятельности и личной жизни. Любая из сторон его жизни и деятельности явились примером беззаветной преданности Родине, честности, добропорядочности и высокой ответственности за порученное дело.

Вспоминая годы работы начальником Морских сил Республики (коморси), Александр Васильевич часто и с особым желанием делился с офицерами флота на многочисленных официальных встречах в Доме офицеров, с матросами в матросском клубе, на собраниях в гидрографии флота, в печати, с сотрудниками по работе».

Я считаю необходимым остановиться на том, как он работал, как жил последние годы. Многие видели, как по улице А. В. Суворова в сторону Гидрографии каждое утро, не торопясь, шел в адмиральской форме, с желтым потертым портфелем худенький, чуть согнутый старичок.

Дежурный в отделе командовал при его появлении: «Смирно!», — но он не слышал. Не обращая внимания, он поднимался на третий этаж в свою рабочую комнату. Со всеми сотрудниками он здоровался однозначно — «Здравия желаю!» — это, безусловно, многолетняя привычка военного. Не торопясь, он садился за рабочий стол и начинал писать. Писал он простым карандашом, имея под рукой резинку. Он писал труд по заданию военноморского министра (главкома) адмирала флота Н. Г. Кузнецова. Тема его труда «Особенности ведения боевых операций на Морском театре военных действий в современных условиях». Работал он сосредоточенно, не отвлекаясь, часами не поднимаясь с рабочего места.

Затем наступало время перекура (в то время он курил, курил по времени — через каждые два часа). Прежде чем закурить, открывал окно, отодвигал от себя бумаги, посвободнее усаживался и закуривал. Его перекур напоминал какой-то ритуал. Он мне говорил, что мы курим без оглядки — одну папиросу за другой. А он курил всю жизнь по времени, не более восьми папирос в сутки. Бросалась в [288] глаза его большая работоспособность и серьезность в работе. К 1952 году он закончил писать свой обширный, объемистый труд. Суть его научного труда сводилась к тому, что поскольку наш вероятный противник — мощная морская держава, то надо строить комплексный Военно-Морской Флот. В нем было много таблиц и расчетов. После его печатания и переплета Александр Васильевич выехал с докладом в Москву. Дней через пять он приехал с приподнятым настроением, с восхищением отзывался о Н. Г. Кузнецове как о моряке, большом руководителе, человеке. Нарком Н. Г. Кузнецов якобы одобрил труд А. В. Немитца. Но вскоре наступила иная пора. Новым руководством была выработана иная военно-морская политика. Надводные корабли, включая крейсера, ставились на слом, их новое строительство было прекращено. А. В. Немитц старался доказать, что и надводные, особенно авианосные, корабли, будут нужны. Но доказывать было некому, Н. Г. Кузнецов был снят с должности, а новое руководство не стало слушать А. В. Немитца. Здесь следует сказать, что Н. Г. Кузнецов очень уважал Александра Васильевича. Я об этом сужу по двум случаям. Ко мне на квартиру в вечернее время было два запроса по телефону. Звонил офицер по поручению главкома Кузнецова А. Г. Гагарин. Задавался один и тот же вопрос: как чувствует себя Александр Васильевич и не следует ли ему в чем-либо помочь. В ответ он всегда благодарил и решительно заявлял, что

ему ничего не надо. Его скромность доходила до крайности. Порученец Н. Г. Кузнецова А. Г. Гагарин дважды передавал просьбу главкома о необходимости переназначения А. В. Немитцу пенсии. Дело в том, что, уходя в отставку, он получил максимальную пенсию 1200 рублей. С выпуском новых денежных знаков он стал получать 120 рублей. В связи с новым законом о назначении пенсий военнослужащим, уходящим в запас и отставку, пенсионное назначение было значительно увеличено. А. В. Немитц должен был получать как вице-адмирал. Однако от написания заявления с просьбой пересмотреть ему пенсионное назначение он категорически отказался. После ухода Н. Г. Кузнецова с поста главкома, больше звонков не было. Так А. В. Немитц до конца своей жизни довольствовался [289] пенсией 120 рублей в месяц. Он неоднократно говорил, что все заработанные средства он тратил на то, чтобы лечить дочь, проживающую в Ялте. На себя он тратил гроши. Всегда ходил в военной форме, которая носилась десятки лет.

В 1953–1954 годах Александр Васильевич стал жаловаться на боли в области сердца. Он говорил все бы ничего, но «мотор» работает с перебоями, по ночам стал плохо спать, чувствует физическую слабость. К врачам он обращался очень редко. Мы просили врачей из военной поликлиники и госпиталя осуществлять контроль и лечение Александра Васильевича. Однако он настаивал, чтобы врачи не приезжали и не беспокоили его. Последние 7–8 лет он жил постоянно в Ялте, у старшей дочери Варвары Александровны. Мы — работники гидрографии периодически — навещали его в Ялте. Однако годы брали свое, 1 октября 1967 года, от сердечной недостаточности, Александр Васильевич Немитц скончался. Похоронили его со всеми почестями, на центральной аллее кладбища Коммунаров в Севастополе. На его могиле, на средства Министерства обороны, сооружен мраморный памятник. Его образ увековечен в мраморе в адмиральской форме. Военные моряки, граждане Севастополя и гости города-героя, читая надгробную надпись склоняют головы перед могилой, отдавая дань почтения верному сыну нашей Родины, отдавшему всю свою жизнь борьбе с ее врагами, укреплению нашего могучего Военно-Морского Флота. Кто бы ни вспоминал о своих встречах с Александром Васильевичем, все, начиная от дочери бывшей горничной Немитцев в Одессе в 1918 году и до каждого его сослуживца, с благодарностью вспоминают об этом замечательном человеке. Как военный, он без сомнения обладал талантом руководителя, мужеством флотоводца, отвагой офицера. Его военная служба и труд были отмечены орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, медалями, русскими орденами и медалями дореволюционного времени, георгиевским оружием за храбрость, иностранными орденами.

В. Г. Лебедько.

Вступление

Яне принадлежу к числу тех людей, мемуары которых издаются вследствие интереса общества к их авторам. Назначение этой книги другое. Мне пришлось быть близким свидетелем крупных событий, особенно близким — во флоте; событий той трагической и переломной эпохи, которую мы пережили и переживаем (1900–1940 годах). История этой эпохи богата содержанием, значительным и поучительным, но ее еще только начинают разрабатывать. Показания живых участников событий при разработке истории имеют ту же ценность, как и документы архивов, без которых ее нельзя писать. Сжатые мои свидетельства, заключенные в этой книге, идут навстречу этой потребности в отношении многих, довольно значительных, военно-морских явлений недавнего прошлого нашей страны. [291]

Глава 1.

Флотский офицер до русско-японской войны 1904–1905 годов

а) Подбор будущих офицеров царского флота.

Происхождение — из потомственных дворян. Тесные родственные связи (по материнской линии) с Черноморским флотом: адмиралы Кузнецов, Перелешин — севастопольские герои и др. Отроческие впечатления, привязанности и традиции, отсюда — избрание военно-морской профессии и поступление в Морской корпус. Среди его питомцев: такого же

происхождения и несколько других. Характеристика этой школы. Хорошие военно-морские традиции; армейская строевая муштра; перегруженная математическими и техническими теориями учебная программа; хорошо образованные преподаватели, техники и математики, и никуда не годная, почти исключительно лекционная, система преподавания; очень плохая система воспитания: оторванность от строевого флота, бюрократически-бездушное, не авторитетное школьное начальство; полезные, но много меньше, чем могли бы быть, учебные плавания: парусный уклон практики, недостаточная практика в овладении оружием, полное отсутствие в ней тактики.

Каким в итоге выходил молодой офицер флота того времени: характеристика живыми чертами фактов пережитого в этой школе (1893–1899 годы).

б) На Черноморском флоте, до русско-японской войны молодым офицером (1900–1902 годы)

Русский флот того времени в упадке. Плохие типы боевых судов, очень плохое судостроение; опустившийся, теряющий добрые боевые традиции, проникнутый мирными житейскими традициями, командный состав полунежественный в технике флота, почти нежественный в военных дисциплинах, неавторитетный среди подчиненных. Видимые мне причины этого. Состав эскадр и отрядов флота. Плавания в море, стрельбы, другие практические занятия. [292]

Маневры. Оперативные игры подготовки флота. Отрицательные и положительные черты подготовки флота в то время.

Отсутствие в то время во флоте и в Морском министерстве систематической работы над планом войны и отсутствие специального оперативного органа для того «Генерального штаба флота» {31}.

Характеристика тогдашнего высшего командования флотом и центрального морского управления: то командование, которое обнаружилось для всех явно в Цусиме, то управление, которое заслужило кличку «цусимского ведомства». Кратко об исторических причинах.

Положительные исключения из этого безотрадного общего: С. О. Макаров, Ф. В. Дубасов, Н. В. Копытов и некоторые другие люди, вышедшие из боевого опыта Русско-турецкой войны (1878 года); особенно жизнь, деятельность, личность первого из них С. О. Макарова. Однако отрицательные свойства — среда и центральное руководство — подавляли (имя адмирала Ф. В. Дубасова я упоминаю объективности ради, отвлекаясь от его последующей контрреволюционной роли).

Глава 2.

Приобретение военно-технической квалификации в Офицерском артиллерийском классе и в ближайшее время последнего на флоте (1902–1903 годы)

Набор офицеров в Артиллерийский и другие офицерские классы. Характеристика этой школы того времени: слишком ограниченное время, одна зима и три летних месяца на практику стрельбы; крайняя перегруженность учебной программы; недостаток поэтому практических занятий, хотя они все же были, полезные, хорошие преподаватели и знавшие, и любившие свое дело, разумная свобода в занятиях слушателей. В общем, школа дала многое, ввела в артиллерийское дело, оставила дорогое воспоминание; не забывали в ней и о тактике, хотя она была в ней в младенческом состоянии. [293]

Мешала хорошей выучке чрезмерная ограниченность времени, связывая и преподавателей, и слушателей. Приобщившись в ней к артиллерийскому делу, лучшие офицеры вырабатывались в удовлетворительных и хороших артиллеристов флота уже самостоятельно, на строевых судах и особенно в артиллерийских отрядах.

Характеристика артиллерийского отряда Балтийского моря. Большая и напряженная работа, которая ими производилась по обучению комендоров, артиллерийских унтер-офицеров и артиллерийских офицеров флота.

Удовлетворительность ее в отношении первых двух категорий, неудовлетворительность в отношении офицерской категории: примитивные приемы управления артиллерийским огнем

кораблей. Находились они в связи и с ошибочными тактическими представлениями: о действительности артиллерийского огня в морском бою, о его действительных дистанциях и пр. Ошибки эти, однако, не были специальными недостатками русского флота; они были свойственны более или менее всем флотам того времени: техника кораблей и их оружие после предыдущих крупных морских войн совершенно переменялись, а достаточного боевого опыта не было.

Японский флот вступил в войну 1904–1905 годов в этом отношении подготовленным не лучше русского, но он обогнал своего противника далеко в течение войны. Соответственные фактические данные (кратко).

Работа в ближайшие годы после Офицерских артиллерийских классов: старшим артиллеристом на кораблях и преподавателем в школе комендоров и в школе гальванеров. Исключительная своеобразность этих последних школ.

Вчерашние крестьяне, только лишь грамотные (такие отбирались), обучались в течение одного года в комендоры и гальванеры, в течение двух — в унтер-офицеры этих специальностей; также — всех других; в необычайно короткий срок тяжелой и точной артиллерийской технике, ответственному уходу за ее материальной частью и ее применению в бою, стрельбе и всему остальному; никогда не видевшие никаких машин люди постигали в этот срок электротехнику постоянного тока, динамомашин, двигателей, [294] сложных башенных орудийных установок и пр. и хорошо всем этим овладевали. На военных судах русского флота на них главным образом держались уход и применение огромной, многообразной, сложной техники; и они были очень удовлетворительны.

Я с отрочества любил русский народ, но в эти годы обучение технике людей непосредственно из деревни (большинство было крестьян) оставили на всю жизнь впечатление его поразительных способностей, самообладания, в то же время необычайной простоты и скромности в отношении себя лично.

Глава 3.

Во время русско-японской войны и революции 1905–1906 годов

Мне не пришлось быть участником русско-японской войны. Я был во время ее старшим артиллеристом на кораблях «Ростислав», потом «Три Святителя» и одновременно продолжал преподавать в школе гальванеров. Корабли, на которых я был, готовились сами войти в состав эскадры адмирала {32} Рожественского при проходе ее части Средиземным морем. В школе я занимался с гальванерами в то время двойное число часов в сутки и делал ускоренные выпуска.

Ход русско-японской войны, основные факты и их отражение в Черном море и в России вообще. Революционное движение на Черноморском флоте, на корабле «Потемкин Таврический», на эскадре, в армейских полках; основные факты.

В роте учеников-гальванеров (она же и класс гальванеров) были убежденные революционеры и принадлежавшие к революционным партиям. Я был единственным офицером в роте и единственным офицером преподавателем этого класса.

Отношения между мной и учениками, подчиненными, были очень хорошими; я пользовался их доверием. Оно не поколебалось во время революционных восстаний во [295] флоте. По ходу усиленных занятий я почти не разлучался со своей ротой. В самые бурные дни класс гальванеров, рота, сохраняла полную дисциплину. Проявлялось это, между прочим, в караулах и нарядах в обходах (уличных), в которых она участвовала. У начальства создалось наполовину неправильное представление о действительном умонастроении ее людей. Когда восстание было подавлено и был вынесен первый смертный приговор четырем морякам с транспорта «Прут», начальство предложило мне и моей роте «как образцовым в отношении дисциплины» привести в исполнение смертного приговора. Я отказался, за себя и за учеников-гальванеров. Меня отправили лично к адмиралу, временно исполнявшему обязанности главного командира Черноморского флота в отсутствие адмирала Чухнина, вызванного в Петербург. Это был контр-адмирал Писаревский,

начальник Учебно-артиллерийского отряда. Он повторил свое предложение. Я повторил свой отказ.

— А вы знаете, что вам за это угрожает? — сказал мне старик.

— Знаю, — отвечал я, — но тем не менее отказываюсь. Я считался тогда выдающимся офицером, у меня были кое-какие заслуги, превышавшие средний уровень; адмирал Писаревский сам по себе был добрейший старик. И меня, и учеников — гальванеров оставил в покое.

По всей России в эти месяцы (1905–1906 годы) шли революционные бои и борьба с революционным движением царской власти. Была создана Государственная дума, буржуазный класс стал на сторону царской власти. Реакция побеждала, но Россия стала парламентарной монархией. Офицерская масса флота тоже переживала кризис своей традиционной идеологии. Были одиночки, решительно ставшие на сторону революции (лейтенант Шмидт, мичман Никитенко), другие одиночки искали надклассового мирозерцания. Большинство беспомощно, в тяжелом моральном состоянии, колебалось. Странников самодержавия среди массы молодых офицеров не было, но все стояли если не за революцию, то за конституцию, за парламентаризм и искренно приветствовали появление Государственной думы. После того, [296] однако, пошли за Столыпиным, искренно считая государственный курс его правильным. Все эти переживания в среде черноморского офицерства нашли выражение в массовых офицерских собраниях в Морском собрании, начатых, между прочим, по инициативе самого главного командира, адмирала Чухнина.

Отмечу некоторые факты из них и мою личную тогда точку зрения и высказывания. Вместе с победой режима Столыпина начались военные суды над участниками восстаний на Черноморском флоте. Не считая дела крейсера «Кагул» и лейтенанта Шмидта, выделенного особо и рассмотренного в срочном порядке и конченного расстрелом этого революционного борца и с ним трех других кагульских моряков, все остальные выступления были объединены в одном судебном процессе военно-морского суда в Севастополе. В казармах томилось около тысячи заключенных черноморских моряков и солдат, небольшое число рабочих Севастопольского порта и несколько интеллигентов, участников восстания. В числе арестованных был один мой ученик-гальванер, Тихонов, убежденный революционер и лучший, первый ученик в своем выпуске гальванеров. Я получил от него письмо, в котором он и группа его товарищей по заключению просили меня взять на себя их юридическую защиту в суде. Письмо было мне передано нелегально. Я увидел в этом обращении исключительное доверие ко мне, как человеку. Это доверие я оправдал. Умница Тихонов сумел одновременно обратиться официально к прокурору с тем же вопросом. Прокурор обратился к главному командиру, адмиралу Скрыдлову (адмирал Чухнин был перед тем убит). Адмирал Скрыдлов увидел в упомянутом обращении признаки «раскаивания матросов», сам вызвал меня к себе и разрешил защиту в судебном процессе.

Я был допущен в среду арестованных. Слышал и видел там вполне революционные слова и выступления.

Все это осталось судебной тайной защиты. 200 человек сначала были моими подзащитными. В ходе судебного следствия, которое продолжалось месяц, выяснилось, что моя защита приносит судимым значительно больше пользы, чем защита адвокатов. Адвокатов было двое, из [297] выдающихся; однако, они больше обостряли отношения судимых с судом, чем вытаскивали из огня людей, которым грозила смертная казнь, каторга, арестантские роты. Я лучше мог помочь людям, особенно потому, что лучше знал и жизнь на кораблях, и факты восстания, и свидетелей, и офицеров. Число моих подзащитных, по их желанию, росло. К концу судебного следствия под защитой моей были все судимые моряки и рабочие. Было их уже меньше: часть освободили, по официальным представлениям в отношении мало замешанных, прямых начальников. Многие удалось сделать для подсудимых. Однако 4 человека суд приговорил к смертной казни. Адвокаты пришли ко мне, как только стал известен приговор, и говорили, что есть еще надежда добиться, чтобы смертный приговор не был подтвержден. Надежда эта была слабая, так как было специальное «высочайшее»

повеление, не обращаться к царю и в центр для утверждения приговора и с просьбами о помиловании, а кончать дело на месте, для чего генерал-губернатору и разным начальникам было предоставлено право конфирмации. Я, однако, немедленно (поздно вечером) поехал во дворец к главному командиру, который должен был подтвердить приговор. Адмирал Скрыдлов меня принял. Я доложил. Старый моряк впал в мучительное колебание. Я, как мог, убеждал его не брать этого на душу. Адмирал Скрыдлов, пожертвовав служебным положением (он был вскоре сменен после этого), заменил смертный приговор каторгой. Вскоре я защищал сам себя в качестве подсудимого. Связи с предыдущим процессом в том не было. Я этого не хочу сказать. Тем не менее суд был несколько похож на расправу с чересчур своевольным человеком. Меня вызвал на дуэль мой прямой начальник, командир канонерской лодки. Я вызов принял. От дуэли вызвавший уклонился, но дело дошло до суда. По точному закону должны были сурово отвечать оба, вызвавший и принявший вызов. Между тем меня судили и приговорили к исключению со службы и заключению на 1,5 года в крепости, а капитан выступал лишь в качестве свидетеля. Таков был тогда наш военно-морской суд: так мнили поддерживать авторитет командования. [298]

Приговор был опротестован прокурором, который считал наказание в отношении меня чрезмерным. У меня нашлись (без какой бы то ни было моей инициативы) горячие защитники среди моих товарищей. О действенной и бескорыстной помощи некоторых из них я навсегда сохраняю глубокую благодарность. Некоторые из них были со связями в столице. Дело было пересмотрено; я оказался обвиненным лишь в «непочтительном отношении к начальнику» и был посажен лишь на гауптвахту на 4 месяца. Тем не менее неоправдание по суду влекло за собой тяжелые следствия по службе: отныне я не мог быть произведен в следующий чин, иначе как с «высочайшего» повеления, не мог получить высшего военно-морского образования, поступить в академию, другими словами, военная карьера была закрыта. Но я не успел отсидеть своих 4 месяцев на гауптвахте, как уже вышел приказ о моем назначении в Морской Генеральный штаб.

Это тоже была помощь друзей. В Морском Генеральном штабе собирали инициативу. Начальником его был контр-адмирал Брусиллов, брат полководца, талантливый офицер. Глава 4.

В Морском Генеральном штабе; в Историческом отделении и в отделении Организационно-тактическом (1907–1909 годы)

Краткий очерк, как собирали архив русско-японской войны и составляли ее первую военно-морскую версию. Мой первый военно-морской научный труд «Стратегическое исследование русско-японской войны».

Положительное и отрицательное в историческом отделении Морского Генерального штаба в ту пору. Характеристика Морского Генерального штаба тогда (много положительного, но не все меня удовлетворяло).

Основные факты работы в эти годы Морского Генерального штаба и интересные живые черты.

Перевод меня в Организационно-тактическое отделение, с поручением разработать основы новой «организации корабля». [299]

Это был второй мой военно-морской научный труд. Он назначался в основу переработки Морского устава. Труд этот остался незаконченным вследствие моего ухода из Морского Генерального штаба. В незаконченном виде он все же был роздан (но было уже без меня) участникам переработки Морского устава в качестве руководства. Пользы от этого было немного, так как Организационно-тактическое отделение Морского Генерального штаба для переработки Морского устава собрало комиссию из почтенных капитанов. Метод работы никуда не годный. Переработка Морского устава и не удалась: в прежнем, очень устаревшем, почти ничего не изменили, мало живого внесли.

Ушел я из Морского Генерального штаба по своей инициативе. Ушел в Военно-морскую академию {33}, куда меня пригласили в это время читать лекции о русско-японской войне. Но было в моем уходе нечто, от меня не зависящее. В деле я был оппозиционером, не

согласным с основной стратегической установкой Морского Генерального штаба: «прежде всего флот для Балтийского моря», в личных отношениях, по мнению некоторых сослуживцев в Морском Генеральном штабе, я был в нем «чуждым элементом» (бывший под судом и не оправданный, и строптивного нрава). Контр-адмирал Брусилов, привлечший меня в Морской Генеральный штаб, к этому времени уже умер.

До меня дошли сведения о какой-то тайной баллотировке, тогда в Морском Генеральном штабе произведенной, «на предмет» дальнейшей службы в нем, на которой так же отдельное мнение было высказано против меня. Мне не сообщили никаких решений этой баллотировки.

Сам факт ее держался в секрете. Была она в сущности незаконной. Выступить, однако, против, значило бы стать в ряды врагов учредителей Морского Генерального штаба, между тем как мои деловые симпатии были на стороне Морского Генерального штаба, а не на стороне старых бюрократов Морского министерства. Материально я был независим от службы, имея свои средства — 150 десятин [300] земли. И предпочел по своей инициативе уйти из Морского Генерального штаба, бросив в нем интересную работу.

На этом окончились мои обер-офицерские наблюдения и обер-офицерская работа. С академии началась для меня самостоятельная, ответственная деятельность и соответственные наблюдения «недавнего прошлого русского флота».

Глава 5.

В Военно-морской академии; лектор и адъюнкт

Морская академия до 1906 года — высшее морское техническое учебное заведение, с отделами (факультетами) гидрографическим, кораблестроительным и механическим.

Неплохое высшее учебное заведение по этим специальностям, давшее России и Европе такого математика и творца ряда высших инженерных и математических теорий, как А. Н. Крылов (академик) и др. Строевые флотские офицеры принимались на гидрографический факультет и выпускались с высокой математической квалификацией гидрографами астрономами, навигаторами.

Теория навигации и теория компасного дела.

На остальные два отдела принимались инженер-механики и инженеры кораблестроители и выпускались с высшей квалификацией по своим специальностям.

Академия эта была действительно высшим учебным заведением. (Характеристика приема и обучения в ней). Она была Морская академия, но не была военная. Высшей военной школы во флоте не существовало. А так как эта сторона обучения русского флотского офицера того времени, военная наука, почти отсутствовала и в программе Морского училища (корпуса), то русский флотский офицер, окончивший даже два высших морских учебных заведения (Военно-морское училище того времени было «высшим техническим учебным заведением»), в своем специальном, непосредственном и главном деле (тактика, бой, сражение флота, операции его, стратегия, военная история) оставался полным невеждой, если не принадлежал к тем исключительным натурам, которые и воспитывают и обучают себя сами. Именно к исключительным натурам [301] принадлежала та руководящая в Морском Генеральном штабе группа, которая его создавала (из макаровского штаба). Эти же люди в 1909 году создали и Военно-морской отдел (факультет) в прежней Морской академии {34}. Не разрушив ничего в ней хорошего, они прибавили, к прежним техническим, военно-морской факультет для обучения флотских офицеров морской тактике, стратегии, военно-морской истории, в теории и на практических занятиях и работах.

Два из важнейших курсов — военно-морской истории и стратегии были поручены «старикам», морским «генералам» (то есть береговым) Аренсу и Кладо. Курс Аренса был весьма бледен: перечисление фактов старых войн, в слабой и не военной программатической связи; для выработки «верного взгляда военного» капитанов и флагманов современного флота он не давал ничего. Н. Л. Кладо был талантливым военно-морским публицистом и популяризатором в русской морской среде иностранной (французской, английской и североамериканской) литературы. Сообщал он на своих лекциях много интересного и кое-

что полезное офицерам флота. Но те источники, которыми он сам питался, Мэхен и Коломб, к которым он прибавлял еще русского генерала Леера, были очень недостаточны для построения теории современной стратегии, стратегии же морских операций в особенности. Не имел он и боевого опыта; ни специального знания техники оружия (не был ни артиллеристом, ни минером, академик-гидрограф по первоначальной специальности). Несмотря на бесспорную одаренность, эти минусы сказывались. Теории морской стратегии он не создал. Полезным дополнением к курсу Кладо были лекции, лучшего тогда офицера Морского Генерального штаба капитана 2 ранга А. В. Колчака. В его кратком курсе (12 лекций) «Службы Морского Генерального штаба» {35} было больше стратегии, [302] общей и морской операций, чем в длинном курсе Н. Л. Кладо {36}. Но Колчак ограничился упомянутым кратким сообщением, сделанным однажды, и перестал читать лекции в академии, уйдя одновременно и из Морского ген. штаба (командовать кораблем). Два других основных курса — «Морская тактика» и «Русско-японская война» — были поручены «молодым», первый — лейтенанту А. Бубнову, тогда очень молодому, но и очень способному офицеру, второй — мне. Я разработал свое «Стратегическое исследование русско-японской войны» в Историческом отделении Морского Генерального штаба, на основе архивных материалов. Курс мой имел успех и у слушателей и у руководителей Военно-морской академии. Мое изложение и моя критика деятельности во время войны (1904–1906 годов) Морского министерства и командования флотом были совершенно свободны и били по ним сильно. Мне в этом никто не помешал за все годы моих лекций (1910–1914 годы). Это было следствием гуманности и здравого смысла начальника Военно-морской академии генерала Г. И. Шульгина, подчинения Военно-морской академии Морскому Генеральному штабу, личных свойств нового морского министра адмирала И. К. Григоровича, таких же, как и генерала Шульгина, и главное — следствием господствовавшего общественного мнения, осудившего «цусимских» деятелей. Этот первый мой научный труд, написанный очень давно, очень молодым и не имевшим еще боевого опыта офицером, вследствие того, что он был разработан на основе первоисточников, архивных документов, не потерял всей своей ценности еще и теперь, но он весьма меня не удовлетворяет теперь в тактической части исследования и изложения. Сознавая его несовершенство, я тогда отказался от его издания, только слушателям за свой счет выдавая литографированные его оттиски в качестве учебного пособия. Тем не менее за этот труд я получил ученую первую степень. [303]

Лейтенант А. Бубнов тоже читал с успехом и создал первый курс тактики флота, легший в основу последующих ее курсов в академии.

Читали лекции с пользой и другие офицеры Морского Генерального штаба — лейтенант М. Римский-Корсаков («Организация флота»), лейтенант В. Черкасов («Тактика», оружие), лейтенант Капнист («Тактика», принципы). По предметам не основным (теория корабля, международное право, политическая экономия и др.) читали первоклассные специалисты, академик А. Н. Крылов и другие.

Сразу же были организованы солидные практические работы слушателей, военно-морская игра и крупные самостоятельные работы на стратегические и тактические темы. Для них было уделено значительное время: весь третий год обучения («дополнительный курс», для лучших слушателей) и крупные части времени 1-го и 2-го года. Это были важные составные части курса.

Такова была наша Военно-морская академия в своем зародышевом состоянии. Несмотря на очень еще недостаточное тогда развитие своих дисциплин, кафедр, и метода обучения, она сразу начала приносить большую пользу. В нее отбирался цвет молодого тогда офицерства, обнаруживались в ней, и благодаря ей, один за другим, способные, талантливые, энергичные люди. Она сделала до войны и в период войны лишь 2–3 выпуска, и штабы флотов совсем преобразились, а в значительной мере и командование флотом. Штабы, оказались много лучше того, чем были в русско-японской войне.

Я нашел в ней впервые признанное и ответственное дело. По решению конференции мы, молодые преподаватели, сами сдали зачеты по курсу слушателей, экзаменуясь друг у друга. Так волей судьбы, я окончил Военно-морскую академию, не имея права в нее поступить. Интересные живые черты и характеристики дела и людей в Военно-морской академии того времени. Конкретно о недостаточности ее дисциплины и курса тогда. Наоборот, некоторые хорошие практиковавшиеся тогда и забытые теперь ее методы. [304]

Глава 6.

Морской Генеральный штаб в 1911–1912 годах; главные его работы и их характеристика
Третий начальник Морского Генерального штаба, адмирал князь Ливен.

Состояние кадра Морского Генерального штаба к моменту его назначения: самые способные и активные офицеры, создатели Морского Генерального штаба, деятельностью реакционных сил «цусимского» ведомства рассеяны, удалены из него. Но молодое учреждение уже практически доказало свою полезность, прямую необходимость в руководстве плавающим флотом, строительством нового флота, всей деятельности Морского министерства. Новый морской министр адмирал И. К. Григорович, понявший это, оперся во всех важнейших делах на Морской Генеральный штаб. Адмирал князь Ливен, новый начальник Морского Генерального штаба, по свойствам характера и образования был как раз на своем месте. Благодаря ему и некоторым новым людям, пришедшим на место ушедших «активистов», Морской Генеральный штаб продолжал работать активно и фактически повел за собой все Морское министерство.

Доработка программы строительства флота, «программа судостроения 1912–1919 годов» и «Закон о флоте». Проектирование и начало строительства Ревельского порта, Ревельский крепости, укрепленной Нарген-Поркалаудской позиции флота, расширение Кронштадтского и Гельсингфорского портов. Дополнительная Черноморская программа судостроения и ответ на усиление турецкого флота под руководством немцев. Реорганизация тактических организмов плавающего флота и его обучения. Реорганизация командования плавающим флотом и его штабов, и его базы портов. Учреждение должностей «начальников морских сил» по морям, с новыми полномочиями, новой организацией их штабов, и должностей «начальников штабов» и «главных командиров портов» по морям, также с новыми полномочиями и обязанностями. Улучшение комплектования флота, увеличение процента сверхсрочнослужащих некомандного состава и лучшее их материальное [305] обеспечение. Расширение Морского училища и учреждение параллельного другого — «Гардемаринских классов», с демократизацией пополнения обоих и с некоторым улучшением учебных программ.

Строительство новых судостроительных заводов, расширение прежних судостроительных и других военно-морских заводов. Проектирование и производство нового морского оружия, артиллерийских орудий и снарядов, порохов, мин заграждения, торпед. Выработка, на основе черноморских опытных стрельб, новых правил артиллерийской стрельбы; аналогично — торпедной стрельбы. Весьма удовлетворительная работа учебных артиллерийских отрядов, особенно балтийского, и хорошо проводимые артиллерийские стрельбы в плавающих флотах. В результате по артиллерийской стрельбе русский флот, непосредственно перед мировой войной, стоял высоко: обладая превосходными по тому времени собственными методами артиллерийской стрельбы и хорошо в них натренированными артиллерийскими офицерами, комендорами, экипажами судов. Параллельный такой же прогресс в торпедных стрельбах, минно-заградительном и тральном деле.

Организация и проведение Морским Генеральным штабом маневров флотов на основе оперативных планов.

Продолжающаяся работа Морского Генерального штаба над типом новых «линейных кораблей» и других боевых судов. Работа над мобилизацией коммерческого флота. «Закон о военно-судовой повинности». Организация опытов в Черном море (испытание артиллерийским огнем корабельного отсека на блокшиве «Чесма») для проверки проектов

новых «линкоров» и разработки следующих. Деятельность по обеспечению флота боевыми запасами, углем и нефтью и другим снаряжением.

Деятельность новых военно-морских кафедр Морской академии. Переработка Морского устава.

Разработка плана войны, планов кампаний и планов операций к 1912–1913 годам.

Организация мобилизационной работы и учреждение мобилизационных органов.

Изучение иностранных флотов. Организация разведки и многое другое. Это — положительные итоги [306] деятельности за этот период Морского Генерального штаба, главных управлений Морского министерства, начальников морских сил и строевых флотов, специальных учебных отрядов, Морской академии, морских училищ, портов, судостроения, артиллерийских и других военных заводов. Общий подъем русского флота и прогресс во многих важных частях его боевой готовности и жизнедеятельности; удовлетворительное начало восстановления русской морской силы после предшествовавшего ее упадка и разгрома в Японской войне.

Не изжитые отрицательные явления, главным образом в строительстве флота. Дороговизна постройки судов, в 1,5 раза сравнительно с германской. Медленность постройки их, в 2 раза сравнительно с германской и английской. Крупные недостатки в типах новых судов, особенно кораблей (линкоров). Положенные в основании первой их дивизии кораблей типа «Петропавловск», тактико-технические элементы, принятые под впечатлением личного боевого опыта участников русско-японской войны, без проверки их специальными научно-техническими опытами и сверки с параллельной деятельностью передового иностранного судостроения, оказалось ошибочными; бронирование кораблей и подводная защита корпуса недопустимо слабы. Произведенные с запозданием специальные опыты в Черном море, полностью обнаружили этот дефект. Тем не менее после ряда колебаний приняли бесхарактерное решение: не переделывать первую дивизию кораблей (линкоров) и продолжать строить вторую по типу «линейных крейсеров» и по прежнему проекту, учтя полученные опытами выводы лишь для третьей дивизии. Недопустимые явления при производстве главной артиллерии кораблей (линкоров): разрешение Обуховскому заводу изготовлять их из обыкновенной углеродистой стали, что сводило на нет высокие данные их проектов, и тому подобное.

Где коренились причины этих и других отрицательных явлений русского судостроения того времени?

Некоторые другие дефекты в деятельности Морского Генерального штаба в эти годы: разработка проектов и организация Ревельской крепости и порта посредством комиссий, применение того же негодного метода при [307] продолжающейся переработке Морского устава и написании истории русско-японской войны. Следствия этого метода.

Слабая разведка.

Неплохое изучение иностранных флотов, но отсутствие заботы сделать результаты его общим достоянием штабных (офицеров).

И наиважнейшее: несмотря на высокие личные качества начальника Морского Генерального штаба, как такового, и хорошую разработку предварительных оперативных соображений, план войны все-таки оказывался неудовлетворительным.

Он исходил из обстановки войны Франции и России против Германии и Австрии при нейтралитете Англии. Складывавшаяся же международная обстановка была другая, с участием Англии как главного военного противника Германии. Учет этого фактора должен был повести к коренной переделке плана.

Другая крупнейшая стратегическая ошибка Морского Генерального штаба в этот период, это опоздание в проектировании проведения и осуществлении черноморской программы судостроения. В следствии ее Россия должна была потерять на 2–3 года (1913–1916) преобладание на Черном море. Принятые в 1912 году к устранению этой серьезной стратегической (ошибки) меры были недостаточны.

Ошибки эти были обусловлены оторванностью Морского Генерального штаба от международной политики правительства. Создать тесный контакт, живое взаимодействие между деятельностью Морского Генерального штаба и министра иностранных дел, а также между морским и армейским Генеральными штабами было тогда не просто: верховная власть была слишком слаба. Государственная дума имела на эти важнейшие государственные дела ничтожное влияние, министры не объединились в своей деятельности почти никем.

Этот разброд и безголовье привели к преждевременному, невыгодному России, началу «мировой» войны. Какие же следствия во время ее имели указанные стратегические ошибки Морского Генерального штаба, я отмечу далее. [308]

Глава 7.

В Морском Генеральном штабе, в Оперативном отделе — начальником Черноморской оперативной части (1913–1914 годы)

Новый (третий) начальник Морского Генерального штаба адмирал Ливен, привлек меня в штаб и назначил во вторую, Черноморскую, оперативную часть. Начальник этой части, старший лейтенант В. Дмитриев, собирался вскоре уходить, получая желательное ему назначение военно-морским агентом в Париж, и я предназначался его заменить.

Начало здесь моей деятельности. План кампании на Черном море, разработанный В. Дмитриевым: его характеристика. Угроза потери господства на Черном море. Итоги Балканской войны. Записка второй оперативной части о политических задачах России при ликвидации Балканской войны. Агрессивная деятельность Германии в Константинополе. Растущая угроза коренным интересам России на Ближнем Востоке.

Несоответствие между разрабатывавшимся Морским Генеральным штабом до того планом войны и внешнеполитической деятельностью русского правительства и министерства иностранных дел: а также несогласование планов Генерального штаба Армии и Морского Генерального штаба в конце 1912 года. Принятию мною в этот момент должности начальника второй оперативной части. Доклад «Программа работ» (краткое содержание).

Почему я его представил. Установление полного единомыслия со своим начальником адмиралом Ливеном. Установление полного контакта в деятельности и единомыслия с Министерством иностранных дел, полная личная поддержка со стороны министра иностранных дел С. Д. Сазонова в отношении Морского Генерального штаба, адмирала Ливена и лично меня в начатой «черноморской» деятельности.

Доклад морскому министру и, после его утверждения верховной власти, царю основной идеи нового плана войны, согласованной с министром иностранных дел, которую должны положить в основу всех работ Морского Генерального [309] штаба; содержание этой основной мысли; одобрение ее царем.

Ряд мер по усилению Черноморского флота. Дополнительная программа судостроения, вторая черноморская дивизия кораблей (линкоров). Ассигнование 100 миллионов рублей на покупку аргентинских и чилийских дредноутов, которые намеревалась купить Турция. Проведение этих мероприятий через Государственную думу. Переговоры с английским правительством о задержании строящихся в Англии турецких дредноутов.

Разработка нового плана войны. Его основные идеи. Согласование его с Морским Генеральным штабом Франции. Франко-русская военно-морская конференция 1913 года. Начало переговоров о согласовании, насколько можно, стратегических намерений с Англией.

Усиление по оперативной части штаба Черноморского флота. Разработанный им план операций на 1913–1914 годы. Разработанный мною план операций для нового плана войны. Примененный прием сохранения его тайны. Проект расширения Севастопольского порта и его утверждение. Усиление Севастопольской крепости. Работа по организации транспортной флотилии Черного моря на мобилизации.

Необходимость согласовать стратегические планы с Генеральным штабом армии. «Особое совещание» под председательством О. Д. Сазонова.

Руководящая идея нового плана войны, представленная верховной властью Морским Генеральным штабом и министрами морским и иностранных дел, и ею утвержденная, заключалась в следующем: в основу всех работ по строительству и подготовке к войне флота положить цель, положительно для России разрешить вопрос о выходе из Черного в Средиземное море, в том случае если начнется большая европейская война и Турция выступит на стороне противника России. К 1917–1919 годам в Черном море была бы готова эскадра в 8 кораблей (линкоров), а в Средиземном море (по этому плану) должна была быть сосредоточена другая, также в 8 кораблей (линкоров) из Балтийского флота, Франция, по достигнутому соглашению, предоставляла России для балтийской эскадры в [310] Средиземном море свой военный порт Бизерту. В случае европейской войны этот флот (в 16 кораблей) «линкоров» с соответственным числом крейсеров, эскадренных миноносцев, подводных лодок и авиации, и с двумя крупными десантными армиями, на двух берегах проливов должен был овладеть намеченным объектом, какие бы обстоятельства на других фронтах не проходили. На западном фронте — активная оборона. В Финском заливе одна дивизия дредноутов (четыре типа «Петропавловск») и старые корабли на укрепленной позиции обороняют столицу. Начатые планомерно работы имели в виду срок готовности к войне 1917–1919 годов.

Необходима была соответствующая сухопутная часть дела. Для первого обмена мнениями по этому коренному вопросу между Генеральными штабами армии и флота и было собрано упомянутое «Особое совещание» под председательством министра иностранных дел С. Д. Сазонова. При этом директивой для его работы должна была служить уже одобренная царем означенная основная идея нового морского плана войны. Совещание выявило то, что инициаторы его предвидели вперед: полное несоответствие армейского плана новому морскому. План Генерального штаба армии предусматривал наступление на западном фронте на Австрию и Германию (вместо активной обороны). Лишь после разгрома Германии и Австрии можно было, по его плану, приступить к Константинопольской операции. План, выгодный для Франции и Англии, но пренебрегающий государственными интересами России и бездумный по отношению ее народов, которым предстояло в тяжелых наступлениях отдать миллионы жизней (и гибельный для царской империи). Происшедший обмен мнений не разубедил руководителей Генерального штаба армии, но и не обескуражил вполне сторонников нового, другого плана войны. Предстояла борьба мнений, в которой на нашей стороне была личная воля царя. Судьба, однако, решила против нас.

Уже во время упомянутого совещания отсутствовал адмирал Ливен, серьезно заболевший. Скоро после того он умер. Вторая оперативная часть Морского Генерального штаба лишилась главной своей поддержки. Новый [311] начальник Морского Генерального штаба адмирал А. Русин (краткая его характеристика) был совсем другим человеком. Ознакомившись с начатой мной работой, он прямо заявил: «Я с Вашим планом не согласен». К нему присоединился бы и помощник начальника Морского Генерального штаба, капитан 1 ранга Ненюков, человек того же типа, что и адмирал Русин. Образовался против начатой работы «единый фронт»: начальник Морского Генерального штаба, начальник Генерального штаба армии и его генерал-квартирмейстер. Несмотря на поддержку министров иностранных дел продолжать начатую работу в Морском Генеральном штабе оказывалось невозможным. Я обратился к морскому министру и просил освобождения от оперативной деятельности и назначения в строй флота. Министр сначала не соглашался, но встретив твердость, сделал распоряжение о моем назначении командиром судна 2 ранга. Не успел я принять командование, как разразился австро-сербский конфликт. На решающем совете министров военный и морской министры, под давлением возбужденного общественного мнения, вопреки действительному положению дел, доложили, что армия и флот готовы для войны, и было принято решение о мобилизации. В ответ на него последовала германская мобилизация. Россия и Германия втягивались в войну стихийно. В этот момент в русском Совете министров не оказалось людей, которые настойчиво и твердо сказали бы, что Россия к войне с Германией не готова, что вступать ей в данном положении

в войну бесперспективно и, быть может, гибельно, а отложить войну, найдя компромисс с Германией, возможно.

Глава 8.

В Ставке верховного главнокомандующего и на Черноморском действующем флоте при адмирале Эбергардте

Вскоре я был в составе Военно-морского управления штаба верховного главнокомандующего, оперативным штаб-офицером по черноморской части. После двух лет [312] чрезвычайно напряженной и нервной работы, почти безделье в местечке Барановичи, на скрещивании железных дорог в направлении на восточную Пруссию и Австрию, далеко в тылу, сражающихся на фронте боевых частей, в комфортабельном купе «морского» вагона одного из трех поездов (эшелонов), в которых разместились Ставка. Состав военно-морского управления: начальник адмирал Ненюков, бывший помощник начальника Морского Генерального штаба, два штаб-офицера, по балтийскому флоту, А. Бубнов, по Черноморскому — я, и третий — великий князь Кирилл Романов, выразивший желание быть в этом управлении. Его номинально назначили вместо меня по Черноморскому флоту, а меня ему помощником. Адмирал Ненюков держался мудрости не мешать командующим флотами и их штабам действовать самостоятельно. Очень редкие (2–3) данные им приказы Черноморскому флоту без меня и помимо меня, директивы сводились к осторожным советам «не рисковать»: он рекомендовал бой лишь в случае инициативы германо-турок и вблизи Севастополя. Прошли перед глазами первые армейские операции: эксцентрическое наступление русских армий в Пруссию и в Австрию (очень торопились помогать французам), разгром двух наших армий германцами, приостановка наступления остальных австрийцами, начало общего наступления германо-австрийцев на польском театре. Беспомощность нашего верховного главнокомандования, управляющего только директивами издалека. Первые удачи союзников: блестящая Марнская операция французского главнокомандующего генерала Жоффра и отступление австро-германского фронта от Ивангорода, и наше преследование (неплохое дело). Во время подхода немцев к Ивангороду я был в нем, в командировке, с целью оказания помощи жалкой крепости (глиняные форты и устаревшие пушки) морскими средствами: орудия, мины, гвардейский экипаж в качестве пехоты, вооружение пароходов на Висле; инициатива эта была от коменданта крепости, бывшего порт-артурского офицера, инженера, генерал-майора Шварца. [313]

Первоначальные боевые операции в Черном море, линейный крейсер «Гебен» появляется в море, но боя не принимает, уходит, наша бригада устаревших «эскадренных броненосцев» преследует, но имея 15–16 узлов против 28, догнать, конечно, не может. Общественное мнение, привыкшее к давнишнему господству русского флота на Черном море, недовольно. Оно было неправо в отношении адмирала Эбергардта, ибо один дредноут был сильнее трех стареньких наших корабликов, «эскадренных броненосцев», а адмирал Эбергардт не уклонялся от боя. Но оно было бы совершенно право, если бы обвинило Морской Генеральный штаб и Морское министерство, допустивших, хотя бы только временную (до вступления в строй наших дредноутов) потерю преобладания нашего флота на Черном море. Лично я высказывался за более решительные действия, даже очень слабого, нашего Черноморского флота. По составу сил я был неправ. Но по существу был прав: адмирал Сушон боялся нашей старой бригады и уходил от нее.

Союзники начали Дарданелльскую операцию с решительным намерением занять Константинополь. Эта операция англичан (инициатива Черчилля) была направлена столько же против Германии, сколько и против России. Помимо своего штаба и вопреки его военно-морскому управлению, адмиралу Ненюкову, верховный главнокомандующий Николай Романов поставил вопрос о наступлении Черноморского флота к Босфору. Вызвал меня к себе и командировал меня со своим личным письмом к адмиралу Эбергардту. В письме было сказано, что мои словесные указания суть его директивы. Цель моей командировки: наступление к Босфору, бомбардировки его фортов и прорыв в Константинополь, если бы

союзники прорвались через Дарданеллы. Своеобразное напутствие адмирала Ненюкова (угрозы мне). Я у адмирала Эбергардта, помимо его штаба. Адмирал полностью со мной солидаризируется.

Выход Черноморского флота. Бой с «Гебеном». Преследование его, «Гебен» ушел в Босфор. Вторая операция: бомбардировка Босфора в присутствии «Гебена», не принявшего опять боя. Третья операция: бой с «Гебеном» у [314] Босфора. «Гебен» получает несколько тяжелых снарядов и уходит в Босфор. Оценка этих операций Черноморской старой бригады. Неудачи союзников в Дарданеллах. Отмена привезенной мной адмиралу Эбергардту директивы верховного главнокомандующего, через распоряжение царя, по докладу адмирала Ненюкова. Моя просьба у верховного главнокомандующего уволить из штаба и дать корабль в строю. Исполнение моей просьбы Н. А. Романовым. Получение мною в командование «на фронте» «боевого» корабля: не имевшего никакой боевой ценности, совершенно устаревшая посуда, стоявшая в тылу, в Одесском порту, канонерской лодки «Донец». Обещание адмирала Эбергардта дать в скором времени нефтяной эскадренный миноносец.

Глава 9.

Командир канонерской лодки «Донец», потом начальник 5-го дивизиона эскадренных миноносцев (угольных), под командованием адмирала Эбергардта

После нескольких месяцев командования старой канонерской лодкой на тыловой позиции, предложение принять в командование 5-й дивизион эскадренных миноносцев угольных в 356 тонн водоизмещения, тоже старых, но действовавших в боевых операциях. Я принял назначение. Явился к командующему. Некоторые живые подробности. Вступление в это командование.

Боевые операции 5-го дивизиона эскадренных миноносцев и вскоре соединенных 4-го и 5-го, под моим командованием, в подчинении адмирала Эбергардта (1915 год) — против морской торговли. В охранении эскадр (в строю Черноморского флота появились дредноуты) и транспортных флотилий. Со старой бригадой кораблей в помощь Кавказской армии на ее фронте. Некоторые интересные живые черты этих боевых действий. Оценка их. Общий ход операций адмирала Эбергардта в 1917 году и оценка их. Краткая характеристика этого [315] адмирала как флотоводца. Оценка командованием деятельности начальника 5-го дивизиона эскадренных миноносцев.

Глава 10.

В годы Мировой войны

Смена адмирала Эбергардта адмиралом А. В. Колчаком. Причины ее и оценка этих причин. Прибытие нового командующего и его первые операции. Как встретил его флот. Личное мое отношение на основе служебного знакомства по Морскому Генеральному штабу. Краткая его характеристика. Вызов меня с эскадренными миноносцами (4-й и 5-й дивизионы) в Севастополь. Встреча в море. Назначение меня начальником 1-го дивизиона эскадренных миноносцев (нефтяных, 1100 тонн водоизмещения): высокая боевая награда, лучшая боевая часть во флоте. Характеристика судов и экипажей этого дивизиона.

Первая боевая операция на нем: задание (рискованное), краткая подготовка, выполнение.

Полный успех: минное заграждение в районе неприятельской крепости, близко под батареями Босфора, поставлено точно и сверх того, приведен пароход, взятый из-под батареи, хорошо груженный. Положительная оценка командующего. Некоторые интересные живые черты этой операции. Георгиевская награда — «Золотое оружие».

Ряд таких же операций в течение следующих месяцев (лето, осень и зима 1916 года): усиление и поддержание поставленного при адмирале А. В. Колчаке мощного минного заграждения, закрывшего Босфор. Так как мне эти операции удавались, то начальник минной бригады и командующий флотом почти всегда поручали их мне. Один раз ходил для этого в Босфорский район начальник минной бригады, причем я, одновременно и самостоятельно, ставил мины в другом пункте того же района: один раз там же и такую же операцию выполнил 5-й, бывший мой, угольный дивизион эсминцев, лейтенант Катрухин, что для него было еще рискованнее, чем для нефтяных эскадренных миноносцев. Все

остальные [316] постановки минного заграждения в районе Босфора эскадренными миноносцами (6 раз) были сделаны под моим командованием; иногда под огнем батарей, большей частью — скрытно. Я ходил для этого туда и с эскадренными миноносцами своего дивизиона, 1-го, и с эскадренными миноносцами 2-го дивизиона (нефтяного) и 3-го (большие угольные в 615 тонн). Все операции эти были точны и успешны. Неприятель тралил, но мы ставили снова, и его суда подводные лодки и др. взрывались на наших минах. Блокада Босфора в значительной мере стала реальной. Моя боевая деятельность получала достойную оценку сверху (командующий флотом и верховный главнокомандующий) и признание среди подчиненных. Командиры и экипажи вверенной мне части были превосходны. Суда, правда лишь одного дивизиона, 1-го, моего, были материально, технически, очень хороши (2-го и 3-го были неудачного типа).

Содержались все эскадренные миноносцы в образцовом порядке. Дисциплина — безупречная; привычка к морю экипажей полная. Все работы и операции, все приказания исполнялись легко, с подъемом, с бесстрашием в опасностях. Военному человеку нельзя забыть такой боевой части и таких людей, подчиненных, какие действовали тогда со мной. Характеристики.

Счастливый тогда и в частной личной жизни (семья), я переживал лучший год своей жизни и был «человеком на своем месте».

Кроме босфорских минных операций, эскадренные миноносцы выполнили со мной и многие другие операции: минные заграждения в других пунктах, охранение главных сил флота, сопровождение транспортов, поддержка сухопутных частей, авиации. Краткая характеристика их.

Взрыв и гибель корабля «Императрица Мария». Наблюдения. Объяснение. Адмирал А. В. Колчак во время аварии. О мнении академика А. Н. Крылова.

Общая характеристика замыслов (планов) и деятельности черноморского флота при адмирале А. В. Колчаке; некоторые живые черты ее и, упомянутых только что выше, боевых дел. Оценка. [317]

Глава 11.

Февральская революция. Командование Черноморской минной дивизией (весна и лето 1917 года)

Революционного движения, брожения в массе черноморских экипажей в годы войны, и в 1917 году в том числе, почти совсем не было. Боевая деятельность флота, в целом, была не тяжелой для привыкших к морю экипажей. Снабжение флота и судов и экипажей было хорошим. Черноморский участок общего русского фронта, хотя не был вполне пассивным, но относительно легким участком военной борьбы. О фактической тяжести этой войны с палуб черноморских кораблей можно было тогда судить, лишь обладая стратегически и политически вооруженным глазом. Колоссальные жертвы кровью, бесплодно приносившиеся на громадных армейских фронтах бездарным военным командованием: беспомощность правительства разрешить вопросы технического снабжения армий (боеприпасами и многое другое), продолжающиеся, ненужные России, попытки крупных наступлений на западном фронте, то есть новые жертвы сотнями тысяч жизней, только для спасения французов и англичан; на 3/4 экономическая блокада России, у которой остались свободны лишь порта Дальнего Востока и приполярного севера; инфляция, падение покупательной силы денег, появляющиеся в газетах первые сведения о продовольственных затруднениях в городских центрах. Все это, вместе с придушенным в предыдущие годы, но не раздавленным, революционным движением в стране и резкой оппозиционностью буржуазных классов по отношению к царю и его правительству. В совокупности вооруженному глазу рисовалась картина опасного положения страны. Но, как я говорил, в строевых частях флота и в портах все было спокойно; ни экипажи, ни командный кадр не замечали надвигающейся грозы.

Поэтому официальное оповещение об отречении от власти царя и передачи им власти Временному правительству для Черноморского флота явилось, как молния из лазурного неба.

В течение 2–3 дней все примолкло: все старались осилить мыслью, понять происшедшее и происходящее. [318]

А затем быстро, как от искры, брошенной в кучу сухих листьев, начало расти в рабочих и морских массах революционное движение. Временное правительство присылало своих представителей, «уговаривающих». Их приветствовали. «Правительству» этому присягнули. Но все это только потому и до тех пор, пока между буржуазными и социалистическими лидерами сохранялась хотя бы видимость единства: массы шли только за левыми — С. Р. , С.Д (м) и С.Д (б), большинство в Черном море — за С. Р.

Командующий флотом, большинство адмиралов и капитанов в беспомощном положении. Сделанный мне из штаба адмирала Колчака запрос относительно судовых комитетов. Имея опыт 1905–1906 годов в Черном море, оценивая происходящее как решительную революцию, я посоветовал не только ввести комитеты, но поторопиться их ввести. Комитеты были адмиралом Колчаком введены. Это спасло черноморское офицерство от того истребления, которому подвергалось в эти дни офицерство Балтийского флота. Ни один человек не был тогда убит в Черном море.

В эти дни (без предварительного опрашивания меня) я был назначен начальником Черноморской минной бригады. Со вступлением в строй всех нефтяных эскадренных миноносцев бригада разрослась (3 нефтяных и 4 угольных дивизиона) и должна была быть переименована в дивизию.

Боевые действия продолжались. Капитаны, комитеты, офицерские кадры, наезжавшие представители Временного правительства из всех сил старались сохранить дисциплину. До некоторой меры удавалось смягчить процесс ее разложения, но он безостановочно продолжался.

Главный энтузиазм команд проявлялся на митингах. На них обсуждалось все, и все решалось голосованием, начиная с таких неотложно-практических вопросов, как очередной выход кораблей в море для боевой операции, и кончая общими вопросами морали, философии, религии. Много наивного, много трогательного было в этом общенародном порыве, первоначальном политическом обучении, и много мучительного для офицерского кадра старого флота. [319]

Поездка в Петроград в выборной делегации от Черноморского флота. Официальная встреча делегации с Временным правительством. Лично мои встречи с Милюковым, Гучковым и тогда морским министром адмиралом М. Кедровым. Несмотря на проявлявшийся Милюковым (но не Гучковым) оптимизм, вынесенное впечатление безотрадное: фактически правительства нет.

Отношение ко мне команд, по памяти моей судебной защиты в 1906 году, которую тут вспомнили, и по авторитету (боевому), который у меня был на дивизионах, эскадренных миноносцев, было добрым. Но боевому офицеру больно было видеть разложение любимых и так недавно образцовых боевых частей.

На делегатских собраниях я выступал лишь в случаях крайних: когда надо было кого-нибудь или что-нибудь очень дорогое, отстаять, защитить, сохранить. Примеры и живые черты, как тогда приходилось командовать.

Наиболее спокойно бывало в море, перед лицом неприятеля. Здесь, на моих дивизионах, дисциплина держалась. Но перед выходом в море, судовые комитеты выносили такие, например, резолюции после получения боевого задания: «Если начальник бригады пойдет сам с нами, то идем, в противном случае не желаем». Пойти в море для боевой операции с каждым дивизионом было для меня только удовольствие, и я шел. Но это была уже не военная дисциплина, а что-то от нее далекое, хотя и при добрых отношениях между начальником и экипажами. Операции в это время на фронте. Характеристики. Живые черты.

Разрыв между массой экипажей и командующим, адмиралом Колчаком. Освобождение его от должности и отъезд. Временно его заменил старший из флагманов, адмирал Лукин.

Глава 12.

Командующий Черноморским флотом (1917 год)

Вызов меня в Петроград правительством Керенского. Адмирал А. В. Колчак, уезжая с заданием Временного правительства в Америку (США), указал на меня, как на своего заместителя в Черном море. [320]

Поставив меня в известность о таком предложении, А. Ф. Керенский пригласил меня проехать с ним в Ставку верховного главнокомандующего, где должны были решаться серьезнейшие вопросы о состоянии армии и о продолжении войны. Там же должен был быть решен вопрос моем назначении. Я в беседе с А. Ф. Керенским интересовался только одним вопросом, могут ли быть приняты правительством действительные меры для ограждения дисциплины в военных частях. Ответ на этот вопрос был равносильен ответу на вопрос, существует или нет власть Временного правительства? А. Ф. Керенский, производивший на меня впечатление человека благонамеренного, лично порядочного и одаренного, не носил в себе той страшной силы, которая берет на себя решение о жизни или смерти других. Он говорил о предстоящем введении полевых судов на фронте и в то же время о том, что никогда не подписал и не подпишет ни одного смертного приговора.

Два заседания в Ставке верховного главнокомандующего.

1). Дельный доклад о положении на фронте генерала Брусилова. Его краткая характеристика. Утверждение генералом Брусиловым моего назначения командующим Черноморским флотом.

2). Собрание главнокомандующих генералов Алексеева, Рузского, Клембовского, Деникина, Корнилова, меня.

Заседание под председательством генерала Алексеева. Заседание, прошедшее главным образом в упреках по адресу правительства со стороны генерала Деникина и парировании их А. Ф. Керенским, никакого решения не дало, выявило только взаимное непонимание руководителей правительства и руководителей армии и отсутствие какой-либо твердой программы действий у обеих сторон.

Среди участников заседания были Б. Савинков и генерал Корнилов. Эти люди держали себя сдержано. Но у них была своя программа. Первый ее пункт: не останавливаясь перед суровыми мерами, восстановить воинскую дисциплину в армии.

Генерал Корнилов был назначен верховным главнокомандующим. Я избрал начальника штаба (адмирала [321] М. Саблина), принял в Черном море флот и вслед за тем был у нового верховного главнокомандующего. То что он мне сказал, полностью меня удовлетворило: 1) на австро-германском фронте оборона; 2) на Черноморском — наступление и занятие проливов и Константинополя; 3) твердые меры по ограждению воинской дисциплины; 4) решив константинопольскую задачу, немедленно — мир с Германией.

Наконец, единственно правильный для России в этой войне план кампании был намечен верховным главнокомандующим. «Лучше позже, чем никогда», но не поздно ли? Насколько я понимал тогда генерала Корнилова, он верил, что еще можно выйти из положения. Верил и я.

Я начал готовить операцию и флот к ней.

После введения военно-полевых судов дисциплина несколько улучшилась. Еще была, казалось, надежда, выйти из войны удовлетворительно для России и сохранить ее. Скоро новый удар молнии отнял эту, последнюю надежду: разрыв между генералом Корниловым и правительством Керенского. Телеграмма от генерала Корнилова — не подчиняться А. Ф. Керенскому, телеграмма от Керенского — не подчиняться генералу Корнилову, со взаимными обвинениями в измене. Собранный мной совет флагманов и капитанов высказался за генерала Корнилова. Я это предвидел и потому их собрал. Выслушав высказавшихся, я объявил: «Черноморский флот присягал Временному правительству и

остается ему верен». Это было объявлено по радио во все части. Капитаны и флагманы повиновались. Единство флота на этот раз было сохранено.

Заменивший генерала Корнилова генерал Духонин готов был, насколько меня осведомил, следовать намеченному генералом Корниловым плану, но я больше в дело не верил: снова быстро нараставшее революционное движение, в экипажах, в порту, в городе, явно приближало вторую революцию. Происшедшие в эти месяцы боевые действия, основные факты и некоторые живые их черты. Появление в море «Бреслау». Заранее мною выведенный флот у Босфора отразил его, все три прохода через минное заграждение заняты мной. «Бреслау» на [322] горизонте, но прорваться ему нельзя. Готовлю, торжествуя, атаку. В это время на одном из кораблей (линкоре) команда связала командира, корабль бросил позицию и двинулся в Севастополь. В открывавшийся проход проскочил «Бреслау». Этот случай был уже после Октябрьского переворота в Петрограде. В Севастопольском совете рабочих и матросских депутатов большинством все еще были социалисты-революционеры.

После упомянутого случая в море при встрече с «Бреслау» я попросил к себе председателя рабочего и матросского комитета и сказал ему, что я с должности ухожу.

Мой собеседник в ответ мне заявил, что комитет меня не освобождает.

Черноморский флот незадолго перед тем (без моей инициативы) был подчинен главнокомандующему на Румынском фронте. Я отправился по железной дороге к нему. Доложил о невозможности дальше командовать. Я имел в виду возвратиться в Севастополь. Доказательства тому — оставленная в Севастополе семья: жена и все дети, 8 человек. Семья всегда была для меня дороже жизни: я бы не оставил ее в Севастополе, если бы предполагал бежать.

Стоило, однако, мне уехать из Севастополя, как в нем произошла кровавая расправа с группой офицеров. А приказом из Петрограда, за подписью Раскольников и Дыбенко, я был объявлен дезертиром и приговорен заочно к расстрелу.

С большим трудом собрав семью, я далее имел возможность ехать в Бессарабию (за границу), где было у меня родовое имение (моих 150 десятин), мог присоединиться к белым войскам. Я отверг то и другое. Пробыл год на Украине. Убедился, что русский народ пошел за партией с. д. большевиков, и явился в распоряжение советской власти (в Одессе): жизнь в России или смерть, но не эмиграция. По решению В. Л. Ленина, мне была оставлена жизнь и дана возможность участвовать в обороне родины. [323]

Глава 13.

Начальник штаба корпуса Красной Армии Южной группы войск на Южном фронте Гражданской войны (лето и осень 1919 года)

Большое наступление Деникина. Отход красных фронтов. Занятие белыми Харькова, приближение к Киеву, занятие Николаева, приближение к Одессе. Командующий 45-й дивизией Красной Армии, занимавшей фронт по Днестру (против румын), прибыл в Одессу. Вызывает меня и спрашивает мое мнение о положении дел. Мой доклад. Атака белыми Одессы. Эвакуация Одессы, в том числе штаба Одесского военного округа. Три дивизии Красной Армии окружены в районе Раздельная — река Днестр — Вапнярка — Бирзула. Образуют одну группу под общим командованием Якира. Состояние дивизии, характеристика командиров. Обстоятельства моего назначения начальником штаба группы. Отсутствие оперативного плана у Якира и опасная бездеятельность: его дивизия продолжает стоять на Днестре. Мое предложение — немедленное сосредоточение в районе Бирзулы всех трех дивизий и немедленное вслед за ним движение проселками на север — прорваться к Киеву. (Киев был не занят белыми.) Якир же решается попытаться пробиться по железной дороге на Вапнярку. Выдвинутый им отряд терпит поражение от петлюровских войск и отступает. Потеряно еще несколько дней и создано еще более критическое положение. Командование принимает мой оперативный план.

Отход с Днестра. Сосредоточение у Бирзулы. Организация, отсутствовавшего ранее, обоза. Движение на прорыв. Первый переход. Некоторые живые черты и характеристики.

Исправление главных, обнаружившихся дефектов в походных приемах. Второй переход: несколько лучше. Перестрелка в передовом отряде. Я ранен. Поначалу рана показалась мне легкой. Продолжаю работать начальником штаба в сидячем положении (на автомобиле). Следующие несколько переходов. Сражение с группой дивизии Петлюры за Умань и взятие ее. Трофеи: тысяча пленных, 24 пулемета и 12 орудий. Своего не потеряли ничего. [324] Один день, дневка, отдых. И снова на север, двумя дорогами, с авангардами во все стороны, по 35 верст ежедневно. Красные войска выдерживают этот суворовский ритм. Киев занят белыми. Предлагаю перемену направления, на Житомир с теми же 35 верстными переходами, что командующим и принимается.

Докторов в отряде нет, рану загрязнили неопытные перевязчики. Температура растет: 39, 40, 42 градуса. Лежу с последними остатками сил. Сознание ясное. Продолжаю помогать командующему советами, за которыми он приходил ко мне.

Кризис операции — прорыва: подходим к железной дороге Жмеринка — Казатин, где должны были иметь против себя и Петлюру, и генерала Ванновского из Киева (корпус белых). Мой последний доклад и распоряжения. Температура 42°. Сознание по-прежнему ясное, сознаю, что умираю.

Решающий бой при пересечении железной дороги. Отличная деятельность нескольких командиров полков и бригад, начальника дивизии Федько, комбрига Котовского.

Прорвались. Цель операции достигнута.

Движение к Коростеню, Коростыщеву, Житомиру и Бердичеву на соединение со своими.

Поздравляю командующего и прощаюсь с ним перед отъездом в госпиталь. Предупреждаю против изолированной попытки атаковать белых в Киеве. Через час по прибытии мне делали первую операцию, открыто предупредив, что она, хотя и необходима, опасна по состоянию сердца. Операция спасла жизнь. Вопреки моему предупреждению, Южная группа атаковала изолировано Киев. Заняла его на 2 часа и была выбита и отброшена.

Тяжело еще болею, в Москве, в Солдатенковском госпитале, под наблюдением профессора Р. Розанова. Награждение орденом Красного Знамени.

Деникин под Тулой. Тяжелые дни Гражданской войны и следующий перелом в ее ходе.

Назначение командующим Морскими силами РСФСР (теперешнего Союза). Принятие должности (нога еще в перевязках) и первые дела и распоряжения. Морской комиссариат и штаб командующего в то время. [325]

Глава 14.

Каспий

Каспийская кампания и параллельные другие операции. Сжатое изложение и характеристики. Интересные живые черты и факты по личному наблюдению (1920 год). Каспийский флот белых заблокирован нашей флотилией в Персидском порту. По моему приказанию атакован нашей флотилией и сдался. Каспийское море возвращено родине. И с ним — бакинская нефть, крайне необходимая.

Глава 15.

Азовское море

Азовская кампания (1920–1921 годы) и параллельные другие операции. Сжатое изложение и характеристики. Интереснее живые черты и факты по личному наблюдению. В этой кампании я руководил на месте и выполнял некоторые боевые операции лично. В целом кампания была победоносной, при значительном материальном превосходстве противника (флот белых). Три ее этапа:

1) заграждение Керченского пролива (при наличии в Азовском море сильнейшего неприятельского флота — то есть в тылу у него);

2) перевозка морем (при том же соотношении сил флотов и десант нашей дивизии из моряков, специально для этого мной сформированной);

3) в морском сражении у Обиточной косы (у Бердянска) разгром белогвардейского флота красной Азовской флотилией под командованием комфлота Хвицкого и изгнание белых из Азовского моря.

Азовское море возвращено родине.

Глава 16.

После окончания гражданской войны

Неблагоприятные условия жизнедеятельности флота и морского управления: резкое сжатие по всем линиям. Борьба за сохранение преемственности жизни морской силы страны.

Состояние в то время флота, эта работа [326] беспартийному не по силам. Я прошу меня освободить от должности. Оставление должности командующего Морскими силами РСФСР. Отказ от предложенного заграничного назначения.

Глава 17.

Снова в науке

Отдельные работы по поручению Реввоенсовета РСФСР. Работа в Академии военно-воздушных сил. Лекции по стратегии морских операций, по тактике морского сражения и по истории Мировой войны.

Руководство академией и слушатели оценивают положительно. Получение ученого звания профессора. Возобновление лекций в Военно-морской академии на кафедре истории военно-морского искусства.

Назначение в распоряжение Наркома обороны К. Е. Ворошилова «для особо важных поручений».

Глава 18.

При наркOME обороны

Назначение в распоряжение наркома К. Е. Ворошилова. Начало работы. Тяжелая болезнь. Последний доклад по важнейшему вопросу строительства флота (1930 год). Выбытие на несколько лет из строя из-за очень тяжелой болезни.

Глава 19.

Теперь

Возвращение к работе искалеченным, глухим, начатые военные литературные труды.

Начавшееся продолжение Мировой войны. Ее перспективы, положение в ней Союза ССР и Красного Флота.

Москва, 1940 год [327]

Приложение I. А. Соболев. Гражданская война на Черном море 1918–1920 {37}

Глава II.

Черноморский флот в дни Октября. Разложение армий румынского фронта. Война Румчерода с Румынией. Отход Дунайской флотилии. Наступление немцев на Украину. Петлюра и Скоропадский. Борьба за Одессу. Отход и гибель Красного Черноморского флота.

К моменту Октябрьской революции на Черном море господствовал русский флот. Большое количество минных заграждений, поставленных у входа в Босфорский пролив, в значительной мере закрыли турецко-германским судам выход в открытое море, а ряд столкновений, которые германский крейсер «Гебен» имел с Черноморским флотом, без сомнения, убедили германское командование в Константинополе в бесполезности попыток оспаривать господство на Черном море в открытом бою с линейными силами русского флота. С другой стороны, русская Кавказская армия, углубившаяся далеко в пределы Восточной Анатолии и застрявшая в бездорожных районах Мамахатуна и Эрзинджана, была явно не в состоянии продолжать дальнейшее наступление. Можно считать, что план русских империалистов внедриться в Турцию [330] путем движения от Кавказа — в достаточной мере потерпел фиаско, дав в конечном результате лишь занятие громадного района, мало доступного, и требующего наличия больших сил для своего удержания.

С другой стороны, не было сомнения и в том, что и план движения к Босфору с другой стороны — вдоль Балканского побережья — также не может дать никаких крупных

результатов. Наоборот, разгром германцами Румынии и русской Добруджанской армии еще более отдалил здесь цель. В этот период, для защиты устьев Дуная, достигнутых уже германскими войсками, имелась специальная Дунайская флотилия, оперировавшая на левом фланге Румынского фронта.

Война Румчерода с Румынией. Отход Дунайской флотилии

С момента Октябрьской революции румынское командование заняло явно враждебно Советской республике позицию, открыто поддерживая планы командующего армиями Румынского фронта генерала Щербачева и угрожая выборным солдатским организациям разгромом. Во время стихийной демобилизации войск южных армий Румынского фронта, румынские войска разоружали отходящие русские части, захватывали снабжение и запасы. Все это привело к открытому конфликту Румчерода (Комитет Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа) с Румынией, быстро принявшего форму военных действий. Румынские войска, вторгнувшись в пределы Бессарабии, очень быстро захватили последнюю и начали выдвигаться на линию реки Днестр. Однако сорганизованным частям нашей армии, создаваемым в этот момент Румчеродом, удалось в районе западнее Днестровского лимана задержать наступление противника, а несколько севернее, после боя у Бендер (110 верст к северу от устья Днестра), нанести поражение последнему. Между тем севернее руководимые тов. Муравьевым красногвардейские части 23 февраля 1918 года наносят румынам жестокое поражение у Рыбницы, на Днестре (100 верст северо-восточнее Кишинева), причем нами было захвачено до 40 орудий. Начавшееся несколько позже наступление немецких войск приостановило дальнейшее развитие нашего успеха, и Бессарабия так и осталась в руках Румынии.

В тяжелом положении оказалась наша Дунайская флотилия, находившаяся в период конца Мировой войны в районе [331] Измаила и Тульчи (30 миль вверх по реке). Флотилия в этот период состояла из канлодок типа «Донец» и восьми самоходных барж литеры «Д», вооруженных по одному и по два б» орудия. В момент образования белого фронта из реакционного офицерства Румынского фронта румыны предложили флотилии перейти к белым или разоружиться. Флотилия отказалась выполнить и то и другое и двинулась к морю, но у Вилково, около устья реки, была атакована румынскими мониторами и лишь после тяжелого боя отошла к Одессе.

Наступление немцев на Украину

Мелкобуржуазная Центральная Рада, захватившая власть на Украине {38}, была свергнута повсеместным восстанием рабочих и крестьян. Во главе вооруженного восстания в Киеве стоял арсенал, подавить восстание рабочих которого Центральной Раде удалось лишь после жестоких боев. В то же время, 18 января, из Харькова началось наступление к Днепру частей червонного казачества и Красной гвардии. В январе месяце красные части занимают Полтаву, Кременчуг и Екатернослав, а к [332] 23 числу, под командованием Муравьева, осаждают Киев, внутри которого за две недели раньше начались ожесточенные бои восставшего арсенала с петлюровцами. 24 числа Рада бежит в Житомир и 6 февраля заключает договор с австро-германской коалицией. Германские армии Эйхгорна начинают наступление в пределы Украины. Последняя была важна для австро-германской коалиции как житница, где Германия и Австрия могли достать хлеб для своих изнуренных голодом и полупридушенных морской блокадой союзников. К середине апреля германцы, ведя бой с нашими, тогда еще плохо организованными боевыми частями, достигают Харькова, а к концу этого месяца вторгаются в пределы Крыма.

Эвакуация Одессы

В Одессе в это время из крупных судов Черноморского флота находились: старые линейные корабли — «Синоп», «Ростислав» и «Три Святителя», крейсера — «Память Меркурия», «Алмаз», и громадное количество вспомогательных судов, в том числе бригада траления и транспортная флотилия. В период войны Румчерода с Румынией отряд моряков под командой Околотина действовал на суше, в то время как присутствие флота на рейде города сдерживало контрреволюционные элементы от открытого выступления. При подходе

немцев, в ночь с 13 на 14 марта 1918 года, суда Черноморского флота покидают Одессу и отходят частью в Севастополь, частью в Феодосию. В последней, из команд отошедших из Одессы транспортов, организуются отряды, направляемые в район Херсона и Николаева, для борьбы с наступающими немцами.

Немцы в Севастополе

Приближение германских частей к Севастополю и явная невозможность задержать наступление последних поставили вопрос о выходе флота из Севастополя. Единственным портом, куда мог отойти флот, был Новороссийск, так как Одесса была занята немцами еще раньше, а Батум к этому времени находился уже в руках наступавшей на Закавказье турецкой армии Вехтиба-Паши. Конечно, в Новороссийске не было никаких запасов и надо бы было подумать об его снабжении. Но, пока шли разногласия, немцы уже достигли Севастополя. [333]

29 апреля коморси сигналом объявил о поднятии украинских флагов на всех судах, но часть миноносцев во главе с эсминцем «Керчь» (командир — тов. Кукель) не подчинилась этому распоряжению и в ночь ушла из Севастополя в Новороссийск. Когда вошедшие на следующий день в Севастополь немцы не согласились с поднятием украинских флагов, в наступившую ночь оба дредноута — «Воля» и «Свободная Россия», а также способные к плаванию миноносцы покинули порт, причем последние два эсминца («Дерзкий» и «Беспокойный») выходили с Севастопольского рейда уже под ружейным и пулеметным огнем немцев, а «Гневный», поврежденный снарядами, выкинулся на берег.

Всего в Новороссийске собрались, кроме двух дредноутов, вспомогательный крейсер «Траян», девять «Новиков» («Дерзкий», «Беспокойный», «Пронзительный», «Пылкий», «Поспешный», «Громкий», «Керчь», «Хаджи-Бей» и «Феодониси») и пять угольных миноносцев («Шестаков», «Баранов», «Живой», «Жаркий» и «Стремительный»). В Севастополе остались: шесть старых линкоров второй бригады, бригада крейсеров, три нефтяных и девять угольных миноносцев и 14 подводных лодок. Германцы, заняв Севастополь, принялись за окончательное разоружение флота, забирали различные материалы, но в общем, вначале они не захватывали судов флота, запятые переброской бывших военнопленных с Кавказа и добычей различных необходимых для Германии материалов.

Потопление флота в Новороссийске

Между тем положение флота, собравшегося в Новороссийске, становилось все тяжелее и тяжелее, так как захваченные с собой запасы иссякали, а в самом Новороссийске никаких складов не было. 11 июня Германия предъявила ультиматум о возвращении флота к 19 июня в Севастополь.

У нас было три предположения — 1) идти в Севастополь, 2) затопить суда (что требовалось последней телеграммой из Москвы) или 3) оставаться в Новороссийске, под прикрытием Красной армии Кубаиско-Черноморской республики. Последнее было бы возможно, если бы Центральный Исполнительный Комитет Кубано-Черноморской республики согласился действовать вопреки инструкциям Москвы. Но так как он предоставил флоту действовать по собственному усмотрению, то третье предположение сразу отпало. 16 июня на судах был [334] устроен референдум (всеобщий опрос) с целью выяснить взгляды команд. 939 голосов было за возвращение в Севастополь, 640 за потопление судов и около 1000 воздержалось от голосования.

17 вечером дредноут «Воля» и шесть миноносцев, а также транспорт «Траян» вышли в Севастополь. На остальных судах оставалось слишком мало команды (на «Свободной России» — 100 человек, на миноносцах по 3–10 человек) и лишь на «Шестакове» и «Керчи», твердо стоявших за потопление, было достаточно людей.

«Шестаков» вывел миноносцы и потопил их на рейде. Дредноут «Свободная Россия» под красным флагом был выведен из гавани двумя пароходами и поставлен у Дообского маяка. После снятия с него людей эсминец «Керчь» открыл по нему стрельбу минами.

Из первых двух мин одна взорвалась под носовой башней, но эффект взрыва был незначительный. Третья и четвертая мины, выпущенные получасом позднее и взорвавшиеся под кормовой башней и под носовым мостиком, также не дали никаких результатов. Пятая мина не дошла до корабля и, повернув обратно, затонула.

Тогда был произведен шестой выстрел в середину корабля, и на этот раз эффект взрыва был потрясающий: поднялся огромный столб бело-черного дыма, высотой выше мачт корабля и основанием закрывший весь корабль. Когда дым несколько рассеялся, оказалось, что броневая обшивка между второй и третьей башнями с обоих бортов отвалилась, и эта часть корабля представляла зияющую насквозь брешь. Корабль слегка раскачивался и через 2 минуты 3 секунды после взрыва стал медленно крепиться на правый борт. Лязг и звон, при мертвой тишине кругом, падающих и переворачивающихся на палубе и внутри корабля предметов сопровождал его гибель. Переворачивание совершалось крайне медленно, и видно было, как все башни целиком с оглушительным шумом вываливались в воду. Через 3 минуты 42 секунды корабль показал киль и еще 37 минут плавал вверх килем, причем из кингстонов били высокие фонтаны воды. Через 1 час 25 минут после первого взрыва он скрылся под водой {39}. [335]

Последовательно были утоплены миноносцы — «Феодониси», «Пронзительный», «Хаджи-Бей», «Килиакрия», «Сметливый», «Стремительный» и, наконец, «Шестаков».

Миноносец «Керчь», руководивший потоплением, ушел в Туапсе и, придя туда ночью 19 июня, затопился к югу от маяка Кадош, открыв кингстоны.

Таким образом, 19 июня 1918 года Красный Черноморский флот прекратил свое существование.

Германцы на Украине

Германские армии между тем продолжали свое продвижение по Украине и скоро достигли установленной договором демаркационной линии, проходящей через Чечерск, Стародуб, Коренево, Белгород, Миллерово и Ростов-на-Дону. Последний был ими достигнут 8 мая. Таким образом, к середине мая Украина и прилегающие к ней местности (Крым, часть Донбасса) оказались в руках немцев. Прежде всего началась выкачка хлеба. Германия с первого урожая получила свыше 700 000 тонн (около 40 миллионов пудов), Австрия примерно столько же. В целях ослабления Советской власти, германцы также предприняли целый ряд мер. Первой из них была поддержка атамана Краснова на Дону, затем разгром Черноморского флота, о котором мы только что говорили, и целый ряд других действий. Третьей задачей германского империализма являлось усиление своих позиций в борьбе с Антантой, ибо борьба эта была еще не закончена и продолжалась в течение почти всего 1918 года. Но в этом отношении Украина (за исключением получения хлеба и др. продуктов) была мало полезна, и для этого, главным образом, были использованы другие, смежные районы.

Желая избежать нахождения большого числа своих войск в пределах Украины, фактически оккупированной, германское командование предприняло попытку создания на Украине (и в смежных областях) такой государственной организации, которая, будучи вполне под влиянием Германии, в то же время не требовала бы большой помощи войсками, ибо войска эти были нужны австро-германцам на западном фронте.

Провозглашение гетманом Украины ген. Павло Скоропадского и явилось первым шагом в этом направлении. Скоропадский сделал попытку создать «национальную украинскую армию», но эта попытка успехом не увенчалась. [336]

Между тем все шире и шире развивалась партизанская война. На Правобережной Украине поднимала восстание Рада, свергнутая апрельским переворотом Скоропадского {40}. На Левобережной — организующей силой бедноты было Рабоче-Крестьянское правительство, вынужденное уйти с территории страны. Им была послана для организации восстаний особая «девятка», и уже в августе, в дополнение к первым восстаниям, поднятым еще Радой, поднимается новая широкая волна восстаний, руководимая этой «девяткой». На этот раз бои начались на Черниговщине, где восстанием руководил Кропивянский, в Полтавщине, где

действовал Шмидт, и в районе Екатеринослава, где движение возглавлялось Махно, действовавшим в это время совместно с Советской властью.

На всей Украине началась упорная борьба. Германское командование при подавлении восстаний уничтожало целые селения. С другой стороны, и повстанцы наносили тяжелые потери германским отрядам, разбросанным по территории Украины.

Глава IV.

Северный Кавказ и Дон. Борьба за Ростов в 1917 и 1918 годах. Корнилов, Каледин и Краснов. Борьба за Царицын. Война на Северном Кавказе. Отход Красной Таманской армии. Донская Область с самого начала была оплотом контрреволюции. Еще в июле 1917 года, когда войсковым атаманом был [337] утвержден Каледин, он принял все меры с целью обеспечить за собой господство в Донской области. Казаки, занимавшие при царизме привилегированное положение, представляли прекрасный материал для формирования контрреволюционных войск. В период стихийного разложения армий Западного фронта многие казачьи полки, во главе со своими офицерами и со своей артиллерией, в полном составе начали отход к границам области Войска Донского. 26 ноября 1917 года в Ростове-на-Дону рабочими, при поддержке десанта черноморских моряков, была объявлена Советская власть и образован Военно-Революционный Комитет. Ввиду нежелания казачьих регулярных частей вести гражданскую войну Каледин принужден был обратиться за помощью к Алексееву, вокруг которого группировались отряды съехавшихся на Дон офицеров и юнкеров. После шестидневных упорных боев с отрядами Красной гвардии, белые захватывают Ростов. В этот же период прибывшими на Дон генералами Корниловым и Алексеевым было начато формирование армии, получившей впоследствии название Добровольческой.

Однако торжество белых было недолговременным. Съездом фронтового казачества в станице Каменской был избран Военно-Революционный Комитет, потребовавший от Каледина отказа от власти. Начались военные действия. При поддержке прибывших с севера частей и некоторых полков фронтовых казаков отряды Красной гвардии сбили противника и 24 февраля вступили в Ростов. Каледин кончает жизнь самоубийством. Но обе белые организации: «добровольцы», имевшие тогда 4500 штыков, и «донцы» (1500 сабель), не примирились с созданным положением и ушли из Ростова. Добровольцы, под командой генерала Корнилова, начали борьбу на Кубани; донцы отошли в Сальские степи.

Появление германских войск на Украине, быстро продвигавшихся к востоку, вновь подняло надежды белого казачества. В марте 1918 года на Дону вспыхивает новое восстание, причем восставшим удается быстро собрать до 10 000 бойцов. Положение красных войск в Ростове-на-Дону становится безвыходным, и 9 мая противник вновь занимает Ростов, к которому одновременно с запада подходят и немецкие войска, занявшие уже всю Украину. В это же время к Ростову подошли и офицерские отряды Румынского фронта, под командой генерала Дроздовского, наступавшие на южном фланге двигавшихся к востоку австро-германских армий. Атакованные со [338] всех сторон, революционные войска Ростовского округа отходят сначала за Дон в Батайск, а затем отступают частью на Царицын, частью к станице Тихорецкая и далее на северо-восток.

Во главе белых донцов становится генерал Краснов, которому при поддержке немцев, удается занять с боями большую часть Донской области и приступить к широкому развертыванию «Донской армии». «Добровольцы», подошедшие к Ростову с юго-востока, ввиду присутствия немцев, вновь идут на Кубань, совершая так называемый «второй кубанский поход».

Армия Краснова, насчитывавшая при начале организации 17 000 бойцов при 21 орудии, начинает быстро расти и к сентябрю 1918 года имеет уже до 50 000 человек при 92 орудиях и 270 пулеметах. Ввиду того что левый фланг Донской армии был надежно защищен австро-германскими войсками, занимавшими Украину, все усилия Краснова были направлены на северо-восток — к верхнему Дону и Волге. Дон, окруженный казачьими станицами, ему

удалось быстро занять и закрепить за собой, а на пути к Волге боевые действия развернулись вокруг Царицына.

В ходе гражданской войны (в период 1918–1919 гг.) значение Царицына было громадно. Он являлся главной преградой на пути соединения белых востока (чехословаков, впоследствии Колчака) и запада (Каледин, потом Краснов и добровольцы); он закрывал собой до известной степени путь к среднему течению Волги; наличие в его районах красных войск давало нам возможность вести борьбу против обоих белых (южного и восточного) фронтов, не опасаясь за свой тыл. О сопротивление защитников Царицына, впоследствии составивших 10-ю Красную армию, разбилась и наступательная энергия Краснова.

Благодаря этому в наших руках сохранялась Астрахань, а с ней и громадный речной флот нижней Волги, который представлял бы в руках противника грозную силу. Это значение Царицына было оценено и его защитниками и одним из генералов противника (Врангелем), указавшим в апреле 1919 года, что операционное направление на Царицын должно быть главнейшим и единственным направлением белых армий Юга. Но командующий белыми армиями не согласился с этим. Однако главной причиной трудности занятия Царицына была не эта ошибка, а то обстоятельство, что Царицын был рабочим центром, истинным жизненным центром пролетарской революции на юге республики. [339]

Первый раз белые (Допекая армия) предприняли наступление на Царицын в июле 1918 года, направляя главный удар с севера в район станицы Гумрак, и Царицын был замкнут тесным кольцом врагов. Защитники, отбив главный удар, перешли в общее контр наступление и, отбросив противника, к сентябрю подошли к левому берегу Дона. Следует заметить, что в этот момент левый фланг донских армий оперировал далеко к северу (примерно, по линии Лиски — Таловая — Сребряково). Отражение натиска донцов на Царицын обеспечило тыл наших 1-й и 4-й армий, развивавших в этот период наступление на чехословаков, занявших среднее течение Волги.

В конце сентября Донская армия вновь переходит в наступление и оттесняет наши части от верховьев реки Сала и станицы Котельешково к Сарепте и к середине октября окружает город с севера. Сосредоточенные в районе Царицына многочисленные красные бронепоезда (до 13-ти) поддерживают своим огнем наши части и задерживают натиск противника. В это время операции конницы Миронова на реке Медведице, в тылу у белых, и подход с юга дивизии Жлобы окончательно решают исход борьбы в нашу пользу. Второй натиск на Царицын был отражен.

К этому моменту 10-я армия, оборонявшая Царицын, насчитывала уже 31 000 штыков, около 8000 сабель, 13 бронепоездов, 240 орудий и свыше 1000 пулеметов. Эти цифры показывают, как хорошо было оценено нами громадное значение Царицына и как много было сделано для его обороны.

На усиление противника мы ответили соответствующим усилением южного фронта. В августе и сентябре 1918 года из добровольческих отрядов, действовавших против белых частей, была сформирована в районе Поворино — Сребряково 9-я армия; правее ее была расположена 8-я армия. Борьба шла с переменным успехом, и лишь германская революция и последовавшее очищение от австро-германцев Украины привели к новым крупным боевым операциям.

Борьба на Северном Кавказе

В течение второй половины 1918 года положение на Северном Кавказе ухудшалось для нас с каждым днем. Установление Советской власти в Кубанской области было встречено резким протестом со стороны зажиточного казачьего населения, видевшего в этом «расказачивание казаков». Но на стороне [340] Советской власти оказалось крестьянское население — «иногородние Войска Кубанского», из которых и были составлены наши первые вооруженные силы. Вся весна 1918 года прошла в действиях против повстанцев, главным образом в районе к югу от Ахтари, и против добровольцев, пытавшихся наступать с северо-востока на Екатернополь. В общем, этот период был для нас благоприятен.

В мае 1918 года, когда Ростов был занят донцами, добровольческая белая армия, непрерывно увеличивавшаяся, повернула вновь на Кубань. Все лето и осень 1918 года на Кубани на широком фронте продолжалась упорная и непрерывная борьба между сформированными здесь нашими 11-й и 12-й армиями и противником. Силы генерала Корнилова, стоявшего во главе добровольцев, были увеличены сформированием так называемой Кавказской армии, в которую вошли терские и кубанские казаки и горцы.

В мае прибавился новый фронт. Немцы, занявшие Керчь, высадили один полк (58-й Берлинский) на Таманский полуостров и, при поддержке восставших казаков, пытались наступать на Темрток. С другой стороны турецко-немецкий десант был высажен у Новороссийска. В июне Добрармия, прорвавшая Тихорецкий фронт, подошла к Екатеринодару, но и на этот раз, после целого ряда упорных боев, в которых с нашей стороны участвовало до 13 500 штыков и сабель, удалось рассеять и отбросить противника. В этих боях был убит Корнилов, и командование Добрармией перешло к Деникину. В это же время против тыла наших северных кавказских армий начала наступать сформированная при участии англичан в районе Дербента и Темир-Хап-Шуры армия Бичерахова.

Новый вражеский натиск имел тяжелые для нас последствия. Красные войска под командой Сорокина, были разбиты, оставили Екатеринодар и начали отступать к востоку. Их отход поставил в исключительно тяжелое положение группы войск, действовавшие в районе Ахтари и Таманского полуострова. Станицы восставали одна за другой, а с тыла шли части Добрармии. Тогда командовавший на Ахтаринском участке тов. Ковтюх принял решение — в виду невозможности пробиться по Кубани, отойти на Новороссийск и далее двигаться берегом Черного моря до Туапсе, откуда перевалить через горный хребет к Армавиру. Лишь этим путем, [341] на котором не было крупных сил противника, можно было рассчитывать отвести с собой беженцев, которых ввиду развившегося белого террора набралось несколько десятков тысяч человек.

Движение это, поддержанное остатками Таманских войск, было исключительно тяжелым. Войска шли в трех колоннах — первая, в составе 12 000 штыков, 700 сабель и 2 орудий, под командой Ковтюха пробивали дорогу. С ней отходило и 25 000 беженцев. Далее следовали вторая и третья колонны, под командой Матвеева. Пробиваться приходилось рукопашным боем, так как патронов почти не было. Питались желудями, дикими яблоками и зеленой кукурузой. Все оборвались, и многие шли почти голые и босые. В Новороссийске встретили немцев и турок, но прорвались дальше. На пути до Туапсе сбили авангарды грузинской дивизии. Последнюю, после жестокого ночного боя (в котором обходная колонна наших войск шла по пояс в воде вдоль морского берега), уничтожили в Туапсе 1 сентября. Здесь были захвачены, наконец, патроны и пушки. Однако дальнейший путь был не легче. На перевалах Кавказского хребта от холода и истощения погибла масса людей, и лишь после упорных боев с казаками и добровольцами всем колоннам удалось соединиться с Северо-Кавказскими армиями в районе Армавира.

Прибытие Таманских войск на некоторое время улучшило положение Северо-Кавказских армий, однако новый натиск противника в начале ноября отбить не удалось, и к зиме наши войска, разбитые в ряде сражений, отрезанные от железной дороги Тихорецкая — Царицын, принуждены были начать отход через пустынную местность побережья Каспийского моря с Кубани на Астрахань. В рядах армии началась тифозная эпидемия, скосившая многие тысячи. Кавказ перешел в руки противника. Отход наших войск отсюда имел громадные последствия, ибо донцы на южном фронте тем самым получали крупное подкрепление в лице Добровольческой и Кавказской армий, представлявших собой неизмеримо более хорошие войсковые части, нежели сами донцы.

Отошедшие к Астрахани наши уцелевшие части были переформированы в одну 11-ю армию, положившую основу дальнейшей обороны Астраханского района. [342]

Глава IX.

Освобождение Украины от немцев. Разгром Донской армии Краснова. Антанта на Черном море. Советская власть в Крыму. Операция у Ак-Моная. Донская флотилия и ее действия

Германская революция и оставление германскими войсками территории Украины и Крыма коренным образом изменили военную обстановку на юге Советских республик.

Когда германское правительство провозглашало гетманом Украины генерала Павло Скоропадского, оно предполагало, что последнему удастся организовать белую национальную украинскую армию. Однако немцы ошиблись. Скоропадскому не только не удалось создать сколько-нибудь значительную боеспособную армию, но и опереться на какую-либо часть украинского народа. Не говоря уже о рабочих и крестьянах, он имел против себя, кроме того, почти всю интеллигенцию и мелкую буржуазию.

Поэтому, когда в ноябре 1918 года немцы покинули пределы Украины, в последней оказалось сразу три правительства — Скоропадского, бывшей Украинской рады, с Петлюрой во главе {41}, и Советское.

Лишенный поддержки немцев, Скоропадский, естественно, сейчас же сошел со сцены, и на Украине началась борьба между Советской Украинской армией, шедшей на освобождение страны, и Петлюрой.

Мы уже говорили о том исключительном значении, каковое имеет в гражданской классовой войне период смены противников. Период этот на Украине был еще большим, чем на западно-балтийском фронте. В то время как на Балтике «союзники» появились во второй половине декабря, то есть через месяц после ухода немцев, здесь их действия развились лишь в январе, то есть во вдвое больший промежуток времени.

Как на севере в Эстонии, где этот промежуток дал возможность красным войскам пройти свыше 1150 верст с боем, тесня противника, так и здесь, Красная Украинская армия смогла [343] очистить большую часть украинской территории. Однако запясть быстро всю Украину, благодаря развившемуся бандитизму, оказалось невозможным. Наскоро созданная Красная армия насчитывала здесь в середине января 30 000 бойцов, разделенных на три группы: Черниговскую, Курскую и Харьковскую. Продвигаясь с неизменным успехом, эти группы ко второй половине января были уже на линии Круты — Полтава — Синельниково, то есть очистили от противника большую часть левобережной Украины. Разложение петлюровских войск шло все быстрее и быстрее; некоторые «атаманы» вместе со своими войсками перешли на сторону Советской власти. 5 февраля Красные войска вступили в Киев.

Флот Антанты на Черном море

24 ноября 1918 года на стоявших в Севастополе русских судах, несмотря на протесты немецкого командования, был поднят Андреевский флаг. Однако появившийся в этот день на рейде Севастополя английский крейсер «Кентерберри» потребовал, чтобы все суда, на которых находились ранее германские флаги, были переданы Антанте. В этот же день первые суда Антанты пришли и на рейд Новороссийска.

25 ноября союзный флот в составе английских дредноутов «Сунерб» и «Тендерер», итальянского «Леонардо да Винчи», французского броненосца «Жюстис» и крейсеров — английского «Галатеа» и итальянского «Аюрдат», а также девяти английских, греческих и французских миноносцев, был уже на рейде Севастополя.

«Союзники» не могли произвести крупного десанта. Хотя до февраля месяца ими и было высажено довольно значительное количество отрядов самых различных национальностей (французы, греки и т. д.), но войска эти, занявшие районы, прилегающие в Одессе, Николаеву, Херсону и Севастополю, главным образом предназначались для охраны железных дорог, тыловой и гарнизонной службы и т. д. Общая численность высаженных войск была, конечно, недостаточна, чтобы задержать, хотя бы на некоторое время, продвижение красных войск. Тем более что в этот момент на Украине «союзники» имели, кроме Красной армии, много других противников.

Вскоре повстанческие красные части под командой Григорьева, подступили к району Одессы, и десантные отряды Антанты, потерпев жестокий урон, принуждены были отступить в [344] середине марта города Николаев и Херсон, а 7 апреля — Одессу.

Среди «союзников» происходил разлад. Многие сухопутные части отказывались сражаться с красными. Особенно резкий характер этот протест принял на судах французской эскадры,

находившейся в северо-западной части Черного моря. Команда дредноута «Франция» выставила требование ухода из Черного моря, на что командование принуждено было согласиться. На эскадренном миноносце «Протей» во главе движения стали старший инженер-механик Марти и унтер-офицер Бадина. Неустойчивость французского флота была такова, что командование Добрармией даже просило англичан во всех ответственных случаях посылать свои корабли, дабы не случилось какого-либо неприятного казуса.

Занятие Крыма. Борьба у Ак-Моная

К началу апреля части Красной Украинской армии вошли в Крым. «Союзники» предполагали вначале оборонять Севастополь, по затем, видимо растерявшись от быстроты движения красных войск — а может быть, не рассчитывая на стойкость своих частей, решились на эвакуацию Севастополя. В ночь на 15 апреля французский адмирал Амет предложил командующему флотом белому адмиралу Саблину эвакуировать все, что возможно, заявив, что он уничтожит все оставшееся.

В эту ночь белый флот, в составе крейсера «Кагул», двух канонерок, подлодок: «Тюлень», «Утка» и «Буревестник», миноносцев: «Поспешный», «Пылкий», «Жаркий», «Строгий» и «Свирепый» и 20 вспомогательных судов, оставил Севастополь. На рейде остался французский флот, так как в доке стоял броненосец «Мирабо», который, по его состоянию, нельзя было немедленно вывести {42}. 21 и 22 апреля командование Антанты, не имея возможности бороться с Красной армией, занялось истреблением бесчисленного военного имущества, находившегося [345] в Севастополе. Были взорваны орудия Севастопольской крепости, сожжен порох, находившийся в ее складах, разгромлена и уничтожена база авиации, на старых линейных кораблях, остававшихся в гавани, были взорваны машины, несколько позже были потоплены подводные лодки и уничтожены гидроаэропланы.

Отходящие белые части задержались на путях к Керчи, у так называемой Ак-Монайской позиции. Узкий перешеек у Ак-Моная хорошо простреливается флотом. С обеих сторон, и с Азовского моря и с Феодосийского залива, суда могут подходить к самому берегу, причем глубины во втором столь велики, что допускают действия кораблей самого большого водоизмещения. Ак-Монайская позиция защищалась небольшим количеством белых войск, но морские силы в ее районе были огромны. Со стороны Азовского моря действовали: английский крейсер «Центаур» (3800 тонн, пять 6" орудий), мониторы № 17, 18, и 29, несколько белогвардейских канлодок и плавучих батарей. Черноморский фланг защищался английским сверхдредноутом «Мальборо» в 25 000 тонн водоизмещения, имевшим 15" пушки. Здесь же находились: белый крейсер «Кагул», несколько миноносцев и английская авиаматка. В течение всего мая крупная морская артиллерия противника обстреливала позиции красных войск, что, конечно, исключало всякую возможность дальнейшего продвижения к востоку. Поэтому Керченский полуостров так и остался в руках белых.

Разгром Донской армии Краснова

Еще больший успех имела Красная армия на Донском фронте. Мы уже говорили о том, что успех наступления Донской армии Краснова обуславливался, главным образом, наличием на Украине австро-германских войск, обеспечивавших ее тыл и левый фланг.

Освобождение от австро-германцев Украины открыло для нашего удара Донскую область с северо-запада (от Донецкого бассейна). Здесь концентрируется новая 13-я Красная армия, нанося первый сильный удар противнику. Попытка генерала Краснова формированием особой «южной армии» заполнить брешь, образованную уходом австро-германских войск, не имела успеха, ибо поведение ее первых сформированных полков вызвало сильное негодование среди казачества, и армию пришлось распустить. [346]

Тогда 8 января 1919 года Краснов заключает соглашение с генералом Деникиным и Донская армия входит в состав «Вооруженных сил Юга России», находившихся под командованием последнего. Деникин направляет части Добрармии в район Мариуполя для подкрепления левого фланга донцов, которые одновременно переходят в 3-й раз в наступление против Царицына.

Но красное командование предупреждает противника. Директивой Главкома еще 20 декабря было предложено, по сосредоточении резервов, перейти всем южным (10-я, 9-я, 8-я и 13-я) армиям в решительное наступление и отбросить противника за Дон. В первых числах января начался бой по всему фронту. 8-я и 9-я армии, занявшие к 16 января фронт Бычев — Еланское колено — Новохоперск — Урюпинская — Бударино, охватили с трех сторон центральную группу противника и принудили ее к стремительному отходу. В то же время в тылу противника в станице Вешенской вспыхивает восстание, охватывающее значительную часть Хоперского округа.

План нашего командования предусматривал развертывание 9-й армии на юго-восток и выход всеми тремя правифланговыми армиями в тыл Царицынской группы противника, энергично атаковавшей в этот момент Царицын.

27 января конная дивизия Думенко, отбрасывая противника, занимает ст. Иловля, нависая над его тылами; левый фланг 10-й армии в это же время продвигается с боем к Качалинской. Разложение в рядах противника увеличивается, и 31 января нам добровольно сдаются целиком 6 казачьих полков с пятью орудиями. Начинается разгром Донской армии.

14 февраля Донской круг выносит недоверие Краснову и атаманом выбирает Богаевского — иначе говоря, совершается перемена германской ориентации донцов на союзническую.

Разгром Донской армии на Дону совпал с оставлением нашими войсками Северного Кавказа, а также с появлением первых отрядов Антанты на юге Советских республик. В это же время чрезвычайно интенсивно развернулась и помощь Антанты белым. В начале января 1919 года союзники выгружают в Новороссийском порту 6 миллионов снарядов, в Одесском — 30 танков, в Севастополе — аэропланы.

16-го января в Донской круг прибывает генерал Деникин и извещает донцов о подходе к ним на помощь белых кавказских армий. Прибытие последних сразу подняло дух Донской [347] армии и коренным образом изменило ее стратегическое положение.

Между тем движение вперед наших войск Южного фронта задерживалось (9-я армия перешла Дон) глубоким снегом, а затем оттепелью.

5 февраля части Добрармии переходят в контрнаступление против группы Кожевникова (впоследствии 13-я армия) в Донбасс и занимают ряд станций. Это и непрерывный приход частей Добрармии, занимавших участки против правого (как раз самого слабого) фланга Южфронта, заставляет нас постепенно развернуться фронтом, вместо юго-востока, на юг. 9-я армия в это время, тесня оказывающего слабое сопротивление противника, выходит к среднему течению реки Донец. Март знаменуется перегруппировкой 8-й и 9-й армий, к концу месяца окончательно занявших линию Донца от Митякинской до Константиновский (на Дону). Весь месяц 13-я армия боролась с Добрармией без крупного успеха с той или другой стороны. 10-я армия (Царицынская) с боем теснила противника и к апрелю заняла уже станицу Великокняжескую, обходя таким образом правый фланг донцов. Теперь задачей наших армий явилось стратегическое окружение противника, на что можно было рассчитывать, так как 10-я армия, хотя и медленно, продвигалась вперед, а бригада Махно, вставшая на правом фланге 13-й армии, вышла своим флангом к берегу Азовского моря {43}. В дальнейших апрельских боях армиям Южного фронта не удалось сломить противника, силы которого все прибывали. Части 9-й армии 13–15 апреля переправились было через Донец и закрепились на правом берегу, но при этой операции потеряли до 40% своего состава и, после многодневных боев, принуждены были отойти в исходное положение. С другой стороны, в это время в тылу на Дону в станицах Казанской и Вешенской вспыхнуло широкое восстание казаков, быстро охватившее громадный район. Сюда было выделено шесть полков, но подавить восстание не удалось. Число повстанцев, непрерывно увеличиваясь, к середине апреля дошло уже до 30 000 человек, с 6 орудиями и 27 пулеметами.

Хотя через Южный фронт проходит крупная речная артерия — Дон (а отчасти, в районе Царицына, соприкасается и [348] Волга), но во время всей кампании против Краснова мы сколько-нибудь значительных операций речных сил здесь не наблюдаем.

Причина этого, во-первых, лежит в том, что развитие операций на суше (крупное наступление противника началось в сентябре, то есть к осени) как раз пришлось на зимнее время, когда реки все равно были скованы льдом. Вторым неблагоприятным обстоятельством явилась быстрота передвижений войск обеих сторон. В связи с направлением этого наступления (отчасти перпендикулярным течению Дона и Волги), это не давало возможности речным флотилиям принять крупное участие в борьбе. Данный фактор очень важен, и должен быть отмечен особо, так как является (как показывают выводы и других операций) неизбежным в подобных случаях.

Это отнюдь не означает, что в описанный период на Южном фронте флотилий не было. Там, где велась борьба и где имелись какие-либо речные пути, всегда создавались речные флотилии — их значение понималось вполне. Так было и на южном фронте. Когда борьба развернулась в широких размерах, то есть в зиму 1918–1919 годов, мы приступили к созданию флотилии на Дону. Основным условием для выбора базы, где будет создаваться флотилия, на любой водной системе является наличие железнодорожной связи выбранного места с другими районами страны. Естественно, создавать флотилию в пункте, далеко отстоящем от железнодорожного пути (по которому могут быть подвезены быстро и удобно орудия, боевые припасы, снабжение, люди и т.д.), дело крайне затруднительное — и с этой точки зрения Дон представлял для нас громадные трудности. Действительно, он на всем своем протяжении проходит, не соприкасаясь с рельсовыми путями. На нем есть, считая и более судоходную южную часть, лишь два пункта, в которых имеются станции, удобные для перегрузки с железной дороги на реку. Таковыми являются, во-первых, действительно крайне удобный пункт — Ростов-на-Дону, а во-вторых, — станция Донская-Калач на железной дороге Царицын-Лихая. Но если мы вспомним, что Ростов все время был в руках противника, а Калач подвергался захвату периодически, причем последний раз перешел в наши руки лишь в конце 1919 года, то мы получим полное представление о трудностях, которые стояли перед нашим морским командованием в вопросе о создании речных сил на Дону. [349]

Правда, имелся еще и третий пункт — район, прилегающий к станции Лиски, где Дон, хотя и был мелок, но все же допускал кое-какую возможность для создания флотилии {44}. Все эти возможности и были использованы.

Донская флотилия и ее операции

Уже 2 февраля 1919 года был поднят вопрос о создании Донской флотилии. Намечалось создать сравнительно большую флотилию из 4 канлодок, 4 плавбатарей с тяжелыми пушками, 12 мелких судов и 12 катеров. Сразу же выяснилась невозможность создания флотилии такого крупного размера, причем главным препятствием было отсутствие пригодных для вооружения судов.

После больших проволок уже в начале мая был создан, наконец, Отряд Верхнего Дона, в составе одной плавбатареи с двумя 75-мм пушками, двух катеров и штабного парохода. Когда Отряд Верхнего Дона уже был создан, вспыхнувшее в районе Вешенской и Казанской станиц восстание разрослось настолько, что все среднее течение Дона оказались в руках восставших. Тогда возник вопрос о создании Отряда Среднего Дона (ниже по реке, чем район восстания), и туда направился назначенный начальник этого отряда. Но к этому времени (июнь месяц) обстановка уже резко переменилась не в нашу пользу (армии Деникина перешла в наступление), и вопрос о создании флотилии сам собой отпал. Отряд Верхнего Дона (плавбатарея которого была вооружена временно 3" полевыми пушками) 28 мая вышел на фронт, и в течение двух дней вел совместные с войсками Особого Экспедиционного Корпуса, наступавшего на восставшие станицы, операции против белых. Уже 2 июня отряд, за неимением топлива, принужден был покинуть фронт и возвратиться в базу, где было приступлено к вооружению судов морскими пушками. Наступление армий Деникина и прорыв нашего фронта принудил к отступлению и части Особого Экспедиционного Корпуса. Отряду Верхнего Дона оставалось только ликвидироваться, что и было сделано. [350]

Большая часть имущества Отряда Верхнего Дона была погружена в вагоны на станции Лиски, а катера (в это время уже выгруженные у станции Калач) из состава Отряда Среднего Дона по железной дороге были переброшены на Волгу, ставшую новым рубежом для противника, и там спущены на воду. Так закончила существование паша первая Допекая флотилия.

Речная флотилия была создана и противником. Последний имел то преимущество, что, располагая устьем реки, мог ввести в нее целый ряд судов из Азовского моря. На Нижнем Дону со стороны противника действовали так называемые «Морские силы Всевеликого Войска Донского». Последние состояли из двух дивизионов морских судов (6 вооруженных кораблей) и из трех дивизионов речных судов. В состав речных сил входил целый ряд буксиров, вооруженных 3» полевыми орудиями, и болиндеров (самоходных барж) с 6» пушками. Всего противник имел 14 боевых кораблей.

Флотилия противника принимала участие в операциях против наших войск в начале мая в районе устья Донца, в июне месяце у станиц Каргальской и Нижне-Чирской, а позже имела бои у хутора Скиты и у Рычковского железнодорожного моста.

Глава XII.

Наступление армий генерала Деникина. Наша флотилия в Астрахани и ее значение. Контрнаступление южной группы Востфронта. Прорыв Мамонтова. Форсирование белым флотом Днепровско-Бугского лимана и атака Одессы. Занятие противником Крыма и Украины. Деникин, Петлюра и поляки

К началу мая 1919 года на Южном фронте создалась исключительно благоприятная обстановка для противника. В то время как наши армии израсходовали свои силы в бесплодных усилиях сбить противника с занимаемых позиций и понесли в боях (особенно 13-я и 9-я армии) большие потери, ряды белых войск были пополнены частями, подошедшими с Северного Кавказа. В нашем ближайшем тылу, на Дону, расширилось все больше и больше восстание. Число повстанцев, дошедшее уже до 30 000 человек, требовало и с нашей стороны выделения крупных частей. Кроме того, противник мог учитывать неустойчивость нашего крайнего правого фланга, [351] на котором стояли войска Махно, а также и рассчитывать на помощь эскадры Антанты на Черном море.

О войсках Махно и Григорьева, входивших в состав Украинских войск, следует сказать подробнее.

В то время как шла борьба с Антантой и немцами, действительно революционные части Украинской Красной армии имели своими союзниками и войска Махно (действовавшего в районе к востоку от Мелитополя) и Григорьева (в секторе Екатеринослав — Одесса).

Группа Махно, входившая в состав Украинской армии и оперировавшая на фланге 13-й армии, состояла преимущественно из анархо-кулацкого элемента. Махно действовал вполне самостоятельно, держал себя независимо, а в середине мая (в период начала наступления Деникина) сложил с себя обязанности комбрига, каковым считался, и предложил своим частям, если желают, покинуть ряды Красной армии и перейти в «повстанческие войска», начдивом каковых сам себя стал именовать. На приказ РВС Украинской армии об аресте Махно последний начал открытое восстание против Соввласти.

Григорьев также отказался подчиниться требованию РВС Укрармии о переформировании своих частей по образцу остальных войск армии, и тоже восстал, захватив в одно время южную часть Правобережной Украины. Силы Григорьева и Махно в общей сложности были чрезвычайно велики. Так, Махно имел в начале от 10 до 15 тысяч бойцов, а Григорьев свыше 10 тысяч человек, более 50 орудий и даже бронепоезда. Авантюра Григорьева была ликвидирована лишь через 2 недели, а сам он впоследствии зарублен сторонниками Махно, с которым пытался договориться {45}. [352]

Махно выступил в конце мая, как раз в то время как армия Май-Маевского (Добрармия) имела уже крупные успехи и продвигалась на запад и северо-запад. Его выступление, открыв фронт, в то же время внесло разложение в части нашей смежной (13-й) армии и

предопределило полное поражение правого фланга Южного фронта. Ликвидация Махно сделалась задачей противника.

Для характеристики украинской войны 1919 года следует упомянуть еще об галицийских полках. Это были части, составленные из уроженцев Западной Украины (как называлась Галиция) и входившие в состав петлюровской армии; фактически они составляли наиболее боеспособную часть последней; численность их доходила до 15–20 тысяч бойцов.

Днепровская флотилия

Естественно, что на Украине — на ее главной водной магистрали Днестре — была создана и крупная речная флотилия — Днепровская. Создание флотилии началось весной 1919 года, и первыми ее судами были бронированные катера, оставшиеся на реке после германцев.

В апреле месяце 1-й Советской Украинской армией было поручено военмору Полупанову при содействии «Особой Комиссии по вооружению судов» создание флотилии. Организация этой флотилии была совершенно армейского характера. Флотилия была разбита на бригады; корабли были вооружены 3» полевыми пушками и забронированы обшивкой из двухдюймовых досок и слоем песка в 4–5 дюймов. Установка орудий была самая примитивная: они ставились на штырях из железа; срезанные сошники упирались в железный погон на палубе. Подобная система не выдерживала никакой критики, и стрельба из орудий тяжело отзывалась на крепости корпусов судов.

Всего было вооружено 3 бригады, в составе пяти канонерских лодок (по два 3» орудия), пяти броневых катеров (одно 37-мм орудие Гочкиса и один пулемет) и двух вспомогательных судов. Личный состав флотилии был мало обучен.

Первой боевой задачей флотилии явилась борьба, совместно с частями Украинской Советской армии, против многочисленных банд различных атаманов и «батек».

В течение всего апреля шла борьба с бандами в районе Киева, причем главной задачей флотилии было отбитие у бандитов [353] захватываемых последними пароходов водного транспорта. Конец апреля ознаменовался упорной борьбой с бандой Струка, оперировавшей в районе Чернобыля. Здесь флотилии удалось отбить у банд целый караван пароходов, стоявших в этом городе. После упорных боев к началу мая банда была рассеяна. Следующей задачей была борьба с бандой Зеленого, оперировавшей у Триполья; и здесь флотилия принесла, несмотря на полное несовершенство своей организации, значительную пользу. Наконец, крупная работа выпала на долю Днепровской флотилии во время ликвидации восстания атамана Григорьева, о котором мы говорили выше. 13–17 мая суда флотилии имели ряд боев с войсками Григорьева. 21 мая при их поддержке нашим частям удалось запясть Черкассы и отбросить противника от реки.

В это же время выделенный из флотилии на реку Припять особый отряд служил поддержкой нашим частям, стоявшим на вновь создавшемся польском фронте. Наконец, значительно более крупная боевая работа выпала на долю Днепровской флотилии во второй половине 1919 года, когда в пределы Украины вступила Добрармия.

Действия Днепровской флотилии против белых в 1919 году

Так как с наступлением петлюровских и деникинских войск на Украину, в нашем тылу начали вспыхивать восстания, то одной из главных задач Днепровской флотилии сделалось производство десантов в районе этих восстаний.

К этому времени флотилия пополнилась новыми судами. Было вооружено восемь канонерских лодок, из которых половина имела по два тяжелых (42– или 48-линейных) орудия. Весь август месяц наши суда, совместно с частями армии, вели борьбу с наступающим противником. Оставаясь по временам в тылу последнего, наши суда с боем прорывались к войскам, тем способствуя задержанию противника.

28 августа противник занял Киев. Наша флотилия отошла дальше вверх по реке; база была перенесена в Гомель. При отходе наша канлодка «Курьер», действовавшая в районе Кременчуга, оказалась отрезанной деникинцами под Черкассами и уничтожена. Вследствие несогласованности отхода армейских частей и флотилии, последняя вся целиком едва не была отрезана противником под Трипольем. [354]

Белые, захватив Киев, сейчас же приступили к созданию своей речной флотилии на среднем течении Днепра. К 1 октября ими была уже организована флотилия из шести канлодок (большинство имело по два 3» орудия) и одной плавучей батареи «Владимир Святой», вооруженной 6» орудием.

2 октября произошло первое сражение между флотилиями. В этот день флотилия противника, в составе канлодок «Доброволец» и «Венера», одной плавбатарей и двух катеров, вышла в район Печек, имея целью уничтожить нашу флотилию и произвести десант. В этом районе были наши канлодки «Грозный», «Гневный» и «Геройский». Немедленно после появления противника наши суда снялись с якоря и полным ходом атаковали его флотилию, открыв огонь на близкой дистанции. Флотилия противника начала отступление, причем канлодка «Доброволец» приткнулась к мели. «Геройский», подойдя вплотную, очистил пулеметным огнем палубу неприятельского корабля и захватил последний, после чего наша команда из заряженных орудий противника открыла огонь по отступающим неприятельским судам. Остальные белые суда ускользнули. Больше белая флотилия не рисковала вступать в сражение с нами, и Днепр был обеспечен от десантных попыток противника. 14 октября пять канлодок нашей флотилии атаковали вместе с армейскими частями Киев и захватили город, но последний скоро пришлось очистить ввиду натиска превосходных сил противника.

Атака белым флотом Днепровско-Бугского лимана, Крыма и Азовского побережья. После занятия в конце апреля месяца Крыма Красной армией, нами было приступлено к созданию флота на Черном море. Хотя в Севастопольском порту стояло громадное количество судов (в том числе шесть старых линейных кораблей), но все они требовали крупного ремонта, машины на большинстве судов были взорваны, пушки сняты и т. д. Поэтому, несмотря на все усилия, созданному морскому командованию не удалось организовать морской силы, тем более что уже 18 июня, то есть менее чем через два месяца, белые войска и флот вновь перешли в наступление на Севастополь. Последний был занят белыми в конце июня.

Наступление армий генерала Деникина и определившийся крупный успех его сейчас же отразились на действиях флота [355] белых и Антанты у нашего побережья. Первой операцией противника была высадка в тылу наших войск, защищавших Ак-Мопайскую позицию. Она была успешна, ибо, как мы уже знаем, противник имел здесь большие силы, до сверхдальноу включительно. Второй операцией была атака Геническа. В последнем предположен был десант при поддержке флота в составе двух английских мониторов, четырех истребителей, одного французского заградителя, четырех белогвардейских канлодок и двух катеров. Мониторам удалось заставить замолчать наши батареи, десантом был захвачен остров Бирючий, а отдельной партии, высаженной на берег, удалось разрушить железнодорожное полотно. В ночь на 22 июня началась высадка главных сил. Был проливной дождь, один из наших бронепоездов, совершенно не обнаруженный противником, подошел к месту производства десанта и, открыв огонь в упор, уничтожил транспорт с десантом. Эта неудача заставила противника приостановить атаку Геническа, хотя, конечно, не могла повлиять в общем на наступление деникинских армий.

Более упорную оборону нашему морскому командованию и армии удалось организовать в районе северо-западной части Черного моря. Здесь была возведена у Очакова 6» батарея, организовывалась флотилия, в которую вошла и одна срочно достраиваемая подводная лодка {46}. После захвата Крыма, белый флот сейчас же направился к Днепровско-Бугскому лиману и с 20 июля установил блокаду последнего. Здесь держались три канлодки и три плавбатарей белого флота, крейсер «Кагул», миноносец «Жаркий» и целый флот мелких судов Антанты. С 24 июля противник ведет обстрел наших позиций, однако не решаясь прорваться в лиман. Лишь в виду отхода наших частей, обойденных далеко на севере продвигающимися частями Добрармии, белым удается захватить Очаков.

23 августа противник с моря атаковал и район Одессы. Соединенная англо-белая эскадра в составе крейсеров «Корнилов» (бывший «Кагул»), «Карадок» (английский), эскадренного

миноносца «Живой», 4 английских миноносцев, 2 английских гидроавиаматов и нескольких вспомогательных судов, имея десант в 900 штыков, подошла к Одессе, где в окрестностях города часть десанта была высажена. Попытки наших частей начать атаку десанта были отбиты ураганным огнем эскадры. В то же время в городе и в окружных немецких [356] колониях вспыхнуло заранее подготовленное восстание. После продолжительного боя на улицах наши части оставили Одессу. Произведенная на следующий день попытка нашего бронепоезда обстрелять город успеха не имела из-за огня флота противника.

Между тем положение наших частей в этом районе сделалось отчаянным. Далеко на севере (в 500 верстах) Деникинские части подходили уже с востока к Киеву. Туда же с запада надвигались широким фронтом петлюровские войска. При подобных условиях, почти равных полному окружению, нельзя, казалось, было думать ни о дальнейшей обороне, ни о возможности ухода.

Командование всеми нашими частями объединил тов. Якир, решившийся, во что бы то ни стало, вывести их из окружения. И вот наши части начинают тяжелый 600-верстный отход (точнее, прорыв) к северу, сражаясь с деникинцами, петлюровцами и многочисленными бандами. Казавшаяся невероятной задача нашими частями была выполнена, и в районе Житомира они присоединились к Красной армии в то время, как деникинцы и петлюровцы сомкнулись уже в районе Киева.

Наступление армии генерала Деникина

Обстановка на Украине в высшей степени благоприятствовала белым, и в начале мая генерал Деникин, принявший пост Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, решает двинуть свою армию в решительное наступление.

По первоначальному плану, Деникин предполагал конную группу Донской армии (Секретова) бросить в общем направлении на восставший район и в то же время Кавказской армией генерала Врангеля (стоявшей на Маныче против нашей 10-й) вести наступление на Царицын, на чем Врангель настаивал еще с января и что могло рассматриваться, как движение на соединении с Колчаком (напомним, что в начале мая войска последнего подходили к Волге).

С 5 по 15 мая на всем фронте идет упорный встречный бой, причем нашим армиям удалось в общем ликвидировать все попытки противника прорвать наш фронт. Однако к 21–22 мая противнику удается одержать крупные успехи на обоих флангах: Добрармия Май-Маевского, пользуясь разрывом связи между бригадой Махно и правым флангом 13-й армии, обходит последнюю и теснит к северу; в то же время Врангель [357] и Мамонтов форсируют Маныч, берут Великокняжескую и принуждают 10-ю армию начать отход к северо-востоку, в результате чего между ней и 9-й армией образуется широкий промежуток. Флотилия противника атакует левый фланг 9-й армии. Вслед затем части противника форсируют Донец, и эта армия также отходит в северо-восточном направлении, в то время как конница Мамонтова, переправившись через Дон у устья Донца, охватывает ее и пытается перерезать в ее тылу железную дорогу Лихая — Царицын.

31 мая противнику удалось прорваться к станции Миллерово и оттуда к району восстания. Это нанесло сильный удар 9-й и смежной с ней 8-й армии, и они начинают непрерывный отход: первая на северо-восток, вторая на север. В то же время оставление фронта Махно на нашем правом фланге и выступление войск Григорьева против Соввласти в тылу этого фланга окончательно поколебали положение наших армий Южного фронта, и начался общий отход.

8 июня Украинская армия, переименованная в 15-ю, была присоединена к войскам Южного фронта; 11 июня в состав Южфронта была введена и 12-я армия (наступавшая ранее на запад к Румынской границе). Предполагалось, что этим двум армиям удастся задержать противника на линии Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги в районе от Белгорода до Мелитополя. Неприятелю удалось, однако, сбить части этих армий, прорваться и занять Белгород, а затем начать распространяться и далее на запад. Хуже всего было положение 9-й армии, атакованной с фронта и охватываемой повстанцами; она терпела

поражение за поражением и к 23 июня отошла уже в район железной дороге Камышин — Балашов (на реке Елань). Между ней и 8-й и 13-й армиями, отошедшими за линию Волчепск — Валуйки — Павловск, образовался широкий прорыв, заполняемый Особым Корпусом экспедиционных войск.

10-я армия, отошедшая к Царицыну, оказалась встреченной с северо-запада конными частями противника. Здесь она оказала упорное сопротивление; для парализования конницы противника на правый фланг была переброшена конница Буденного, отразившая удар. Но в это время части Кавказской армии противника, прорвав фронт 37-й дивизии, с юга ворвались в город, и Царицын 30 июня был оставлен нашими войсками. [358]

Взятием Царицына на востоке, захватом Донской области в центре и Харьковской губернии на западе заканчивается первый период наступления армий генерала Деникина. Окрыленный успехом генерал Деникин отдает 3 июля приказ о движении своих войск на север, имея конечной целью захват Москвы.

Однако обстановка к этому времени начинает слагаться более благоприятно для нас. Южному фронту придается первостепенное значение. Левый фланг к началу августа усиливается частями 2-й армии (с колчаковского фронта), в том числе 28-й дивизией т. Азина, переброшенными на Царицынское направление и составившими «особую группу» под командой т. Шорина. В центре — 9-й армии в течение июля удается задержаться на линии Новохоперск — Поворино — Балашов — Елань. Далее 8-я и 13-я армии ведут бои в районе Новый Оскол — Отрогжск. И лишь на западе белые имеют успех. Здесь, атаковав при поддержке английских судов Одессу, противник занимает город.

Под давлением противника наши части, еще ранее оставившие Крым, из-за угрозы быть отрезанными (так как противник обошел Крым далеко с севера — у Белгорода и Харькова), отходят все дальше и дальше на север. С другой стороны, в стане неприятеля все сильнее и сильнее начинают чувствоваться внутренние противоречия. Донцы, дойдя до пределов Донской области, отказываются от дальнейшего движения на север. В западной части Украины развивается широко бандитизм, подрывающий сообщения. Наконец, врагом противника является и Махно, организующий у Гуляй-Поля свои отряды.

Глава XV.

Тыл Деникина: выступление Калабухова, восстание в Дагестане. Действия Махно. Контрнаступление наших армий. Удар конницы Буденного и рейд конницы Примакова. Сражение под Орлом. Разгром Деникина. Занятие Украины и Донской области. Борьба за Кубань. Очищение Северного Кавказа

К началу октября 1919 года на южном фронте наши армии отошли на линию (указаны крупные пункты): севернее Бердичева, Фастов, севернее Киева, севернее Чернигова, Сосница, [359] севернее линии Севск — Дмитровск — Кромы — Орел, Елец, восточнее Воронежа, Бобров, Новохоперск, далее к Царицыну, затем по южному берегу Волги до Черного Яра и Соленого Займища.

С нашей стороны фронт занимали (начиная с правого фланга) 12-, 15-, 13-я армии, отдельный конный корпус Буденного, 8-, 9- и 10- армии (примыкавшая левым флангом к Волге севернее Царицына), а также 11-я армия. Войска Южного фронта (от 12-й до 8-й армии), занимавшие правую часть нашего фронта, были сгруппированы неравномерно — центр был много сильнее флангов (в центре 55 000 штыков, 14 000 сабель, 360 орудий; на правом фланге 9500 штыков, 42 орудия; на левом 18 000 штыков и сабель и 159 пушек), причем имелось две ударные группы: против Дмитровска и Кром — к западу от Орла, и вторая — конкорпус Буденного — против Воронежа. Юго-Восточный фронт — наше левое крыло — главные и лучшие силы имел против Царицына; его левый фланг — 11-я армия — фактически был атакуем противником со всех сторон и являлся наиболее слабым местом. Наш план предусматривал удар от Брянска на юго-восток, здесь находились лучшие и свежие части (Латышская дивизия, бригада червонных казаков и т. д.) и была сосредоточена почти треть всех войск центра — до 35 000 бойцов. Одновременно Буденный должен был

ударить с востока на Воронеж. Этот двойной удар имел целью разгром самой лучшей части сил противника — Добровольческой армии.

Белые к октябрю месяцу на центральном Курском направлении наступали к северу почти без серьезных боев. На их левом фланге за Днепром (от Бердичева до Киева) наступала группа генерал Бредова, в центре — Добрармия, лучшие части противника; на Севск и Дмитровск — Дроздовская дивизия; на Орел — Корниловская, восточное — Марковская. Район против Воронежа занят был конными корпусами Шкуро и Мамонтова (отошедшего туда после рейда). От Коротояка до Царицына стояли 5 корпусов Донской армии; у Царицына и восточное — части Кавказской (Кубанской) армии. С начала нашего контрнаступления от Саратова на этом участке противник был пассивен; западнее стояли донцы, явно не желавшие выходить за пределы Донской области; о бесплодности попыток продвинуться в направлении на Астрахань (где к тому же со стороны противника действовала немногочисленные и слабые по составу силы) мы уже говорили. [360] Таким образом, активным участником оставался центр от Днепра до Воронежа, где противник, имея 3 пехотные дивизии Добрармии и 3 конных корпуса, быстро продвигался вперед.

Но если так обстояло дело на фронте, то в тылу у Деникина было более чем неладно. Донцы не желали идти вперед; кубанцы, после разгона Рады и попыток ареста вождей-автономистов Калабухова, Быча и других, тоже начинали тяготиться войной и перестали давать пополнения. В Дагестане вспыхнуло серьезное восстание. Гудермес, взятый штурмом повстанцами, был сравнен с землей. Против дагестанцев действовала особая группа войск, оперировавшая на линии Губдень — Кара-Будагхент.

На западе Украины продолжалась борьба с петлюровскими войсками. Но самая крупная опасность была в центре Украины. Движение, поднятое Махно, все расширялось, число повстанцев увеличивалось, их части начинали принимать правильные организационные формы, и к октябрю весь район от Елизаветграда до Николаева, и на восток через Екатеринослав к Гуляй-Полю, и даже восточнее, был в руках повстанцев. Белое командование направило многие войсковые части для борьбы с Махно. В этом районе действовали со стороны белых: с запада — 3-й корпус генерал Слащева, наступавший на Екатеринослав, с северо-востока — 1-я Терская дивизия, снятая с Воронежского фронта. Так как у белого командования в тылу было незначительное количество регулярных войсковых частей, то оно прибегло для борьбы с Махно к помощи своего флота. Когда 19-го октября махновцы заняли Мариуполь, на выручку к последнему был отправлен целый отряд боевых судов. Миноносец «Живой» и вспомогательный крейсер «Георгий» бомбардировали окрестности города. В конце концов, подошедшие резервы отбили город у Махно. Другой город Азовского побережья — Бердянск, также был в руках Махно и был отбит лишь вооруженными болиндерами (самоходные плавбатареи).

Особенно широкие действия против Махно белый флот имел на нижнем Днепре, где он пытался воспрепятствовать движению Махно через реку, а также защищал пункты, имеющие стратегическое значение. Очень крупный бой произошел 7 октября у деревни Корай-Дубина где махновцам удалось нанести тяжелые повреждения канлодкам белых. [361]

Сражение под Орлом

В это время решительные события разыгрались на главном фронте.

По окончании развертывания ударной группы в средних числах октября наши части перешли в наступление. В многодневных боях на фронте Кромы — Орел Латышской дивизии удалось сбить Дроздовскую дивизию; тогда латыши, прикрыв тыл дивизии червонными казаками, повернули фронтом на северо-восток — в тыл Орлу, и последний, атакованный в то же время с севера, переходит 20 октября в руки красных войск. Несмотря на захват значительной военной добычи, это не было еще переломом. Дроздовская и Корниловская дивизии противника, отойдя верст на 20 к югу (они заняли фронт Дмитровск — Ретяжи — Еропкино), вновь возобновили бой, продолжавшийся с переменным

успехом 2 недели — ни паша ударная группа, ни противник не могли достигнуть какого-либо результата. Потери обеих сторон были очень велики — так, Латдивизия потеряла до 50 % своего состава. Между тем восточнее Орла Марковская дивизия противника, сбив наши части, заняла станцию Донская. Еще восточнее происходил упорный бой конницы: здесь Буденный сражался с Мамонтовым и Шкуро.

3 ноября дивизия червонных казаков (1500 сабель, 6 орудий, 32 пулемета) у Черни ударом в пашки пробилась через фронт противника и произвела набег на его тылы, разрушив железную дорогу у станций Поныри и Возы, освободив несколько сот пленных, захватив много орудий и т. д.

Одновременно Буденный разбил Шкуро и занял Воронеж. Сдавливаемые с флангов и поджимаемые с фронта, белые подались назад и отошли на линию Дмитриев — Фатеж. На правом фланге противника 9 ноября Буденный занял Касторную, а части 8-й армии выдвинулись к Нижнедевицку. Это было последней линией, на которой деникинский центр пытался оказать сильное повсеместное сопротивление. 14 ноября налетом от Фатежа дивизия червонных казаков, прошедшая, пользуясь снежным бураном, фронт противника, в период 15–16 ноября занимает Львов, где захватывает 5 бронепоездов, много орудий и пленных. Неудачи на левом фланге и непрерывный натиск Буденного на правом — заставляют противника начать отход. В его рядах начинается разложение. 3 декабря противник пытается начать контрнаступление в районе [362] Бирюча (125 верст к востоку от Белгорода) и занимает этот последний. Однако контрударом наши части вновь сбивают противника. В наши руки последовательно переходят Белгород и Харьков.

До середины декабря нам удалось сбить и заставить отходить все стремительнее к югу лишь центр противника, фланги его все еще держались, и линия нашего фронта, бывшая ранее вдавленной в центре, теперь сделалась выпуклой, так как Царицын и Киев все еще были в руках противника. К середине декабря Деникин делает новую попытку задержаться, собрав для этого ударный кулак под Купянском; однако Буденный предупреждает противника и наносит ему 16 декабря тяжелое поражение. В этот день наши части сбивают доселе державшееся левое крыло противника и занимают Киев.

Начинается беспорядочное бегство белых. Сопротивления почти не оказывается. Восточная часть фронта противника (донские корпуса), под натиском частей Юго-Восточного фронта, также начинают отход за Дон и далее к Донцу.

В центре, на Мариупольском направлении, сопротивление настолько ослабело, что один батальон нашего 370-го полка погрузился в вагоны и 2 перехода следовал прямо в вагонах вслед за противником.

6 января конница Буденного занимает Таганрог, а 8 января — Ростов-на-Дону, в районе которого захватывает свыше 20 000 пленных (Буденный, двигаясь с северо-запада, опередил отходившие с северо-востока к Ростову части Донской армии противника) и громадную военную добычу. Однако кубанские корпуса и Добармия отошли за Дон (они отходили раньше) в значительном порядке, и здесь, по линии Дон — Царицын, у противника осталось еще 31 000 штыков, 24 000 сабель, 375 орудий и 8 бронепоездов. В центре к Перекопскому перешейку отошел лишь 3-й корпус генерал Слащева, ранее ведший операции против Махно. Сам Махно с 14-тысячной армией стоял в районе Екатеринослава за Днепром и вступил с нами в ряд сражений; еще далее на западе отходила к Одессе 10-тысячная группа белых под командой генерал Шиллинга; наконец, в районах Старо-Константинова и Летичева оперировала армия Петлюры.

Таким образом, Красная армия, разгромив под Орлом и Воронежем Деникина, имела еще против себя многочисленных противников, и борьба не могла считаться законченной. Махно [363] и Петлюра представляли собой несильного врага; все три группы белых (Шиллинг, Слащев и Деникин), хотя и были отрезаны друг от друга нашими частями, но могли сообщаться морем, на котором имелся значительный боевой флот.

Деникин очистил Царицын и отвел войска, защищавшие последний, к Манычу, сосредоточив там на коротком фронте — всего 250 верст (нижний Дон и Сал, затем Маныч) — почти все силы, что давало ему значительные шансы в дальнейшей борьбе. С нашей стороны 8-, 9-, 10- и 1-я конная армии выходили на эту линию, ибо здесь должна была решиться судьба кампании, две дивизии — 46- и 8-я кавалерийская наступали на Крым; части 12-, 13- и 15-й армий вели борьбу с Шиллингом, Махно и Петлюрой. Центральная группа наших войск, разбив отряды Махно, выдвинулась к побережью. 3 февраля был занят Очаков. Войска Шиллинга отошли к району Одессы. 7 февраля огнем с боевых судов противник пытался удержать наши наступавшие части; 8- и 9-го в городе продолжался упорный бой, и, наконец, Одесса была занята. В наши руки попало 100 орудий, 4 бронепоезда, 3000 пленных и большая военная добыча; часть белых на судах бежала в Крым. Большая группа пробилась к северу; впоследствии в районе Тирасполя она была прижата к румынской границе и ликвидирована, причем мы взяли 16 бронепоездов и массу орудий. Петлюровцы отходили в западу — в район польского фронта. В центре Слащеву удалось удержаться на перешейках, и Крым остался в руках противника, впоследствии дав начало новому (врангелевскому) фронту. На востоке между тем продолжалась упорная борьба. Отойдя за Дон, противник сосредоточил большую часть своих сил от Азова до устья Маныча. Здесь были: вся пехота Добрармии: 2-, 3- и 5-й Кубанские и 2-, 3-, 4-й Донские конные корпуса. С запада от железной дороги Ростов - Тихорецкая стояла пехота, восточнее — кавалерия. Заболоченное пространство шириной в 5 верст отделяло нас от противника. 17 января, в исполнение директивы командующего Юго-Восточным фронтом, 1-я конная армия по льду переправилась через Дон и вступила в бой с противником. Противник, не мешавший переправе и не открывавший даже огня, сразу обрушился превосходящими силами на наши части, поддерживая свой контрудар ураганным огнем [364] артиллерии и бронепоездов. Три дня (17–19 января) продолжался упорный бой. Не имея возможности развернуться на болотистой почве, слабо поддерживаемые артиллерией, из-за невозможности быстро передвинуть ее по льду реки, дрались наши части и, несмотря на поддержку четырьмя пехотными дивизиями 8-й армии, принуждены были, понеся тяжелые потери, отойти в исходное положение. 21 января попытка перейти Дон была вновь повторена, по так же безуспешно. Тогда наши армии произвели перегруппировку: 8-я армия осталась в районе Ростова; 9-я перешла к Новочеркаску, 1-я конная и конкорпус Думенко — в район низовьев реки Сала, 10-я армия атаковала Великокняжескую. Однако и противник сдвинул свои части, перебросив к устью Маныча пять конных корпусов и 8000 штыков пехоты. Новое сражение, продолжавшееся с 28 января по 1 февраля, несмотря на крайнюю доблесть 1-й конармии, было безрезультатным. Обе стороны понесли крупные потери: нами было взято 2500 пленных, но и противник разбил Думенко и взял 23 пушки. Вновь была произведена перегруппировка. Командующим Юго-Восточным фронтом был назначен тов. Тухачевский, выработавший новый план атаки противника маневром обхода его правого фланга конной армией. 16 февраля 1-я конармия переходит в район станицы Платовской (20 верст севернее Великокняжеской) и, обрушившись к югу, 18 числа занимает Торговую. Узнав, что Буденный двинулся на Торговую и тем самым выходит в тыл всех белых войск, противник сейчас же двинул свои 6 конных корпусов (под командой генерала Павлова) в этот район. Был 25-градусный мороз и метель, и противник дошел до Торговой лишь к 10 часам вечера. Но оставить Буденного в тылу даже на ночь представлялось командованию противника, очевидно, невозможным, и оно, несмотря на исключительно неблагоприятное (ночь, мороз, метель, утомление частей) положение, решилось сейчас же атаковать конармию. Конечно, атаки были отбиты, и противник отошел к западу, потеряв до 2500 человек убитыми и обмороженными, и должен был несколько суток приводить свои части в порядок. За этот период (21–23 февраля) Буденный, соединившись с частями 10-й армии,

наступавшей от Великокняжеской, разбил [365] группу противника (генерал Крыжановского), закрывавшую направление на Тихорецкую, захватив свыше 5000 пленных, бронепоезда и громадную добычу.

24 февраля группа генерала Павлова вновь двинулась на конармию с целью отбросить ее из занятого района. В упорных боях 25–27 февраля и 2–3 марта противник был разбит, понес колоссальные потери и начал отходить к северо-западу.

Эти бои 1-й конной армии и решили участь Деникина. Хотя частям Добровольческой армии и удалось в это время сбить части 8-й красной армии и, переправившись через Дон, вновь занять Ростов-на-Дону, но наличие в тылу победоносной конницы Буденного и невозможность сбить ее заставили белых начать новое отступление — теперь уже последнее. 17 марта наши части занимают Армавир; в наши руки переходит Екатеринодар, в окрестностях которого сдаются несколько десятков тысяч кубанцев. Добрармия отходит к побережью и отсюда на транспортах бежит в Крым. В пределах Черноморской губернии, постепенно отходя к югу от Новороссийска к Туапсе, противник пытается задержаться, пользуясь пересеченной местностью и поддержкой белого Черноморского флота, но наши части теснят его шаг за шагом. Наконец, прижатые к грузинской границе, войска противника частью переходят ее и разоружаются, частью рассеиваются в горах. На Северном Кавказе продолжается непрерывное движение наших войск в югу и юго-востоку, и, наконец, вся территория переходит в наши руки.

Деникинский фронт был ликвидирован.

Глава XVII.

Наступление поляков. Потеря Киева. Контрудар Юго-Западного фронта. Действие конной армии Буденного. Операции Днепровской флотилии. Лоевский прорыв. Отход поляков.

Варшавское сражение. Операции Западно-Двинской флотилии

Весной 1920 года закончился первый, самый тяжелый период гражданской войны. Державы Антанты вынуждены были отказаться от дальнейшей интервенции, внутренняя (отечественная) контрреволюция в лице Колчака, Деникина, Юденича, Миллера была разгромлена. Следующая попытка задуть Советскую власть была сделана Антантой при помощи так называемых «окраинных государств». [366]

Летом 1919 года польская армия получила сильное подкрепление в лице начавших прибывать из Франции дивизий генерала Галлера. Упорные бои возобновились в июле. Противник, пользуясь численным и техническим превосходством, сбил наши части и в середине июля занял Молодечно, Двинск и Бобруйский район. К сентябрю он уже находился на линии Двинск — Десна — Борисов — Бобруйск, где частям ваших 15-й и 16-й армий удалось задержать его наступление.

Таким образом, лишь в конце 1919 года поляки вели себя активно, остальное время их армии почти не двигались. Поведение белой Польши дает нам еще один (наряду с отмеченными раньше) пример вероятных действий белых коалиций против Красной армии. В период кризиса нашей борьбы с Деникиным Польша почти не шевелилась — на громадном фронте, почти в 300 верст, от Новоград-Волынска до Березины мы имели лишь 2 бригады против 32 000 поляков; всего 200 верст отделяло польскую армию на Мозырском направлении от деникинцев, занявших Чернигов; малейший удар мог оказаться для нас весьма тяжелым, но поляки этого удара не делали и не могли сделать.

Лозунг «великой, единой, неделимой России» был для польского правительства также неприемлем, как и власть трудящихся.

Весной 1920 года обозначился несомненный разгром Деникина, и Польша сочла подходящим момент для начала активных военных действий. Но польское командование переоценило свои силы и недооценило силы Красной армии, к этому времени во много раз усилившейся технически, морально окрепшей и уверенной в своих силах.

Правительство РСФСР дважды — 22 декабря 1919 года и 28 января 1920 года — предлагало польскому правительству заключить мир. Польша, однако, непрерывно готовилась к войне, ведя внутри страны агитацию за достижение на востоке границ 1772 года. С другой стороны,

как мы указали, выступление Польши против РСФСР явилось еще одной попыткой мирового капитала удушить Советскую власть силой оружия.

К середине апреля 1920 года Польша имела на фронте уже 103 000 бойцов, то есть больше, чем Красная армия, на 23 000 бойцов, причем весь этот избыток приходился на юго-западный наш фронт (от реки Припяти до румынской границы), как раз наименее сильный. Таким образом, здесь поляки [367] имели почти двойной перевес сил (101 боец на версту против 53 наших).

Союзниками Польши являлись латвийские войска, занимавшие фронт севернее, и армия Петлюры, реорганизация которой усиленно проводилась поляками. Наконец, на юге, в Крыму, еще находилась белая армия Врангеля, успешное наступление которой в середине лета 1920 года чрезвычайно помогло Польше.

25 апреля поляки перешли в наступление на Юго-Западном фронте. Имея здесь 30 000 против 16 000 наших войск, они с самого начала достигли крупных успехов, отбросив 12-ю армию за Днепр, заняв Житомир, Бердичев и Киев, а на правобережной Украине достигнув линии Ямполь — Канев.

Отход наших частей был весьма спешный, причем сильно отразился и на положении нашей Днепровской флотилии.

Днепровская флотилия и кампании 1920 года

Зарождение Днепровской флотилии и ее операции против белой флотилии на Днепре в 1919 году были нами уже изложены. За зиму состав нашей Днепровской флотилии значительно увеличился. Предполагалось к началу кампании подготовить два дивизиона канлодок из 8 кораблей каждый. Суда первого дивизиона должны были иметь: четыре лодки типа «Мстительный» — по два 130-мм орудия в 55 калибров длиной, четыре типа «Меткий» — по четыре 3» полевых орудия на морских установках. Канонерские лодки 2-го дивизиона имели разнообразную артиллерию — 3» полевые, 42-линейные пушки и морские орудия. Следует отметить канонерские лодки первой группы 1-го дивизиона («Мстительный»), так как установка на речных буксирах таких мощных орудий, как 130-мм, была произведена впервые. Эти суда были сильнейшими из всех «канонерских лодок», вооруженных нами на реках за все время гражданской войны.

К числу интересных судов нужно причислить и канонерские лодки типа «Меткий». Борьба за речные системы требует от боевых кораблей прежде всего способности бороться с берегом; сама вероятность боя между двумя враждебными флотилиями чрезвычайно мала, ибо достаточно фронту проходить на одном берегу несколько выше или ниже по течению, чем на другом, чтобы наступающая флотилия [368] прежде всего встретилась с береговыми батареями противника. А это предъявляет особые требования к артиллерии речных канонерских лодок. Не говоря уже о настильности морских длинных орудий (нормальная длина морской пушки 45–50–60 калибров против 30 калибров у полевых орудий и 17 — у горных), являющейся элементом если не вредным, то, во всяком случае, мало полезным, следует упомянуть еще об одном крайнем недостатке морских орудий в речной войне — об их неспособности выносить большое число выстрелов. Большая длина орудия и большая работа пороховых газов (из-за требования больших начальных скоростей — 2700–3000 футов в секунду), для достижения настильности, имеет следствием крайне ничтожное число (для боя с берегом) выстрелов — 500–700 без понижения меткости. Между тем бой с береговыми орудиями (главным образом, с полевой артиллерией) требует большого числа выстрелов в каждой операции, и, естественно, полевые пушки (напр., 3») оказываются для этого более пригодными, имея малую начальную скорость (равную 1800 футам), а, следовательно, и малый износ ствола и большое предельное количество выстрелов. Поэтому каждая флотилия обязательно должна иметь в своем составе корабли с полевыми пушками — конечно, на морских установках.

Таким образом, 1-й дивизион Днепровской флотилии может считаться, с артиллерийской точки зрения, весьма удачным решением вопроса. 130-мм пушки «Мстительных» (снаряд 90 фунтов, дальность 14 верст) могли бороться с любой береговой батареей и на любой

дистанции; «Меткие», со своими трехдюймовками, могли непрерывно обстреливать занятый противником берег.

К началу кампании не все суда были готовы. Флотилия, как только сошел лед, выдвинула один отряд на Припять для поддержки наших слабых частей против наступающих поляков, имевших здесь около дивизии войск с 12 орудиями. Наши суда приходили в тыл противника и вновь прорывались обратно, сражаясь с его батареями. При этом в бою у Чернобыля мы потеряли канонерскую лодку «Губительный», разбитую огнем и сражавшуюся до тех пор, пока палуба не ушла под воду. На севере другой отряд под командой военмора Дандре сдерживал натиск поляков, подошедших вплотную к Березине и к среднему течению Днепра: переправа противника отрезала этот отряд от главных сил флотилии, и дальнейшие [369] операции наши суда в этом районе вели, базируясь на Жлобин. Здесь флотилии удалось оказать помощь 2 нашим дивизиям, прижатым к Днепру, и переправить их под огнем на левый (наш) берег.

В первых числах мая противник подошел к Киеву. Стало очевидным, что Днепр будет перерезан, а следовательно, возник чрезвычайно важный вопрос, куда отходить главным силам Днепровской флотилии — вниз или вверх по реке? Ошибка в решении могла иметь следствием тяжелое положение или даже гибель флотилии — особенно если бы она оказалась в конце концов в районе, откуда далее невозможно было бы отступать. Быстрота наступлений противника не позволила разрешить идеально этот вопрос, и флотилия отошла, разделившись на две части. 1-й дивизион направился вверх по реке и далее к Гомелю на Соже, 2-й дивизион (с неготовыми судами 1-го) — вниз, к Екатеринославу. 6 мая противник занял Киев, и флотилия оказалась разрезанной на три части, причем главные силы с комфлотом военмором Смирновым отошли на реку Сож, 2-й дивизион оказался на нижнем Днепре у Екатеринослава, а небольшой отряд военмора Дандре — на Верхнем Днепре у Жлобина.

Контрудар наших армий на Западном фронте

Между тем наше командование, сосредоточив превосходящие силы (82 тысячи против 75 тысяч поляков), двинуло армии в наступление. Несмотря на исключительно благоприятные условия для обороны (левый фланг поляков опирался на озерные, болотистые дефиле, а центр был прикрыт Березиной), противник был сбит, и наши части, заняв Свенцпы, Молодечно и Борисов, на севере дошли до немецких позиционных линий мировой войны. Поляки, сосредоточив резервы (в том числе и 2,5 пехотные дивизии с Украинского фронта), начали 30 мая контрнаступление в районе Полоцка, оттеснив наши войска назад — но не достигнув, несмотря на все усилия, своих прежних линий.

В этот период на Юго-Западном фронте нами была сосредоточена конная армия Буденного, и 30 мая наши части этого фронта в свою очередь перешли в наступление. Буденный прорвал фронт противника и к 8 июня вышел в район Житомира и Бердичева, закрыв тем самым 3-й польской армии пути отхода на запад. [370]

Лоевский прорыв Днепровской флотилии

Одновременно пехотные части 12-й армии вели наступление вдоль правого берега Днепра от Канева на Киев; в то же время 2-й дивизион Днепровской флотилии, идя с флангом правобережной группы армии, продвигался с боем шаг за шагом на север. 17 мая части дивизиона десантом занимают Канев, отбросив поляков к северу и западу. Наконец, они завязывают упорную борьбу с батареями противника у Триполья (49 верст южнее Киева). Успех Буденного выдвигал необходимость переброски через Днепр частей 12-й армии, что дало бы возможность нанести сильный и повсеместный удар противнику.

Высшее командование, считавшее необходимым иметь в районе переправы сильную группу судов, отдало приказ главным силам флотилии прорваться к устью Припяти, где должна была происходить указанная переправа. Но путь по Днепру закрывался Лоевскими укреплениями противника, имевшими на господствующих над рекой высотах 14 орудий, массу пулеметов и бомбометов и сильное препятствие для прохода судов, в виде

взорванного моста, пролеты которого были, за исключением одного, завалены обломками упавших мостовых ферм.

Первая попытка 1-го дивизиона прорваться, повторенная дважды 19 мая, окончилась неудачей — суда были отражены артиллерийским огнем противника.

В ночь на 1 июня попытка была повторена. Флотилия, в составе канонерских лодок «Мстительный» (флаг комфлота Смирнова), «Геройский», «Малый», «Меткий», «Молодецкий», тральщиков «Запал» и «Трал» с минами заграждения, посыльных судов «Лев Троцкий» и «Головной», благодаря плохой видимости, подошла к мосту незамеченной. Шедшая первой канонерская лодка «Малый», навалившись на быки моста, дала свистком сигнал об аварии. Под открытым немедленно противником ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем «Малый» был снят с устоев моста и прошел в пролет. За ним прошло еще шесть судов. Но противник успел пристреляться к проходу, и шедшие концевыми «Меткий» и «Молодецкий» стали на мель. «Меткий», накрытый огнем и навалившийся на ледорез моста, потонул; другая канонерская лодка повернула обратно. Прорыв имел громадные последствия: флотилия противника отошла вверх по Припяти, две канлодки и два катера, оставшиеся у Киева, были уничтожены самими поляками, но [371] самое главное — переправа 12-й армии у Печек могла происходить под защитой нашей флотилии, и польские войска в Киеве оказались охваченными с двух сторон.

Польское командование напрягло все силы, чтобы уничтожить переправу. 15 июля противник начал совместную атаку войсковыми частями, своей флотилией и многочисленными аэропланами. Канонерские лодки «Мстительный» и «Малый» успешно отразили натиск противника и приостановили наступление польской пехоты, шедшей в атаку густыми цепями. В это время «Геройский» отражал попытку польских канонерских лодок продвинуться к месту переправы. В результате противник потерпел поражение, и части нашей 12-й армии смогли выдвинуться от реки к западу.

Взятие Киева. Дальнейшее наступление 1-й конной, 12-й и 14-й армий

10 июня три канонерские лодки 2-го дивизиона прорываются через Трипольские укрепления и, подойдя к Киеву, обстреливают его укрепления. 12 июня десантный отряд моряков, поддержанный огнем канлодок, врывается в Киев, поспешно очищаемый поляками.

Между тем положение 3-й польской армии становится отчаянным: с запада в Житомире — Буденный,двигающийся на Коростень и Новоград-Волынский; с севера части 12-й армии (группа Голикова), все ближе и ближе сходящиеся с Буденным. Противник начинает стремительный отход, бросая и сжигая пушки и припасы, — отход, быстро приводящий его части в беспорядок.

К концу июня красные войска уже отбрасывают противника на линию Олевск — Новоград-Волынский — река Случ — Могилев-Подольский, то есть исходный рубеж польского наступления. Теперь польское командование начинает переброску своих частей с северного фронта на юг — ослабляя себя там, где подготавливался наш новый удар.

Общее наступление Красной армии. Поражение и отход белополяков

Успех наших армий на Украине отчасти предрешил и успех нашего общего наступления на польском фронте. Во-первых, противник произвел переброски своих частей с севера на [372] юг; при этом следует отметить переброску конницы в то время как раз, когда мы сосредоточили на северо-западном фронте конную группу Гая (3-й конный корпус). В результате на севере численность наших войск к июлю много увеличилась (на Западном фронте с 82 000 до 114 000). Поляки, наоборот, стали слабее (с 75 000 до 58 000). Следует отметить, что на Западном фронте к моменту нашего наступления, впервые за все время гражданской войны, плотность войск (число бойцов на версту) приблизилась к плотности, бывшей на фронтах империалистической войны, достигнув 455 бойцов на версту (для Красной армии), превосходя в 4–8 раз таковую в период наибольшего напряжения на южном и восточном фронтах.

В боях 5 и 6 июля наши части 4-й и 15-й армий сбивают поляков на 160-верстном фронте. 7 июля стоящая южнее 3-я армия форсирует Березину, а расположенный севернее конный

корпус Гая прорывается через фронт противника и к 10 июля, занимая Свенцяны, выходит в тыл противника. Северные армии противника начинают отход в весьма тяжелых условиях, взрывая мосты, разрушая железные дороги, сжигая станции и тем стараясь выгадать время и получить возможность задержаться на последующих рубежах.

Западно-Двинская флотилия и ее операции

В состав наших сил Западного фронта входила в начале 1920 года и Западно-Двинская флотилия. Она образовалась из бывшей военно-речной флотилии Советской Латвии, после поражения красных латвийских организаций, и состояла из 3 пароходов и 2 катеров, отошедших на территорию РСФСР.

Эта флотилия была усилена рядом судов и, под командой военмора Тырышкина, к кампании 1920 года имела уже 4 канонерские лодки с 47- и 37-мм орудиями, 2 плавбатареи (по одному — 3» полевому орудию каждая), 4 катера с пулеметами и 6 мелких судов. Слабое вооружение судов этой флотилии объясняется малым размером судов на среднем плесе Западной Двины, что являлось следствием мелководности реки.

В противоположность плавбатареям других флотилий, здесь были деревянные баржи: конечно же, крупнокалиберной артиллерией они вооружены быть не могли. При флотилии [373] имелся и десантный отряд моряков с 3» и 37-мм Макленовскими полевыми пушками. После вскрытия Двины (25 марта) флотилия работала по очистке тыла армии от бандитов и по перевозке войсковых грузов. С началом первого нашего наступления (14 мая, см. выше) на Западном фронте деятельность ее усилилась. Так как она не имела против себя судов противника на реке, а из-за слабости и малого калибра артиллерии не была в состоянии вести самостоятельно борьбу с береговой артиллерией противника, то на нее весь указанный период, главным образом, возлагались задачи переброски войск и боевого снабжения по реке и поддержка войск при переправах с одного берега на другой.

22 мая десантный отряд, поддержанный судами флотилии, имел бой в районе Узмепы (около Дриссы) со значительными частями противника, поддерживаемого батареей и латышским бронепоездом, обстреливавшими десант с левого берега. В бою в канонерскую лодку «Торопа» и 1 катер были попадания.

13 июня десант и флотилия имели бой у деревни Дрегучка с польской и латышской кавалерией, поддержанной батареями. Огнем с обоих берегов противник пытался заставить флотилию отступить. После перехода армий Западного фронта в наступление, флотилия некоторое время оставалась в районе Западной Двины, охраняя фланг наших войск от нападения латвийских частей.

В связи с продвижением наших войск вперед, возникла мысль создать флотилию в районе Немана. Этот район, изрезанный густой сетью рек и многочисленных каналов, открывает самые широкие возможности для действия соответствующим образом созданной речной флотилии. Наличие флотилии в этом районе, где текут Неман, Бобр, Нарев, Западный Буг и Висла, имело бы огромное значение — тем более что рядом каналов эти речные системы связывались и с Днепром. В связи с этим приказом главкома от 6 августа, комфлоту Западно-Двинской флотилии была поручена организация военно-речных сил на Висле и других реках западного театра. Во исполнение этого распоряжения, на Неман был отправлен дивизион бронекатеров: «Пантера», «Рысь», «Ягуар» и «Кугуар» (прибывших с Волги в конце июня) для создания там флотилии. Однако изменившаяся [374] обстановка заставила отказаться от этого, и эшелоны были возвращены обратно. 23 ноября 1920 года, ввиду заключения мира с Польшей, флотилия была расформирована.

Наступления наших армий в Польше. Варшавское сражение

С началом победоносного наступления Западного фронта совпал и новый наш успех на Украине. Пытавшиеся задержаться восточнее линии Сарны — Константинов — Могилев-Подольский польские армии были вновь разбиты конной армией Буденного, прорвавшего фронт противника и зашедшего 4 июля Ровно. Южнее, еще 3 июля прошедшая через фронт противника в рейд по его тылам 8-я червоная казачья дивизия к 6 июля уже опустошала район от Черного Острова до Проскурова. 7 июля нами был занят Староконстантинов;

украинская группа противника подалась назад, и к 12 июля наши части входят в Каменец-Подольск. В результате на юге начался новый отход польских войск по всему фронту до линии рек Иква, Стырь и Збруч, то есть примерно на линию фронта 1916 года мировой войны.

На севере между тем события разворачивались с большой быстротой. К 11 июля наши армии (4-, 15-, 3-, 16-я) выдвинулись уже на линию Вилейка — Минск — Бобруйск, имея конный корпус Гая на пути в реке Вилии и заходя, таким образом, правым крылом вперед. 14-го июля была занята Вильна; в этом районе войска Литовской республики приняли участие в бою против поляков.

19 июля, после занятия конкорпусом Гая Гродно (за 7 дней им было пройдено 200 верст), польская армия пытается, начав контратаки, задержаться на линии рек Немана и Шары. Но эта попытка противника остается безуспешной; Красная армия после упорных боев форсирует переправы, сбивает противника и продолжает движение вперед. 23 наши части занимают Пинск, а 24 — Волковыск. Новую попытку задержаться противник делает на линии рек Бобра, Нарева и Ясельды; характерно, что эта линия на севере отстоит от предыдущей (Неман — Шара) на 100 верст, а на юге лишь на 50, то есть вдвое меньше. Таким образом, здесь впервые сказывается отчетливо желание противника задержаться именно на южном — Брест-Литовск — Ивангородском направлении, что вполне понятно, так как это направление выводило наши северные [375] армии без форсирования Вислы в тыл польским армиям в Галиции (3-я, 6-я и «Украинская» польские армии).

Наши войска вновь сбивают противника. Гай 29 июля занимает Ломжу, а части 16-й армии 1 августа — Брест-Литовск.

На южном участке фронта почти весь этот период противнику удается удерживаться на занятых позициях. Таким образом, вся линия польского фронта к началу августа изменяется и имеет уже с этого момента выдвинутой северную часть, тогда как ранее (с начала наступления Буденного) было наоборот. К этому времени распределение сил на фронте было еще подобно предшествующему, а именно: в его северной части (от границы восточной Пруссии до Буга в районе Малкина) против пехотных и кавалерийских дивизий противника наступали 11 наших дивизий плюс конный корпус Гая, на среднем (по Бугу до верховьев Припяти) — 7 польских дивизий отходили перед 10 нашими. Наконец, на южном фланге (от Влодавы до Карпат) нашим дивизиям (считая в том числе и всю конную армию Буденного) было противопоставлено 15,5 дивизий противника. Таким образом, на южном участке противник имел несомненный перевес в силах, это и было причиной замедления нашего движения, а каждый наш новый успех при таком неравенстве сил все больше и больше изматывал оперировавшие здесь наши 12-, 14- и 1-ю конную армию.

План, составленный нашим высшим командованием, выдвигал задачу овладения Варшавой, и овладения немедленного. Это решение нашего командования охарактеризовано в работе Главкома {47} так:

«Перед нашим командованием, естественно, стал во всю свою величину вопрос: посылить ли немедленное решение предстоящей задачи для Красной армии в том ее составе и состоянии, в котором она подошла к Бугу, и справится ли тыл. И теперь (статья написана в 1922 г.) как и тогда, на это приходится ответить: и да и нет. Если мы были правы [376] в учете политического момента, если не переоценивали глубины разгрома белополяков и если утомление Красной армии было не чрезмерным, то к задаче надо было приступить немедленно. В противном случае от операции, весьма возможно, нужно было отказаться совсем, так как было уже поздно подать руку помощи пролетариату Польши и тем окончательно обезвредить ту силу, которая совершила на нас предательское нападение. Неоднократно проверив все перечисленные сведения, было принято решение безостановочно продолжать операцию.

Таким образом, Красная армия открыто пошла на риск, и риск чрезмерный. Ведь операция, даже при удовлетворительном разрешении всех перечисленных условий, должна была

вестись, прежде всего, без всякого тыла, который быстро восстановить было совершенно невозможно после произведенных белополяками разрушений.

Здесь был и еще один момент риска, который создавался тем политическим значением Данцигского коридора, которого Красная армия не могла не оценить и принуждена была принять план овладения Варшавой с севера, так как, прежде всего, надо было отрезать ее от той магистрали, по которой не только подавалась материальная помощь самими поляками, но могла появиться помощь Антанты (читай: Франции) живой силой.

Сама операция овладения Варшавой с севера крайне отрывала наши главные силы от Ивангородского направления, куда отходили значительные силы белополяков, а затем чрезмерно растягивала наш фронт.

Таким образом, к моменту развязки мы шли, с каждым днем уменьшаясь в числе, в боевых припасах и растягивая свой фронт, но шли с надеждой, что своевременно подадим помощь протянутой руке польского рабочего; ради этой главной задачи стоило рисковать, тем более что Красная армия это умела и знала, что такое риск».

Таким образом, план наш сводился к перехвату Данцигского коридора и захвату Варшавы с севера. Обеспечением (и значительным) могло служить дальнейшее наступление армий Юго-Западного фронта, и особенно 1-й конной, которая была в районе Грубешова (всего на 100 верст в юго-востоку от Люблина; фактически конармия была несколько южнее втянута [377] в бой за Львов), то есть почти в тылу самого опасного для нас направления контрудара противника.

С началом августа наши южные армии вновь сбивают противника, выходя к 7 августа на линию Западного Буга от Влодавы, а 11-го занимая Грубешов на его правом берегу. Главное командование отдает еще 6-го приказ о выводе армии Буденного в резерв (Грубешов был занят не Буденным, а 12-й армией), но сделать это, по условиям боя (вспомним, что на этом участке перевес сил был у поляков), оказалось невозможно.

Северные армии победоносно продвигались вперед. Гай 12 августа занял Серпец, а 16-го переправился через Вислу у Влоцлавска. В Данцигском направлении наши части достигли линии Сольдау — Страсбург. В центре нами был занят Радимии, южнее наши части вышли к Висле, против Гуры Кальварии и Козениц.

«Наступил тот момент, когда рабочий класс Польши уже действительно мог оказать Красной армии ту помощь, — говорит т. Каменев, — которая дала бы Рабоче-Крестьянской России обеспеченный мир без угроз новых нападений; но протянутой руки пролетариата не оказалось. Вероятно, более мощные руки польской буржуазии эту руку куда-то глубоко запрятали.

И вот, после этого факта риск, на который пошла Красная армия, стал перед ней уже в полном объеме, а вместе с ним и неизбежность расплаты за смелость риска».

Между тем польское командование, сдав линию Западного Буга, 6 августа принимает следующий план:

- 1) удержать Варшаву, во что бы то ни стало,
- 2) решиться на потерю пространства на южном фронте и, благодаря этому, получить численное превосходство на севере.

Конкретно было намечено: группой генерал Галлера из 5-, 1-й 2-й армий активно оборонять линию Новогоргиевск — Варшава — средняя Висла, а «маневренной группой» генерала Пилсудского из 3-й и 4-й армий, сконцентрированных в районе Нижнего Вепржа (Люблина), атаковать наступающие красные части. Сюда между 8 и 16 августа были перекинута три дивизии с Грубешовского и Томашевского направлений, плюс части, отходившие с севера на Ивангород. [378]

К 16 августа распределение сил оказалось следующим: северный участок (Торн — Ивангород) — 10 польских дивизий против 19 наших и конного корпуса Гая; средний (место, выбранное противником для контрудара, Ивангород — Холм) — 2 наших дивизии против 4-х противника, и южный (Холм — Карпаты) — 16 наших против 15,5 дивизий противника {48}. Наличие в тылу у поляков неповрежденной железнодорожной сети и на

линии Вислы крепостей и многих переправ, в громадной степени облегчавших маневрирование (переброски) войск, еще более улучшали положение противника. 14 августа поляки, перейдя в наступление из района Новогеоргиевска, 15-го заняли Цеханов. Главный удар начала 4-я армия противника, 17 августа сбившая пашу Полесскую группу и к 18-му уже достигшая Седлеца. Дальнейший отход наших войск за Западный Буг поставил в исключительно тяжелые условия наши северные армии (3-, 15-, 4-ю и конкорпус Гая), которым приходилось отходить узким коридором между Западным Бугом и прусской границей. Части их, с большими потерями, удалось пробиться (Ломжа была занята поляками 22 августа), часть отошла на территорию Восточной Пруссии, где и была интернирована. На юге противнику, после упорных боев, удалось достигнуть района Броды. В результате 25 августа фронт был по линии: западнее Гродно — Беловеж — восточное Брест-Литовска — Грубешов — Броды.

Последовало двухнедельное затишье.

7 сентября возобновилось польское наступление на Юго-Западном фронте, и в течение недели противник захватывает Ковель, Кобрин и Луцк.

8 середине сентября, уже после начала мирных переговоров, поляки перешли в наступление и на Западном фронте, обойдя наш правый фланг по литовской территории. На линии Вылковыск — Гродно развернулись упорные бои, причем наши армии продолжали постепенно замедляющийся отход к востоку, к 12 октября выйдя на линию: Молодечно — Минск — Слуцк — Коростень — Жмеринка — Ямполь. 12 октября с Польшей было заключено перемирие, и операции закончились. [379]

Глава XVIII.

Образование врангелевского фронта. Значение морской силы на Черном и Азовском морях. Создание Красного флота. Силы противника. Первый период борьбы за Азовское море — господство противника. Борьба за Таганрогский залив. Десант Улагая на Кубани. Разгром на полях Украины и Северного Кавказа денкинских армий не означал еще полной ликвидации южной контрреволюции. В руках противника оставались еще два моря — Каспийское и Черное (с Азовским), и дальнейшие наши действия должны были быть направлены на отражение или уничтожение белых флотов, существовавших на них. Операции нашей флотилии на Каспийском море захватывают всю первую половину лета 1920 года. Они закончились полным уничтожением (захватом) белого флота, и, таким образом, на одном из двух морей противник перестал существовать.

На Черном и Азовском морях задача была неизмеримо сложнее — здесь нам пришлось встретиться с неразложившимся флотом противника, мало того — флотом, составленным из военных судов специальной постройки. Естественно, что борьба тут затянулась до поздней осени 1920 года.

Общая обстановка к моменту отхода противника в Крым

После разгрома денкинских армий под Орлом и Курском большая их часть отошла в направлении на Ростов. На этом же направлении были и наши главные силы. На Крымский полуостров из частей противника отошел лишь 3-й армейский корпус генерал Слащева (13-я и 34-я пех. дивизии), и туда были брошены из наших войск 46-я пехотная и 8-я кавалерийская дивизии. Наличие прекрасных оборонительных позиций, созданных самой природой из Крымских перешейков, стойкость частей (вспомним, что 3-й армкорпус противника в предшествующий период действовал против Махно, то есть не был затронут разложением) и, наконец, искусство начальника, понимавшего значение обороны перешейков, сделали их почти неприступными. Слабость наших частей (всего 2 дивизии), крайняя их изнуренность, так как они только что совершили многомесячный марш с боями по всей Украине, преследуя части противника, еще более облегчали задачу противнику, и нам не удалось форсировать перешейки. [380]

В феврале 1920 года начала выясняться возможность дальнейшей затяжки борьбы на юге — перешейки оставались в руках противника, на Кубани сражения также не были успешны для нас, и лишь Правобережная Украинва была очищена от противника.

Упорная оборона перешейков сохраняла противнику Крымский полуостров как тыловой район, ибо, кроме них и моря, не было других путей в Крым. Между тем разгром группы Шиллинга под Одессой, часть которой на судах бежала в Крым, увеличил число защитников перешейков и сделал их еще более надежной позицией.

А это последнее определяло сейчас же и громадное значение господства в водах Азовского и северо-западной части Черного морей. Это господство давало белым плацдарм для реорганизации их армий, а следовательно, и возможность дальнейшего продолжения борьбы. Мало того, Черное и Азовское моря усиливали разрозненные части Кубанской (главной) и Крымской групп белых, давая им быстрый и безопасный путь для их соединения.

Разгром белых на Кубани и отход лучших частей армий Деникина в Крым завершил создание новой армии, во главе которой стал генерал Врангель, один из лучших генералов противника.

Врангелевская армия и флот

В то время как перешейки защищались 3-м армейским корпусом (переименованным впоследствии во 2-й), в тылу — в Крыму создавалась новая армия: приводились в порядок отступившие с Кубани части и создавались все новые и новые боевые единицы. Постепенно, расширяя организацию, пополняя части пленными красноармейцами и прибывавшими отовсюду белыми, Врангель к осени развернул уже 2 армии в составе 8 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, общей численностью 37 000 штыков и сабель и свыше 200 орудий. Усиление армии совершалось постепенно — в первые периоды борьбы она была много слабее из-за отсутствия лошадей (почти не имелось кавалерии и т.д.)

Как мы выше указали, оба фланга противника упирались в море. Господство на них обуславливало самое существование Врангеля, и, естественно, противник обратил значительное внимание [381] на создание морской силы. В отношении судового состава его положение было прекрасно: в распоряжении белых находились остатки Черноморского флота, в 1918 году ушедшего из Новороссийска в Севастополь, захваченного немцами и, наконец, возвращенного «союзниками» Деникину в период успехов последнего.

Этот флот насчитывал в своих рядах — дредноут «Генерал Алексеев» (бывш. «Воля», ранее «Александр III» (21 000 тонн, 12–12" орудий 52 кал. длиной; номинально 21 узел хода), крейсера: «Генерал Корнилов» (бывш. «Кагул», 7000 тонн, 22 узла, 16–6" орудий), «Алмаз», 5 миноносцев типа «Новик», несколько угольных 700- и 350-тонных миноносцев (типов «Лейтенант Шестаков» и «Завидный»), несколько подводных лодок новейшего типа и масса вспомогательных судов. Для операций на Азовском море были вооружены бывшие крейсера пограничной стражи «Грозный» и «Страж» (120-мм и 6» пушки), ряд пароходов (по два 6» орудия), буксиров и других судов, а также и плавбатарей (обычного типа). В качестве плавбатарей был использован и старый линейный корабль «Ростислав» (8800 тонн), на котором были приведены в порядок 10» башенные орудия. Как базу противник имел Севастопольский военный порт, громадные запасы и средства которого могли обеспечить флот и значительно больший.

Самой слабой стороной флота противника являлся некомандный его состав. Старые матросы, ненавидевшие белых, были не только ненадежны, но и прямо опасны для противника. Поэтому белое командование прибегало к приему, заслуживающему с нашей стороны самого серьезного внимания. Оно попыталось создать «классовый» флот. Все старые матросы были списаны с судов. Машинная и кочегарная команды были взяты из торгового флота — по-видимому, после известной фильтрации; остальные специальности и все строевые были набраны из гимназистов и юнкеров, прошедших в Севастополе особые школы; наводчиками к орудиям были поставлены сухопутные офицеры. Жалованье личному составу было поднято до больших размеров (машинист получал до 40 000 рублей летом 1920 года).

Для характеристики можно привести табель комплектации эсминца «Пылкий» (типа «Новик»): командир — капитан 2 ранга, старший офицер — старший лейтенант, [382] 5

лейтенантов, 2 мичмана, 14 поручиков, произведенных из кондукторов, и 6 армейских офицеров, то есть всего 29 офицеров; некомандного состава было всего 59 человек, из которых старых матросов всего 8; выпущенных из мореходных училищ — 13, гимназистов и юнкеров — 38. Этот корабль был в резерве, при выходе в плавание брались кочегары из торгового флота.

Подобная система отзывалась на тактических свойствах судов. Перебежчики показывали, что дредноут «Генерал Алексеев» с трудом давал 8 узлов хода, против 21 в прежнее время, причем и на этом ходу пар держали с трудом.

Все же результатом подобной реформы явилась некоторая стойкость противника, и Азовское море (где развернулась главная часть борьбы) было единственным, где Красный флот встретился с неразложившимся флотом белых, почему изучение происходивших операций является для нас особенно ценным.

Противник и его возможности

Находившаяся в Крыму армия Врангеля была почти неуязвима. Но Крым, будучи поистине прекрасной оборонительной позицией, был совершенно не пригоден как место долгой стоянки для войск — он не имел хлеба даже для пропитания населения, и поэтому «выход» противника из Крыма был неизбежен.

Возможных операционных направлений было пять. Первое — выход по перешейкам в северную часть Таврической губернии — было самым простым решением, — здесь был хлеб, а наличие впереди, почти вдоль всего фронта, реки Днепр давало недурную оборонительную позицию; оба фланга могла быть поддержаны флотом (чего не было на Крымских перешейках, где Перекоп и Сивашское дефиле были недостижимыми для огня судовой артиллерии).

После хлеба нужна была живая сила. Второе и третье направление давали ее. Второе вело по Азовскому морю на Дон. Здесь являлась надежда (по мнению противника) на восстание донских казаков; здесь находился Ростов, крупный центр и транзитный пункт на пути к Северному Кавказу из центра республики.

Третье направление — также через Азовское море (то есть опять-таки открытое только при наличии господства на [383] море) вело на Кубань. Здесь также можно было рассчитывать на поддержку казачьего кулацкого населения.

Четвертое направление — по Черному морю на побережье Кавказа (район Сочи — Новороссийск) было менее выгодно. Здесь уже было нельзя рассчитывать на получение живой силы; сам театр, закрытый Кавказским хребтом, форсирование которого, естественно, представляло бы громадные трудности, был мало пригоден для ведения крупных операций. Пересеченная местность облегчала защиту любого пункта.

Пятое операционное направление — через Черное море в район Одесса — Николаев, было самым худшим. Еще существовал ряд минных заграждений времени империалистической войны, сильно стеснявший операции флота. На суше никакой поддержки, кроме десятка «батек» и некоторого количества бандитов, получить, конечно, было нельзя. Наоборот, сама Украина, еще не успокоившаяся, потребовала бы громадного расхода войск, что было не под силу противнику.

Наши возможности

Наше положение было вполне определенным. Ни одна флотилия не вышла к Черному и Азовскому морям. Мало того, мы не могли противопоставить ни одно судно в открытом бою дредноуту «Алексеев» и крейсеру «Корнилов»; наконец, мы не имели ни одной готовой подводной лодки.

При таких условиях естественно было избрать для главного удара тот район моря, где суда противника были бы наиболее стеснены в своих действиях природой. Таковым районом являлось Азовское море. 23-футовые глубины Керченского пролива не позволяли пройти туда ни дредноуту, ни крейсерам противника: малые глубины не допускали действия подводных лодок, и, таким образом, все эти силы не смогли быть выставлены против нас. С другой стороны, захват нами господства на Азовском море также знаменовал бы собой

падение Крыма, — лишь путь отступления (шедший по Черному морю) оставался бы открытым противнику.

Поэтому главное наше внимание, а также и внимание противника (так как там шли 2-е и 3-е его операционные направления) были обращены на Азовское море, и главная борьба разыгралась на нем. [384]

Создание флотилий

Сейчас же по выходе армий к побережью морей, было начато создание флотилий. Юго-Западный фронт (сначала командование на море было в руках армий) начал создавать две флотилии: одну на Черном море — в Николаеве, другую на Азовском — в Мариуполе. Кавказский фронт также приступил к созданию флотилии в Ростове-на-Дону; сверх того, 9-я армия организовала отряд судов в Темрюке.

В смысле судового состава наше положение было отчаянным; при отходе белые увели все мало-мальски пригодные суда. Поэтому мы вооружили пароходы и баржи, а в Азовском море, когда не хватило судов (там было всего 2 ледокола, из которых один затопленный, и 6 шхун), приступили к вооружению землеотвозных шаланд. На этих последних судах, забрав дно досками, получили возможность разместить погреба; шаланды имели по три 130-мм орудия и вынесли много боев; главным их недостатком был малый ход (у «Свободы» всего 4 узла). Противник был силен (одних эсминцев имел 9), и не приходилось пренебрегать ничем — всякое судно было годно.

Всего в первое время нами было вооружено 5 канонерских лодок, 4 сторожевых судна (по одному 75-мм орудию) и 5 плавучих батарей (по одному 6» орудию).

Сильнейшей из канонерских лодок была «Знамя Социализма» — бывший ледокол, вооруженный двумя 130-мм орудиями; две канонерские лодки, созданные из землеотвозных шаланд: «Красная Звезда» и Буденный» имели по два 130-мм и по одному 100-мм орудию; наконец, в состав флотилии входили вооруженная паровая шхуна «III Интернационал» (два 120-мм орудия) и землеотвозная шаланда «Свобода» (сначала одно 6", потом два 100-мм)

Первые операции. Период господства противника.

Противник чувствовал себя совершенно обеспеченным на море. Характерно то, что основное задание, данное главным командованием (еще деникинской армии) своему флоту, предусматривало лишь пресечение каких бы то ни было морских перебросок Красной армии по морю. Из самой формулировки этого задания видно, что, по-видимому, мысль о возможности борьбы за Азовское море у противника не возникала. Поэтому [386] флотилия противника лишь изредка выходила в море (надо было экономить топливо) и появлялась у наших берегов скорее для наблюдения, чем для каких-либо крупных операций. Так, в начале мая флотилия противника, находившаяся в это время под командованием капитана 1 ранга Машукова, вышла в Таганрогский залив. Три наших отряда еще вооружались, к тому же одно из двух (и сильнейшее) судов Мариупольского отряда, уже вооруженных, — «Данай», находилось в это время в море в разведке в районе Бердянска.

На рассвете 2 мая неприятельский отряд появился перед Мариуполем. Его суда, как бы обстреливавшие головное из них, уходившее по направлению порта, не были обнаружены своевременно и, кроме того, головной корабль противника был принят за наше судно «Данай», находившееся в море. Вошедший головной корабль (это было сторожевое судно белых «Никола Пашич»), воспользовавшись полной растерянностью в порту, пулеметным огнем очистил стенку, захватил наше сторожевое судно «Республиканец» (два 47-мм орудия) и бомбардировал порт. 2 и 3 мая этот же отряд белых обстрелял Ейск и Таганрог, вступив в первом из них даже в бой с нашей береговой батареей. Таким образом, противнику удалось достигнуть некоторого успеха, однако не доведенного им до конца — ибо при существующей обстановке его флотилия могла сделать все, что хотела.

Исключительно благодаря случайности, другое судно Мариупольского отряда «Данай» (одно — 75-мм орудие), возвращаясь с моря, разошлось с противником и благополучно вернулось в Мариуполь. При других обстоятельствах оно, конечно, было бы тоже захвачено неприятелем.

Выход Врангеля из Крыма

В мае месяце противник закончил реорганизацию значительной части эвакуированных с Кубани частей; сменил ими части, ранее оборонявшие перешейки, и, получив свободные войска, решил использовать их для выхода из Крыма и занятия северной части Таврической губернии (первое операционное направление) {49}. Для этого 2-й корпус был в Феодосии [387] погружен на транспорта и под прикрытием боевого флота в составе 2 канлодок («Грозный» и «Страж»), 1 сторожевого судна «Пашич» и 2 плавбатарей прошел в Азовское море. В ночь на 6 июня десантный корпус был высажен у Кирилловки {50}. В то же время главные силы противника перешли в наступление от Перекопа. Противнику, широко использовавшему авиацию, удалось охватить фланги нашей 13-й армии и начать теснить ее к северу. Лишь присутствие у Мелитополя 2-й кавдивизии и на днепровских переправах 15-й пехотной дивизии, шедших на польский фронт и сейчас же брошенных в бой, спасло 13-ю армию от разгрома.

Противнику все же удалось занять северную часть Таврической губернии, выйдя на линию Днепра от устья до Васильевки и далее к Молочному и Бердянску. На этой линии фронт оставался с небольшими изменениями до сентября, причем Бердянск несколько раз переходил из рук в руки. Противник, выйдя из Крыма, расположил 2-й армейский корпус (13-ю и 34-ю пехотные дивизии) против Днепра, 1-й корпус (Дроздовская, Марковская и Корпиловская дивизии) в районе Васильевки и Донской корпус (1-, 2- и 3-я Донские дивизии) на правом фланге (до Азовского моря). Вся конница была выделена и, образуя мощную кулак в 7000–10 000 сабель с массой аэропланов, составляла резерв Врангеля. Она, занимая среднее положение (район Мепчикура) и обладая большой подвижностью, всегда поспевала к месту решительного боя. Все попытки, произведенные нашей 13-й армией, впоследствии усиленной 6-й армией (в районе Днепра) и 2-й копейной (сначала район Гуляй-Поля, потом — Каховки), неизменно терпели неудачу. Прорвав фронт, наши части, преследовавшие отходящего противника, встречали его конницу; перевес в этом пункте переходил на сторону противника, и он разбивал атакующую группу. Затем, перебрасывая конницу по внутренним линиям на другой участок, противник достигал успеха или, по крайней мере, восстановления положения и там. [388]

Объединение морского командования. Первые бои

15 июня первая наша вооруженная канонерская лодка (землечерпательная шаланда) «Свобода» с одним 6-дюймовым орудием, имея на буксире плавбатарею (1–6» орудие), у Бердянска вступила в бой с канонерской лодкой противника «Урал» (2–6» орудия) и его двумя сторожевыми судами («Пашич» и «Азовец»). Бой был не решительным, но отступление сильнейшего противника сильно подняло дух нашей флотилии.

Июнь месяц ознаменовался и другим важным событием. Главное командование на море было передано морякам. Первым следствием этого было объединение всех судов на Азовском море в одну флотилию под командой военмора Гернета; для действий на Дону был создан особый Донской речной дивизион. Другой отряд сформировался в Черном море. Оба они, как и вся береговая оборона (включая и Новороссийский район), были подчинены начальнику морских сил Черного и Азовского морей военмору Домбровскому, имевшему штаб в Мариуполе.

Попытка Врангеля организовать Донской фронт. Бой у Кривой косы

Захват части Таврической губернии обеспечил Врангелю снабжение хлебом армии и Донской фронт Крыма. Следующей задачей расширения рамок борьбы было увеличение армии за счет «жизненных» центров, то есть мест, где на сочувствие населения можно было рассчитывать. И вот, в июле Врангель приступает к использованию второго операционного направления. Был сформирован десант из 1750 донских казаков, с полковником Назаровым (уроженец места высадки) во главе, и погружен на транспорта. Боевой флот, в составе одного экадренного миноносца «Зоркий», трех канонерских лодок (по два — 6» орудия), двух плавбатарей (с одним — 6» орудием каждая) и трех сторожевых судов, 8 июля вместе с транспортом вышел в море.

В это время нами производилось лихорадочное вооружение судов. Были вооружены уже 3 канонерские лодки: «Знамя Социализма» (2–130-мм), «Свобода» (1–6») и «Сталин» (2–75-мм орудия). У входа в Таганрогский залив было поставлено 2 минных заграждения. Наконец, защиту главного [390] нашего порта Мариуполя составляли одно 6» орудие на берегу и 4 плавучих батареи (по одной 6» пушке каждая).

В ночь с 8 на 9 июля флот противника и транспорта с десантом, не обнаруженные, прошли в Таганрогский залив, при этом миновав и линии минных заграждений. Утром 9 июля суда противника, обстреляв берег в районе Кривой косы, приступили к высадке десанта. Наша флотилия сейчас же снялась с якоря и вышла вслед за противником. Пошли и находящиеся в переоборудовании, еще не готовые канонерские лодки (бывшие землеотвозные шаланды) «Красная Звезда» и «Буденный» (на них было установлено по одному 130-мм орудию). Наши суда шли по способности и вступали в бой последовательно. На канонерских лодках «Буденный» и «Красная Звезда» сразу просели подкрепления под орудиями, и они вышли из строя; на «Сталине» вырвало замок одного орудия; однако попытка миноносца противника атаковать наши суда была отбита огнем. Наша флотилия, потеряв половину артиллерии выведенной из строя, отошла в Мариуполь. Противник, окончивший высадку и, по-видимому, озадаченный появлением и смелой атакой наших судов, на ночь вышел из залива, при этом его канонерская лодка «Грозный»{51} подорвалась на наших минах и вышла из строя.

Потеряв «Грозный» и обнаружив наличие наших минных заграждений, комфлот противника не решился больше идти в залив. На следующий день наши оставшиеся в строю суда вновь вышли к Кривой косе и, не встретив флота противника, начали непрерывное бомбардирование десанта Назарова с моря. Бомбардировка продолжалась 11, 12 и 13 июля. 14-го июля Назаров, окружаемый все теснее и теснее нашими войсками на суше, обстреливаемый с моря нашей флотилией, получив отказ в помощи, которую он просил по радио у своего флота, прорвался в глубь страны. Две недели спустя, его отряд бил разбит и уничтожен в бою у станицы Константиновской на Дону{52}. Так кончилась попытка Врангеля образовать Донской фронт. [394]

Попытка Врангеля образовать Кубанский фронт. Наш наступательный план. Ахтаринские операции

Но расширение масштаба борьбы для противника было невозможно без значительного увеличения численности армии. Тем 30 000–40 000 бойцами, которых к этому времени имел Врангель, было явно не под силу расширение занятого основного фронта. И Врангель вновь решил попробовать успех на третьем операционном направлении — на Кубани. На этот раз подготовка была шире.

Операция была начата лишь в то время, когда развившееся в нагорной Кубани повстанческое движение достигло широких размеров. Все действовавшие здесь группы и отряды объединились в одну «Армию Спасения России» под командой Фостикова, уже приступившего к организации «полков» и «дивизий» из отдельных отрядов. Все внимание нашей 9-й армии (стоявшей на Кубани) было отвлечено в эту сторону.

Сам десант — правильнее сказать, экспедиционная армия — насчитывал около 8000 штыков и сабель, 17 орудий и 3 аэроплана{53}. Сверх того, он мог быть поддержан двумя малыми десантами. Местом высадки было выбрано Ахтари. Во главе экспедиции был поставлен генерал Улагай.

Наша флотилия в это время непрерывно усиливалась. В строю было уже 5 канонерских лодок; в Мариуполь по железной дороге прибыли из Каспийского моря 5 истребителей, восполнившие наш главный пробел — недостаток в быстроходных судах. Были усилены минные заграждения у входа в Таганрогский залив и создана тыловая минная позиция у Кривой косы; на Белосарайской и Кривой косах было приступлено к сооружению батарей, причем на первой ставились 8» орудия. Наконец, из стянутых со всех морей десантных отрядов моряков была сформирована морская экспедиционная дивизия, имевшая первое время 3 пехотных полка, 1 кавполк и 2 батареи (всего 2500 штыков и сабель). [396]

В это время и наше морское командование, по соглашению с командующим Юго-Западным фронтом, решило перейти к активным операциям, перевести морем и выбросить в Геническе в тыл противника морскую дивизию. Для обеспечения же операции с моря предполагалось поставить в Керченском проливе минное заграждение. Обе стороны, таким образом, одновременно решили перейти к активным действиям.

Вечером 12 августа в море вышел наш отряд в составе 2 сторожевых судов «Данай» и «Пугачев», имевших на буксире баржу «Дон» с 250 минами, и 5 истребителей (на одном из них шел коморси Немитц), также с минами, и, не замеченный противником, достиг в ночь с 13 на 14 августа Керченского пролива.

Наши суда поставили в проливе, как и было намечено, заграждение, но в темноте истребители потеряли баржу, а затем разошлись и сами. В ночь с 13-го на 14-е боевой флот противника с десантом Улагая также вышел в Азовское море. На рассвете, в районе Темрюка, «Пугачев» и «Данай», ведшие «Дон», были открыты противником. Положение наших судов было почти безнадежным: и громадный перевес в силах, и преимущество скорости хода было на стороне противника. Решение начальника отряда было правильным: сняв людей с баржи «Дон», бросить ее для привлечения внимания противника, а обоим сторожевым судам полным ходом уходить на юг. План удался, и сторожевые суда скрылись в Темрюкской бухте; «Дон» был захвачен противником. Истребителям, также обнаруженным неприятелем, под огнем удалось прорваться в Мариуполь.

Между тем транспортный флот противника достиг Ахтари, выбранного местом высадки. Обстреляв берег, противник произвел десант, сразу имевший крупный успех {54}. Ему удалось разбить и отбросить наши части и захватить большое количество подвижного состава на железнодорожной линии. Разведка наших гидроаэропланов из Мариуполя обнаружила его действия, и флотилия стала срочно готовиться к операциям.

В ночь с 18 на 19 августа 5 наших истребителей прошли в район Ахтари и выставили там минное заграждение. В это [398] же время обоим сторожевым судам, отрезанным в Темрюке, следуя серединой моря, удалось прорваться в Мариуполь.

Первой операцией нашего боевого флота была атака дозорных судов противника, так как со времени операции у Кривой косы противник имел постоянно 1 или 2 судна к юго-западу от Белосарайской косы. Для этого с закатом солнца 19 августа все готовые наши канонерские лодки («Знамя Социализма», «Красная Звезда», «Буденный», «III Интернационал» и «Свобода»), 2 сторожевых судна и 3 истребителя вышли в море, имея целью ночью обойти и на рассвете атаковать с тыла дозорные суда противника, отрезав им отступление. Хотя попытка эта не удалась, ибо дозорная канонерская лодка противника стояла западнее обычного места, и ей, после перестрелки, пользуясь преимуществом в ходе, удалось скрыться, но все же выход наших судов имел большое значение, так как противник с этого дня убрал дозорное судно, прекратив непосредственное наблюдение за входом в залив — чем открыл для нас возможность расширить свои операции.

Успех (хотя и не полный) первой активной операции сразу поднял дух флота и имел следствием решение командования перейти к более крупным операциям. Вышедшая в ночь на 21 августа наша флотилия, в составе 5 канлодок, 3 сторожевых судов и 2 истребителей, утром на следующий день вошла на Ахтаринский рейд и бомбардировала расположение противника, вступив в бой с его батареями и принудив их к молчанию. При этом наши суда были атакованы аэропланами противника. Этот выход флотилии нанес, без сомнения, весьма чувствительный моральный удар Улагая, так как показал последнему всю ненадежность его коммуникационной линии.

Между тем успех на суше начал переходить на нашу сторону. Подходившим нашим подкреплениям удалось задержать наступление противника и даже отбросить его на некоторых занятых им районах.

Тогда, для поддержки Улагая, Врангель направляет еще два десанта: первый из них на Таманский полуостров, второй в район Сукко. Обоим удалось высадиться, но дальнейшее распространение их нами было сдержано.

Все же положение наших войск, находившихся между армией Улагая и повстанцами Фостикова, распространявшимся [400] все шире и шире, и двумя новыми (у Сукко и на Тамани) десантами противника, было весьма тяжелым. Малейший неуспех мог привести к потере Екатеринодара и с ним значительной части Кубани, что знаменовало бы образование нового Кубанского фронта.

Ввиду этого решено было направить все силы для скорейшей ликвидации Улагая. Одним из намеченных мероприятий была переброска морем и высадка в Ахтари морской экспедиционной дивизии: риск, и очень значительный, этой операции вполне окупался значением, которое имело бы появление дивизии в тылу у противника. И вот, в ночь с 23 на 24 августа, после произведенной накануне тщательной разведки гидроаэропланами, наш транспортный флот из 11 пароходов, 3 барж {55} и 2 плавбатарей (на палубах последних были лошади и орудия) вышел в море. Для защиты транспортов с ними шли 3 сторожевых судна и 2 плавучих батареи, а мористее держались наши главные силы: 5 канонерских лодок и 5 истребителей. Встреченные сначала канонерская лодка, а затем миноносец противника, после перестрелки на большой дистанции с нашими канонерскими лодками, отошли, и к вечеру десант был уже южнее станицы Камышеватской, где и начал высадку, продолжавшуюся до вечера 25 августа {56}.

Боевой отряд тем временем прошел на Ахтарииский рейд, обстреляв Ахтари, а истребители поставили новое минное заграждение. [401] На обратном пути (на закате 25 августа) наши суда вновь встретились с противником, также не принявшим боя. Для нас же, имевших под берегом транспорта, бой был явно невыгоден. 26-го транспорта и боевой флот вернулись в Таганрогский залив. В этот период флотилия противника потеряла подорванными на минах миноносец «Жаркий» и транспорт «Волга». Положение армии Улагая резко изменилось к худшему. Десанты противника у Сукко и на Тамани были ликвидированы; сама армия Улагая была после упорных боев сбита с линии Ахтари — Тимашевская и начала отход на юго-запад в плавни; усиленная непрерывно подходившими подкреплениями наша 9-я армия имела уже большой перевес в силах (наша армия — около 20 000 штыков, 5.000 сабель и свыше 85 орудий, против 8000 штыков и сабель и 17 орудий противника).

Неуспех Улагая заставил Врангеля отказаться от попытки образования Кубанского фронта. В районе Ачуева противник произвел обратную посадку экспедиционной армии на суда {57}, и к 5–6 сентября Кубань была очищена от противника.

Наша флотилия, получив известие об отходе противника, сделала попытку закрыть путь отступления минами. Однако вышедшим в море 5 истребителям (с начальником действующего отряда Хвицким) осуществить это не удалось, так как они были встречены миноносцами противника, и лишь благодаря наступившей темноте смогли отойти без потерь.

Неудача Кубанской операции Врангеля явилась поворотным пунктом всей кампании. Последовавшая вслед за неудачей на Дону, она ясно показала Врангелю, что рассчитывать на расширение рамок борьбы он не может. Без этого же ему оставалась только оборона — может быть, долгая и успешная, но, лишенный резервов, он рано или поздно был обречен на гибель.

Вместе с тем наша Азовская флотилия, закаленная в происходивших операциях, уверенная в своих силах, приступила к операциям у неприятельского побережья. [402]

Глава XIX.

Операции в Северной Таврии. Действия в северо-западной части Черного моря. Инциденты с судами Антанты. Операции у Кавказского побережья. Переход Врангеля в наступление. Последние действия на суше и на море

Между тем на основном врангелевском фронте — в Северной Таврии — все время происходили крупные бои. Главные попытки сломить фронт противника, остававшийся со времени июньской операции неподвижным, были нами сделаны в начале июля и в конце августа. В начале июля нами был сформирован и сосредоточен в восточной части фронта конный корпус (три дивизии) Жлобы. Предполагалось, что его удар в направлении на

Мелитополь нанесет потрясение всему фронту противника, главные части которого, как мы уже отмечали, были выдвинуты к району Александровска. Жлобе, перешедшему в наступление от Верхнего Токмака, удалось сбить фронтовые части противника и продвинуться в районы южнее станции Большой Токмак. Тогда противник прибег к совершенно новому маневру. Навстречу Жлобе было направлено несколько отрядов аэропланов, начавших непрерывные атаки с воздуха на идущую кавалерию. Не будучи в состоянии продвигаться при подобных условиях, наш конный корпус задержался, что дало возможность противнику сосредоточить свои силы и обрушиться на него со всех сторон. Атакованный со всех сторон корпус Жлобы понес огромные потери, и лишь отдельным частям удалось вырваться из окружающего кольца и прорваться к нашим частям.

В конце августа, как раз в то время, когда противник произвел десант Улагая на Кубани, нами было предпринято повое решительное наступление. На этот раз наступали сразу три армии: 13-я, вновь пополненная, наступала с северо-востока из района Васильевка — Большой Токмак — Нельговка, вновь сформированная 6-я армия от Каховки, где в наших руках находился на левом берегу Днепра сильно укрепленный плацдарм, и, наконец, 2-я конная армия, собранная в кулак, была брошена от Васильевки на прорыв фронта противника и быстро достигла района Малая Белозерка.

Противник повел на нашу конницу непрерывные атаки с воздуха, обстреливая наши части из пулеметов и аэропланов и лишь на закате каждого дня (когда силы коней были измотаны) бросал в атаку свою кавалерию. Наличие у него [403] крупной конной массы, двигавшейся параллельно и южнее нашей, обеспечивала безопасность его тылов. В результате 2-я конная армия прорвалась к нашей Каховской группе, совершенно измотанная, и должна была быть сейчас же выведена в резерв; атаки 6-й и 13-й армий также успеха не имели. Таким образом, и это второе сражение было явно неуспешным. Однако и противник, ведший неоднократные атаки своим Вторым корпусом на Каховский плацдарм, несмотря на применение танков (часть которых была нами захвачена в боях), отступил с большими потерями.

В результате установилось как бы некоторое равновесие. Противник не мог добиться успеха ни на Дону, ни на Кубани, и тем был лишен возможности расширить масштаб своих операций. С другой стороны, и наши попытки загнать его войска обратно в Крым оканчивались неудачами.

Операции в северо-западной части Черного моря

Сейчас же по выходе наших войск на побережье Черного моря, там началось создание флотилии путем вооружения буксирных судов, барж и катеров. Одновременно на верфях продолжалась достройка захваченных неготовых военных судов бывшего Черноморского флота — легкого крейсера «Адмирал Нахимов», трех миноносцев, четырех подводных лодок и четырех тральщиков типа «Эльпидифор». Однако из всех этих судов в строй удалось ввести лишь одну подводную лодку «Троцкий» (бывшая АГ-23) и один «Эльпидифор». Поэтому вся тяжесть операции легла на вооруженные торговые суда. К середине кампании было вооружено 8 канонерских лодок, 16 сторожевых судов, 4 посыльных судна, 3 плавбатареи и дивизия траления из 14 судов. В противоположность Азовскому морю, недостатка в судах здесь не было, но зато силы противника были здесь много больше, а главное, состояли из боевых судов специальной постройки. Ряд береговых батарей и поставленные минные заграждения усиливали оборону района.

Инциденты с судами Антанты

Во все время войны с Врангелем на южных приморских границах республики существовало чрезвычайно оригинальное положение. [404]

С одной стороны, на Черном море находился неприятельский (белый и Антанты) флот; с другой стороны, Черноморское побережье служило районом, с которым зарубежные государства поддерживали сношения даже мирного характера. Так, через Одесский порт, а впоследствии и через Новороссийский доставлялись в пределы Советских республик бывшие военнопленные периода империалистической войны, в Одессу же приходили

итальянские пароходы за хлебом и т.д. Был установлен целый ряд правил, каким способом иностранные суда (пароходы обыкновенно сопровождалась и военными судами) могут подходить к нашему побережью. Это вполне понятно. Каждое появление иностранного военного корабля, в сущности, означало ознакомление посторонних с методами защиты порта, свободными от мин фарватерами и т.д. В течение лета и осени 1920 года между нашими береговыми укреплениями и судами, с одной стороны, и кораблями Антанты — с другой, произошел целый ряд конфликтов, доходивших даже до вооруженного столкновения.

Отметим лишь некоторые из них. Первым «инцидентом» было столкновение с французской канонерской лодкой «Ла Скарп». Этот французский корабль входил в наши воды без предупреждения и пренебрегая какими бы то ни было формальностями. В начале мая «Ла Скарп» вошел в Днепровско-Бугский лиман и подвергся обстрелу с нашей плавбатарей. Получив несколько попаданий, канонерская лодка подняла белый флаг и остановилась. Съехавшие на берег для «объяснений» командир и переводчики были арестованы. Произошел крупный инцидент, и французское командование начало уже стягивать свои силы к Очакову. Во избежание возможного кровопролития, Советское правительство приказало отпустить канлодку. Однако этот инцидент послужил хорошим уроком, и французские суда с этого дня, появляясь в наших водах, стали соблюдать все установленные формальности.

Крупное столкновение произошло в Новороссийске, где командир итальянского крейсера «Этна», пользуясь отсутствием защиты города, выпустил несколько залпов по берегу.

* * *

Другой итальянский корабль, эсминец «Раккия», шедший конвоиром трех транспортов с военнопленными, решился самостоятельно подойти к Одесской бухте и наскочил 20 июля на поставленное нами ранее минное заграждение. Эсминец [405] погиб, а транспорты с большим трудом удалось вывести из минных полей.

Наконец, в начале августа в районе Одессы произошел самый крупный инцидент, едва не приведший к вооруженному столкновению с французским флотом. 31 июля французская канонерская лодка «Изард» отконвоировала к Одессе четыре транспорта с военнопленными. Когда была произведена разгрузка военнопленных, оказалось, что на двух транспортах «Батавия» и «Алегрет» имеется 28 гидроаэропланов, по всей видимости направляемых в Крым для Добармии. Таким образом, бесцеремонность французов дошла до крайней степени — в русский порт зашел транспорт с военным имуществом для противника, то есть с самой явной контрабандой.

Центром было предписано аэропланы секвестровать во что бы то ни стало, однако, избегая кровопролития. Французы пытались всячески затемнить вопрос, уверяя, что гидроаэропланы предназначены для французских войск в Турции, предлагали аппараты уничтожить и т.д. {58} Когда Реввоенсоветом Республики было передано согласие на уничтожение аэропланов, обстановка уже изменилась. К Одессе подошли три крупных французских боевых корабля. Моментально тон французского командования переменился: теперь уже требовалось, и требовалось ультимативно, освободить самолеты до такого-то часа или... будет бомбардирована Одесса. Было ясно, что оттяжка была нужна лишь, чтобы подвести крупные силы, и что французское командование не остановится перед бомбардировкой незащищенного города. Мы уступили, транспорты были отпущены, и аэропланы пошли в Крым к Врангелю.

При таких трудных обстоятельствах приходилось работать нашему морскому командованию на побережье Черного моря. Конечно, боевые операции продолжались само собой, ведь побережье был противопоставлен, кроме флота Антанты, попеременно, то нейтрального, то враждебного, и флот Врангеля — открытый неприятель.

На Днепре и в Днепровско-Бугском лимане деятельность нашей флотилии заключалась в поддержке частей нашей армии, ибо северный берег реки и Каховский плацдарм были в [406] наших руках, а южный в руках противника. Крупнейшей из боевых операций, по

своему значению, было подавление восстания в районе Станиславовки в ночь с 23 на 24 июня. Противнику удалось захватить один катер, в то время как врангелевские войска пытались произвести десант у мыса Аджиаск и у входа в Бугский лиман, но были отражены огнем канлодки «Харьков». На следующую ночь сводным отрядом наших войск, при поддержке судов «Стреляна», «Бессарабец» и «Агарфена», восстание было ликвидировано. Противник в это время зашевелился и на море, и «Кагул» бомбардировал нашу Первомайскую батарею, но после ответного огня и полученных попаданий, отошел. В Очаковском районе, постепенно усиливаемом возводимыми береговыми батареями, борьба была много упорнее. Здесь основной задачей было недопущение прорыва судов противника в Днепровско-Бугский лиман. Кроме того, необходимо было нести дозор в море, чтобы пресечь сношение противника с контрреволюционными организациями на побережье. Очаковской группе береговых батарей, поддерживаемой плавбатареями, пришлось выдержать до двадцати боев с судами противника. С 6 августа на Тендровской рейде появился дредноут «Генерал Алексеев» (также принимавший участие в бомбардировках), 12-дюймовая артиллерия которого со своими 28-пудовыми снарядами давала решительное преимущество последнему. Лишь действия нашей гидроавиации заставляли его иногда прекращать бомбардировку и вступать в бой с воздушным врагом.

Но решительных действий в этом районе противник не предпринимал.

Операции у Кавказского побережья

Кавказское побережье (от Керченского пролива до грузинской границы) было нами также укреплено, а подходы к портам — заминированы. Сделана была попытка и создания флотилии. Главным препятствием для последнего было отсутствие в захваченных нами портах крупных судов.

Следует отметить, что в сентябре 1920 года в Новороссийский порт пришли присланные из Турции Мустафой Кемалем канонерские лодки «Айдин-Рейс» и «Перевеза» (560 тонн водоизмещения, 14 узлов хода). Позднее их прибытие не позволило [407] использовать их для военных действий. Об инциденте с крейсером «Этна» мы уже говорили, и теперь остается только отметить поход катера ИМ-17.

Белое командование высаживало на Кавказское побережье (главным образом, со стороны Азовского моря) многочисленных агентов с целью поднятия восстаний против Советской власти. Подобная же идея была использована и нами. Однако следует заметить, что для нас переброска людей морем, на котором господствовал противник, представляло неизмеримо большие трудности. Тем не менее в начале августа моторному катеру ИМ-17 удалось пересечь Черное море и высадить в районе Судака целую группу в 12 человек. Встретивший катер эсминец противника его не атаковал, по-видимому приняв за минный катер типа «СМВ», — иначе говоря, сам опасаясь атаки.

Переход армий Врангеля в наступление. Поражение 13-й армии

В начале сентября армии Врангеля перешли в общее наступление. 13 сентября Донской корпус противника прорвал фронт 40-й пехотной дивизии, составлявшей левый фланг 13-й армии, и, разгромив ее, стал быстро распространяться к северу и северо-западу, охватывая с фланга всю 13-ю армию. Последовавшее поражение смежных частей и быстрый отход армии к Александровску, а затем частью и за Днепр, оголил всю восточную часть фронта.

Чтобы вывести части 13-й армии из-под ударов противника, нужно было произвести сильную демонстрацию для отвлечения внимания противника от Харьковского направления, куда отходили главные силы нашей армии. Эта задача командующим Юго-Западным фронтом была возложена на Морскую Экспедиционную дивизию, к атому времени возвращенную с Кубани и насчитывавшую до 3400 штыков и сабель и 8 орудий. Двинутой в наступление Морской дивизии удалось быстро оттеснить мелкие части противника и достигнуть линии Андреевка — Бердянск, причем последний был занят группой войск Бердянского гарнизона (около 100 штыков и сабель), наступавших на левом фланге Морской дивизии.

Противнику, выдвинувшему первую Донскую кавдивизию, удалось полностью уничтожить наш Черноморский полк, но дальнейшее его движение было приостановлено после упорного боя у Стародубовки, в котором с нашей стороны полностью [408] погибли два батальона Кронштадтского полка, но и противник понес крупные потери. Во всяком случае, в этих боях выяснилась непригодность организации крупных пехотных частей из моряков, снятых с судов, особенно для полевой войны. В это время крупные события развернулись и на Азовском море.

Морское сражение у Обиточной косы

Отряд судов противника бомбардировал 14 сентября Бердянск. Наша флотилия, узнав о начале бомбардировки, сейчас же вышла к Бердянску. Шли канонерские лодки: «Буденный» (флаг начальника отряда Хвицкого: 2–130-мм, 1–100-мм), «Красная Звезда» (2–130-мм, 1–100-мм), «Знамя Социализма» (2–130-мм.) и «Свобода» (1–130-мм), сторожевые суда «Данай», «Пугачев» и «Пролетарий» (все по 1–75-мм). Однако когда на закате солнца наша флотилия подошла к Бердянску, противника там не было, и лишь на западе были замечены дымки. Хвицкий решил идти за Обиточную косу, где мог ночевать противник, и на рассвете, в случае встречи, атаковать его.

Суда обогнули косу и на рассвете 15 сентября действительно обнаружили стоящую на якоре флотилию противника в составе 4 канонерских лодок, 1 миноносца и 2 сторожевых судов. Наш отряд повернул влево и открыл огонь по противнику, вызвавший на его судах замешательство и заставивший их сняться с якоря; в то же время и на наших судах вышли из строя орудия (заели стреляющие приспособления), и бой пришлось прекратить.

Флагманский артиллерист обошел на сторожевом судне канонерские лодки, и артиллерия была приведена в порядок. В это время с норд-оста показался флот противника, в составе канонерских лодок: «Урал» (командующий старший лейтенант Карпов; 2–6» орудия), «Салгир» (2–6» орудия). «Джигит» (1–100-мм, 1–75-мм) и «Гайдамак» (1–6» орудие), и бой возобновился, причем дистанция постепенно уменьшилась до 35 кабельтовых. Миноносец противника «Звонкий», полным ходом обойдя голову нашей линии, пытался атаковать наши суда с правого борта, но был отбит огнем сторожевых судов и 100-мм орудий «Красной Звезды» и «Буденного»{59}. [410]

Около 12 часов 100-мм снаряд, попавший в «Знамя Социализма», повредил трубы питания котла. «Красная Звезда» взяла на буксир поврежденное судно; «Данай» передал, взамен тяжело раненного механика, на «Знамя Социализма» своего, и бой продолжался, но скорость хода нашей линии уменьшилась до трех узлов.

Около 1 часу дня было сразу 2 попадания во второй корабль противника «Салгир», и он стал тонуть. «Урал» снял команду с поврежденного судна. В это время попал снаряд и в «Урал», и отряд противника, дав полный ход, ушел на зюйд-ост. С мачт «Салгира» нами было взято 3 пленных, и наши суда повернули к Мариуполю.

Как впоследствии выяснилось, противник по радиотелеграфу вызвал из Керчи эскадренный миноносец «Беспокойный» (3–100-мм, 30 узлов) и канонерскую лодку «Страж» (2–6»), но первый из них подорвался на минном заграждении, и оба судна возвратились обратно.

Поражение флота противника в открытом бою произвело сильное впечатление в Севастополе. Командующий Азовской флотилией контр-адмирал Машуков был смещен. В состав флотилии были введены миноносцы типа «Новик», противник стал применять постановки мин заграждения, началась подготовка по использованию мин Уайтхеда; авиация в Керчи была значительно усилена, и с этого времени начались воздушные налеты на Мариуполь. Одновременно противник развернул и отряды тральщиков.

Но все это, по-видимому, казалось Врангелю недостаточным, и он решил применить против Мариуполя испытанное средство — свои войска.

Наступление белых на Мариуполь

Пользуясь полным расстройством 13-й армии, Врангель двинул к Мариуполю 1-, 2-, 3-ю Донские и 4-ю Кубанскую конную дивизию и 27 сентября атаковал в этом районе наши войска, состоявшие из переброшенных морем из Ейска двух бригад 2-й Донской дивизии и

Морской Экспедиционной дивизии. После упорного боя, продолжавшегося весь день, во время которого обе стороны понесли тяжелые потери, наши части принуждены были оставить Мариуполь. Береговые батареи были взорваны при отходе, а наша флотилия отошла к Таганрогу. [412]

Части противника, заняв город, оставались в нем недолго. Наличие в южной части Донбасса нашей группы из трех дивизий (9-й и 7-й кавалерийских и 9-й пехотной) заставило противника вскоре очистить Мариуполь. В это время флотилия противника вошла в Таганрогский залив, потеряв взорвавшимися и потонувшими при форсировании наших минных заграждений 3 тральщика. Отход наших войск к Таганрогу и явившийся следствием этого взрыв 6» батарей у Кривой косы обесценил для нас и тыловую позицию. Вошедший в залив противник поставил сейчас же несколько минных заграждений. Вышедшая к Кривой косе наша флотилия встретила флот противника из двух миноносцев и 3 канонерских лодок, но боя не произошло, так как наши суда при атаке должны были бы пересечь неприятельское минное заграждение, а сам противник также не атаковал наших судов. При тралении минных заграждений в этом районе взорвался и затонул впоследствии наш тральщик «Володарский».

Сражение в Северной Таврии. Отход армии Врангеля в Крым

К началу октября армия Врангеля занимала фронт по Днепру от устья до Александровска и далее на восток через Орехов — Пологи до Мариуполя. К этому времени на Польском фронте было заключено перемирие, и Врангелю стало ясно, что на Южный фронт будут стянуты наши большие силы. Поэтому он и решается до их подхода сделать попытку разбить наши армии по частям. 13-я армия на левом берегу Днепра была разбита и отброшена еще в предшествующий период (13–23 сентября). Мариупольская группа наших войск — вторая Донская и Морская Экспедиционная дивизии — потерпела поражение несколько позже (27–29 сентября). Затем Врангель пытался атаковать и разбить наши части также и на правом берегу Днепра. Однако наступление это, начатое переправой белых войск в районе Никополя и Александровска на правый берег Днепра, благодаря введению нами в бой 2-й конной армии, успеха для противника не имело. В бою был убит командующий ударной группой генерал Улагай, а части противника, понесшие значительные потери, принуждены были вновь отойти за Днепр.

Неуспех этого наступления и неудача нового штурма Каховского плацдарма, предпринятого одновременно противником, [414] предопределили дальнейшие события, и Врангель начинает отводить армии назад, рассчитывая успеть отойти за перешейки до начала нашего общего наступления.

Между тем 26-го октября развертывание наших сил было закончено, и наши части перешли в наступление. В районе нижнего течения Днепра были расположены: 6-я армия (38 000 штыков и сабель) и 1-я конная армия Буденного (14 000 сабель и 2500 штыков); далее у Никополя — 2-я конная армия (6000 штыков, 5500 сабель) и на фронте Александровск — Бердянск 4-я и 13-я армии (в общей сложности 56000 штыков и 11 000 сабель), не считая повстанческой армии Махно, стоявшей в районе Пологи (РВС Южного фронта был заключен с Махно перед этим мир и союз).

Таким образом, на небольшом сравнительно фронте мы имели громадные силы, — всего, не считая Махно, свыше 100 000 штыков, 33 000 сабель, 550 орудий и т.д. Силы Врангеля были много меньше — все его армии имели 22 000 штыков и 15 000 сабель {60}. Расположение войск его было прежнее, лишь вновь сформированный 3-й армейский корпус стоял между Донским и 1-м корпусами, за счет чего 1-й корпус подался несколько к западу (М. Белозерка — Верхн. Рогачик).

Сражение началось чрезвычайно благоприятно для нас: 2-й армейский корпус противника от Каховки отошел на Перекопские позиции, и 6-я армия, преследуя его, без боя достигла Перекопа; 1-я конная армия, выйдя из-за нее, продвинулась на линию Геническ — Сальково (вход в Сивашское дефиле) — Петровское — Айгаман. 2-я конная армия, также почти без боя, переправилась у Никополя. В результате противник оказался [415] окруженным, так как

наша 4-я кавдивизия разбила тыловые части его 1-го корпуса и разрушила железную дорогу, идущую в Крым.

Поняв опасность положения, противник прибег к следующему маневру. Учтя большое расстояние между наступающими с севера и северо-востока нашими 1-й конной, 13-й, 4-й и «повстанческими» армиями и развернувшейся в его тылу конной армии Буденного, он решается обрушиться всей массой своих войск на эту последнюю и разделаться с ней до подхода наших главных сил. Разделение конной армии на группы еще более облегчает ему задачу, так как позволяет последовательно атаковать ее части.

В то время как против 2-й конной, 13-й, 4-й и «повстанческой» армий оставались лишь одни заслоны противника и часть Донского его корпуса, все остальные его войска начинают марш к югу. Вся конница и лучшая пехота (1-й корпус) с рассветом 30 октября атакуют 11-ю и 6-ю кавдивизии армии Буденного у Айгамана и, смяв их, после упорного боя, отбрасывают к юго-западу — на Ново-Троицкое. Днем 31 октября эта же ударная группа противника оттесняет в западу и Особую кавбригаду. В ночь с 31-го на 1-е противник атаковал и 14-ю кавдивизию у Рождественского и совершенно ее рассеял. Наконец, последняя из дивизий армии Буденного, 4-я кавалерийская, была 31-го же атакована другой группой противника (Донской корпус) и также отброшена от Сивашского дефиле к западу. Таким образом, противник очистил себе дорогу в Крым, куда и стали отходить его части. 13-, 4- и 2-я конная армии, медленно продвигавшиеся вперед, достигли Чонгарского полуострова лишь после отхода противника (3 ноября) и далее Сивашского моста продвинуться не смогли. Но и части противника были сильно измотаны, понесли большие потери и перемешались {61}. После пятидневного перерыва, необходимого нам для перегруппировки и подтягивания войск, в ночь на 7 ноября части 6-й армии приготовились для атаки Перекопского перешейка. Было предположено атаковать Турецкий Вал (главную позицию противника) группой в 6000 штыков и сабель, при поддержке огня из 55 орудий, направив в то же время главные [416] силы (52-ю и 15-ю стрелковые дивизии и 153-ю бригаду), общей численностью до 20 000 штыков и сабель — в обход по высохшему дну Сиваша на Литовский полуостров (то есть в тыл Турецкого Вала).

Несмотря на подавляющее преимущество наших сил, все наши атаки на Турецкий Вал были отбиты. Частям же главной группы удалось пройти и после упорного боя удержаться на Литовском полуострове. Противник, производивший частичную смену частей 1-го и 2-го корпусов, начал атаки на обходную группу с рассветом, но успеха не имел и, отойдя к югу от Литовского полуострова, вечером 8 ноября очистил и Турецкий Вал. Характерно отметить, что ветер, дувший с запада и таким образом способствовавший осушению дна Сиваша, к вечеру 8-го переменялся, и вода начала покрывать путь, по которому только что прошли наши части.

10 ноября начался бой за укрепленные Юшуньские позиции. Здесь сражалась наша 6-я армия и все наличные силы противника, причем бой достиг исключительного напряжения, напоминая своим ожесточением и силой артиллерийского огня сражения мировой войны. Несмотря на отчаянную защиту, к вечеру 10 ноября в наших руках оказались все неприятельские позиции, и Врангель отдал приказ об общем отходе своих сил и эвакуации Крыма. С 10 по 15 ноября во всех крупных портах полуострова (Ялта, Евпатория, Феодосия, Керчь, Севастополь) шла погрузка войск.

12 ноября противник очистил Евпаторию, 14-го Севастополь, а 15-го — порты восточной половины Крыма, уведя с собой весь боевой флот, почти все пароходы, 45 000 человек войск и около 40 000 беженцев. Войска при погрузке бросали лошадей и орудия, и лишь кубанцы увезли с собой 10 полевых пушек. Между тем наши части двинулись вперед, идя без ночлегов и на подводах и делая по 80–90 верст в сутки. После полудня 15 ноября 153-я бригада вошла в Севастополь, где застала уже Ревком.

В этих последних операциях Азовская флотилия уже не смогла принять участия, так как по приходе в Мариуполь была заперта льдами, пробиться через которые, при наличии минных заграждений противника, не представлялось никакой возможности.

Так был ликвидирован последний фронт гражданской войны. [417]

Приложение II. Боевой состав флотов противоборствующих сторон на Черном и Азовском морях, 1920 год

Красный флот

1. Азовская флотилия

Создана 8 мая 1920 года из кораблей Доно-Азовской флотилии. Расформирована в начале 1921 года, часть кораблей передана Морским силам Черного моря, остальные возвращены в гражданский флот. Состав флотилий дан на конец октября 1920 года, в нем учтены суда Темрюкского отряда, по не включены корабли, возвращенные гражданскому флоту непосредственно из состава Доно-Азовской флотилии и не входившие в списки Азовской флотилии {62}.

Канонерские лодки — 11 единиц

«Знамя Социализма»

Водоизмещение 750 т (по другим данным — 585 т), длина 45 м, ширина 11 м, осадка 4,8 м. Мощность машин 1000 л.с., скорость [420] 10 узлов. Вооружение — два (по другим данным — три) 130-мм орудия, два 75-мм орудия, позднее добавлено одно 76-мм зенитное орудие, экипаж 48 человек.

Бывший портовый ледокол, построен в Риге в 1906 г. В феврале 1920 г. затоплен в устье реки Кальмиус, впоследствии поднят и 20 июня 1920 вступил в строй как КЛ. 13 июня 1922 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту. В 1941 г. вновь переоборудован в КЛ, потоплен немецкой авиацией в Темрюке 2 июля 1942 г.

«Свобода»

Водоизмещение 500 т (по другим данным — 600 т), длина 42,6 м, ширина 8,5 м, осадка 2,9 м. Мощность машины 250 л.с., скорость 7 узлов, дальность хода 1000 миль. Вооружение — одно 130-мм и одно 102-мм орудие (по другим данным — еще одно 152-мм орудие), экипаж 42 человека.

Вывшая грунтовоочная шаланда «Орна», построена в 1899 г. В мае 1920 г. захвачена в Ейске, 3 июня вступила в строй как КЛ. 4 февраля 1921 г. разоружена и возвращена гражданскому флоту. Потоплена немецкой авиацией 10 апреля 1942 г. в порту Камыш-Бурун.

«Сталин»

Водоизмещение 460 т (по другим данным — 280 т), длина 39 м, ширина 5,4 м, осадка 2,4 м. Мощность машин 550 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — два 102-мм орудия, два 75-мм орудия и одна 37-мм пушка, экипаж 58 человек.

Бывший портовый ледокол «Донские гирла», построен в Германии в 1897 г. В 1919 г. входил в состав Азовской флотилии Донской области и деникинских Морских сил Юга России. Оставлен белыми при отступлении зимой 1920 г. Мобилизован 13 апреля 1920 г., разоружен и передан гражданскому флоту 23 ноября 1921 г.

«Буденный» (КЛ № 10)

Водоизмещение 556 т (вместимость 313 брт), длина 59,2 м, ширина 10 м, осадка 2,4 м, скорость 6 узлов. Вооружение — два 130-мм и одно 102-мм орудия, позднее добавлено одно 76-мм зенитное орудие.

Бывшая грунтовоочная шаланда «Переволока», построена в Германии в 1913 г. Мобилизована 18 марта 1920 г., вступила [421] в строй 1 апреля 1920 г. 31 января 1922 г. разоружена и передана гражданскому флоту. Взорвана у стенки судоремонтных мастерских в Николаеве 14 августа 1941 г.

«Красная Звезда» (КЛ № 9)

Водоизмещение 556 т (вместимость 313 брт) {63}, длина 59,2 м, ширина 10 м. осадка 2,4 м. Мощность машины 400 л.с., скорость 6 узлов, дальность хода 650 миль. Вооружение — одно

(по другим данным — три) 130-мм орудие, одно 102-мм орудие, одно (по другим данным — три) 76-мм зенитных орудия. Экипаж 53 человека.

Бывшая грунтово-возная шаланда «Егурча» (очевидно, германской постройки). Мобилизована 18 марта 1920 г. 1 апреля 1920 г. зачислена в строй как КЛ. 18 декабря 1921 г. разоружена и передана гражданскому флоту. Вновь мобилизована 29 июня 1941 г. как тральщик Т-497. 2 ноября 1941 года погибла на mine возле Новороссийска.

«3-й Интернационал»

Водоизмещение 783 т (по другим данным — 517 т {64}), длина 63 м, ширина 9,6 м, осадка 2,9 м. Мощность машины 400 л.с., скорость 7–8 узлов. Вооружение — два 120-мм орудия, одна 76-мм зенитная пушка.

Бывший грузовой пароход «Леля», построен в Англии в 1897 г. Мобилизован 15 октября 1916 г. и переоборудован в тральщик Т-225, в мае 1918 г. захвачен германскими войсками, а затем возвращен прежнему владельцу. В марте 1920 г. мобилизован вновь, 20 июня переклассифицирован в КЛ. Разоружен 20 февраля 1922 г. и в апреле возвращен гражданскому флоту.

«Советская Россия»

Водоизмещение 456 т {65}, длина 56,4 м, ширина 8,5 м, осадка 2,9 м. Мощность машины 360 л.с., скорость до 8,5 узлов. Вооружение — два 120-мм орудия. [422]

Бывшая паровая шхуна «София», построена в Англии в 1880 г. В сентябре 1916 г. мобилизована и переоборудована в тральщик Т-295. В мае 1918 г. захвачена германскими войсками, затем входила в состав белогвардейского флота, отбита советскими войсками в январе 1920 г. В июне 1920 г. вооружена и переклассифицирована в КЛ. Разоружена 20 декабря 1920 г., в 1922 г. возвращена гражданскому флоту. Вновь мобилизована 29 октября 1939 г. и возвращена в гражданский флот 10 ноября 1940 года. В третий раз мобилизована 29 июня 1941 г. как тральщик Т-486. Использовалась в качестве транспорта, возвращена Министерству морского флота 16 февраля 1945 г.

«Червоный казак» I

Водоизмещение 318 т, длина 56,4 м, ширина 8,8 м, осадка 2,7 м. Мощность машины 360 л.с., скорость до 8 узлов. Вооружение неизвестно.

Бывшая паровая шхуна «Елена Купша», построена в Триесте (Австро-Венгрия) в 1893 г. Осенью 1914 г. мобилизована и переоборудована в тральщик Т-265, в мае 1918 г. захвачена германскими войсками. Входила в состав белогвардейского флота, захвачена советскими войсками в феврале 1920 года, в июне 1920 г. переоборудована в КЛ. 20 августа 1920 г. затоплена при отходе из Темрюка, поднята в июне 1921 г.

«Червоный казак» II* (КЛ № 11)

Водоизмещение 472 т, длина 56 м, ширина 9,4 м, осадка 2,7 м. Мощность машины 300 л.с., скорость 8,5 узлов, дальность плавания 1700 миль. Вооружение — два 130-мм орудия.

Бывшая паровая шхуна «Пророк Иона», построена в 1896 г. в Триесте (Австро-Венгрия). В октябре 1916 г. мобилизована и переоборудована в тральщик Т-235. В мае 1918 г. захвачена германскими войсками, 30 сентября 1918 г. возвращена прежнему владельцу. Вновь мобилизована 12 августа 1920 г., в сентябре 1920 г. переоборудована в КЛ. Разоружена 25 мая 1921 г. и возвращена гражданскому флоту. 22 июня 1941 г. вновь мобилизована и переоборудована в тральщик Т-511. Погибла на mine в Цемесской бухте 26 марта 1943 г. [423]

«Красноармеец» *

Водоизмещение 350 т, длина 63 м, ширина 6,9 м, осадка 2,1 м. Мощность машины 120 л.с., скорость 6 узлов. Вооружение — два 102-мм орудия.

Бывшая паровая грузовая шхуна «Таганрог», построена в Австро-Венгрии в 1874 г. Мобилизована 6 августа 1920 г., вошла в строй в сентябре. 1 февраля 1921 г. разоружена и возвращена гражданскому флоту.

«Труд»*

Водоизмещение 726 т, длина 55,7 м, ширина 8,4 м, осадка 2,2 м. Мощность машины 263 л.с., скорость 7,5 узла. Вооружение — два 152-мм и одно 75-мм орудие.

Бывшая паровая грузовая шхуна «Сергей Витте», построена в Англии в 1890 г.

Мобилизована в качестве транспорта 1 июля 1920 г., в сентябре переоборудована в канонерскую лодку. 5 декабря 1920 г. разоружена и передана гражданскому флоту.

Сторожевые суда — 9 единиц

«Данай»

Водоизмещение 215 т, длина 30,7 м, ширина 5,4 м, осадка 2,9 м. Мощность машины 300 л.с., скорость 11 узлов, дальность хода 1000 миль. Вооружение — одно 75-мм и одно 57-мм орудие.

Бывший буксирный пароход, построен в Англии в 1895 г. В октябре 1916 г. мобилизован и переоборудован в тральщик Т-246. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с ноября 1918 г. — в белом флоте. Захвачен частями РККА в январе 1920 г., в июне (по другим данным — в апреле) 1920 г. мобилизован и вновь вооружен. Разоружен 7 февраля 1921 г. и передан гражданскому флоту.

«Пролетарий» («Пролетариат»)

Водоизмещение 82 т, длина 22 м, ширина 4 м, осадка 2,5 м. Мощность машины 125 л.с., скорость 10 узлов. Вооружение — сначала 2 пулемета, затем одно 57-мм и одно 47-мм орудие (по другим данным — одно 75-мм орудие). Экипаж 24 человека. [424]

Бывший портовый буксир «Михаил Лисовский» построен в 1902 г. в Будапеште (Австро-Венгрия). В апреле — мае 1920 г. захвачен в Ейске, в июне переоборудован и включен в боевой состав Азовской флотилии. 6 января 1921 г. разоружен и передан гражданскому флоту.

«Республиканец»

Водоизмещение около 80 т {66}, длина 21,5 м, ширина 5 м, осадка 2,8 м. Мощность машины 225 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение не установлено (возможно — одна 47-мм пушка).

Бывший портовый буксир «Ледокольник», мобилизован в 1914 г. в качестве портового судна, захвачен германскими войсками в мае 1918 г., в начале 1919 г. возвращен прежним владельцам. Вновь мобилизован в начале апреля 1920 г., но уведен белыми из Мариуполя 1 мая 1920 г. Переименован в «Азовец» и впоследствии уведен за границу.

«Карл Маркс»

Водоизмещение 60 т, длина 19,1 м, ширина 3,4 м, осадка 1,6 м. Мощность мотора 80 л.с., скорость до 13 узлов. Вооружение — одно (по другим данным — два) 47-мм и одно 37-мм орудие, три пулемета. Экипаж 11 человек.

Бывший моторный катер «Гебен», мобилизован в марте 1920 г., в 1921 г. возвращен гражданскому флоту.

«Емельян Пугачев»

Водоизмещение 82(?) т, длина 22,8 м, ширина 5,8 м, осадка 3,6 м. Мощность машины 240 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение одно 75-мм и одно 57-мм орудие. Экипаж 23 человека.

Бывший ледокольный буксир «Фанагория», построен в Николаеве в 1903–1905 га.

Мобилизован 1 июня 1920 г. и переоборудован в СС. Разоружен 31 декабря 1920 г. и передан гражданскому флоту.

«Кавказец»

Водоизмещение 60 т, длина 17,8 м, ширина 3,3 м, осадка 2,1 м. Мощность машины 80 л.с., скорость 10 узлов. Вооружение — одно 47-мм и два 37-мм орудия. [425]

«Лукоморье»

Водоизмещение 91 т, длина 32 м, ширина 3 м, осадка 1,2 м, скорость 7 узлов.

Бывший буксир, мобилизован 8 июня 1920 г., возвращен гражданскому флоту 25 мая 1921 г.

«Кавказ» (б. буксир «Бекетовка», 8 узлов)

«Слава морякам»

Бывший пароход «Николаев», 8 узлов. Затоплен 20 августа 1920 г. при отходе из Темрюка, в декабре поднят.

Плавучие батареи — 7 единиц

Типа «Болиндер» — 5 единиц

Водоизмещение 220 т, длина 42,6 м, ширина 9,1 м, осадка 1,9 м. Вооружение — одно 152-мм орудие, экипаж 25 человек.

«25 октября» (№5)

Построена в годы войны в Николаеве, мобилизована в марте 1920 г., 8 мая передана в Азовскую флотилию и вооружена как плавбатарея. До 1932 г. использовалась в качестве минной баржи в Керчи.

«Свердлов» (№6)

Построена в годы войны в Николаеве, мобилизована в марте 1920 г., 8 мая передана в Азовскую флотилию и вооружена [426] как плавбатарея. Разоружена 25 января 1921 г., сдана на слом после 1923 г.

«Марат» (№ 7)

Построена в годы войны в Николаеве, мобилизована и вооружена в мае 1920 г. Разоружена 28 января 1921 г., сдана на слом в начале 1930-х гг.

«Жан Жорес»

Построена в годы войны в Николаеве, в июне зачислена в боевой состав и в сентябре 1920 г. вооружена в Мариуполе. 17 октября 1920 г. разоружена и выведена из боевого состава, затем использовалась в качестве сухогрузной баржи. Сдана на слом в начале 1930-х гг.

«Карл Либкнехт»

Построена в годы войны в Николаеве, мобилизована 20 июня 1920 г., но 20 августа выведена из строя экипажем при отходе из Темрюка. 16 сентября вновь зачислена в строй, 2 октября 1921 г. передана гражданскому флоту.

Переоборудованные из сухогрузных барж — 2 единицы

Водоизмещение 150 т, вооружение — одно 152-мм орудие и один пулемет, экипаж 21 человек.

«Мирабо»

Мобилизована и вооружена весной 1920 г. Затонула в мае 1921 г. в Таганрогском порту.

«Революция»

Мобилизована и вооружена в июне 1920 г., разоружена в марте 1921 г.

Катера-истребители — 22 единицы

Типа «Гринпорт» — 7 единиц

Водоизмещение стандартное 14,2 т, полное 18 т, длина 18,2 м, ширина 2,7 м, осадка 1 м.

Мощность моторов 600 л.с., скорость [427] 20 узлов, дальность хода 486 миль.

Вооружение — одна 47-мм и одна 37-мм пушки, два пулемета. Экипаж 8 человек.

«Беспокойный»

«Смелый»

«Пылкий»

«Жуткий»

«Зоркий»

«Пронзительный»*

«Дерзкий»*

Построены в США в 1917 г., доставлены в Севастополь 9 октября 1917 г. и вошли в состав Черноморского флота. В июне 1918 г. вывезены по железной дороге из Новороссийска в Царицын, входили в состав Волжской военной флотилии и Морских сил Каспийского моря. «Смелый», «Зоркий», «Жуткий», «Пылкий» и «Беспокойный» доставлены на Азовское море в июле 1920 г., «Пронзительный» и «Дерзкий» — в октябре 1920 г.

«Зоркий» погиб во время шторма 25 декабря 1921 г., «Жуткий» в 1921–1927 гг. входил в состав турецкого флота, после возвращения разобран на запчасти. «Беспокойный» и «Пылкий» сданы на слом в начале 1930-х гг., остальные три списаны в 1923–1925 гг.

Американской постройки — 9 единиц

Водоизмещение 25 т, длина 15,3 м, ширина 3,3 м, осадка 1 м. Мощность моторов 120 л.с., скорость 18 узлов. Вооружение — одно 47-мм орудие и два пулемета. Экипаж 11 человек. [428]

«Строгий» (РИ-1) «Свирепый» (РИ-2) «Живучий» (РИ-3)

Построены в США в 1916 г., захвачены в Архангельске в марте 1920 г. 12 июля 1920 г. доставлены в Ростов, а 13 сентября переведены в состав Азовской флотилии. Сданы на слом в середине 20-х годов.

МИ-6*

МИ-8*

МИ-15*

МИ-16*

МИ-17*

МИ-18*

Построены в США в 1916 г., захвачены в Мурманске и Архангельске в марте 1920 г. 20–21 октября 1920 г. прибыли в Мариуполь и зачислены в состав Азовской флотилии. Затем служили в составе Морских сил Черного моря. МИ-16 погиб на mine в районе Мысхако 14 ноября 1921 г., МИ-18 сдан на слом а январе 1940 г., остальные списаны в начале 1930-х годов.

Других типов — 6 единиц

«Легкий» (№ 303)

«Ловкий» (№ 304)

«Летучий» (№ 305)

«Лихой» (№ 306)

Прибыли в Мариуполь 1 сентября 1920 г. из состава Морских сил Каспийского моря.

Технические характеристики неизвестны (возможно — 25 т, 12 узлов, две 75-мм горные пушки, два пулемета).

МИ-4*

Водоизмещение 8 т, длина 12,4 м, ширина 2,4 м, осадка 0,9 м. Мощность мотора 80 л.с., скорость 12 узлов, дальность хода 165 миль, экипаж 8 человек.

Построен в Англии в 1916 г., захвачен советскими войсками в Мурманске в марте 1920 г., в сентябре (?) 1920 г. доставлен [429] в Мариуполь и вошел в состав Азовской флотилии.

Очевидно, уничтожен при оставлении Мариуполя 27 сентября 1920 г.

«Скорый»

Моторный катер, характеристики неизвестны. В 1921 г. сдан Мариупольскому военному порту в качестве рейдового плавсредства

Торпедные катера

Типа «Торникрофт» (СМВ) — 5 единиц

Полное водоизмещение 9 т, длина 10,6 м, ширина 2,1 м, осадка 0,7 м. Мощность моторов 250 л.с., скорость до 37 узлов. Вооружение — один 450-мм торпедный аппарат, два пулемета.

Экипаж 4 человека.

«Бодрый (№4)»

«Бравый» (№ 5)*

«Бедовый» (№6)*

«Быстрый» (№ 7)*

«Буйный» (№ 12)*

Построены в Англии в 1916–1917 г., относились к «40-фунтовому» типу и входили в состав британских морских сил на Каспийском море. Захвачены в Энзели (Персия) 18 мая 1920 г., доставлены в Мариуполь 8 октября 1920 г., использовались в качестве катеров-истребителей. Впоследствии входили в состав Морских сил Черного моря. Катера «Быстрый» и «Буйный» (переименованные в И-6 и И-7) повреждены 9 января 1921 г. огнем французских кораблей при транспортировке на борту КЛ «Эльпидифор № 415» из Новороссийска в Севастополь и сданы на слом. «Бодрый» [430] затонул в результате

столкновения с катером №512 ноября 1925 г. в Камышовой бухте Севастополя, впоследствии поднят и сдан на слом. Катера «Бравый» и «Бедовый» (с ноября 1924 г. — № 5 и № 3) в 1930 году разоружены и в качестве плавсредств переданы морской авиации.

Плавбазы катеров-истребителей — 2 единицы

«Слава»

Вместимость 271 брт, длина 53,6 м, ширина 6,3 м, осадка 0,8 м. Мощность машины 6.50 л.с., скорость 10 узлов

Бывший колесный пароход, построен в Германии в 1905 г. Мобилизован летом 1920 г., с 17 октября 1920 г. использовался в качестве плавбазы катеров-истребителей. 13 июня 1921 г. возвращен гражданскому флоту.

«Таганрогская брандвахта»

Водоизмещение 200 т, длина 15 м, ширина 5,4 м, осадка 1,2 м. Несамходная лоцманская баржа, построена в 1907 г. Мобилизована летом 1920 г., с 17 октября 1920 г. использовалась в качестве плавбазы катеров-истребителей. С ноября 1921 г. — плавучий маяк, сдана на слом, в 1927 г.

Вооруженные тральщики — 5 единиц

«Товарищ Саенко»

Вместимость 203 брт, длина 33,5 м, ширина 5,1 м, осадка 2,1 м. Мощность машины 150 л.с., скорость 7 узлов. Вооружение — 3 пулемета, тралы. Экипаж 29 человек.

Бывший буксирный пароход «Кострома», построен в 1908 г. Мобилизован 13 августа 1920 г., с января 1921 г. — в составе Морских сил Черного моря, 25 мая 1925 г. выведен из боевого состава, в июле 1929 г. списан на слом.

«Калинин» Водоизмещение 285 т, длина 23,9 м, ширина 5,6 м, осадка 2,6 м. Мощность машины 300 л.с., скорость 9 узлов, дальность 470 миль. Вооружение — 1 пулемет.

Бывший колесный буксир «Матрона», мобилизован 18 марта 1920 г., 13 сентября передан Азовской флотилии, впоследствии возвращен гражданскому флоту. [431]

«Беднота»

Водоизмещение 230 т, длина 30,4 м, ширина 5,5 м, осадка 2,8 м. Мощность машины 200 л.с., скорость 8 узлов, экипаж 16 человек.

Бывший колесный буксир «Внучек», построен в Австро-Венгрии в 1894 г. Мобилизован в марте 1920 г., 15 октября 1920 года передан Азовской флотилии и переклассифицирован в тральщик. Сдан на слом в 1925 г.

«Ленин»

Водоизмещение 243 т, длина 32,9 м, ширина 5,8 м, осадка 3 м. Мощность машины 165 л.с., скорость 11 узлов. Вооружение — 3 пулемета. Экипаж 36 человек.

Бывший колесный буксир «Елизавета Зворно», построен в Англии в 1883 г. Мобилизован 18 марта 1920 г., вступил в строй 1 апреля 1920 г. С мая 1924 г. — ТЩ № 14. Сдан на слом в 1929 г.

«Ока»*

Водоизмещение 108 т, длина 27,9 м, ширина 4,8 м, осадка 1 м. Мощность машины 75 л.с., скорость 6 узлов. Вооружение — одно 75-мм орудие.

Бывший буксирный пароход, мобилизован 17 сентября 1920 г., 21 октября вступил в строй Азовской флотилии как ТЩ. 2 января 1922 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту.

Транспорты {67} — 7 единиц

«Аполлон» (б. колесный пароход, 287 брт, 6 узлов, с октября 1920 г. перечислен в минные заградители)

«Аксай» (б. колесный пароход, 258 брт)

«Водник» (б. колесный буксир, 40 т)

«Гордипия» (б. грунтовозная шаланда, 160 т)

«Евантия» (б. колесный буксир, 63 брт)

«Стенька Разин» (б. буксир «Таганрог», 58 брт)

«Урицкий» (б. колесный буксир «Александр», 83 брт) [432]

Транспорты, использовавшиеся в качестве тральщиков, — 6 единиц
«Володарский» (б. колесный буксир «Александр», 99 брт)
«Кама» (б. колесный буксир, 108 брт)
«Константин» (б. колесный пароход, 145 брт)
«Красный Таганрог» (б. колесный каботажный пароход «Кефалония», 180 т)
«Павел Коцебу» (б. колесный буксир, 116 брт, 25 октября 1920 г. погиб при тралении в Таганрогском заливе.)
«Самсон» (б. колесный буксир, 240 т)
Малотоннажные катера-тральщики (по 4–9 т) — 5 единиц

«Дзержинский»

«Добрый»

«Кирилл»

«Лейтенант Шмидт»

«Нефтяник»

Буксиры — 4 единицы

«Кальмиус» (60 л.с., 8 узлов)

«Красный водолей» (665 т, 8 узлов, числился в составе ЧФ до начала 1950-х гг.)

«Успех» (речной колесный буксир, 320 л.с.)

«Шестаков»

2. Морские силы Черного моря

а) Морские силы северо-западной части Черного моря (Усть-Днепровская флотилия)

Созданы в феврале 1920 г., до 25 мая 1920 г. — Морские и речные силы Юго-Западного фронта, с июля 1920 г. — действующий отряд (ДОТ) [433]

Эскадренные миноносцы — 1 единица

«Занте»*

Водоизмещение 1326 т, длина 92,5 м, ширина 9,1 м, осадка 3,2 м. Мощность турбин 28 000 л.с., скорость 31–33 узла, дальность хода 1500 миль. Вооружение — четыре 102-мм (4») орудия, два 57-мм зенитных орудия, четыре пулемета, четыре 457-мм трехтрубных торпедных аппарата, 80 мин. Экипаж 136 человек.

7 марта 1918 г. захвачен в недостроенном виде германскими войсками в Николаеве. В январе 1920 г. вместе с недостроенным однотипным эсминцем «Цериго» отбуксирован белыми в Одессу, где затоплен при подходе советских войск («Цериго» был уведен в Севастополь, а затем без механизмов — в Константинополь). 7 сентября 1920 г. поднят и поставлен на достройку. Вступил в строй 7 ноября 1923 г. как «Незаможный» (с 1926 г. — «Незаможник»), Выведен из боевого состава 12 января 1949 г.

Подводные лодки — 2 единицы

АГ-23

Водоизмещение 355/434 т, длина 46 м, ширина 4,9 м, осадка 3,8 м. Мощность механизмов 480/320 л.с., скорость 13/10 узлов, дальность хода 3000/26 миль. Вооружение — один пулемет (впоследствии — 47-мм орудие), четыре 457-мм торпедных аппарата. Экипаж 24 человека. [434]

Построена в Канаде по американской лицензии в 1917 г. и осенью того же года доставлена по частям в Николаев. Спущена на воду 1 июня 1920 г., вступила в строй 18 сентября 1920 г. С 31 декабря 1922 г. — «Незаможный», затем — «Шахтер», с 15 сентября 1934 г. — А-1. Взорвана экипажем в Севастополе 26 июня 1942 года.

Еще три однотипных лодки, захваченные недостроенными в Николаеве, были ведены в строй в 1921–1923 гг., с 1934 г. именовались соответственно А-2, А-3 и А-4. Одна лодка (АГ-21) была затоплена англичанами в апреле 1919 г. возле Севастополя, в 1930 г. поднята и введена в строй как А-5. А-3 (бывшая АГ-25), одна из самых успешных подводных лодок Черноморского флота (уничтожила транспорт и две десантные баржи), была потоплена немецкими кораблями в Каркинитском заливе 28 октября 1943 г., остальные субмарины

сданы на слом в 1947 г. Шестая лодка этого типа (АГ-22) входила в состав врангелевского флота и была уведена в Бизерту.

«Нерпа»

Водоизмещение 642/773 т, длина 67,4 м, ширина 4,4 м, осадка 4 м. Мощность механизмов 500/900 л.с., скорость 11/8,5 узлов, дальность хода 1600/95 миль. Вооружение — два 75-мм и одно 37-мм орудие, четыре трубчатых и восемь наружных решетчатых 457-мм торпедных аппаратов. Экипаж 39 человек.

Вступила в строй 26 февраля 1915 г., активно действовала на коммуникациях противника в годы Первой Мировой войны (уничтожила 2 турецких парохода и 6 парусников). [435]

С 1917 г. находилась на капитальном ремонте в Николаеве, где 31 января 1920 г. захвачена советскими войсками. В ноябре 1920 г. зачислена в состав Морских сил Черного моря, вошла в строй 26 мая 1922 г. (по другим данным — 3 июня 1923 г.). С 31 декабря 1922 г. — «Политрук». 3 ноября 1929 г. выведена из боевого состава, в 1930–1931 гг. сдана на слом.

Канонерские лодки

Типа «Эльнидифор» — 4 единицы

Водоизмещение 1050 т, длина 74,7 м, ширина 10,4 м, осадка 1,8 м. Мощность машин 600–750 л.с., скорость 10 узлов, дальность хода 970 миль. Вооружение — три 130-мм и два 76-мм орудия, два пулемета (возможно, в указанный период несли по два 120-мм орудия). Экипаж 33 человека. [436]

«Эльпидифор № 413»{68}

Заложена в Николаеве в ноябре 1916 г. как десантное судно. Спущена на воду 16 мая 1920 г., вступила в строй 11 октября 1920 г., числилась тральщиком и минным заградителем, затем переклассифицирована в канонерскую лодку. 20 декабря 1923 г. переименована в «Красную Абхазию». 22 июля 1943 г. награждена орденом Красного Знамени. 28 марта 1947 г. разоружена и переклассифицирована в гидрографическое судно, сдана на слом 2 июня 1959 г.

«Эльпидифор № 415»

Заложена в Николаеве в январе 1917 г. как десантное судно. Спущена на воду 16 мая 1920 г., вступила в строй 28 июля 1920 г., числилась тральщиком и минным заградителем. 9 января 1921 г. тяжело повреждена в бою с двумя французскими эсминцами, выбросилась на берег и впоследствии была разобрана на металл.

«Эльпидифор № 414»*

Заложена в Николаеве в январе 1917 г. как десантное судно. Спущена на воду в 1920 г., вступила в строй в апреле 1921 г., числилась тральщиком и минным заградителем, затем переклассифицирована в канонерскую лодку. 10 декабря 1923 г. переименована в «Красный Аджаристан», 27 сентября 1945 г. разоружена, 6 марта 1947 г. переоборудована в блокшив.

«Эльпидифор № 416»*

Заложена в Николаеве в 1916 г. как десантное судно. Спущена на воду в 1920 г., но в строй не введена и 23 июля

1921 г. передана гражданскому флоту. 15 ноября 1924 года включена в состав Морских сил Черного моря в качестве тральщика ТЩ № 22. В 1925 г. переименована в «Красный Крым», 15 июня 1928 г. переклассифицирована в канонерскую лодку. С 1939 г. — «Красная Армения». Потоплена немецкой авиацией возле Тенднеровской косы 22 сентября 1941 г. [437]

Переоборудованные из гражданских судов — 9 единиц

«Старочеркасск»{69}

Водоизмещение 170 т, длина 53,3 м, ширина 6,4 м, осадка 0,6 м. Мощность машины 180 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — два 76-мм орудия и два пулемета.

Бывший речной буксир, заложен в 1917 г., спущен в 1920 г., вступил в строй как канонерская лодка 12 октября 1920 г. С 25 мая 1921 г. — в распоряжении сухопутного командования, с 27 июня 1922 г. на хранении. В 1928 г. передана гражданскому флоту «Харьков» (№ 1)

Водоизмещение 180 т, длина 53,3 м, ширина 6,4 м, осадка 0,6 м. Мощность машины 180 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — два 75-мм орудия, два пулемета.

Бывший буксирный пароход (судя по всему, колесный), построен в Николаеве в 1915 а. Мобилизован 11 июня 1920 г., 3 июля включен в боевой состав флота. 27 июля 1922 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту.

«Спасск» (№ 2)

Водоизмещение 75 т, длина 22,2 м, ширина 4,8 м, осадка 2,4 м. Мощность машины 200 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение два 47-мм орудия (по некоторым данным — еще два 76-мм орудия), два пулемета. Экипаж 32 человека.

Бывший буксирный пароход, построен в Николаеве в 1916 г. Мобилизован 11 июня 1920 г., 3 июля включен в боевой состав флота. 29 августа 1920 г. переименован в ПС № 6. 15 июня 1921 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту.

«Медведица» (№ 3)

Водоизмещение 180 т, мощность машины 180 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — два 76-мм полевых орудия.

Бывший речной буксир, мобилизован 11 июня 1920 г., 3 июля включен в боевой состав флота. 27 июля 1922 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту. [438]

«Польза» (№4)

Водоизмещение 116 т, мощность машины 200 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — два 75-мм орудия, два пулемета.

Бывший речной буксирный пароход. Мобилизован 25 июля 1920 г., в январе 1920 г. разоружен и передан Николаевскому порту.

«Вилково» (№5)

Водоизмещение 300 т, длина 31,5 м, ширина 6,7 м, осадка 3,5 м. Мощность машины 450 л.с., скорость 10 узлов. Вооружение — одно 75-мм и одно 37-мм орудие, один пулемет. Экипаж 40 человек.

Бывший морской буксирный пароход, построен в Германии в 1900 г. Мобилизован 23 июля 1920 г., 28 июля включен в боевой состав флота. 1 января 1922 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту как «Симеиз».

«Мстислав Удалой» (№6)

Водоизмещение 220 т, длина 31,8 м, ширина 5,7 м, осадка 2,1 м. Мощность машины 375 л.с., скорость 12 узлов. Вооружение — одно 120-мм и одно 75-мм орудие. Экипаж 40 человек.

Бывший буксирный пароход, построен в Англии в 1901 г. Мобилизован 11 августа 1920 г., вооружен и 22 августа включен в боевой состав флота. 29 мая 1921 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту.

№ 7

Полное водоизмещение 800 т, длина 45,9 м, ширина 8,2 м, осадка 3,5 м. Мощность машин 750 л.с., скорость 10 узлов. Вооружение — два 47-мм орудия, тралы (на 1918 г.).

Бывший ледокольный буксирный пароход РОПиТ «Полезный», построен в Англии в 1887 г. Мобилизован в октябре 1916 г, и переоборудован в тральщик Т-242. В марте 1918 г. захвачен германскими войсками, затем находился в составе белого флота. Захвачен советскими войсками в Николаеве 31 января 1920 г. Мобилизован 10 августа 1920 г., вновь вооружен. 16 июля 1922 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту как «Полезный».

№ 8

Водоизмещение 150 т, мощность машины 300 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — два 76-мм и одно 75-мм орудия. [439]

Бывший речной буксир «Епископ Досифей», построен в 1894 г. Мобилизован 15 июня 1920 г., до декабря 1920 г. использовался как тральщик. 25 мая 1921 г. разоружен и передан Черноморской партии судоподъема.

Плавучие батареи — 3 единицы

«Красная Заря» (№ 1)

Водоизмещение 280 т, длина 45,6 м, ширина 7 м, осадка 1,1 м. Вооружение — одно 152-мм и одно 130-мм орудие, один пулемет. Экипаж 27 человек.

Бывшая несамоходная баржа, вооружена в начале апреля 1920 г., первоначально входила в состав Морских сил Юго-Западного фронта. Разоружена 22 февраля 1921 г., впоследствии передана морским силам ОГПУ.

«Защитник трудящихся» (№ 2)

Водоизмещение 280 т, длина 45,6 м, ширина 7 м, осадка 1,1 м. Вооружение — одно 130-мм орудие, один пулемет. Экипаж — около 20 человек.

Бывшая несамоходная баржа, вооружена в начале апреля 1920 г., первоначально входила в состав Морских сил Юго-Западного фронта. Разоружена 7 декабря 1920 г. и возвращена гражданскому флоту.

№ 3

Водоизмещение 280 т, длина 45,6 м, ширина 7 м, осадка 1,1 м. Вооружение — одно 152-мм и одно 130-мм орудие, два пулемета. Экипаж — около 20 человек.

Бывшая несамоходная баржа, мобилизована 6 мая 1920 г. Разоружена 1 января 1921 г., впоследствии использовалась как флотское плавсредство.

Посыльные суда — 6 единиц

«Александр Ваддон»

Водоизмещение 100 т, длина 26,5 м, ширина 5,2 м, осадка 2,3 м. Мощность машины 160 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — одно 57-мм орудие, один пулемет. Экипаж 22 человека.

[440]

Бывший буксирный пароход, мобилизован и вооружен в августе 1920 г. С 16 января 1921 г. — гидрографическое судно, в 1926 г. переименовано в «Веху», затем в «Голик». Взорвано экипажем в Херсоне 5 сентября 1941 г.

«Инженер»

Водоизмещение 60 т, длина 19,8 м, ширина 4 м, осадка 1,5 м. Мощность машины 115 л.с., скорость 7 узлов, дальность хода 300 миль. Вооружение — одно 47-мм орудие. Экипаж 14 человек.

Бывший буксирный пароход, построен в 1900 г., мобилизован в 1915 г. Повторно мобилизован в апреле 1920 г., в июле перечислен в посыльные суда, впоследствии гидрографическое судно и тральщик, в 1923 г. сдан на слом.

«Ястреб»

Водоизмещение 60 т, длина 21 м, ширина 6,3 м, осадка 1,3 м. Мощность машины 150 л.с., скорость 9 узлов, дальность хода 600 миль. Вооружение — одно 76-мм орудие.

Бывший портовый буксир, построен в Одессе в 1900 г. Мобилизован в феврале 1920 г. В 1940 г. передан гражданскому флоту и переоборудован в пожарный пароход. Потоплен немецкой авиацией в Севастополе 28 июня 1942 г.

«Этор»

Водоизмещение 60 т, длина 18,6 м, ширина 4,8 м. Мощность машины 150 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — два 76-мм орудия. Экипаж 11 человек.

Бывший буксирный пароход, построен в Одессе в 1896 г. Мобилизован 15 июня 1920 г., вооружен и 3 июля зачислен в боевой состав МСЧМ. 19 июня 1922 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту. Вновь мобилизован 22 июня 1941 г., использовался в качестве катерного тральщика. Погиб 28 марта 1944 г. в Керченском проливе во время шторма.

«Эльси»

Водоизмещение около 60 т, длина 19,8 м, ширина 3,6 м, осадка 1,8 м. Мощность машины 90 л.с., скорость 7 узлов. Вооружение — одно 47-мм орудие и один пулемет (на 1916 г.).

Бывший портовый буксир Николаевского порта, построен в 1889 г. в Херсоне. Мобилизован в мае 1916 г. и переоборудован [441] в посыльное судно. В марте 1918 г. захвачен германскими войсками, в августе возвращен прежнему хозяину. В июне 1920 г. вновь мобилизован и включен в состав Усть-Днепровской флотилии. В ноябре разоружен и возвращен гражданскому флоту.

«Херсонес»

Водоизмещение 350 т, длина 38 м, ширина 7,3 м, осадка 3,8 м. Мощность машины 350 л.с., скорость 8 узлов, дальность хода 1950 миль. Экипаж 25 человек.

Бывшее портовое судно «Греза», построено в Голландии в 1896 г. В марте 1920 г. мобилизовано и использовалось при штабе Морских сил Черного моря. С 1922 г. — «Греза», 1 декабря 1925 г. передано Севастопольскому порту и переклассифицировано в буксир, с 1932 г. — СП-1. Сдано на слом после Великой Отечественной войны.

Сторожевые суда/тральщики — 11 единиц

а) вооруженные

«Анатра»

Водоизмещение 100 т, длина 29,5, ширина 5,9 м, осадка 3,1 м. Мощность машины 135 л.с., скорость 7 узлов, дальность хода 800 миль. Вооружение — один пулемет, тралы. Экипаж 25 человек.

Бывший колесный буксир, построен в 1871 г. в Англии. Мобилизован 12 июня 1916 г. и переоборудован в тральщик Т-281, в марте 1918 г. захвачен германскими войсками в северо-западной части Черного моря. С ноября 1918 г. находился в составе белогвардейского флота (числился в резерве). 31 января 1920 г. захвачен советскими войсками в Николаеве, 4 июня 1920 г. мобилизован и переоборудован в тральщик. 10 ноября 1922 г. разоружен и передан гражданскому флоту.

«Тесть»

Водоизмещение 173 т, длина 34,8 м, ширина 6,1 м, осадка 2,7 м. Мощность машины 350 л.с., скорость 7 узлов, дальность хода 520 миль. Вооружение — одно 47-мм орудие, тралы.

Экипаж 30 человек. [442]

Бывший колесный буксир РОПиТ, построен в Севастополе в 1883 г. Летом 1916 г. переоборудован в тральщик Т-282. 31 марта 1918 г. захвачен германскими войсками в Николаеве, в конце 1918 г. вошел в состав морских сил Добровольческой армии. 31 января 1920 г. захвачен в Николаеве советскими войсками. В июне 1920 г. мобилизован вновь, в 1926 г. возвращен гражданскому флоту.

«София»

Водоизмещение 420 т, длина 37,8 м, ширина 7 м, осадка 3 м. Мощность машины 300 л.с., скорость 9 узлов, дальность хода 600 миль. Вооружение — одно 37-мм орудие. Экипаж 37 человек.

Бывший речной колесный буксир, построен в 1883 г. в Линце (Австро-Венгрия), мобилизован 27 июля 1920 г., переоборудован в тральщик. В ноябре 1928 г. выведен из боевого состава флота и сдан к порту на хранение, в 1932 г. списан на слом.

«Стрельна»

Водоизмещение 73,5 брт, длина 26,2 м, ширина 4,6 м, осадка 2,6 м. Мощность машины 160 л.с., скорость 10 узлов. Вооружение — одно 57-мм орудие (по данным Н.Липатова — два 47-мм орудия).

Бывший буксирный пароход, построен в 1877 г. в Або. Мобилизован 29 марта 1920 г. и включен в состав морских сил Юго-Западного фронта, позже использовался как тральщик. 8 июня 1920 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту.

«Орел»

Водоизмещение 200 т, длина 39,9 м, ширина 4,8 м, осадка 2,2 м. Мощность машины 180 л.с., скорость 8 узлов, дальность хода 270 миль. Вооружение — один пулемет. Экипаж 20 человек.

Бывший колесный товаро-пассажирский пароход, построен в Линце (Австро-Венгрия) в 1882 г. Мобилизован 29 марта 1920 г., включен в состав флота как буксирный пароход, в июле переоборудован в тральщик. 1 апреля 1922 г. возвращен гражданскому флоту. [443]

б) невооруженные {70}

«Дельфин»

Водоизмещение 490 т, длина 33,4 м, ширина 7,4 м, осадка 3,3 м. Мощность машин 300 л.с., скорость 10 узлов, дальность хода 1000 миль. Вооружение — тралы. Экипаж 26 человек. Бывший грузовой пароход, построен в Германии в 1895 г. В ноябре 1916 г. мобилизован и переоборудован в тральщик Т-291. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с конца 1918 г. — в составе морских сил Добровольческой армии. В феврале 1920 г. захвачен советскими войсками в Херсоне, в марте 1920 г. вновь мобилизован. Летом 1921 г. возвращен гражданскому флоту.

«Бессарабец»

Вместимость 286 брт, длина 50,2 м, ширина 7,1 м, осадка 3 м. Мощность машины 650 л.с., скорость 12 узлов, дальность хода 1430 миль. Экипаж 24 человека.

Бывший колесный буксирный пароход, построен в 1891 г. в Германии. 15 июня 1920 г. мобилизован как тральщик, в январе 1922 г. возвращен гражданскому флоту.

«Аграфена»

Вместимость 191 брт, длина 41,2 м, ширина 6 м, осадка 3,3 м. Мощность машины 280 л.с., скорость 8 узлов. Экипаж 37 человек.

Бывший колесный буксирный пароход, построен в Линце (Австро-Венгрия) в 1879 г.

Мобилизован в феврале 1915 г., использовался в качестве буксирного парохода в Дунайской флотилии. Вторично мобилизован 15 июня 1920 г., использовался как тральщик и минный заградитель. 18 февраля 1924 г. возвращен гражданскому флоту.

«Салгир»

Вместимость 276,5 брт, длина 42 м, ширина 6,1 м, осадка 2,5 м. Мощность машины 300 л.с., скорость 8,5 узлов, дальность хода 310 миль.

Бывший колесный почтово-пассажирский пароход, построен в 1873 г. в Севастополе. В годы Первой Мировой войны [444] мобилизован и числился транспортом. 29 марта 1920 г. вновь мобилизован как транспорт, в июне переоборудован в тральщик, в феврале 1922 г. возвращен гражданскому флоту.

«Силач»

Водоизмещение 220 т., длина 32,6 м, ширина 11,1 м, осадка 3,1 м. Мощность машины 250 л.с., скорость 9 узлов.

Бывший колесный буксир, построен в Одессе в 1879 г. В феврале 1920 г. мобилизован и переоборудован в тральщик. Погиб 26 июня 1923 г. на mine.

«Удалой»

Водоизмещение 200 т, длина 35,4 м, ширина 7,2 м, осадка 1,8 м. Мощность машины 400 л.с., скорость 8 узлов, экипаж 25 человек.

Бывший колесный буксир таможенного ведомства, построен в Будапеште (Австро-Венгрия) в 1891 г. Во время Первой Мировой войны мобилизован, использовался в качестве транспорта в Дунайской флотилии. 1 октября 1920 г. вновь мобилизован и переоборудован в тральщик. 2 августа 1921 г. разоружен и возвращен гражданскому флоту.

Сторожевые катера — 13 единиц

СК-14

Водоизмещение стандартное 77 т, полное 85 т, длина 33,5 м, ширина 4,5 м, осадка 17 м.

Мощность моторов 1050 л.с., скорость 18 узлов, дальность хода 900 миль. Вооружение — одно 75-мм и одно 47-мм орудие, два пулемета. Экипаж 20 человек. [445]

Бывший французский охотник за подводными лодками С-40 («Шоссер»), построен в США в 1917 г. В 1919 г. поврежден взрывом на рейде Одессы, затоплен а порту при уходе французского флота. В августе 1920 г. поднят и 20 сентября 1920 г. включен в боевой состав Морских сил Черного моря как катер-истребитель. В 1921 г. переименован в «Гневный», 27 марта 1923 г. перечислен в СКА. 28 ноября 1933 г. отправлен на консервацию, сдан на слом 21 апреля 1937 г.

СК № 1–6

Водоизмещение 19 т, длина 15,2 м, ширина 2,4 м, осадка 0,7 м. Мощность мотора 220 л.с., скорость 12 узлов. Вооружение — одно 37-мм орудие и один пулемет

Бывшие морские моторные бронекатера, построены в Одессе в 1916 г. 3 июля 1920 г. переданы флоту от Военного ведомства, в июне 1922 г. сданы в Николаевский порт на хранение. СКА № 5 и № 6 разоружены и сданы на слом в середине 1920-х гг., остальные в июне 1926 г. вновь переоборудованы в бронекатера, списаны в октябре 1940 г.

СК № 9–13

Водоизмещение 14 т, длина 18,2 м., ширина 3,9 м, осадка 0,8 м. Мощность моторов 800 л.с. (?), скорость 22 узла, дальность хода 180 миль. Вооружение — одно 47-мм орудие, один пулемет.

Бывшие бронекатера Военного ведомства, заложены в Одессе в 1917 г. и достроены в Николаеве летом 1920 г. Зачислены в боевой состав 3 июля 1920 г., в некоторых источниках именуются катерами-истребителями. СКА № 9 и № 10 списаны в 1924–1925 гг., СКА № 11 в августе 1921 г. передан РККА, СКА № 12 и № 13 в августе 1920 г. сданы Севастопольской крепости.

«Разведчик»

Водоизмещение 17 т, длина 10,9 м, ширина 2,4 м, осадка 1,2 м. Мощность 90 л.с., скорость 10 узлов. Вооружение — 1 пулемет.

Бывший моторный катер с недостроенного крейсера «Адмирал Лазарев». Построен в Або в 1916 г., мобилизован и вооружен 3 июля 1920 г. 16 ноября 1922 г. передан на крейсер «Память Меркурия» («Коминтерн»). [446]

Бронекатера — 4 единицы

БК № 2

БК № 3

БК № 4

БК № 17*

Водоизмещение полное 10 т (стандартное — 6,5 т), длина 10,6 м, ширина 3,6 м, осадка 0,9 м. Мощность мотора 85 л.с., скорость 7–11 узлов. Вооружение — одно 37-мм орудие и пулемет. Экипаж — 9 человек.

Бывшие германские бронекатера, построены в годы Первой Мировой войны, брошены на Днестре при выводе германских войск с Украины {71}. В марте 1919 г. вошли в состав Днестровской флотилии, 10 сентября 1920 г. переданы в состав Морских сил Черного моря и 16 сентября прибыли в Николаев. 3 апреля 1925 г. переданы в Отдельный отряд судов Западной Двины, с 1928 г. — на Днестре, с июня 1940 г. — в Пинской военной флотилии. Погибли летом 1941 г. Катер № 17 по некоторым данным не имел орудия, он был отправлен на Черное море несколькими днями раньше остальных, прибыл в Николаев 7 сентября 1920 г., но ввиду неисправности мотора был оставлен в порту на хранении и впоследствии разобран на металл. [447]

Невооруженные сторожевые катера — 5 единиц

«Гордый»

«Громкий»

По 17 т, 9 узлов. Бывшие моторные катера, построены в Або в 1916 г., мобилизованы в июне 1920 г. Сданы на слом в 1926–1928 гг.

«Бойкий», «Резвый»

Бывшие портовые катера, по 42 т, 9 узлов.

«Диана»

С мая 1920 г. — «Юный коммунист», 2 т, 35 узлов. Захвачен в Николаеве 31 января 1920 г.

Катера-тральщики — 11 единиц

«Четвертый»

«Седьмой»

Бывшие моторные катера, 29 т, 10 узлов, мобилизованы в июне 1920 г.

№ 2–9

Водоизмещение 13 т, длина 12 м, ширина 2,4 м, осадка 1 м. Мощность мотора 50 л.с., скорость 7–8 узлов.

Бывшие германские моторные катера, в июне 1920 г. мобилизованы и зачислены в состав МСЧМ. № 6 погиб 27 октября 1921 г. во время шторма, остальные в 1922 г. переданы гражданскому флоту, во второй половине 1920-х годов разобраны на металл.

Невооруженные суда — 12 единиц

«Бесстрашный» (б. буксир «Александр Барминский», 317 брт) — мобилизован в феврале 1920 г.

«Самородок» (б. буксир, 72 т, 9 узлов) — захвачен в феврале 1920 г. в Очакове.

«Светлана» (б. паровая яхта, 59 брт, 10 узлов) — мобилизована 19 июня 1920 г. [448]

«Русалка» (б. колесный товаро-пассажирский пароход, 260 т, 11 узлов) — мобилизован в июле 1920 г.

«Аргонавт» (б. буксир, 60 т, 80 л.с., 6 узлов) — мобилизован в августе 1920 г.

«Лисичанск» (б. буксир, 100 т, 8 узлов) — мобилизован 3 сентября 1920 г.

«Бабушка» (б. колесный буксир, 168 брт, 8 узлов).

«Нестор-Летописец» (б. колесный пароход «Граф Тотлебен», 1020 брт, 8 узлов).

«Дедушка Крылов» (б. буксир, 95 брт, 8 узлов).

«Мария Алексис» (б. буксир, 120 т).

«Новороссийск» (б. буксир, 6 узлов).

«Святой Николай» (б. паровая шхуна, 326 брт). «Эмма» (б. буксир, 63 т, 9 узлов) — захвачен в Николаеве в феврале 1920 г., в августе мобилизован.

Плавбазы — 1 единица

«Александра»

Вместимость 260 брт, длина 47/1 м, ширина 6 м, осадка 1,2 м. Мощность машины 400 л.с., скорость 10 узлов, дальность хода 450 миль.

Бывший колесный товаро-пассажирский пароход, построен в 1893 г. в Линце (Австро-Венгрия). В июле 1920 г. мобилизован, использовался в качестве плавбазы дивизиона сторожевых катеров. 25 мая 1925 г. возвращен гражданскому флоту.

б) Морские силы восточной части Черного моря

Созданы в апреле 1920 г. после освобождения Таманского полуострова и Кавказского побережья, первоначально находились в подчинении Кавказского фронта.

Канонерские лодки — 2 единицы

«Луч Востока» («Айдин-Рейс»)

«Восставший» («Перевеза»)

Водоизмещение 560 т, длина 54 м, ширина 8,5 м, осадка 2,4 м. Мощность машин 1025 л.с., скорость 14 узлов, экипаж 60 человек. Вооружение — два 102-мм орудия. [449]

Канонерские лодки турецкого флота, прибыли в Новороссийск 18 сентября и 13 октября 1920 года, чтобы не сдаваться флоту Антанты. 27 октября 1920 г. включены в состав Морских сил Черного моря. 11 мая 1921 г. возвращены Турции.

Транспорт

«Шамиль»

Длина 126 м, ширина 16,2 м, осадка 7,8 м. Мощность машин 2500 л.с., скорость 11 узлов.

Бывший турецкий пароход «Шахин», пришедший из Трапезунда в Новороссийск в сентябре 1920 г. Участвовал в неудачной попытке высадки десанта в Крыму 10 ноября 1920 г., в 1921 г. возвращен Турции [72].

Бронекатера — 4 единицы

«Кугуар»

«Пантера»

«Рысь»

«Ягуар»

Водоизмещение 15 т, длина 14,6 м, ширина 2,4 м, осадка 0,6 м. Мощность мотора 72 л.с., скорость 15 узлов. Вооружение — одно 47-мм орудие и пулемет. Экипаж 12 человек.

Построены в 1918 г. на Каме (Мотовилихинский завод) для Сибирской армии Колчака. В июне 1919 г. брошены при отступлении из Перми. В октябре 1919 г. переведены в Астрахань

и зачислены в состав Волжско-Каспийской военной флотилии. 13 мая 1920 г. отправлены железной дорогой в Витебск и 28 мая включены в состав формирующейся Западно-Двинской флотилии, но затем перенаправлены на Черное море и 4 октября 1920 г. прибыли в Новороссийск. 25 мая 1921 г. переданы в распоряжение сухопутных войск. [450]

Сторожевые катера — 9 единиц

«Апраксин»

Водоизмещение 30 т, длина 17,9 м, ширина 3 м, осадка 2,1 м. Мощность мотора 100 л.с.

Вооружение — одно 37-мм орудие и пулемет.

Бывший сторожевой катер морских сил Добровольческой армии, захвачен в Новороссийске 27 марта 1920 г., 1 августа 1920 г. зачислен в состав плавсредств Новороссийского порта, 15 ноября перечислен в СКА. В 1925 г. разоружен и списан на слом.

«Воробей» (15 т, 8 узлов)

«Медуза» (23 т, 8 узлов)

«Очаков» (32 т, 10 узлов)

«Рында» (20 т, 8 узлов)

«Стационар № 1» (22 т, 10 узлов)

«Стационар № 8» (30 т, 8,5 узлов)

«Циклон» (25 т, 6 узлов)

«Ворон»

Бывшие патрульные катера морских сил Добровольческой армии, захвачены 27 марта 1920 г. в Новороссийске.

Белый флот

Линейный корабль (дредноут)

«Генерал Алексеев»

Нормальное водоизмещение 23 400 т, длина 168 м, ширина 27,4 м, осадка 8,4 м. Мощность турбин 29 000 л.с., скорость 21 узел, дальность хода 1400 миль (на 12 узлах). Вооружение — двенадцать 305-мм орудий в четырех башнях, двадцать 130-мм орудий в казематах, четыре 75-мм зенитных орудия, четыре бортовых 457-мм торпедных аппарата. Бронирование — главный пояс 262 мм, оконечности 100 мм, башни ГК 250 мм, рубка 254 мм, казематы 80 мм, палубы 75 мм. Экипаж 1190 человек. [452]

Бывший линкор «Император Александр III», он же «Воля». Вступил в строй 15 июня 1917 г., в апреле 1918 г. вместе с однотипным линкором «Свободная Россия» (б. «Императрица Екатерина Великая») уведен в Новороссийск, но 19 июня вернулся в Севастополь, 15 октября 1918 г. включен в состав германских ВМС на Черном море. В ноябре 1918 г. уведен англичанами в Измир (Мраморное море), в октябре 1919 г. переименован в «Генерал Алексеев» и включен в состав белогвардейских Морских сил Юга России, 14 ноября уведен из Севастополя в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР, в конце 1920-х годов продан на металлолом и разобран в Бресте. Оставшиеся во Франции башни главного калибра во время Второй Мировой войны были установлены немцами на укреплениях «Атлантического вала» (батарея «Мирус»).

Линейные корабли (броненосцы) — 2 единицы

«Георгий Победоносец»

Нормальное водоизмещение 10 750 т, длина 103,5 м, ширина 21 м, осадка 8,7 м. Мощность машин 10 600 л.с., скорость 16 узлов (в 1912 г. — 14 узлов), дальность хода 3500 миль (на 8 узлах). Вооружение (на 1918 г.) — четырнадцать 152-мм орудий, четыре 47-мм орудия. Бронирование — главный пояс 152–406 мм, барбет 305 мм, траверзы 254–229 мм, рубка 229 мм, палубы до 57 мм. Экипаж 645 человек.

Вступил в строй в 1893 г., в 1905 г. участвовал в восстании броненосца «Потемкин», но был посажен офицерами на мель и сдан властям. В 1914 г. перевооружен со снятием главной артиллерии, использовался как штабной и учебный корабль. С марта 1918 г. находился на хранении в Севастопольском порту, в мае захвачен германскими войсками, а в [453] ноябре 1918 г. — англичанами. Летом 1919 г. включен в состав Морских сил Юга России, 14 ноября

1920 г. уведен из Севастополя в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР, продан на металлолом и разобран в Бизерте.

«Ростислав»

Нормальное водоизмещение 10 140 т, длина 107,2 м, ширина 20,7 м, осадка 7,8 м. Мощность машин 8800 л.с., скорость 15,3 узла, дальность хода 3500 миль (на 8 узлах). Вооружение (на 1918 г.) — четыре 254-мм орудия, восемь 152-мм орудий, четыре 75-мм зенитных орудия, четыре 63-мм зенитных орудия, два бортовых 457-мм торпедных аппарата. Бронирование — главный пояс 254–368 мм, верхний пояс 127 мм, башни ГК 254 мм, башни среднего калибра 152 мм, палубы до 76 мм. Экипаж 860 человек.

Вступил в строй в 1899 г., с марта 1918 г. находился на хранении в Севастопольском порту, в мае захвачен германскими войсками. 24 апреля 1919 г. механизмы корабля были подорваны англичанами. 18 ноября 1919 г. зачислен в состав Морских сил Юга России как блокшив партии траления, в 1920 г. использовался в качестве несамоходной плавучей [454] батареи на Азовском море, в ноябре затоплен у Еникале для заграждения Керченского пролива. В 1930 г. частично поднят как металлолом.

Крейсера — 2 единицы

«Генерал Корнилов»

Нормальное водоизмещение 7070 т, длина 134 м, ширина 16,6 м, осадка 6,8 м. Мощность машин 19 500 л.с., скорость 23 узла (в 1912 г. — 21 узел), дальность хода 2100 миль (на 12 узлах). Вооружение (на 1918 г.) — десять 130-мм орудий, два 75-мм зенитных орудия, два бортовых 281-мм торпедных аппарата, 150 мин заграждения. Бронирование — палуба 35 мм, скосы 70 мм, казематы 80 мм, рубка 140 мм. Экипаж 580 человек.

Спущен на воду в 1902 г. как «Очаков» и в ноябре 1905 г., будучи на достройке, возглавил восстание Черноморского флота. Был расстрелян береговыми батареями и, переименованный в «Кагул», введен в строй после ремонта лишь в 1909 г. 1 мая 1918 г. захвачен в Севастополе германской армией и на следующий день включен в состав германских ВМС на Черном море. 3 мая 1918 г. зачислен в состав Морских сил Юга России, в октябре переименован в «Генерал Корнилов». 14 ноября 1920 г. уведен из Севастополя в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР, продан на металлолом и разобран в Бресте. Однотипный крейсер «Память Меркурия» (до 1907 г. — «Кагул») со взорванными еще в 1919 г. машинами был оставлен в Севастополе, отремонтирован и в 1923 г. введен в строй (в июле 1942 г. поврежден немецкой авиацией в Поти и затоплен в качестве волнолома в устье реки Хопи). [455]

«Алмаз»

Водоизмещение 3285 т, длина 99,1 м, ширина 13,3 м, осадка 5,3 м. Мощность машин 7500 л.с., скорость 18 узлов, дальность хода 3400 миль. Вооружение (на 1918 г.) — семь 120-мм орудий, два пулемета. Экипаж 192 человека.

Строился в качестве вооруженной яхты, вступил в строй в 1903 г. как крейсер 2 ранга. Прославился тем, что в 1905 г. оказался единственным крейсером. Второй Тихоокеанской эскадры, прорвавшимся после Цусимы во Владивосток. В 1908 г. перечислен в яхты и в разоруженном виде переведен на Черное море, во время Первой Мировой войны использовался как гидроавиатранспорт, 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. входил в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. ушел в Константинополь со штабом генерала Врангеля.

Эскадренные миноносцы

а) турбинные — 5 (+2) единицы

Типа «Дерзкий»

Водоизмещение 1185 т, длина 93,8 м, ширина 9 м, осадка 3,3 м. Мощность турбин 23 000 л.с., скорость 30 узлов, дальность хода 1700 миль (на 21 узле). Вооружение — три 102-мм (4») орудия, два пулемета, пять 457-мм двухтрубных торпедных аппаратов, 80 мин. Экипаж 111 человек. [456]

«Беспокойный»

Вступил в строй в октябре 1914 г., в апреле 1918 г. ушел в Новороссийск, но в июне вновь вернулся в Севастополь и сдался германским властям. В апреле 1919 г. уведен англичанами в Измир (Мраморное море), с октября 1919 г. входил в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР и продан на металлолом.

«Гневный»

Вступил в строй в октябре 1914 г., 30 апреля 1918 г. при попытке уйти из Севастополя поврежден германской полевой артиллерией и выбросился на берег, после чего подорван экипажем. Летом снят с камней и 5 июля неисправным зачислен в состав германского флота как R03. В 1919 г. отремонтирован и зачислен в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР и продан на металлолом.

«Дерзкий»

Вступил в строй в октябре 1914 г., в конце 1917 — начале 1918 г. участвовал в боях на Дону и на Дунае. В апреле 1918 г. ушел в Новороссийск, но в июне вновь вернулся в Севастополь и сдался германским властям. В апреле 1919 г. уведен англичанами в Измир (Мраморное море), с октября 1919 г. входил в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР и продан на металлолом.

Типа «Счастливыи» {73}

Водоизмещение 1110 т, длина 98 м, ширина 9,3 м, осадка 3,4 м. Мощность турбин 24 500 л.с., скорость 30–32 узла, дальность хода 1700 миль (на 21 узле). Вооружение — три 102-мм (4») орудия, два 47-мм зенитных орудия, четыре пулемета, пять 457-мм двухтрубных торпедных аппаратов, 80 мин. Экипаж 111 человек. [457]

«Пылкий»

Вступил в строй в мае 1915 г. В апреле 1918 г. ушел в Новороссийск, но в июне вновь вернулся в Севастополь и сдался германским властям. В ноябре 1918 г. перешел под контроль войск Антанты и вскоре передан в распоряжение командования Добровольческой армии. 3 апреля уведен из Севастополя в Новороссийск, в мае 1919 г. зачислен в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР и продан на металлолом.

«Поспешный»

Вступил в строй в сентябре /9/5 г. В апреле 1918 г. ушел в Новороссийск, но в июне вновь вернулся в Севастополь и сдался германским властям. В апреле 1919 г. уведен англичанами в Измир (Мраморное море), с октября 1919 г. входил в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту. В 1924 г. признан собственностью СССР и продан на металлолом.

«Быстрый»*

Вступил в строй в апреле 1915 г. 1 мая 1918 г. захвачен в Севастополе на ремонте германскими войсками и вскоре включен в состав германских ВМС на Черном море как R02, но так и не был отремонтирован. После кратковременного пребывания в руках советских войск 24 июня был вновь захвачен Добровольческой армией, но в строй не введен. /5 ноября 1920 г. захвачен в Севастополе советскими войсками, отремонтирован и в декабре 1927 г. вошел в строй Морских сил Черного моря как «Фрунзе». 8 сентября 1941 г. потоплен немецкой авиацией у Тендеровской косы. [458]

Еще один эсминец этого типа, «Счастливыи», был в апреле 1919 г. уведен англичанами в Измир и 24 октября 1919 г. погиб во время шторма у острова Лемнос.

«Цериго»*

Водоизмещение 1326 т, длина 92,5 м, ширина 9,1 м, осадка 3,2 м. Мощность турбин 28 000 л.с., скорость 31–33 узла, дальность хода 1500 миль. Вооружение — четыре 102-мм (4») орудия, два 57-мм зенитных орудия, четыре пулемета, четыре 457-мм трехтрубных торпедных аппарата, 80 мин. Экипаж 136 человек.

Принадлежал к «Ушаковской серии» (однотипный с эсминцами «Керчь» и «Занте»). 17 марта 1918 г. в недостроенном виде захвачен в Николаеве германскими войсками. В январе 1920 г. отбуксирован в Одессу, в феврале (уже после занятия города передовыми советскими частями) уведен в Севастополь. В ноябре 1920 г. на буксире уведен в Константинополь и далее в Бизерту. В 1923 г. продан белогвардейским командованием на металлолом.

б) старых типов — 7 единиц

«Капитан Сакен»

Нормальное водоизмещение 635 т, длина 74,1 м, ширина 8,3 м, осадка 3 м. Мощность машин 7300 л.с., скорость 25 узлов, дальность хода 1700 миль (на 12 узлах). Вооружение — два [459] 102-мм орудия, два 47-мм зенитных орудия, два пулемета, три 457-мм однотрубных торпедных аппарата, 40 мин. Экипаж 72 человека.

Вступил в строй в 1909 г., 1 мая 1918 г. захвачен в Севастополе германскими войсками и 12 октября 1918 г. зачислен в состав германских ВМС на Черном море как R04. В ноябре 1918 г. перешел под контроль сил Антанты и был уведен в Измир (Мраморное море). С октября 1919 г. входил в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в

Константинополь, а затем в Бизерту.

Тина «Лейтенант Пущин»

Нормальное водоизмещение 440 т, длина 64 м, ширина 6,4 м, осадка 2,4 м. Мощность машин 6000 л.с., скорость 24–26 узла, дальность хода 900–1200 миль (на 12 узлах). Вооружение — два 75-мм орудия, два пулемета, два 457-мм однотрубных торпедных аппарата, 16 мин. Экипаж 72 человека.

«Жаркий»

Вступил в строй в 1905 г., 19 июня 1918 г. вернулся из Новороссийска в Севастополь и сдался германским войскам. В ноябре 1918 г. перешел под контроль сил Антанты и был передан ими командованию Добровольческой армии. 3 апреля 1919 г. уведен из Севастополя в Новороссийск, 3 мая зачислен в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. на буксире у транспорта «Кронштадт» уведен в Константинополь, а затем в Бизерту. [460]

«Живой»

Вступил в строй в 1906 г., 19 июня 1918 г. вернулся из Новороссийска в Севастополь и сдался германским войскам. Укомплектован немецкой командой и зачислен в состав германских ВМС на Черном море как R12. В ноябре 1918 г. перешел под контроль сил Антанты и был передан ими командованию Добровольческой армии. 3 апреля 1919 г. уведен из Севастополя в Новороссийск, 3 мая зачислен в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. затонул в Черном море на переходе в Константинополь.

«Звонкий»

Вступил в строй в 1907 г., 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе на ремонте, в июле укомплектован немецкой командой и зачислен в состав германских ВМС на Черном море как R11. В ноябре 1918 г. перешел под контроль сил Антанты и был передан «Греции», переименован в «Докса». В апреле 1919 г. отведен в Измир (Мраморное море), 12 сентября возвращен командованию Добровольческой армии и 21 сентября зачислен в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту.

«Зоркий»

Вступил в строй в 1906 г., 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе на ремонте, в июле укомплектован немецкой командой и зачислен в состав германских ВМС на Черном море как R10. В ноябре 1918 г. перешел под контроль сил Антанты и в апреле 1919 г. отведен в Измир (Мраморное море). В октябре 1919 г. возвращен командованию Добровольческой армии и зачислен в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту.

Кроме того, эсминцы «Жуткий», «Заветный» и «Лейтенант Пущин» в конце апреля 1919 г. при эвакуации Севастополя были полностью выведены из строя англичанами и брошены в порту. После окончания Гражданской войны сданы на слом. [461]

Типа «Сокол»

Нормальное водоизмещение 300 т, длина 58,1 м, ширина 5,4 м, осадка 2 м. Мощность машин 3800 л.с., скорость 26–27 узлов (22,5 узла в 1912 г.), дальность хода 900 миль (на 12 узлах).

Вооружение — два 75-мм орудия, два пулемета, два 457-мм однотрубных торпедных аппарата, 12 мин. Экипаж 62 человека.

«Свирепый»

Вступил в строй в 1902 г., в 1903 г. переведен с Балтики на Черное море. 1 мая 1918 г. захвачен в Севастополе германскими войсками. В ноябре 1918 г. включен в состав английского флота как миноносец № 204. В апреле 1919 г. выведен из строя англичанами, с 29 мая 1920 года сдан на хранение в Севастопольскому порту{74}. Оставлен белыми при эвакуации Севастополя 14 ноября 1920 г. Отремонтирован и вошел в строй 12 июля 1921 г. 31 декабря 1922 г. переименован в «Лейтенант Шмидт». 29 апреля 1927 года исключен из списков флота и сдан на слом.

«Строгий»

Вступил в строй в 1902 г., в 1903 г. переведен с Балтики на Черное море. 1 мая 1918 г. захвачен в Севастополе германскими войсками. В апреле 1919 г. выведен из строя англичанами, [462] с 29 мая 1920 года сдан на хранение в Севастопольскому порту.

Оставлен белыми при эвакуации Севастополя 14 ноября 1920 г. Отремонтирован и вошел в строй 10 июля 1923 г. как «Марти». С февраля 1926 г. — посыльное судно, 20 июля 1929 года исключен из списков флота и сдан на слом.

Подводные лодки — 4 единицы

Типа «Барс»

Водоизмещение 650/785 т, длина 68 м, ширина 4,5 м, осадка 4,1 м. Мощность механизмов 2500/900 л.с., скорость 16/9 узлов, дальность хода 2400/100 миль. Вооружение — один пулемет (впоследствии — 47-мм орудие), четыре 457-мм торпедных аппарата. Экипаж 41 человек.

«Буревестник»

Вступила в строй в октябре 1917 г., 1 мая 1918 г. захвачена германскими войсками в Севастополе и включена в состав германских сил на Черном море как US1. В ноябре 1918 г. перешла под контроль сил Антанты, с 3 мая 1919 г. входила в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведена в Константинополь, а затем в Бизерту, в 1924 г. признана собственностью СССР и в конце 1920-х гг. продана на металл.

«Утка»

Вступила в строй в декабре 1917 г., 1 мая 1918 г. захвачена германскими войсками в Севастополе и включена в состав германских сил на Черном море как US3 (экипаж набран с подводной лодки UB14). В ноябре 1918 г. перешла под контроль сил Антанты, с 3 мая 1919 г. входила в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. уведена в Константинополь, [463] а затем в Бизерту, в 1924 г. признана собственностью СССР и в конце 1920-х г. продана на металл.

Еще две лодки данного типа, «Гагара» и «Орлан», в апреле 1919 г. были затоплены англичанами на рейде Севастополя (вместе с восемью другими субмаринами Черноморского флота), а недостроенные лодки «Лебедь» и «Пеликан» в январе 1920 г. затоплены на рейде Одессы перед захватом города советскими войсками.

Типа «Нерпа»

«Тюлень»

Водоизмещение 630/790 т, длина 68,4 м, ширила 4,5 м, осадка 3,9 м. Мощность механизмов 500/900 л.с., скорость 11/ 8,5 узлов, дальность хода 1600/95 миль. Вооружение — два 75-мм и одно 37-мм орудие, четыре трубчатых и восемь наружных решетчатых 457-мм торпедных аппаратов. Экипаж 39 человек.

Лодка типа «Нерпа», вступила в строй в феврале 1915 г., 1 мая 1918 г. захвачена германскими войсками в Севастополе, а в ноябре 1918 г. перешла под контроль сил Антанты. С 3 мая 1919 г. входила в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г.

уведена в Константинополь, а затем в Бизерту, в 1924 г. признана собственностью СССР и в конце 1920-х гг. продана на металл.

Типа «Голланд»

АГ-22

Водоизмещение 355/434 т, длина 46 м, ширина 4,9 м, осадка 3,8 м. Мощность механизмов 480/320 л.с., скорость 13/10 узлов, дальность хода 3000/26 миль. Вооружение — один пулемет (впоследствии — 47-мм орудие), четыре 457-мм торпедных аппарата. Экипаж 24 человека.

Американского типа «Галланд», достроена в 1920 г. в Николаеве и 10 сентября вошла в состав Морских сил Юга России. 14 ноября 1920 г. на буксире у транспорта «Кронштадт» уведена в Константинополь, а затем в Бизерту. [464]

Канонерские лодки — 16 единиц

Типа «Запорожец»{75}

Водоизмещение 1280 т, длина 67,2 м, ширина 12,2 м, осадка 3,7 м. Мощность машин 1500 л.с. («Терец» — 1800 л.с.), скорость 13,5 узлов (11 узлов в 1912 г.), дальность хода 2100 миль (на 6 узлах). Вооружение — два 152-мм орудия, одно 120-мм орудие, два 75-мм орудия, четыре 47-мм орудия, два пулемета. Экипаж 137 человек.

«Терец»

Вступила в строй в 1888 г., 1 мая 1918 г. захвачена германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. входила в состав Морских сил Юга России, 8 марта 1920 г. повреждена в бою с советским бронепоездом, отправлена на ремонт и 15 ноября 1920 г. в неисправном виде захвачена частями РККА в Севастополе. В 1921 г. вошла в боевой состав Морских сил Черного моря, (с 1922 г. — «Знамя Социализма»). С 1926 г. — на консервации, в 1931 г. разоружена и передана ЭПРОН.

«Кубанец»

Вступила в строй в 1888 г., 1 мая 1918 г. захвачена германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. входила в состав [465] Морских сил Юга России. 23 марта 1920 г. затоплена при эвакуации Темрюка{76}. В 1921 г. поднята, после капремонта в 1923–1924 гг. включена в боевой состав Морских сил Черного моря как «Красный Кубанец». Сдана на слом в 1928 г. Третья лодка того же типа, «Донец», затонула во время шторма у Тендеровской косы в мае 1919 г., в конце 1921 г. была поднята и сдана в порт на хранение, а в 1928 г. разобрана на металл.

Других типов

«Якут»

Водоизмещение 1300 т, длина 65,7, ширина 7,2, осадка 4,5 м. Мощность машин 110 л.с., скорость 12 узлов. Вооружение — неизвестно (на 1917 г. — два 75-мм орудия).

Бывший товаро-пассажирский пароход, построен в 1887 г. Во время Первой Мировой войны мобилизован и переоборудован в посыльное судно. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России (находился в резерве), в ноябре 1920 г. уведен за границу, передан французскому флоту

«Джигит»

Водоизмещение 1200 т, длина 59,4, ширина 12,7, осадка 5,4 м. Мощность машин 1000 л.с., скорость 12 узлов. Вооружение — одно 102-мм{77} орудие.

Бывший портовый ледокол, построен в 1899 г. Мобилизован в годы Первой Мировой войны как «Ледокол № 3». В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, переоборудован в канонерскую лодку «Джигит» (иногда числится в списках ледоколом). В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Гайдамак»

Водоизмещение 1250 т, длина 59,4 м, ширина 12,7 м, осадка 5,4 м. Мощность машин 1000 л.с., скорость 12 узлов. Вооружение — одно 152-мм и два 75-мм орудия. [466]

Бывший портовый ледокол, построен в 1897 г. Мобилизован в годы Первой Мировой войны как «Ледокол № 2». В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в

составе Морских сил Юга России, переоборудован в канонерскую лодку «Гайдамак» (несмотря на тяжелое вооружение, иногда числится в списках ледоколом). В ноябре 1920 г. уведен за границу.

Б-1

Водоизмещение около 250 т. Вооружение — одно 152-мм орудие. Экипаж 37 человек. Бывшая румынская самоходная баржа. В феврале 1917 г. получена от Румынии, вооружена и включена в состав Дунайской флотилии как канонерская лодка К-8. 28 марта 1918 г. захвачена германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, переименована в Б-1. Оставлена при эвакуации белых войск из Крыма в ноябре 1920 г., в декабре 1920 г. зачислена в состав Морских сил Черного моря, 25 января затонула во время шторма, но впоследствии опять введена в строй. После 1925 г. разоружена и перечислена во вспомогательные плавсредства флота.

Б-3

Водоизмещение 255 т, длина 45,7 м, ширина 7,2 м, осадка 1,2 м. Мощность машины 100 л.с., скорость 5 узлов. Вооружение — одно 152-мм орудие. Экипаж 18 человек. Бывшая самоходная баржа № 437, построена в Николаеве. В феврале 1917 г. мобилизована, вооружена и включена в состав Дунайской флотилии как канонерская лодка К-3. [467]

Б-4

Водоизмещение 255 т, длина 45,7 м, ширина 7,2 м, осадка 1,2 м. Мощность машины 100 л.с., скорость 5 узлов. Вооружение — одно 152-мм орудие. Экипаж 18 человек. Бывшая самоходная баржа, в феврале 1917 г. мобилизована, вооружена и включена в состав Дунайской флотилии как канонерская лодка К-17. 28 марта 1918 г. захвачена германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, переименована в Б-4. При эвакуации белых войск из Крыма затоплена возле Евпатории 14 ноября 1920 г.

К-1

Водоизмещение 255 т, длина 45,7 м, ширина 7,2 м, осадка 1,2 м. Мощность машины 100 л.с., скорость 5 узлов. Вооружение — одно 152-мм орудие. Экипаж 18 человек. Бывшая самоходная баржа № 432, построена в Николаеве. В феврале 1917 г. мобилизована, вооружена и включена в состав Дунайской флотилии как канонерская лодка. 28 марта 1918 г. захвачена германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юм России. При эвакуации белых войск из Крыма в ноябре 1920 г. затоплена возле Евпатории.

«Альма» (К-2)

Водоизмещение 328 т, длина 54,7 м, ширина 8,3 м, осадка 2,6 м. Мощность машины 360 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — неизвестно. Бывший буксирный пароход, построен в 1883 г. в Триесте (Австро-Венгрия). Мобилизован 2 марта 1917 г. и переоборудован в тральщик. В мае 1920 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе морских сил Добровольческой армии, в 1920 г. перечислен в канонерские лодки. 15 ноября 1920 г. захвачен советскими войсками в Севастополе, зачислен в состав Морских сил Черного моря как тральщик. 9 июня 1922 г. передан гражданскому флоту.

«Салгир» (К-3)

Водоизмещение 590 т, длина 61,1 м, ширина 9,9 м, осадка 2,8 м. Мощность машин 600 л.с., скорость 9,5 узлов. Вооружение — два 152-мм орудия (на 1918 г. — четыре 75-мм орудия). [468]

Бывшая паровая шхуна «Адольф», построена в Англии в 1910 г. 15 октября 1916 г. мобилизована в качестве тральщика Т-260. В мае 1918 г. захвачена германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе морских сил Добровольческой армии. Весной 1920 г. переоборудована в канонерскую лодку. 15 сентября 1920 г. потоплена советскими кораблями в бою у Обиточной косы на Азовском море.

«Алтай» (К-6)

Водоизмещение 510 т, длина 39,5, ширина 7,3, осадка 2,4 м. Мощность машины 540 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — одно 120-мм орудие (?).

Бывшая паровая шхуна «Роза», построена в Англии в 1910 г. 15 октября 1916 г — мобилизована в качестве тральщика Т-234. В мае 1918 г. захвачена германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе морских сил Добровольческой армии. Весной 1920 г. переоборудована в канонерскую лодку. В ноябре 1920 г. захвачена советскими войсками, использовалась как тральщик. 11 июля 1921 г. погибла на mine.

«Урал» (К-7)

Водоизмещение 580 т, длина 57,3 м, ширина 9,5 м, осадка 3,2 м. Мощность машины 400 л.с., скорость 10 узлов, дальность хода 1500 миль. Вооружение — два 152-мм орудия (на 1918 г. — два 75-мм и одно 37-мм орудия, тралы).

Бывший грузовой пароход «Сосисте», построен в Германии в 1910 г. В 1916 г. мобилизован и переоборудован в тральщик Т-232. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, весной 1920 г. переоборудован в канонерскую лодку. В ноябре 1920 г. уведен за границу-

«Кавказ» (возможно, К-4 или К-5, иногда именуется К-15)

Водоизмещение около 600 т., скорость 6 узлов. Вооружение — два 152-мм орудия, одно 75-мм зенитное орудие. Экипаж 66 человек.

Строилась как грунтовозная шаланда «Казатин». В феврале 1917 г. мобилизована, вооружена и включена в состав Дунайской флотилии как канонерская лодка К-15. 28 марта 1918 г. захвачена германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, переименована [469] в «Кавказ». Иногда именуется монитором. По некоторым данным, 14 ноября 1920 г. уведена в Константинополь, а затем в Бизерту.

«Страж»

Вооружение — два 152-мм орудия, другие характеристики неизвестны.

Бывший крейсер пограничной стражи, вступил в строй весной 1919 г.

«Грозный»

Вооружение — два 120-мм и два 100-мм, другие характеристики неизвестны

Строился в Севастополе (по другим данным — в Мариуполе) как минный транспорт для Очаковской крепости, весной 1919 г. зачислен в состав Морских сил Добровольческой армии. В ноябре 1920 г. уведен за границу.

Минные заградители — 9 единиц

«Дунай»

Водоизмещение 1380 т, длина 62,1 м, ширина 10,3 м, осадка 3,7 м. Мощность машин 1500 л.с., скорость 13 узлов (на 1918 г. — 10,5 узлов), дальность хода до 2000 миль.

Вооружение — одно 76-мм орудие (первоначально — четыре 75-мм и четыре 47-мм орудия), до 354 мин заграждения.

Построен в Швеции в 1893 г., с апреля 1918 г. — в Севастопольском порту на хранении. 1 мая 1918 г. захвачен германскими [470] войсками, с декабря 1918 г. — под контролем сил Антанты, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В ноябре 1920 г. оставлен в Севастополе при эвакуации Крыма, в декабре зачислен в состав Морских сил Черного моря. 4 июня 1940 г. выведен из боевого состава и переквалифицирован в гидрографическое судно. Потоплен немецкой авиацией 4 ноября 1941 г.

«Буг»

Водоизмещение 1380 т, длина 62,2 м, ширина 10,4 м, осадка 4,6 м. Мощность машин 1100 л.с., скорость 13 узлов, дальность хода 2150 миль (на 8 узлах). Вооружение — два 75-мм орудия, четыре 47-мм орудия, 350 мин заграждения. Экипаж 226 человек.

Однотипный с «Дунаем», построен в Швеции в 1892 г., с апреля 1918 г. — в Севастопольском порту на хранении. 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками, с декабря 1918 г. — под контролем сил Антанты, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. 12 ноября 1920 г. затонул во время шторма у Ак-Мечети. В 1924 г. поднят и сдан на слом.

«Константин»

Водоизмещение 2500 т, длина 90,6 м, ширина 11,3 м, осадка 7,6 м. Мощность машин 2200 л.с., скорость 12 узлов, дальность хода 1940 миль. Вооружение — одна 152-мм гаубица, три 75-мм орудия и два 37-мм орудия, один пулемет, 200 мин.

Бывший пароход РОПиТ, построен в Англии в 1891 г. Летом 1914 г. переоборудован в минзаг. В мае 1918 г. захвачен [471] германскими войсками, с апреля 1919 г. вошел в состав Морских сил Юга России (находился в резерве), в 1920 г. уведен за границу.

«Ксения»

Водоизмещение 2700 т, длина 92,7 м, ширина 11 м, осадка 7,6 м. Мощность машин 2400 л.с., скорость 12 узлов, дальность хода 2125 миль. Вооружение — одна 152-мм гаубица, три 75-мм орудия и два 37-мм орудия, один пулемет, 160 мин.

Бывший пароход РОПиТ, построен в Англии в 1895 а. Летом 1914 г. переоборудован в минзаг. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. вошел в состав Морских сил Юга России (находился в резерве), в 1920 г. уведен за границу.

«Мина»

Водоизмещение 180 т, длина 36,3 м, ширина 9,6 м, осадка 1,2 м. Мощность машины 320 л.с., скорость 10 узлов. Вооружение — два 37-мм орудия (?), 80 мин заграждения. Экипаж 25 человек.

Бывшая самоходная баржа, построена в Севастополе в 1911–1913 гг. Мобилизована в мае 1916 г., 1 мая 1918 г. захвачена германскими войсками. С апреля 1919 г. в составе флота Добровольческой армии (в резерве). 14 ноября 1920 г. брошена в Севастополе и в декабре включена в состав Морских сил Черного моря. 9 февраля 1939 г. исключен из боевого состава и передан техническому управлению флота.

«Николай»

Водоизмещение 2783 т, длина 88,4 м, ширина 8,2 м, осадка 2,3 м. Мощность машин 2400 л.с., скорость 12 узлов, дальность хода 670 миль. Вооружение — одна 152-мм гаубица, три 75-мм орудия, 280 мин заграждения.

Бывший почтово-пассажирский пароход «Святой Николай», построен в 1893 г. в Севастополе. Мобилизован осенью 1914 г. и переоборудован в минный заградитель. 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе морских сил Добровольческой армии. Находился в резерве, в ноябре 1920 г. уведен в Константинополь. [472]

«Аю-Даг»

Водоизмещение 1767 т, длина 67,7 м, ширина 10,7 м, осадка 3,8 м. Мощность машин 1750 л.с., скорость 10 узлов, дальность 1740 миль. Вооружение — два 75-мм орудия.

Бывший грузовой пароход, построен в Германии в 1898 г. Мобилизован осенью 1914 г., числился тральщиком, затем минным и сетевым заградителем. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе морских сил Добровольческой армии. Находился в резерве, в ноябре 1920 г. уведен в Константинополь.

«Батум»

Водоизмещение 2700 т, длина 75 м, ширина 9,6 м, осадка 5,4 м. Мощность машин 600 л.с., скорость 8 узлов, дальность хода 3200 миль. Вооружение — одно 75-мм орудие.

Бывший греческий грузовой пароход «Елена», построен в 1890 г. С 1905 г. — портовое судно Черноморского флота, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. По одним сведениям использовался как минный заградитель, по другим — в качестве угольщика. Погиб 8 октября 1920 г. на минах в районе Мариуполя.

«Смоленск»

Использовался в качестве минного транспорта, погиб в октябре 1920 г. на минах возле Мариуполя (?)

Сторожевые и посыльные суда — 10 единиц

«Никола Пашич»

Водоизмещение 80 т, вооружение — одно 57-мм и одно 37 мм орудие (по другим данным — одно 75-мм орудие).

Бывший буксир, мобилизован и вооружен весной 1919 г. Один из самых активных кораблей белого флота.

«Ястреб»

Водоизмещение 390 т, длина 48,3 м, ширина 6,6 м, осадка 2,4 м. Мощность машин 1500 л.с., скорость 17 узлов, дальность 3600 миль. Вооружение — четыре 47-мм орудия.

Бывший крейсер пограничной стражи, построен в 1911 г. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе, [473] с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В феврале 1920 г. затоплен при оставлении Ейска.

«Казарский»

Водоизмещение 411 т, длина 57,2 м, ширина 7 м, осадка 3 м. Мощность машин 3500 л.с., скорость 18 узлов, дальность хода 1800 миль. Вооружение — три 75-мм орудия, два пулемета. Экипаж 75 человек.

Бывший минный крейсер, построен в Германии в 1890 г., с 1907 г. — посыльное судно. 1 мая 1918 г. захвачено германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе белого флота. В ноябре 1920 г. выведено из строя при эвакуации Крыма. 15 декабря зачислено в состав Морских сил Черного моря как минный заградитель. В 1925 г. выведено из боевого состава и сдано на слом.

«Разведчик»

Водоизмещение 150 т, длина 42 м, ширина 4,5 м, осадка 2,1 м. Мощность машин 2000 л.с., скорость около 20 узлов. Вооружение — две 37-мм пушки и пулемет, два однотрубных 381-мм торпедных аппарата, экипаж 25 человек.

Бывшее посыльное судно № 7, ранее — миноносец № 273 типа «Пернов», 1899 г. постройки. 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками, в ноябре 1918 г. — силами Антанты. 3 апреля 1919 г. ушел в Новороссийск и в мае зачислен в состав Морских сил Юга России. 23 июля 1919 г. передан в распоряжение Морского кадетского корпуса. 15 ноября 1920 г. захвачен советскими войсками в Севастополе и в [474] декабре 1920 г. зачислен в состав Морских сил Черного моря. Исключен 11 декабря 1923 г. и сдан на слом. Еще два однотипных корабля (посыльные суда № 5 и № в) с марта 1918 г. находились в Севастополе на консервации и в строй не вводились.

«Охотник»

Водоизмещение 63 т, длина 38,3 м, ширина 3,7 м, осадка 2 м. Мощность машин 560 л.с., скорость около 19 узлов (11 узлов в 1913 г.). Вооружение — две 37-мм пушки и пулемет, экипаж 20 человек.

Бывший миноносец «Поти» 1884 г. постройки, с 1916 г. — посыльное судно № 10. С марта 1918 г. — в Севастопольском порту на консервации, 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками, в ноябре 1918 г. — силами Антанты. 3 апреля 1919 г. ушел в Новороссийск и в мае зачислен в состав Морских сил Юга России. 30 октября 1920 г. выведен на консервацию, а 23 июля 1920 г. передан в распоряжение Морского кадетского корпуса. 15 ноября 1920 г. в неисправном состоянии захвачен советскими войсками в Севастополе, в декабре 1920 г. зачислен в состав Морских сил Черного моря как посыльное судно. В 1923 г. выведен из боевого состава и сдан на слом. Еще одно судно того же типа (№ 9, бывший «Геленджик») находилось в неисправном состоянии в Севастопольском порту и в строй не вводилось.

«Летчик»

Водоизмещение 103 т, длина 46,8 м, ширина 3,9 м, осадка 2,4 м. Мощность машин 1000 л.с., скорость 19 узлов. Вооружение — две 47-мм и две 37-мм пушки, два пулемета (на 1919 — одна 57-мм пушка). Экипаж 20 человек. [475]

Бывший миноносец «Котка» 1895 г. постройки, с 1915 г. — посыльное судно «Летчик». С марта 1918 г. — в Севастопольском порту на консервации, 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками, в ноябре 1918 г. — силами Антанты. 3 апреля 1919 г. ушел в Новороссийск и в мае зачислен в состав Морских сил Юга России. 5 ноября 1920 г. в неисправном состоянии захвачен советскими войсками в Севастополе, в декабре 1920 г.

зачислен в состав Морских сил Черного моря (на ремонте до апреля 1921 г.). Исключен из боевого состава в 1922 г. и сдан на слом.

«Днепровец»

Водоизмещение 525 т, длина 30,9 м, ширина 6,6 м, осадка 3 м. Мощность машин 475 л.с., скорость 12 узлов. Вооружение — одно 75-мм и два 37-мм орудия.

Бывшее портовое судно, в годы Первой Мировой войны мобилизовано и вооружено, использовалось как посыльное судно. 1 мая 1918 г. захвачено германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В ноябре 1920 г. уведено за границу.

«Гидра»

Водоизмещение 300 т, длина 31,6 м, ширина 6,5 м, осадка 2,4 м. Мощность машины 215 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — два 37-мм орудия.

Бывший пассажирский пароход «Эрроу», построен в Англии в 1889 г. В конце 1916 г. мобилизован как сетевой заградитель, в мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России (находился в резерве). В ноябре 1920 г. уведен за границу. [476]

«Киев»

Вместимость 580 т, длина 62 м, ширина 8,2 м, осадка 3,4 м. Мощность машины 610 л.с., скорость 12 узлов. Вооружение — два 37-мм орудия.

Бывший колесный товаро-пассажирский пароход, построен в Триесте (Австро-Венгрия). Мобилизован в январе 1917 г. как сетевой заградитель, в мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России (находился в резерве). В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Лукулл»

Водоизмещение 533 т, длина 54,9 м, ширина 6,6 м, осадка 3 м. Мощность машин 700 л.с., скорость 11 узлов, дальность хода 1400 миль. Вооружение — два 37-мм орудия.

Бывшая яхта 1866 г. постройки, куплена в Англии в 1890 г. Использовалась как стационар русского посла в Константинополе, с 1914 г. — посыльное судно. В мае 1918 г. захвачена германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, находилась в порту на хранении. В ноябре 1920 г. уведена за границу.

Тральщики — 23 единицы {78}

«Веста»

Водоизмещение 2390 т, длина 73 м, ширина 10,8 м, осадка 5,4 м. Мощность машин 1000 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — одна 152-мм гаубица, два 75-мм орудия, тралы.

Бывший грузовой пароход, построен в Англии в 1891 г. Во время Первой Мировой войны переоборудован в тральщик. 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России (числился в резерве). В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Петерель»

«Дмитрий Герой»

Катера водоизмещением 60–80 т, вооружены одним 47-мм орудием каждый. Участвовали в бою у Обиточной косы. [477]

«Дмитрий Герой» погиб 28 сентября 1920 г. при тралении фарватера Мариупольского порта, судьба второго корабля неизвестна.

«Мечта»

Водоизмещение 2790 т, длина 87,5 м, ширина 11,2 м, осадка 7,4 м. Мощность машин 1200 л.с., скорость 9,5 узлов. Вооружение — одна 152-мм гаубица, три 75-мм орудия, тралы.

Бывший грузовой пароход РОПиТ «Марта», построен в Германии в 1884 г. Во время Первой Мировой войны переоборудован в тральщик. 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России (числился в резерве). В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Георгий»

Водоизмещение 453 т, длина 61,7 м, ширина 10,1 м, осадка 3,5 м. Мощность машин 400 л.с., скорость 9 узлов, дальность хода 1700 миль. Вооружение — два 75-мм и два 37-мм орудия, тралы.

Бывшая паровая шхуна, построена в Будапеште (Австро-Венгрия) в 1910 г. Осенью 1916 г. мобилизована и переоборудована в тральщик Т-261. 1 мая 1918 г. захвачена германскими войсками в Севастополе, с 1919 г. — в составе Морских сил Юга России с возвращением прежнего имени. В сентябре 1920 г. подорвалась на mine возле Керчи и была брошена при эвакуации Крыма. 23 ноября 1920 г. зачислена в состав Морских сил Черного моря, летом 1921 г. разоружена. Вновь мобилизована в июне 1941 г., в 1945 г. возвращена Азовскому пароходству.

«Смелый»

Водоизмещение 470 т, длина 28 м, ширина 6 м, осадка 2,7 м. Мощность машин 500 л.с., скорость 9 узлов, дальность хода 1280 миль. Вооружение — два 47-мм и одно 37-мм орудие, два пулемета, тралы.

Бывший ледокольный буксир РОПиТ, построен в Швеции в 1895 г. Во время Первой Мировой войны переоборудован в тральщик. 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России (числился в резерве). В ноябре 1920 г. уведен за границу. [478]

«Скиф»

«Чурубаш»

Водоизмещение 100 т, длина 26,1 м, ширина 5,8 м, осадка 1,8 м. Мощность машины 235 л.с., скорость 9,5 узла, дальность хода 650 миль. Вооружение — два 47-мм орудия, тралы.

Бывшие буксирные пароходы, построены в Одессе в 1914 г. Осенью 1916 г. мобилизованы и переоборудованы в тральщики Т-254 и Т-257. 1 мая 1918 г. захвачены германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России с возвращением прежних имен (числились в резерве). В ноябре 1920 г. уведены за границу.

«Язон»

Водоизмещение 100 т, длина 28 м, ширина 5,4 м, осадка 1,7 м. Мощность машины 250 л.с., скорость 8 узлов. Вооружение — одно 47-мм орудие, тралы.

Бывший буксирный пароход, построен в Одессе в 1915 г. Осенью 1916 г. мобилизован и переоборудован в тральщик Т-258. 1 мая 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России с возвращением прежнего имени (числились в резерве). 15 ноября 1920 г. захвачен советскими войсками в Севастополе, и в декабре зачислен в состав Морских сил Черного моря. 18 июля 1924 г. подорвался на mine, но был отбуксирован в базу и отремонтирован. В декабре 1928 г. разоружен и передан гражданскому флоту. Взорван экипажем в Севастополе 1 июля 1942 г.

«Альбатрос»

«Баклан»

Водоизмещение 106 т, длина 25,9 м, ширина 5,3 м, осадка 1,5 м. Мощность машины 3500 л.с., скорость 9,5 узлов, дальность хода 400 миль. Вооружение — четыре 37-мм орудия, тралы. Экипаж 26 человек.

Построены в Одессе в 1920 г., до июля 1915 г. числились портовыми судами, затем переоборудованы в тральщики. 1 мая 1918 г. захвачены германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России (числились в резерве). В ноябре 1920 г. уведены в Константинополь, а затем в Бизерту. [479]

«Китобой»

Водоизмещение 310 т, длина 30,9 м, ширина 6 м, осадка 3,6 м. Скорость 12 узлов.

Вооружение — два 75-мм орудия, один пулемет, тралы.

Бывший норвежский китобоец «Эррис», построенный в 1915 г., в 1915–1916 гг. переоборудован в тральщик. Входил в состав Морских сил Балтийского моря, 13 июня 1919 г. после мятежа на форту Красная Горка уведен командой в Ревель и сдан англичанам.

Летом 1920 г. совершил переход на Черное море, но прибыл в Севастополь лишь к началу эвакуации. В ноябре 1920 г. уведен в Константинополь и далее в Бизерту.

«Ногайск»

Водоизмещение 108 т, скорость 15 узлов, вооружение — одно 75-мм орудие {79}.

Бывший буксирный пароход, во время Первой Мировой войны служил тральщиком. С марта 1920 г. в составе белого флота, 10 апреля бежал с 12 моряками а Геническ и сдался красным, но в конце апреля вновь захвачен белыми. В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Керчь» (б. портовое судно, 140 т, 11 узлов) — в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Доброволец» (б. тральщик Т-273, 100 т, 9,5 узла) в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Капитан 2 ранга Медведев» — в 1920 г. уведен за границу.

«Скорый» (колесный пароход, 10 узлов) — в 1920 г. уведен за границу.

«Волга» (Т-231, б. паровая шхуна, 570 т, 7 узлов) — оставлена в Крыму, зачислена в составу Морских сил Черного моря в качестве тральщика «Волга».

«Жанетта» (Т-238, б. пароход, 520 тп, 9 узлов, одно 120-мм орудие, тралы) — в ноябре 1920 г. уведен за границу. [480]

«Успех» (Т-247, б. колесный буксир, 400 тп, 10 узлов, тралы) — по одним данным погиб в сентябре 1920 г. на минах, по другим — уведен в ноябре за границу.

«Мери» (Т-259, б. колесный буксир, 180 т, 9 узлов) — в ноябре 1920 г. захвачен советскими войсками в Севастополе, передан гражданскому флоту. В 1922 г. погиб в Черном море от неизвестной причины.

«Кафа» (Т-274, б. буксир, 82 т, 10 узлов, два 37-мм орудия, тралы) — оставлен в Керчи при эвакуации Крыма, зачислен в состав Азовской флотилии, в 1922 г. передан гражданскому флоту.

«Пандия» (Т-283, б. паровая шхуна, 500 т, 7 узлов, одно 75-мм орудие) — в ноябре 1920 г. уведена за границу.

Катера-тральщики {80} — 5 единиц

«Мичман Ковалевский»

Водоизмещение 45 т, длина 18 м, ширина 3 м, осадка 1,2 м. Мощность мотора 80 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — два 47-мм орудия.

Бывший «Подпоручик», бывший катер № 5, построен в 1917 г. С апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В ноябре 1920 г. захвачен советскими войсками и зачислен в состав Морских сил Черного моря как «Тральщик № 2». 8 декабря 1922 г. передан Севастопольскому торговому порту (по другим данным, в мае 1922 г. затонул в Керчи из-за течи в корпусе).

«Полтава»

«Сечь»

Водоизмещение 45 т, длина 21 м, ширина 3,6 м, осадка 1,2 м. Мощность мотора 60 л.с., скорость 5 узлов. Вооружение — одно 75-мм орудие (?). [481]

Бывшие катера № 2 и № 4, построены в 1912–1913 гг. как моторные катера-заградители. В 1917 г. переоборудованы в катера-тральщики. С 29 апреля 1920 г. — в составе белогвардейского флота, в ноябре 1920 г. захвачены советскими войсками в Крыму и включены в состав Морских сил Черного моря. 13 августа 1921 г. выведены из боевого состава, в 1922 г. переданы гражданскому флоту.

«Киев»

«Чигирин»

Водоизмещение полное 39 т, длина 20,2 м, ширина 5,4 м, осадка 0,9 м. Мощность двигателей 60 л.с., скорость 8 узлов, дальность хода — до 700 миль. Вооружение — один пулемет, первоначально — 25 мин заграждения. Экипаж 16 человек.

Построены в 1911–1913 гг. как катера-заградители, с 29 апреля 1920 г. — в составе Морских сил Юга России. «Киев» в ноябре 1920 г. уведен в Константинополь и там продан, «Чигирин» по одним источникам захвачен советскими войсками в ноябре 1920 г., по другим данным его судьба неизвестна.

Катера-истребители — 11 единиц

Типа «Гринпорт»

Водоизмещение 14,2 т, длина 18,2 м, ширина 2,7 м, осадка 1 м. Мощность моторов 600 л.с., скорость 20 узлов, дальность хода 460 миль. Вооружение — одно 47-мм и одно 37-мм орудие.

Построены в 1917 г. в США, доставлены на Черное море и вошли в строй 26 сентября 1917 г. Захвачены германскими войсками в Севастополе 1 мая 1918 г. [482]

СК-1

СК-2

В феврале 1919 г. вошли в состав ВМС Юга России, дальнейшая судьба неизвестна.

СК-3

В феврале 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. В ноябре 1920 г. оставлен в Крыму, в следующем месяце зачислен в состав Морских сил Черного моря. С мая 1921 г. — «Живой»

В 1921 г. передан Турции.

СК-4

В феврале 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь.

СК-5

В феврале 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. 14 ноября 1920 г. уведен в Константинополь.

СК-7

В феврале 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. В ноябре 1920 г. брошен в Севастополе, в следующем месяце зачислен в состав Морских сил Черного моря, с мая 1921 г. —

«Дельный». В 1924 г. передан погранвойскам ОГЛУ.

СК-8

В феврале 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. В ноябре 1920 г. брошен в Севастополе, в следующем месяце зачислен в состав Морских сил Черного моря. С мая 1921 г. —

«Деятельный». В 1923 г. разобран на запчасти.

СК-9{81}

В апреле 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. 14 ноября 1920 г. брошен в Севастополе, в мае 1921 г. зачислен в состав Морских сил Черного моря как «Завидный», в 1926 г.

разобран на запчасти. [483]

СК-10

В апреле 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. 14 ноября 1920 г. брошен в Севастополе, в следующем месяце зачислен в состав Морских сил Черного моря, с мая 1921 г. —

«Достойный». 14 ноября 1923 г. выведен из боевого состава и впоследствии сдан на слом.

СК-11

В феврале 1919 г. вошел в состав ВМС Юга России. В ноябре 1920 г. брошен в Севастополе, в следующем месяце зачислен в состав Морских сил Черного моря. С мая 1921 г. —

«Живучий», в 1925 г. исключен из боевого состава и переклассифицирован в плавсредство.

Типа «Торникрофт»

М. К. 10{82}

Водоизмещение 9 т, длина 10,6 м, ширина 2,1 м, осадка 0,7 м. Мощность моторов 250 л.с., скорость до 45 узлов. Вооружение — один 450-мм торпедный аппарат, два пулемета.

Экипаж 4 человека.

Торпедный катер фирмы «Торникрофт» (СМВ), построен в Англии в 1919 г., передан морским силам Доблрой армии. В ноябре 1920 г. брошен в Крыму при эвакуации, в декабре включен в состав Морских сил Черного моря как катер-истребитель «Буйный». С 1925 г. —

торпедный катер, летом 1929 г. отправлен на Балтику, в 1930–1931 гг. сдан на слом.

Ледоколы — 4 единицы

«Всадник»

Водоизмещение 700 т, длина 40,5 м, ширина 10,2 м, осадка 4,8 м. Мощность машин 700 л.с., скорость 9,5 узлов. Вооружение — два 75-мм орудия.

Бывший портовый ледокол, построен в 1890 г. Во время Первой Мировой войны мобилизован и включен в состав Черноморского флота как «Ледокол № 1». В мае 1918 г. захвачен [484] германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, переименован во «Всадник». В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Горгипия»

Водоизмещение 126 т, длина 26 м, ширина 5,8 м, осадка 1,8 м. Мощность машины 300 л.с., скорость 11 узлов.

Буксирно-ледорезный пароход, построен в Финляндии в 1904 г. Во время Первой Мировой войны мобилизован и включен в состав Черноморского флота. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. По некоторым данным в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Морж»

Водоизмещение около 100 т, длина 24 м, ширина 5,4 м, осадка 2,1 м. Мощность 160 л.с., скорость 10 узлов.

Портовый ледорезный пароход, построен в 1913 г. в Херсоне. Во время Первой Мировой войны мобилизован и включен в состав Черноморского флота. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. По некоторым данным, в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Илья Муромец»

Построен в Англии в 1917 г., мощность машин 4400 л.с. Первоначально входил в состав Флотилии Ледовитого океана. В ноябре 1920 г. отбуксировал в Константинополь не имевший хода броненосец «Георгий Победоносец». Впоследствии входил в состав французского флота как «Поллукс».

Гидрографические суда — 5 единиц

«Казбек»

Водоизмещение 700 т, длина 50,4 м, ширина 7,5 м, осадка 3 м. Мощность машин 490 л.с., скорость 10 узлов, дальность хода 1650 миль. Вооружение — два 37-мм орудия.

Бывшая шхуна «Эльборус», построенная в Лондоне в 1854 г. Участвовала в Крымской и русско-турецкой войнах, была затоплена в Севастополе в 1855 г. и поднята в 1858 г. [485] С 1888 г. в порту на хранении, в начале 1919 г. расконсервирована и введена в строй Морских сил Юга России, в 1920 г. уведена за границу.

«Веха»

Водоизмещение 473 т, длина 54,9 м, ширина 8,4 м, осадка 1,8 м. Мощность машин 650 л.с., скорость 12 узлов, дальность хода 930 миль. Вооружение — два 37-мм орудия.

Транспорт Черноморского флота, построен в Николаеве в 1894 г. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, в ноябре 1920 г. уведен за границу

«Беглицкий»

Плавмаяк, 477 т, 7 узлов. В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Лоцман»

В ноябре 1920 г. оставлен в Крыму, в декабре зачислен в состав Морских сил Черного моря.

«Тендра»

Бывший пароход «Балтика», 426 т. В ноябре 1920 г. уведен за границу.

Буксиры — 9 единиц

«Меотида»

Водоизмещение 100 т, длина 25,3 м, ширина 5 м, осадка 2,4 м. Мощность машины 150 л.с., скорость 8 узлов, дальность хода 530 миль.

Бывший буксирный пароход, построен в Гельсингфорсе в 1898 г. Использовался как гидрографическое судно, с 1918 г. — в составе морских сил Добровольческой армии. 16

ноября 1920 г. оставлен в Керчи при эвакуации Крыма, 15 декабря зачислен в состав советской Азовской флотилии, в 1921 г. передан гражданскому флоту.

«Димитрий» (б. буксир, 70 т, 10 узлов) — захвачен советскими войсками в Крыму, переименован в «Стеньку Разина», затем — в «Глобус». [486]

«Екатерина» (8,5 узлов) — в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Голланд» (550 т, 7 узлов) — в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Бельбек» (445 т, 8 узлов) — в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Севастополь» - использовался в качестве посыльного судна, в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Ипполай» (б. тральщик Т-272, 82 тп, 9 узлов) — в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Елена Д.» (282 т, 9 узлов) — оставлен при эвакуации Крыма «Осторожный» — в ноябре 1920 г. уведен за границу.

Транспорты и пароходы — около 70 единиц {83}

а) погибшие и уведенные за границу

Типа «Эльпидифор»

Нормальное водоизмещение около 1000 т, длина 74,7 м, ширина 10,4 м, осадка 1,8 м.

Мощность машин 600–750 л.с., скорость 10 узлов, дальность хода до 1000 миль.

№ 410 (бывший «Вера»)

№ 412 [487]

№ 413

Заложены в годы Первой Мировой войны, достроены как транспортные суда. В ноябре 1920 г. уведены в Константинополь, а затем в Бизерту.

«Кронштадт»

Водоизмещение 16 400 т, длина 140 м, ширина 15,9 м, осадка 9,8 м. Мощность машин 5200 л.с., скорость 10 узлов, дальность хода 5000 миль. Вооружение — четыре 47-мм орудия.

Бывший товаро-пассажирский пароход «Фениция», построен в Гамбурге в 1894 г. Зачислен в состав Черноморского флота в 1907 г. и оборудован как транспорт-мастерская. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В ноябре 1920 г. уведен в Константинополь, а затем в Бизерту, где куплен Францией как самое крупное и ценное из судов эскадры. Вошел в состав французского флота под названием «Вулкан».

«Трувор»

Водоизмещение 2630 т, длина 78,4 м, ширина 11 м, осадка 6,5 м. Мощность машин 900 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — два 75-мм орудия.

Бывший пароход РОПиТ, построен в Англии в 1891 г. В годы Первой Мировой войны — тральщик, в 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Черномор»

Водоизмещение 1100 т, длина 51 м, ширина 9,3 м, осадка 3,9 м. Мощность машины 1100 л.с., скорость 11,5 узлов, дальность хода 1500 миль. Вооружение — одно 47-мм орудие.

Построен в 1913 г. в Одессе, во время Первой Мировой войны мобилизован и переоборудован в спасательное судно. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. По некоторым данным, числился буксиром, в ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Херсонес»

Водоизмещение 1324 т, длина 67,4 м, ширина 11,3 м, осадка 4,1 м. Мощность машин 870 л.с., скорость 9 узлов. Вооружение — одно 75-мм орудие. [488]

Бывший грузовой пароход РОПиТ, построен в Голландии в 1903 г. Во время Первой Мировой войны мобилизован и переоборудован в тральщик. В мае 1918 а. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Великий князь Алексей Михайлович»

Вместимость 1482 брт, длина 74,2 м, ширина 10,6 м, осадка 4,8 м. Мощность машин 2260 л.с., скорость 18 узлов, дальность хода 576 миль. Вооружение — четыре 75-мм орудия. Бывший пассажирский пароход, построен в Швеции в 1907 г. В 1914 г. мобилизован как посыльное судно. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками в Севастополе, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. В ноябре 1920 г. уведен за границу.

«Добыча»

Вместимость 921 брт, длина 72,9 м, ширина 12 м, осадка 4,5 м. Мощность машин 1440 л.с., скорость 12 узлов, дальность хода 2500 миль.

Бывший турецкий пароход «Игптихад», построен в Англии в 1883 г. В августе 1914 г. интернирован в одном из русских портов, впоследствии конфискован и переоборудован в транспорт. С апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России, использовался как база подводных лодок. В ноябре 1920 г. уведен в Константинополь, где, по некоторым данным, возвращен прежнему владельцу.

«Рион»

Водоизмещение 14 600 т, длина 143,3 м, ширина 17,7 м, осадка 8,7 м. Мощность машин 15 900 л.с., скорость 20 узлов, дальность хода 5260 миль.

Бывший вспомогательный крейсер Доброфлота «Смоленск», построен в Англии в 1902 г., участвовал в русско-японской войне. В 1913 г. вновь мобилизован, использовался в качестве транспорта. С апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России.

«Херсон»

Водоизмещение 12 600 т, длина 145,5 м, ширина 15,6 м, осадка 7,2 м. Мощность машин 13 500 л.с., скорость 19,5 узлов. [489]

Бывший вспомогательный крейсер Доброфлота, построен в Англии в 1896 г., участвовал в русско-японской войне, с 1915 г. использовался как транспорт. На 1920 г. находился в составе гражданского флота.

«Владимир»

Водоизмещение 11 065 т, длина 134,7 м, ширина 15 м, осадка 7,5 м. Мощность машин 3200 л.с., скорость 11,5 узлов, дальность хода 5000 миль.

Бывший пароход Доброфлота, построен в Англии в 1896 г. С 1915 г. — транспорт, На 1920 г. находился в составе гражданского флота.

«Сухум» (б. германский пароход «Ольга», 10 020 т, 9,5 узлов, одно 75-мм орудие).

«Иерусалим» (10 000 т, 14 узлов, одно 75-мм орудие). «Петр Берг» (9936 т, 9 узлов).

«Днепр» (9030 т, 9 узлов, в годы войны — одно 76-мм и два 37-мм орудия).

«Саратов» (9660 т, 12 узлов).

«Родосто» (6400 т, 13 узлов) уведен в Константинополь, где возвращен прежнему владельцу.

«Ялта» (7175 т, 8 узлов).

«Екатеринослав» (6581 брт, 11 узлов).

«Дон» (5432 брт, 19 узлов).

«Евфрат» (6100 т, 10 узлов).

«Анатолий Молчанов» (5470 т, 12 узлов).

«Днестр» (4725 т, 10 узлов).

«Корнилов» (3800 т, 9 узлов, два 57-мм орудия).

«Лазарев» (3–100 т, 10 узлов).

«Поти» (3400 т, 9 узлов, одно 75-мм орудие).

«Шилка» (б. «Эрика», 3500 т, 11 узлов) — в конце, 1918 г. прибыл с Дальнего Востока.

«Екатеринодар» (б. «Клара Сепарис», 2570 т, 9 узлов).

«Далланд» (2343 т).

«Петр Регир» (1761 брт, 8 узлов).

«Дыхтау» (1112 брт, 7,5 узлов). [490]

«Арарат» (1720 брт, 9 узлов).

«Кавказ» (1500 брт, 9 узлов).

«Бештау» (1120 брт, 9 узлов, четыре 47-мм орудия).

«Русь» (1185 брт, 8 узлов).
«Аи-Тодор» (1016 брт, 9 узлов).
«Крым» (б. «Николай», 1085 брт, 9 узлов).
«Румянцев» (778 брт, 12 узлов).
«Сарыч» (750 т, 8 узлов).
«Дооб» (631 брт, 10 узлов).
«Аскольд» (666 брт, 13 узлов).
«Астрея» (400 брт, 8 узлов).
«Почин» (б. турецкий, 430 т) — увен в Константинополь, где возвращен прежнему владельцу.
«Заря» (б. турецкий пароход «Туркестан», 500 т, 9,5 узлов) — увен в Константинополь, где возвращен прежнему владельцу.
«Лазарь Кирияк» (б. румынский «Маврета», 370 т, 9 узлов).
«Феникс» (365 брт, 8 узлов).
«Псезуапе» (около 150 т).
«Баку» (недостроенный танкер).
«Самара» (б. румынский «Стефанос», 7,5 узлов).
«Инкерман» (б. «Ризе») — увен в Константинополь, затем продан Египту, переименован в «Кости». В 1927 г. прибыл с грузом в Одессу, где был арестован и через международный суд возвращен СССР. Переименован в «Красную Кубань» и зачислен в состав Морских сил Черного моря как транспорт.
«Юлия» (б. персидский, 7,5 узлов) — увен в Константинополь, впоследствии возвращен прежним хозяевам.
«Сотник»
«Истриан» - грунтовозная шаланда.
«Осторожный»
«Антон»
«Кольма»
«Иртыш» [491]
«Витим»
«Омск»
«Александр Невский»
«Моряк»
«Адмирал Кашерининов»
«Радость»
«Трапезунд»
«Надежда»
б) оставленные в Крыму
«Березань»
Водоизмещение 5180 т, длина 103,2 м, ширина 12,3 м, осадка 6,2 м. Мощность машин 3130 л.с., скорость 14 узлов, дальность хода 1900 миль. Вооружение — шесть 57-мм орудий, два 37-мм орудия, четыре пулемета. Экипаж 701 человек.
Бывший пароход Доброфлота «Петербург», построен в Англии в 1870-х гг. Куплен Морским ведомством в 1893 г., использовался как транспорт. В мае 1918 г. захвачен германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе Морских сил Юга России. Оставлен при эвакуации из Крыма, в декабре 1920 г. зачислен в состав Морских сил Черного моря как плавбаза катеров-истребителей. Сдан на слом в 1931 г.
«Петр Великий»
Водоизмещение 9230 т, длина 114,6 м, ширина 15,5 м, осадка 6,5 м. Мощность машин 5000 л.с., скорость 15 узлов, дальность хода 4700 миль (на 12 узлах). Вооружение — одно 75-мм орудие и два пулемета.

Построено в Англии в 1913 г., в следующем году мобилизовано. 1 мая 1918 г. захвачено в Севастополе германскими войсками, с апреля 1919 г. — в составе морских сил Добровольческой армии. В 1920 г. затонуло от навигационной аварии у берегов Болгарии, в 1935 г. поднято и отбуксировано в Одессу для ремонта, но в 1941 г. вновь затоплено при оставлении города. Отремонтировано в 1953 г. в ГДР, переименовано в «Якутию». [492]
 «Друг» (3600 т, 11 узлов).
 «Возрождение» С/5/5 те, 11 узлов).
 «Измаил» (384 брт, 8 узлов) — приведен в негодность.
 «Удалец» (120 т, 9 узлов).
 «Буксир» (160 т, 12 узлов).
 «Пригодный» (100 те, 8 узлов).
 «Гурзуф» (80 т, 10 узлов).
 «Работник» (47 те, 8 узлов).
 «Нико» (буксир).
 Блокшивы — 4 единицы (В ноябре 1920 г. оставлены в Севастополе)
 № 7 (б. яхта «Ливадия», 3920 те, /5 узлов).
 № 8 (б. броненосец «Двенадцать Апостолов», 8430 те, 16 узлов).
 № 9 (б. пароход «Меркурий», 3040 т, одно 120-мм орудие в 1918 г.).
 «Пендераклия» (б. турецкий пароход, захвачен а русско-турецкую войну, 1005т, 9,5 узлов).
 [493]

Приложение III. Черноморский флот 1914–1920

Потери Черноморского флота в Первой Мировой войне

Таблица 1

№

Класс и наименование корабля {~1}

Водоизмещение (т)

Время гибели {~2}

Место гибели

Причины гибели

1

Линейный корабль «Императрица Мария»

24 100

20.10.1916

Севастополь

Внутренний взрыв

2

Канонерская лодка «Донец»

1280

29.10.1914

Порт Одессы

От торпеды турецкого эсминца

3

Минный заградитель «Прут»

?

29.10.1914

На подходах к Севастополю (район мыса Фиолент)

От снарядов

4

Эскадренный миноносец «Лейтенант Пущин»

440
09.03.1916
В районе Варны
На mine
5
Тральщик Т-250
?
10.03.1916
В бассейне Черного моря
Причина гибели не установлена
6
Тральщик Т-63
?
03.04.1916
У побережья Лазистана
После боя с турецким крейсером «Мидилли» выбросился на берег
7
Эскадренный миноносец «Живучий»
440
25.04.1916
Камышовая бухта
На mine
8
Тральщик ТЩ-252
?
28.06.1916
Район Арсен-Искелесси
Причина гибели не установлена
9
Эскадренный миноносец «Лейтенант Зацаренный»
645
30.06.1917
В районе острова Фидониси
На mine
10
Подводная лодка «Морж»
790
11.05.1917
В районе Босфора
На mine
11
Миноносец № 272
140
09.08.1914
У Херсонесского маяка
Столкновение с посыльным судном «Успех»
12
Переоборудованный под заградитель пароход «Олег»
?
24.12.1914
В районе Зунгулдака
Затоплен после боя с турецким крейсером «Мидилли»

{~1} Кроме того, в бассейне Черного моря было потеряно 34 вспомогательных судна и 29 коммерческих судов.

{~2} Все даты гибели приведены по новому стилю. [496]

Потери иностранных флотов в бассейне Черного моря в период иностранной военной интервенции

Таблица 2

№

Корабль

Страна

Водоизм. (т)

Время гибели

Место гибели

Причины гибели

Примечания

1

Буксир «Перванш»

Франция

150

Конец 1918 г.

В Севастополе

Авария

В 1925 г. поднят и введен в строй Морских сил Черного моря

2

Линейный корабль «Мирабо»

Франция

19760

20.02.1919 г.

Район Севастополя

Навигационная авария

После снятия части брони и вооружения отбуксирован во Францию, превращен в корабль-цель

3

Охотник за подводными лодками С-40

Франция

85

07.02.1920 г.

Порт Одесса

Затоплен после внутреннего взрыва

В 1920 г. поднят, находился в строю Морских сил Черного моря до 1933 г.

4

Канонерская лодка «Скарн»

Франция

600

03.05.1920 г.

В районе Очакова

Захвачена советской самоходной ПБ № 1 «Красная Заря»

Возвращен Франции

5

Эскадренный миноносец «Карло-Альберто Раккия»

Италия

1785

21.07.1920 г.

В районе Одессы
На минах
Зашел на минное поле при конвоировании транспортов с репатриантами
6
Эскадренный миноносец «Тобаго»
Англия
1075
Лето 1920 г.
Черное море
На минах
Отбуксирован на Мальту, не восстанавливался, списан в 1922 г. [497]
Боевые потери белого флота в бассейне Черного и Азовского морей в 1920 г.
Таблица 3
№
Корабль
Водоизм. (т)
Дата гибели
Место гибели
Примечания
1
ВП «Николай»
?
10 августа
Нижний Днепр
Буксирный катер с одним 47-мм орудием, захвачен
2
КЛ «Салгир»
590
15 сентября
Азовское море
Потоплена артогнем
3
ЭМ «Живой»
440
Октябрь
Азовское море
Подорвался на минах, затонул месяц спустя при буксировке в Константинополь
4
ТЩ «Дмитрий Герой»
7
28 сентября
У входа в Таганрогский залив
Подорвался на минах и затонул
5
ТЩ «Успех»
400
29 сентября
У входа в Таганрогский залив
Подорвался на минах и затонул (?)
6
ТЩ «Граф Игнатъев»
?

29 сентября

У входа в Таганрогский залив
Подорвался на минах и затонул

7

ТР «Батум»

2700

8 октября

В районе Мариуполя

Подорвался на минах и затонул в 7 милях от берега

8

ТР «Смоленск»

?

Октябрь

Между Мариуполем и косой Белосарайской

Подорвался на минах и затонул [498]

Состав Черноморского флота, оставшегося в Севастополе (на 16 мая 1918 г.)

2-я бригада линейных кораблей:

«Иоанн Златоуст»

«Евстафий»

«Три Святителя»

«Ростислав»

«Синоп»

«Борец за свободу»

Бригада крейсеров:

«Память Меркурия»

«Кагул»

«Алмаз»

Минная бригада (эскадренные миноносцы):

«Гневный» (на мели)

«Счастливый»

«Быстрый»

«Капитан Сакен»

«Жуткий»

«Зоркий»

«Заветный»

«Звонкий»

«Завидный»

«Страшный»

«Свирепый»

«Строгий»

Бригада подводных лодок:

«Утка»

«Гагара»

«Тюлень»

«Кашалот»

«Орлан»

«Буревестник»

«Краб»

«Кит»

«Нарвал»

АГ-21

«Налим» (учебная)

«Скат» (учебная)
«Судак» (учебная)
«Лосось» (учебная)

Плавучие базы:

«Риоп»

«Поти»

«Березань»

«Днепр»

«Кронштадт» (мастерская)

Румынские вспомогательные крейсера:

«Принцесса Мария»

«Романия»

«Дакия» [499]

Список кораблей Черноморского флота, ушедших 27–28 апреля 1918 г. из Севастополя в Новороссийск

Линейные корабли:

«Свободная Россия» («Екатерина Великая») «Воля» («Александр III»)

1-й дивизион эскадренных миноносцев:

«Дерзкий»

«Беспокойный»

«Пронзительный»

2-й дивизион эскадренных миноносцев:

«Пылкий»

«Громкий»

«Поспешный»

3-й дивизион эскадренных миноносцев:

«Керчь»

«Гаджибей»

«Фидониси»

5-й дивизион эскадренных миноносцев:

«Лейтенант Шестаков»

«Капитан-лейтенант Баранов»

6-й дивизион эскадренных миноносцев:

«Живой»

«Жаркий»

7-й дивизион эскадренных миноносцев:

«Стремительный».

Вспомогательный крейсер:

«Император Траян» [500]

Список кораблей Черноморского флота, затопленных в Севастополе, Новороссийске и Туапсе (в апреле-июне 1918 г.)

Линейный корабль:

«Свободная Россия» («Императрица Екатерина Великая»).

Эскадренные миноносцы:

«Гаджибей»

«Громкий»

«Гневный»

«Калиакрия» {84}

«Фидописи»

«Керчь»

«Лейтенант Шестаков»

«Пронзительный»

«Капитан-лейтенант Баранов»

Миноносцы:

«Заветный»

«Летчик» («Котка»)

«Сметливый»

«Стремительный»

Список кораблей и судов, ушедших из Новороссийска в Севастополь в июне 1921 г.

Линейный корабль:

«Воля»

Эскадренные миноносцы:

«Пылкий»

«Поспешный»;

«Дерзкий»

«Беспокойный»

«Жаркий»

«Жуткий»

Транспорт:

«Траян» [501]

Русская (Бизертская) эскадра

После ухода большей части кораблей Черноморского флота в Бизерту приказом вице-адмирала М. А. Кедрова № 11 от 21 ноября 1920 г. на их базе была создана так называемая Русская эскадра, состав и организация которой приводятся ниже.

1-й отряд (младший флагман — контр-адмирал П. П. Остелецкий):

линейный корабль «Генерал Алексеев» (командир — капитан 1 ранга И. К. Федяевский);

крейсер «Генерал Корнилов» (командир — капитан 1 ранга В. А. Потапьев);

вспомогательный крейсер «Алмаз» (командир — капитан 1 ранга В. А. Григорков);

Дивизион подводных лодок (старший — один из командиров лодок):

подводная лодка «Буревестник» (командир — старший лейтенант Оффенберг);

подводная лодка «Утка» (командир — капитан 2 ранга Н. А. Монастырев);

подводная лодка «Тюлень» (командир — капитан 2 ранга М. В. Копьев);

подводная лодка АГ-22 (командир — старший лейтенант К. Л. Матыевич-Мациевич);

база подводных лодок транспорт «Добыча» (командир — капитан 2 ранга Краснопольский).

2-й отряд (младший флагман — контр-адмирал М. А. Беренс):

эскадренный миноносец «Пылкий» (командир — капитан 2 ранга А. И. Кублицкий);

эскадренный миноносец «Дерзкий» (командир — капитан 1 ранга Н. Р. Гутан 2-й);

эскадренный миноносец «Капитан Сакен» (командир — капитан А. А. Остолопов);

эскадренный миноносец «Жаркий» (командир — старший лейтенант А. С. Манштейн);

эскадренный миноносец «Звонкий» (командир — М. М. Максимович); [502]

эскадренный миноносец «Зоркий» (командир — капитан 2 ранга В. А. Зилов);

эскадренный миноносец «Гневный»

эскадренный миноносец «Поспешный»

эскадренный миноносец «Цериго»

3-й отряд (младший флагман — контр-адмирал А. М. Клыков):

канонерская лодка «Страж» (командир — капитан 2 ранга К. Г. Люби);

канонерская лодка «Грозный» (командир — старший лейтенант Р. Э. фон Вирен);

канонерская лодка «Якут» (командир — капитан 1 ранга М. А. Кितिцын);

яхта «Лукулл» (командир — старший лейтенант Б. Н. Степанов);

тральщики «Альбатрос», «Баклан», «Китобой» (командир — лейтенант О. О. Ферсман);

сторожевой катер «Капитан 2 ранга Медведев»;

гидрографические суда «Казбек», «Веха» (командир — штабс-капитан Е. А. Поляков);

буксиры «Черномор» (командир — капитан 2 ранга В. А. Бирилев); «Голланд» (командир — лейтенант И. В. Иваненк; «Бельбек», «Севастополь».

4-й отряд (младший флагман — инженер-механик генерал-лейтенант М. П. Ермаков): ледокол «Илья Муромец» (командир — капитан 2 ранга И. С. Рыков); ледокол «Всадник» (командир — старший лейтенант Ф. Э. Викберг); ледоколы «Гайдамак» (командир — капитан 1 ранга В. В. Вилькен); «Джигит»; транспорты «Дон» (командир — капитан 1 ранга С. И. Зеленый); «Крым» (командир — штабс-капитан Я. С. Андросов); «Далланд» (командир — капитан 1 ранга Я. И. Подгорный); «Шилка» (командир — капитан 2 ранга Д. К. Нелидов); «Самара» (командир — контр-адмирал А. Н. Заев); «Екатеринодар» (командир — капитан 2 ранга П. А. Ивановский); «Рион», «Инкерман», «Поти», «Ялта», «Сарыч», «Осторожный», «Туркестан», «Ольга» (переименован из транспорта [503] «Сухум»), «Заря», «Псезуапе», № 410 (переименован из транспорта «Вера»), № 412, № 413.

Кроме того, в состав эскадры от Добровольческого флота входили транспорты «Владимир», «Саратов», «Колыма», «Иртыш», «Херсон», «Витим», «Омск», «Доброволец»; от Дунайского пароходства — «Александр Невский», «Русь», «Моряк», «Адмирал Кашерининов»; от русского Константинопольского порта — «Радость», «Трапезунд», «Надежда», «Днепр», «Почин» и буксиры — «Днепровец», «Иппокай», «Скиф», «Чурубаш». В распоряжении командующего Бизертской эскадрой были:

линейный корабль «Георгий Победоносец» (командир — капитан 2 ранга П. П. Савич); транспорт-мастерская «Кронштадт» (командир — капитан 1 ранга К. В. Мордвинов); учебное судно «Свобода» (командир — старший лейтенант А. Г. Рыбин).

Командование эскадры:

командующий эскадрой и старший флагман — вице-адмирал М. А. Кедров;

начальник штаба — контр-адмирал Н. Н. Машуков;

командир военно-морской базы — контр-адмирал А. И. Тихменев. [504]

Биографии

Альтфатер Василий Михайлович (1883–1919), контр-адмирал (1917). В 1902 г. закончил Морской корпус, а в 1908 г. — Николаевскую Морскую академию. Участник русско-японской войны. Служил на кораблях Балтийского флота. С 1910 г. начальник оперативного отдела по Балтийскому театру Морского Генерального штаба. Во время Первой мировой войны — начальник военно-морского управления при главнокомандующем армиями Северного фронта. Перешел на службу в Красный флот. В 1918–1919 гг. — член Реввоенсовета и командующий Морскими силами Республики. Скоропостижно скончался от разрыва сердца. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище, где ему установлен памятник.

Аренс Евгений Иванович (1856–1931), генерал флота (1915), военно-морской историк. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1881 г. закончил Минный офицерский класс, а в 1896 г. — Николаевскую Морскую академию. С 1910 г. ординарный профессор Николаевской Морской академии. Участвовал в издании 15-томной «Истории русской армии и флота». Автор многих работ по истории флота. Выступил против взглядов Н. Л. Кладо, предлагавшего в 1896 г. ввести курс истории военно-морского искусства.

Бачманов (Бочманов) Михаил Петрович (? — 1972), лейтенант. Окончил Петербургский университет, а в 1917 г. — Отдельные гардемаринские классы. Служил на кораблях Балтийского флота. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал сторожевым катером. С 1920 г. в эмиграции. В годы Второй мировой войны был организатором русских белых батальонов в Латвии. Умер в Линце (Австрия). [505]

Берг Владимир Фердинандович (Федорович) (1875–1961), инженер-механик, генерал-лейтенант (1920), окончил Морское инженерное училище (1896). Участник русско-японской войны. Служил судовым инженер-механиком на кораблях Черноморского флота. С 1914 г. служил в Черноморском флотском экипаже, был наблюдающим по механической части на

кораблях, построенных в Николаеве. В Гражданскую войну был в составе Белого флота на Черном море. С 1920 г. — в эмиграции. Умер в Германии.

Беренс Евгений Андреевич (1876–1928), капитан 1 ранга (1917). В 1895 г. закончил Морской корпус. В 1904 г. старшим штурманским офицером крейсера «Варяг» участвовал в бою с японской эскадрой при Чемульпо, за что награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. После войны преподавал в Морском корпусе, читал лекции в Академии Генерального штаба. В годы Первой Мировой войны — военно-морской агент в Италии. При Временном правительстве в 1917 г. начальник статистического, а позже иностранного отдела Морского Генерального штаба. Перешел на сторону советской власти. Стал первым начальником Морского Генерального штаба Красного флота. В 1919 г. — командующий Морскими силами Республики. В 1920–1924 гг. — военно-морской атташе в Англии и Франции. С 1924 г. — военно-морской эксперт советского правительства.

Бредов Николай Эмильевич (1873 — ?), генерал-лейтенант (1917). Окончил 1-й Московский кадетский корпус, 2-е Константиновское училище (1891), Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В Белом движении командовал 7-й пехотной дивизией, Киевской и Одесской группами войск. С 1920 г. в эмиграции. В 1945 г. арестован органами НКВД. Дата смерти неизвестна.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926), генерал от кавалерии (1912). В 1872 г. закончил Пажеский корпус. В период Первой Мировой войны командовал 8-й армией, Юго-Западным фронтом, войска которого в мае — августе 1916 г. осуществили прорыв австро-германского фронта. В 1917 г. верховный главнокомандующий, сторонник продолжать войну до победного конца. После Октябрьского переворота 1917 г. перешел на [506] сторону советской власти. С мая 1920 г. председатель Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Республики. В 1923–1924 гг. — инспектор кавалерии Красной Армии, с 1924 г. состоял для особо важных поручений при Реввоенсовете Республики.

Бонч-Бруевич Михаил Дмитриевич (1870–1956), генерал-лейтенант. Брат партийного и государственного деятеля Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. В 1898 г. закончил Академию Генерального штаба. Участник Первой Мировой войны. В 1917 г. главнокомандующий войсками Северного фронта. Во время Октябрьского переворота 1917 г. начальник гарнизона Могилева, один из первых генералов, перешедших на сторону советской власти. В 1917–1918 гг. — начальник штаба Верховного главнокомандующего, военный руководитель Высшего военного совета.

Брюховецкий Иван Николаевич (? — 1961), лейтенант (1920). В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, был старшим артиллерийским офицером на эсминце «Пылкий». Награжден французским орденом Почетного Легиона. С 1920 г. в эмиграции. Умер под Парижем.

Бубнов Александр Дмитриевич (1883–1963), контр-адмирал (1917). В 1903 г. закончил Морской корпус, а в 1913 г. — Николаевскую Морскую академию. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. С 1911 г. преподавал в Николаевской Морской академии. В 1917 г. примкнул к Белому движению. В 1918–1920 гг. — морской эксперт делегации зарубежной России на Версальской конференции, начальник штаба Черноморского флота. Эмигрировал в Югославию, где участвовал в создании военно-морского училища и академии, в которых преподавал оперативно-тактические дисциплины.

Букретов Николай Андрианович (1876 — ?), генерал-майор (1915). Окончил Московское пехотное юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в частях Добровольческой армии на Юге России. В 1920 г. войсковой атаман Кубанского казачьего войска. В апреле 1920 г. с большей частью кубанских войск эвакуирован из Сочи в Севастополь. В мае 1920 г. бежал в Грузию с членами Кубанской Рады, затем эмигрировал в Константинополь (Турция). [507]

Ваксмут Анатолий Петрович (1889–1973), капитан 2 ранга. В 1910 г. закончил Морской корпус. Служил в 1-м Балтийском флотском экипаже. Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. Умер в Сиднее.

Варнек Петр Александрович (? — 1980), корабельный гардемарин. В 1922 г. закончил Морской корпус в Бизерте. Автор многих работ по истории русского флота. Умер в Брюсселе.

Вахрамеев Иван Иванович (1885–1965), активный участник Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны. Унтер-офицер Балтийского флота. В 1917 г. избран председателем Военно-морского революционного комитета, затем начальник военно-политического отдела Верховной морской коллегии. С 1918 г. — член коллегии Наркомата по морским делам. С марта 1918 г. заместитель наркома по морским делам. В 1918–1919 гг. — уполномоченный Реввоенсоветом Республики и управляющий технико-хозяйственной частью Морского ведомства. С 1920 г. на административно-хозяйственной работе.

Вдовенко Герасим Андреевич (1867–1945), генерал-лейтенант (1917). Участник Первой Мировой войны. В 1918 г. — атаман Терского казачьего войска. В Белом движении командующий Терскими казачьими войсками в Добровольческой армии Деникина и Русской армии Врангеля (1918–1920). С 1920 г. в эмиграции. В период Второй Мировой войны сотрудничал с немцами, поддерживал их мероприятия на Кавказе, участвовал в создании казачьих частей СС. Убит (расстрелян?) в Белграде.

Винокуров Павел Петрович (1881–1949), капитан 2 ранга. В 1900 г. закончил Морской корпус. После окончания Морского корпуса служил на кораблях Сибирской флотилии, командовал миноносцами «Сильный», «Лейтенант Малеев», был старшим офицером на канонерской лодке «Манджур». В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал Туапсинским портом. С 1920 г. в эмиграции. Скончался по пути из Порт-Саида в Австралию.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), генерал-лейтенант (1918). В 1901 г. закончил Горный институт, в 1910 г. — Николаевскую академию Генерального штаба, а в 1911 г. — курс [508] Офицерской кавалерийской школы. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В Белом движении командовал 1-й копной дивизией, 1-м Кубанским конным корпусом. В 1919 г. командовал Добровольческой (Кавказской) армией. В 1920 г. командовал Вооруженными силами Юга России, сменив Деникина. С 1920 г. в эмиграции. В 1924 г. образовал Российский Войсковой союз, объединивших всех военных-эмигрантов Белой армии. Умер в Бельгии.

Галлер Лев Михайлович (1883–1950), адмирал (1940). В 1905 г. закончил Морской корпус, в 1912 г. — Артиллерийский офицерский класс, а в 1926 г. — академические курсы при Военно-морской академии. Участвовал в Первой Мировой войне, перешел на сторону советской власти. С 1921 г. начальник штаба Морских сил Балтийского моря, а с 1927 г. — командир бригады линейных кораблей. В 1932–1937 гг. командовал Балтийским флотом. С 1937 г. — заместитель начальника Морских сил НКО СССР, а с 1938 г. — начальник Главного морского штаба. С 1940 г. — заместитель наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению. В 1947–1948 гг. начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А. Н. Крылова. В 1948 г. необоснованно осужден. Реабилитирован в 1953 г.

Герасимов Александр Михайлович (1861–1931), вице-адмирал (1913). В 1882 г. закончил Морской корпус, а в 1892 г. — Михайловскую артиллерийскую академию. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, был начальником морского управления при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России Деникине. С 1920 г. в эмиграции, возглавлял Морской корпус в Бизерте. Умер в Тунисе (похоронен в Бизерте).

Геринг Алексей Алексеевич (1895–1977), лейтенант. После окончания Морского корпуса в 1915 г. получил чин корабельного гардемарина и направлен для прохождения службы в 1-й Балтийский флотский экипаж. С созданием Красного флота уволился в отставку. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. В 1920 г. за подвиг произведен

Врангелем в лейтенанты. Был флаг-офицером начальника 2-го отряда судов контр-адмирала М. А. Беренса. [509] С 1920 г. в эмиграции. С 1950 г. — председатель Общекадетского объединения во Франции, с 1952 г. издавал журнал «Военная быль», составил библиографию русской военной печати за рубежом.

Гернет Евгений Сергеевич (1882–1943?), капитан 2 ранга. В 1902 г. закончил Морской корпус. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В 1917 г. командовал эскадренным миноносцем «Калиакрия», который в 1918 г. затопил на рейде Новороссийска. Участник Гражданской войны: в 1919 г. командовал дивизионом сторожевых кораблей на Балтике, возглавил переход отряда кораблей с Балтики на Каспий. В 1920 г. командовал Западно-Двинской флотилией, Азовской военной флотилией, портами Черного и Азовского морей. С 1922 г. плавал на судах Совторгфлота. В 1938 г. необоснованно репрессирован, реабилитирован в 1958 г.

Глебов-Авилов (Авилов) Николай Павлович (1887–1942), партийный деятель. В мае — июне 1918 г. главный комиссар Черноморского флота, обеспечивал выполнение приказа советского правительства о потоплении кораблей в Новороссийске во избежание захвата их немцами. С 1922 г. на партийной и профсоюзной работе.

Городыский Анатолий Вячеславович (1881–1933), капитан 1 ранга. В 1902 г. закончил Морской корпус, в 1906 г. Временный штурманский офицерский класс, а в 1909 г. — Артиллерийский офицерский класс. В 1914–1915 гг. — старший офицер линейного корабля «Императрица Мария» Черноморского флота. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал крейсером «Алмаз». С 1920 г. в эмиграции. Умер в Давосе (Швейцария).

Граф Гаральд Карлович (1885–1966), контр-адмирал. В 1904 г. закончил Морской корпус, в 1910 г. — Минный офицерский класс, а в 1913 г. — Николаевскую морскую академию.

Участник русско-японской и Первой Мировой войн. С 1914 г. минный офицер, а затем старший офицер эскадренного миноносца Балтийского флота «Новик». В 1921 г. эмигрировал из Гельсингфорса в Мюнхен, где был начальником канцелярии великого князя Кирилла Владимировича. С 1942 г. проживал в Париже, а в 1950 г. переехал в Питтсбург. [510]

Григорков Владимир Александрович (1886–1965), капитан 1 ранга. В 1906 г. закончил Морской корпус. Служил в Черноморском флотском экипаже. Участник Первой Мировой войны. За отличия получил чип старшего лейтенанта (1915). В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал эсминцем «Пылкий». Награжден французским орденом Почетного Легиона. Умер в Париже.

Григорович Иван Константинович (1853–1930), морской министр (1911), член Государственного совета (1914), генерал-адъютант (1912), адмирал (1911). В 1874 г. закончил Морской корпус. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. С 1911 г. морской министр. В 1917 г. уволен в отставку. Работал в морской исторической комиссии по исследованию опыта Первой Мировой войны. В 1924 г. выехал во Францию на лечение. Умер в Ментоне.

Гутан Николай Рудольфович (1886–1944), капитан 2 ранга (1917). В 1908 г. закончил Морской корпус. Служил в Черноморской флотском экипаже. В 1907–1908 гг. на яхте «Колхида» находился в заграничном плавании. С 1915 г. старший офицер крейсера «Прут». В Белом флоте на Черном море командовал эсминцем «Дерзкий», который в 1920 г. увел в Бизерту. Скончался в эмиграции, предположительно в Тунисе.

Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический деятель, активный деятель Государственной думы (3-го и 4-го созывов), в 1917 г. — военный и морской министр Временного правительства. После Гражданской войны в эмиграции.

Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант (1917). Окончил Киевское пехотное юнкерское училище (1892), Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Участник русско-японской и Первой Мировой войн. За поддержку Корниловского мятежа заключен в тюрьму. Бежал вместе с Корниловым и другими генералами. Совместно с

Алексеевым и Корниловым создавал Добровольческую (Белую) армию. В 1917–1918 гг. был начальником штаба Добровольческой армии, а затем — командующим, после смерти Корнилова. Был главнокомандующим Вооруженными силами Юга России и заместителем Верховного правителя России адмирала Колчака. Указом Колчака объявлен Верховным [511] правителем России (5.1.1920). С 1920 г. в эмиграции. Умер в США.

Дмитриев Николай Николаевич (1876–1932), капитан 1 ранга. В 1895 г. закончил Морской корпус. Служил на кораблях Черноморского флота. С 1915 г. — начальник транспортной флотилии Черного моря. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал отрядом судов, Одесским портом. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Домбровский Алексей Владимирович (1882–1954), капитан 1 ранга (1917). В 1901 г. закончил Морской корпус, в 1909 г. — Минный офицерский класс, в 1913 г. —

Николаевскую Морскую академию, а в 1914 г. — дополнительный курс Военно-морского отделения Николаевской Морской академии. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. Перешел на сторону советской власти. С 1918 г. начальник 1-й бригады линейных кораблей Морских сил Балтийского моря, а с 1919 г. — начальник штаба флота. В 1920 г. — начальник Морских сил Черного и Азовского морей. В 1921–1924 гг. — начальник Морского штаба РККФ. С 1925 г. на преподавательской работе. С 1930 г. в запасе.

Домбровский Михаил Владимирович (1884–1958), капитан 2 ранга. В 1905 г. закончил Морской корпус. Служил в 1-м Балтийском флотском экипаже. С 1915 г. старший офицер эскадренного миноносца «Гайдамак». С роспуском старого флота уволен. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал кораблями. С 1920 г. в эмиграции. Умер во Франции.

Дудкин Григорий Федотович (1885–1958), капитан 2 ранга. В 1906 г. закончил Морской корпус. В 1911–1915 гг. командовал подводной лодкой «Лосось». С 1915 г. исполнял должность постоянного члена по подводной части в комиссии для наблюдения за постройкой кораблей на судостроительных заводах юга России. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал Ейским портом. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Нью-Йорке.

Ермаков Мстислав Петрович (1873–1960), инженер-механик, генерал-лейтенант (1920). В 1895 г. закончил Морское [512] инженерное училище. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Заев Алексей Николаевич (1881–1966), контр-адмирал. В 1902 г. закончил Морской корпус. В 1910–1911 гг. — флагманский артиллерийский офицер штаба командующего Учебного отряда Морского корпуса. В 1914–1915 гг. — старший офицер яхты «Алмаз». Участник русско-японской и Первой Мировой войн. С 1915 г. старший офицер линейного корабля «Три Святителя». В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал Волжской военной флотилией. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Нью-Йорке.

Канин Василий Александрович (1862–1927), адмирал (1916). В 1882 г. закончил Морской корпус, в 1891 г. — Минный офицерский класс. С 1901 г. флагманский минный офицер Практической эскадры Черноморского флота. С 1915 г. начальник Минной обороны Балтийского флота, а мая 1915 г. — командующий Балтийским флотом. В 1916 г. стал членом Государственного совета, а в 1917 г. — членом Адмиралтейств-совета. В 1915 г. награжден Георгиевским оружием. В ходе Гражданской войны командовал Белым флотом на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Марселе.

Кедров Михаил Александрович (1878–1945), вице-адмирал (1920). В 1899 г. закончил Морской корпус, а в 1907 г. — Михайловскую Артиллерийскую академию. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В 1916–1917 гг. командовал Минной дивизией Балтийского флота. С 1917 г. помощник морского министра, начальник Морского Генерального штаба. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал флотом. С 1920 г. в эмиграции. В эмиграции был председателем Военно-морского союза и заместителем председателя Русского общевойскового союза. Умер в Париже.

Келлер Павел Федорович (1883–1980), капитан 1 ранга. В 1901 г. закончил Морской корпус. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В 1919 г. — начальник штаба Белого флота на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Германии.

Клыков Александр Михайлович (1874–1951), контр-адмирал. В 1894 г. закончил Морской корпус. В 1913–1915 гг. командир [513] эскадренного миноносца «Лейтенант Шестаков». С 1915 г. командир 3-го дивизиона эскадренных миноносцев Черноморского флота. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал Новороссийским портом. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Сиэтле.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920), адмирал (1918). В 1894 г. закончил Морской корпус. В 1900–1902 гг. на шхуне «Заря» участвовал в полярной экспедиции Российской АН. В 1903–1904 гг. возглавил поиски начальника экспедиции барона Э. В. Толля. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. С 1916 г. командующий Черноморским флотом. Возглавил борьбу против советской власти в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке.

Расстрелян в Иркутске в феврале 1920 г.

Кононов Иван Анатольевич (1885–1959), вице-адмирал. В 1905 г. закончил Морской корпус, в 1911 г. — Николаевскую Морскую академию. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. Умер в Париже.

Кутепов Александр Павлович (1882–1930), генерал от инфантерии (1920). Окончил Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В ходе Гражданской войны служил в Белой армии на юге России, командовал ротой, батальоном, а затем Корниловским полком. В 1918 г. был командиром 1-й генерала Маркова пехотной дивизии, Черноморским генерал-губернатором, командиром армейского корпуса в Русской армии Врангеля (1920). С 1920 г. в эмиграции, после смерти Врангеля руководил Российским Общевоинским Союзом. 26 апреля 1930 г. в Париже, похищен органами НКВД и доставлен в Москву, где был расстрелян.

Лазарев Максим Андреевич (1890–1935), капитан 2 ранга. В 1912 г. закончил Морской корпус. Служил в Черноморском флотском экипаже. Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал миноносцем «Живой». С 1920 г. в эмиграции. Покончил жизнь самоубийством в Бейруте.

Лебедев Виктор Иванович (1881–1944), капитан 1 ранга. В 1900 г. закончил Морской корпус. В 1915 г. награжден [514] Георгиевским оружием. В 1918 г. начальник Минной бригады Черного моря, командовал восточным отрядом судов. Умер в Тунисе.

Лебединский Алексей Ильич (1871–1936), капитан 1 ранга. В 1892 г. закончил Морской корпус, а в 1900 г. — Минный офицерский класс. С 1915 г. командир крейсера «Адмирал Нахимов». Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Ливен Александр Александрович (1860–1914), вице-адмирал (1912), светлейший князь. В 1884 г. сдал экзамены за Морской корпус и произведен в мичманы, в 1887 г. окончил Минный офицерский класс, а в 1898 г. — Николаевскую Морскую академию. Участник русско-японской войны. В 1908 г. прикомандирован к Морскому Генеральному штабу и назначен председателем комиссии по описанию русско-японской войны. С 1911 г. исполнял обязанности начальника Морского Генерального штаба. Умер в поезде, возвращаясь из Венеции в Петербург из отпуска.

Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), генерал-лейтенант (1916). Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888), Николаевскую академию Генерального штаба (1897). Участник Первой Мировой войны. В 1917 г. начальник штаба верховного главнокомандующего (Корнилова). 1 сентября 1917 г. арестован за участие в Корниловском мятеже, бежал из тюрьмы вместе с Корниловым, Деникиным и другими генералами. В ходе Гражданской войны воевал в составе Белой армии на юге России, был помощником командующего Добровольческой армией, начальником Военного управления (военным министром), председателем Особого совещания. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Манштейн Александр Сергеевич (1888–1964), старший лейтенант. В 1908 г. закончил Морской корпус, произведен в корабельные гардемарины. В 1910 г. произведен в мичманы. Служил в 1-м Балтийском флотском экипаже. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал эсминцем «Жаркий». С 1920 г. в эмиграции. Умер в Бизерте. [515]

Махно Нестор Иванович (1889–1934), анархист, участник Гражданской войны, один из лидеров повстанческого движения на Украине. В апреле 1918 г. создал вооруженный отряд и начал партизанскую борьбу с австро-германскими оккупантами и гетманскими властями. Отличался храбростью и жестокостью. Опирался на широкие слои крестьян, среди которых приобрел большую популярность. В 1918–1920 гг. воевал против Белой армии и войск УНР (петлюровцев), его войска официально числились отдельной бригадой в составе Красной армии. Несколько раз поднимал мятежи против советской власти, после чего опять вступал с ней в соглашения о военном союзе. Участвовал в штурме Крыма в 1920 г., поздней осенью того же года после попытки разоружить его части поднял восстание под лозунгом «Советы без коммунистов». Был разгромлен и 26 августа 1921 г. бежал в Румынию. Умер во Франции.

Машуков Николай Николаевич (1889–1968), контр-адмирал (1920). В 1908 г. закончил Морской корпус, в 1912 г. — Временный штурманский офицерский класс, а в 1913 г. — Артиллерийский офицерский класс. В 1909 г. произведен в мичманы. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал 2-м отрядом судов Черноморского флота в Азовском море в 1919–1920 гг., руководил эвакуацией Кубанской армии, был начальником штаба Черноморского флота. С 1920 г. в эвакуации. Умер под Парижем.

Медведев Владимир Иванович (1882–1940), капитан 1 ранга. В 1902 г. закончил Морской корпус, в 1913 г. — Николаевскую Морскую академию. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал морской ротой. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Самборе (Югославия).

Монастырев Нестор Александрович (1887–1957), капитан 2 ранга (1920). В 1912 г. закончил Морской корпус. С 1914 г. плавал на эскадренных миноносцах, затем на подводном минном заградителе «Краб». Командовал подводной лодкой «Нерпа». В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал подводными лодками. Командуя подводной лодкой «Утка», в 1920 г. совершил переход из Севастополя в Бизерту. В 1921–1924 гг. редактировал зарубежный «Морской сборник». Умер в Тунисе. [516]

Морозов Василий Иванович (1888–1950), генерал-майор (1920). Окончил Новочеркасское казачье училище (1908). Участник Первой Мировой войны. В Белом движении командовал 7-м Донским казачьим полком Донской армии, 2-й отдельной Донской бригадой, 2-й (сводной) Донской казачьей дивизией. С 1920 г. в эмиграции. В годы Второй мировой войны участвовал в формировании казачьих частей СС «для борьбы с большевизмом». С 1943 г. командир Донского батальона; в 1944–1945 гг. — командир полка в Русском охранном казачьем корпусе генерала Штейфона. Умер в Австрии.

Мусатов Георгий Александрович (1888–1966), капитан 2 ранга. В 1909 г. закончил Морской корпус. В 1910 г. произведен в мичманы. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал эсминцем «Звонкий», вооруженным пароходом «Граф Игнатъев», был старшим офицером транспорта «Дон». С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Науменко Вячеслав Григорьевич (1883–1979), генерал-лейтенант (1920). Окончил Воронежский Михайловский кадетский корпус (1901), Николаевское кавалерийское училище (1903), Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в частях Добровольческой армии на Юге России. В 1918 г. участвовал в «Ледяном походе» Добровольческой армии. Командовал 1-м Кубанским конным полком, 1-й конной бригадой, 1-й копной дивизией. В 1918–1919 гг. — член Кубанского краевого казачьего войска. Командовал 2-м Кубанским корпусом. В апреле

1920 г. эвакуировался из Сочи в Крым. В 1920 г. участвовал в десанте на Тамань, командовал 1-й кавалерийской дивизией. В 1920 г. эмигрировал на остров Лемнос (Греция), где был избран кубанским войсковым атаманом Кубанского казачества. В 1920 г. переехал в Германию, затем в США. Умер под Нью-Йорком.

Немитц (Биберштейн) Александр Васильевич (1879–1967), военно-морской деятель, вице-адмирал (1941). В июле — декабре 1917 г. в чине контр-адмирала командовал Черноморским флотом, незадолго до расправы с офицерами флота в Севастополе выехал в Москву (за что был объявлен Севастопольским Советом вне закона). С 1919 г. служил в Красной армии и Красном флоте, в 1920–1921 гг. — командующий Морскими [517] силами Республики. Награжден орденом Красного Знамени. С 1922 г. на штабной и преподавательской работе С 1947 г. в отставке. Автор нескольких военно-теоретических и исторических трудов.

Ненюков Дмитрий Всеволодович (1869–1929), вице-адмирал (1916). В 1889 г. закончил Морской корпус, в 1908 г. — Николаевскую Морскую академию. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В 1913–1915 гг. заместитель начальника Морского Генерального штаба по судостроению. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал Одесской военно-морской базой, флотом. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Белграде.

Николя Владимир Владимирович (1881–1923), контр-адмирал (1920). В 1903 г. закончил Морской корпус. С 1912 г. исполнял должность флагманского минного офицера штаба начальника Черноморской минной дивизии. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал флотом, сменив заболевшего Саблина. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Тунисе.

Остелецкий Павел Павлович (1880–1946), контр-адмирал. В 1899 г. закончил Морской корпус, в 1906 г. Минный офицерский класс, в 1911 г. — Николаевскую Морскую академию. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. С 1916 г. — командир крейсера «Кагул». В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Остолопов Алексей Алексеевич (1883–1937), капитан 2 ранга. В 1907 г. закончил Морской корпус. В 1910 г. произведен в мичманы. С 1916 г. исполнял должность старшего офицера эскадренного миноносца «Лейтенант Шестаков». В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, участник «Ледяного похода» Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции.

Писарев Петр Константинович (1875–1967), генерал-лейтенант (1919). Окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1898). Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Добровольческой армии, командовал [518] Алексеевским партизанским полком, бригадой, корпусом. В 1920 г. — комендант Севастополя, командир 4-го сводного армейского корпуса Русской армии Врангеля. С 1920 г. в эмиграции. Умер под Парижем.

Погорецкий Владимир Владимирович (? — 1970), капитан 1 ранга. В 1905 г. закончил Морской корпус, в 1910 г. — Подводный офицерский класс. Командовал подводными лодками Сибирской флотилии. В начале Первой Мировой войны переведен на Черноморский флот, командовал подводной лодкой «Морж». За подвиги награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал подводными лодками, дивизионом подводных лодок. С 1920 г. в эмиграции, затем воевал в составе Белого флота на Дальнем Востоке. В 1922 г. эмигрировал в Китай. Умер в Ванкувере.

Потапьев Владимир Алексеевич (1882–1961), капитан 1 ранга (1920). В 1906 г. закончил Морской корпус. В 1907 г. произведен в мичманы. С 1913 г. исполнял должность старшего флаг-офицера штаба начальника Учебного отряда Черноморского флота. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Тунисе.

Потемкин Владимир Николаевич (1885–1939), капитан 1 ранга. В 1904 г. закончил Морской корпус. В 1915 г. командовал эскадренным миноносцем Балтийского флота «Искусный». Участник «Ледяного похода» Добровольческой армии. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал бронепоездом «Князь Пожарский». С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Промтов Михаил Николаевич (1857–1950), генерал-лейтенант (1917). Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (1877). Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В Белом движении командир 2-го армейского корпуса Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Югославии.

Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939), активный участник Октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны, лейтенант (1917). В 1917 г. окончил Отдельные [519] гардемаринские классы. В 1918 г. командовал Волжской военной флотилией, а в 1919–1920 гг. — Астрахано-Каспийской и Волжско-Каспийской военными флотилиями.

Руководил Энзелийской десантной операцией (1920). В 1920–1921 гг. — командующий Морскими силами Балтийского моря. После Кронштадтского восстания 1921 г. переведен на дипломатическую работу. В 1938 г. оставил должность советского посла в Болгарии, и уехал в Париж, где в 1939 г. опубликовал «Открытое письмо Сталину». Умер в Ницце.

Реймерс Сергей Александрович (1889–1933), старший лейтенант. В 1909 г. закончил Морской корпус. В 1910 г. произведен в мичманы. В 1914–1915 гг. флаг-офицер штаба начальника бригады линейных кораблей Черноморского флота. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал дивизионом вооруженных барж. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Римский-Корсаков Михаил Михайлович (1872–1950), контр-адмирал (1919). В 1890 г. закончил Морской корпус, в 1897 г. — Артиллерийский офицерский класс, в 1900 г. — Николаевскую Морскую академию. Участник Первой Мировой войны. Награжден Георгиевским оружием. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал Николаевским военным портом. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Копенгагене.

Романовский Вячеслав Петрович (1884–1964), капитан 2 ранга. В 1905 г. закончил Морской корпус. В начале Первой Мировой войны переведен и.) Сибирской флотилии на Черноморский флот. Командовал миноносцем «Звонкий». Награжден Георгиевским оружием. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал эскадренными миноносцами. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Тунисе.

Рыков Иван Сергеевич (1883–1954), капитан 2 ранга. В 1906 г. сдал экзамены за Морской корпус. В 1907 г. произведен в подпоручики флота, в 1911 г. — в поручики. Служил в 1-м Балтийском флотском экипаже. В 1915 г. произведен в лейтенанты. Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал 1-м [520] Днепровским речным отрядом. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Тунисе.

Саблин Михаил Павлович (1869–1920), вице-адмирал (1919). В 1890 г. закончил Морской корпус, в 1899 г. — Минный офицерский класс. Участник войны с Китаем (1900–1901), русско-японской и Первой Мировой войн. Награжден золотым оружием. В 1917–1918 гг. — командующий Черноморским флотом. С лета 1918 г. в Морском управлении штаба А. И. Деникина, начальник портов Черноморского бассейна, командующий Черноморским флотом.

Скрыдлов Николай Илларионович (1844–1918), адмирал (1909). В 1864 г. закончил Морской корпус, служил на кораблях Балтийского флота. Участник Русско-турецкой войны (1877–1878). С 1893 г. младший флагман Балтийского флота, а с 1894 г. — главный инспектор минного дела, начальник Минного отдела Морского технического комитета. С 1898 г. командовал эскадрой в Средиземном море, с 1899 г. — сводным отрядом флотских экипажей в Петербурге, а в 1900–1902 гг. — эскадрой Тихого океана. В 1903–1904 гг. главный командир Черноморского флота и портов. После гибели С. О. Макарова назначен командующим флотом Тихого океана, но в связи с блокадой Порт-Артура управление осуществлял из Владивостока. С 1904 г. член Адмиралтейств-совета. В 1906–1907 гг.

главный командир Черноморского флота и портов, с 1909 г. — в отставке. Погиб в Петрограде в дни «красного террора».

Слащев Яков Александрович (1885–1929), генерал-лейтенант (1920). В 1905 г. закончил Павловское военное училище, в 1911 г. — Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Первой Мировой войны. В начале 1918 г. послан «Донским гражданским советом» в Минеральные Воды для организации антибольшевистского мятежа; с весны был начальником штаба казачьего отряда А. Г. Шкуро. В Добровольческой армии командовал бригадой, Чеченской копной дивизией, действовал против банд Махно. С декабря 1919 г. командовал 2-м армейским корпусом, руководил обороной Крыма (в связи с чем получил фамилию Слащев-Крымский). В августе 1920 г. из-за разногласий с Врангелем отстранен от командования корпусом. С 1920 г. в эмиграции, был разжалован [521] в рядовые. Осенью 1921 г. вернулся в Советскую Россию, был амнистирован. Преподавал тактику на курсах «Выстрел». Убит курсантом Коленбергом в 1929 г. в своей комнате при курсах «Выстрел» в Лефортово.

Собецкий (Собесский) Владимир Иванович (1886–1935), капитан 1 ранга (1920). В 1905 г. закончил Морской корпус. Участник Первой Мировой войны. С 1914 г. командир эскадренного миноносца «Жаркий». В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал отрядом судов обороны Днепро-Бугского лимана. Умер в Ницце. Терентьев Василий Михайлович (1879–1950), капитан 1 ранга. В 1900 г. закончил Морской корпус, в 1911 г. — Минный офицерский класс. Служил на подводных лодках Черноморского флота. Участник Первой Мировой войны. С 1915 г. командир 2-го дивизиона бригады подводных лодок Черноморского флота. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер близ Белграда.

Тихменев Александр Иванович (1879–1959), контр-адмирал (1919). В 1901 г. закончил Морской корпус, в 1906 г. — Минный офицерский класс. В 1911–1912 гг. — флагманский минный офицер штаба начальника отряда резерва Черноморского флота. В Первую Мировую войну на Черном море командовал эсминцами «Жуткий», «Беспокойный» и линкором «Воля». В Гражданскую войну служил в Белом флоте, с которым ушел в Бизерту. Был председателем объединения русских моряков в Тунисе. Умер в Тунисе.

Тягин Борис Евстафьевич (1880–1920), капитан 1 ранга. В 1901 г. закончил Морской корпус, в 1907 г. — Временный штурманский офицерский класс, в 1910 г. — Артиллерийский офицерский класс, в 1913 г. — Николаевскую Морскую академию, а в 1914 г. — дополнительный курс Военно-морского отделения при Николаевской Морской академии. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. С 1914 г. артиллерийский офицер для поручений при коменданте Морской крепости Императора Петра Великого. В 1918–1919 гг. командовал Севастопольским портом. Расстрелян белой командой миноносца «Живой» за то, что в период двухмесячного пребывания красных в Севастополе оставался командиром порта. [522]

Улагай Сергей Георгиевич (1875–1947), генерал-лейтенант (1919). Окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1897). Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В ходе Гражданской войны служил в Кубанском казачьем войске, командовал Черкесским полком, Кубанским пластунским батальоном, 2-й Кубанской казачьей дивизией, 2-м Кубанским конным корпусом. В 1920 г. командовал Кубанской армией на Северном Кавказе, преемник генерала Шкуро. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Марселе (Франция).

Фабрицкий Семен Семенович (Симеон Симеонович) (1874–1941), контр-адмирал (1920). В 1894 г. закончил Морской корпус, в 1904 г. — Минный офицерский класс. Плавал на кораблях Балтийского флота, в том числе на императорских яхтах. С 1907 г. флигель-адъютант. В 1912–1914 гг. командовал 3-м дивизионом эскадренных миноносцев Балтийского флота. Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Брюсселе.

Федяевский Иван Константинович (1876–1939), капитан 1 ранга. В 1902 г. закончил Морской корпус, в 1908 г. — Артиллерийский офицерский класс. В 1913–1914 гг. командовал канонерской лодкой «Кореец». Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал отрядом кораблей. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Вердене (Франция).

Фостиков Михаил Архипович (1886–1966), генерал-лейтенант (1920). Окончил Московское Александровское военное училище (1907). Участник Первой Мировой войны. В Белом движении командовал 1-м Кубанским казачьим полком, 2-й Кубанской казачьей бригадой, 2-й Кубанской казачьей дивизией, Кубанской конной бригадой. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Белграде (Югославия).

Чернавин Виктор Васильевич (1877–1956), генерал-майор (1917). Окончил Омскую гимназию, Николаевское инженерное училище (1899), Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В Белом движении начальник штаба 5-й пехотной дивизии, начальник [523] штаба Азовско-Черноморской армии генерала Боровского, начальник штаба группы войск генерала Шиллинга в Таврии и Новороссии. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Праге (Чехословакия).

Шатилов Павел Николаевич (1881–1962), генерал от кавалерии (1920). Окончил Московский кадетский корпус (1891), Пажеский корпус (1900), Николаевскую академию Генерального штаба (1908). Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В Белом движении командовал 1-й конной дивизией и конной группой. В 1919 г. — командир 4-го конного корпуса, начальник штаба Кавказской армии Врангеля. В 1919–1920 гг. — начальник штаба Добровольческой армии при Врангеле. В 1920 г. — помощник командующего Вооруженными силами Юга России генерала Врангеля, начальник штаба Русской армии. С 1920 г. в эмиграции. Умер под Парижем.

Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946), генерал-лейтенант (1919). Окончил Николаевский кадетский корпус и 1-е Павловское военное училище (1890). Участник Первой Мировой войны. В Белом движении командовал 5-й пехотной дивизией, 3-м армейским корпусом. В 1919 г. — генерал-губернатор и командующий войсками Новороссии, одновременно командующий Киевской группой войск. С 1920 г. в эмиграции. После запятой советскими войсками Праги (1945) арестован НКВД, по состоянию здоровья и старости был освобожден.

Шифнер-Маркевич Антон Мейнгардович (1887–1921), генерал-лейтенант (1920). Окончил Кадетский корпус императора Александра II, Михайловское артиллерийское училище (1907), Николаевскую академию Генерального штаба (1913). Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в частях Белой армии на Юге России, командовал Кубанской конной бригадой, 2-й Кубанской казачьей дивизией. В 1920 г. участвовал в десантной группе генерала Улагая, был тяжело ранен. В последних боях на Перекопе вновь тяжело ранен. Эвакуирован в Галлиполи (Турция), где и умер.

Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1887–1947), генерал-майор (1918). Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны [524] служил в частях Белой армии на Юге России, командовал Кубанской бригадой, 1-й Кавказской дивизией, 2-й Кубанской кавалерийской дивизией, 3-м Кубанским корпусом, Кубанской армией. С 1920 г. в эмиграции, в годы Второй Мировой войны — на службе у немцев, участвовал в формировании казачьих частей СС. В 1945 г. вместе с Красновым и другими казачьими генералами выдан англичанами советским властям. Приговорен в смертной казни и в 1947 г. повешен.

Шрамченко Яков Владимирович (1886–1967), капитан 1 ранга (1920). В 1906 г. закончил Морской корпус, в 1911 г. — Артиллерийский офицерский класс. Служил на кораблях Черноморского флота. Участник Первой Мировой войны. В ходе Гражданской войны служил в Белом флоте на Черном море, командовал канонерской лодкой «Терец», транспортом «Рион». С 1920 г. в эмиграции. Вначале жил в Белграде, затем переехал в

Австрию. В 1949 г. переехал в США (Нью-Йорк). Был председателем общества русских моряков-эмигрантов. Умер в Нью-Йорке.

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939), генерал от кавалерии (1917). Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1890), Николаевскую академию Генерального штаба (1897). Участник Первой Мировой войны. Участник Корниловского мятежа. В «Ледяном походе» командовал конным полком. Представитель Добровольческой армии при Кубанском краевом правительстве. В 1918 г. командовал отдельной конной бригадой, 1-й кавалерийской дивизией, войсками Терско-Дагестанского края. В 1919–1920 гг. — командующий белыми войсками на Северном Кавказе. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

Эбергард Андрей Августинovich (1856–1919), адмирал (1913). В 1879 г. закончил Морской корпус. Участник русско-японской и Первой Мировой войн. В 1908–1911 гг. — начальник Морского Генерального штаба. В 1911–1916 гг. командующий Черноморским флотом. С 1916 г. член Государственного совета, а с 1917 г. — Адмиралтейств-совета. В 1917 г. уволен в отставку. Умер в Петрограде. [525]

Библиография

1. Антанта и Врангель. Сборник статей. Выпуск I. М. — Пг., 1923.
2. Белое движение на Юге России (1917–1920): Неизвестные страницы и новые оценки. Сборник. М., 1995.
3. Берг В. В. Последние гардемарины. Париж, 1931.
4. Бережной С. С. и др. Корабли и вспомогательные суда советского Военно-Морского Флота (1917–1927 гг.). Справочник. М., 1981.
5. Гражданская война в СССР. Ч. 1–2. Материалы и документы под редакцией флагмана 2 ранга доцента Н. А. Бологова. Л., 1939.
6. Гражданская война в СССР. В двух томах. (Т. I. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. — март 1919 г.). М., 1980. Т. II. Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 г. — октябрь 1922 г.). М., 1986.
7. Гражданская война. Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Том III. Юго-запад. Под ред. военного моряка А. А. Соболева. Л., 1925.
8. Граф Г. К. На «Новике»: Балтийский флот в войну и революцию. Флот и война. Смерть флота. СПб., 1997. (Первое издание — Мюнхен, 1922.)
9. Гречанюк Н., Попов П. Моряки Черноморского флота в борьбе за власть Советов. Симферополь, 1957.
10. Гречанюк Н. М. и др. История военно-морского искусства. Том II. Советское военно-морское искусство в Гражданской войне и в период построения социализма в СССР (1917–1941 гг.). М., 1963. [526]
11. Деникин — Юденич — Врангель. Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. Сост. С. А. Алексеев. М.-Л., 1927.
12. Денисов Б. А. Использование мин в Гражданскую войну 1918–1920 гг. — М.-Л., 1939.
13. Жуков В. К. Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. С предисловием Ф. Раскольникова. М., 1931.
14. История Гражданской войны в СССР. Т. 1–6. Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М., 1935–1947.
15. Кадесников Н. Э. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России. Л., 1991 (Первое издание — Нью-Йорк, 1965.)
16. Карпов Б. В. Краткий очерк действий Белого флота в Азовском море в 1920 г. Прага, 1929.
17. Клавинг В. В. Белая гвардия. СПб., 1999.

18. Кнорринг Н. Н. СФАЯТ. Париж, 1935.
19. Козлов И. А. Боевые действия советских подводных лодок в Гражданскую войну 1918–1920 годов. Л., 1986.
20. Коновалов В. Подвиг «Алмаза». Одесса, 1963.
21. Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. Под. ред. А. Г. Шляпникова, Р. А. Муклевича и Б. И. Доливо-Добровольского. М., 1926.
22. Кукель В. А. Правда о гибели Черноморского флота 18 июня 1918 г. Л., 1923.
23. Липатов Н. П. 1920 год на Черном море: Военно-морские силы в разгроме Врангеля. М., 1958.
24. Лишип Н. Н. На Каспийском море. Прага, 1938.
25. Марти А. Красный флаг над Французским флотом (Черноморское восстание). М. — Л., 1928.
26. Монастырев Н. А. В Черном море 1912–1920 гг. Париж, 1928 (на франц. языке).
27. Монастырев Н. А. На службе Императорскому флоту. Берлин, 1930 (на нем. языке).
28. Монастырев Н. А. Гибель царского флота. Пер. с нем. СПб., 1995.
29. Мордвинов Р. Н. Волжская военная флотилия в Гражданской войне (1918–1920 гг.). М., 1952.
30. Моряки в борьбе за власть Советов на Украине (Ноябрь 1917–1920 г.). Сборник документов. Киев, 1963. [527]
31. Моряки в Гражданской войне. Сборник. М., 2000.
32. На вахте революции: Военные моряки в революционном движении и в Гражданской войне. Сборник № 1. Л., 1924.
33. На вахте революции: Военные моряки в революционном движении и в Гражданской войне. Сборник № 2. Л., 1926.
34. Платонов А. П. Черноморский флот в Революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925.
35. Пять лет Красного флота: 1917–1922 гг. Сборник. Пг., 1922.
36. Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление. Сборник. Симферополь, 1995.
37. Революция и Гражданская война в описаниях белогвардейцев. М. — Л., 1925.
38. Рутыч Н. Биографический справочник высших чипов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. — М., 1997.
39. Самойлов К. И. На канонерской лодке «Ленин». По личным документам, воспоминаниям и материалам. Л., 1924.
40. Селяничев А. К. Волжско-Каспийская флотилия в борьбе за Каспий: 1918–1920. М., 1952.
41. Сирченко И. Т. Выполняя приказ В. И. Ленина... (Потопление Черноморского флота в 1918 г.). М., 1979.
42. Сирченко И. Т. Погибаю, но не сдаюсь! Краснодар, 1969.
43. Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г. Мемуары и документы. М., 1990.
44. Соболев А. А. Красный флот в Гражданской войне 1918–1920 гг. Л., 1926. (Первое издание — 1924 г.)
45. Стрельбицкий К. Б. Потери противников советского Военно-Морского Флота 1918–1940. Справочник. Львов, 1995.
46. Ширипская-Манштейн А. А. Бизерта. Последняя стоянка. Из записок дочери русского офицера СПб., 1996. [528]

Заключение

Известно, что для объективного исследования тех или иных исторических событий требуется некоторая отстраненность от них — или достаточно продолжительный срок, в течение которого эти события теряют свою политическую актуальность и из ведения

злободневной журналистики переходят под юрисдикцию исторической пауки. Иногда это происходит достаточно быстро, время от времени процесс «деангажированности» занимает несколько десятилетий. Но рано или поздно идеологические бури утихают и любое событие занимает отведенную ему ячейку, сводимую к нескольким сухим строкам в учебнике истории для последних классов средней школы.

К сожалению, через восемьдесят лет после окончания Гражданской войны в России, события тех времен вновь сделались поводом для идеологического противостояния и аргументом в политической борьбе. А там, где есть необходимость в изначально заданном результате, все меньше места остается для научной объективности. Поэтому редакция и составители «Военно-исторической библиотеки» поставили себе задачей дать читателю максимально объективную картину событий тех лет, предоставив ему возможность ознакомиться с мемуарами, документами и исследованиями обеих противоборствовавших сторон. Мы не ставим своей задачей создание полной и окончательной истории Гражданской войны и не собираемся переигрывать итоги давно отгремевших сражений. Мы постараемся осветить лишь отдельные эпизоды военных кампаний 1917–1922 годов, останавливая свое внимание на событиях, наименее освещенных отечественной историографией как «советского», так и «постсоветского» периода. Следом за «Трагедией [529] Черноморского флота» планируется издание фундаментальной работы Н. Какурина и В. Меликова «Война с белополяками 1920 г.», опубликованной в 1925 году и с тех пор ставшей библиографической редкостью. За ней последует сборник «Крым, 1920 год», основой которого станут мемуары одного из самых талантливых полководцев Белой армии — Я. А. Слащена. В дальнейших планах издательства стоят книги, посвященные боевым действиям на Балтике, на Каспийском море и событиям на Дальнем Востоке. [530]

Алфавитный указатель {85}

А

АГ-21 135

АГ-22 176

АГ-23 15, 184, 189

«Агарфена» 407

«Адмирал Нахимов» 15, 244, 254, 259, 404

«Адмирал Ушаков» 77

«Азовец» 388

«Айдин-Рейс» 238, 408

«Айрон Дьюк» 141, 143, 225, 226

«Ай-Тодор» 139

«Алегрет» 406

«Александр III» (см. «Генерал Алексеев», «Воля»)

«Алжерьен» 180, 181, 209

«Алмаз» 136, 171, 180, 231, 238, 332, 381

«Алтай» 10

«Альма» 156, 160, 169, 176, 179, 181, 184, 185, 187, 188, 189

«Амурец» 20

«Анатолий Молчанов» 137, 201, 248, 249, 257, 262, 263

«Андрей Первозванный» 170

«Ансень Анри» 128

«Ансень Ру» 208, 209

«Аскольд» 230, 231, 233, 234

«Атаман Каледин» 139, 188

«Аю-Даг» 206

«Аюрдат» 343
«Аякс» 246, 247
Б
Б-1 176, 178, 181, 187
Б-2 182, 187, 188, 189
Б-3 176, 181, 187
Б-4 188
«Бакан» 177, 178
«Баклан» 255
«Баку» 244, 252
«Баранов» (см. «Капитан-лейтенант Баранов»)
Баржа № 69 137
«Батавия» 406
«Батум» 132
«Бельбек» 134, 481
«Березань» (тральщик) 157, 158
«Березань» (плавбаза) 135
«Беспокойный» (эсминец) 29, 37, 49, 67, 124, 153, 157, 194, 195, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 333, 412
«Бессарабец» 407 [531]
«Богатырь» 21
Болиндер № 1 (см «Красная Заря»)
Болиндер № 2 (см «Защитник Трудящихся»)
«Бреслау» 321, 322
«Бруени» 202
«Брюи» 128
«Буг» 125, 134, 137, 148, 188, 189
«Буденный» 10, 384, 390, 398, 410, 412
«Бургмейстер Шредер» 201
«Буревестник» 134, 344
«Быстрый» (эсминец) 135
В
«Вальдек Руссо» 181, 205, 209
«Вернио» 134
«Веста» 157
«Виолета» 231
«Витязь» 230
«Владимир» 203, 250
«Владимир Святой» 354
«Водолей» 186
«Волга»(Т-231)13,129
«Володарский» 412
«Воля» (линкор, б. «Император Александр III») 17, 19, 28, 29, 31, 35, 37, 39, 48, 66, 67, 99, 101–106, 111, 113, 114, 124, 162, 333, 381
«Воля» (буксир) 128
«Ворон» 144
«Восставший» («Перевеза») 238, 448
«Вотан» 248, 263, 264
«Всадник» 11, 213, 239
Г
«Г. Гапонов» 139
«Гагара» 135

«Гаджибей» («Хаджи-Бей») 28, 29, 37, 38, 42, 49, 67, 69, 70, 102, 104, 105, 230, 333, 335
«Гайдамак» (ледокол) 11, 227, 412
«Гальвестон» 200
«Гамидие» 41, 50
«Гебен» (линейный крейсер) 50, 314, 315, 329
«Генерал Алексеев» (б. «Воля») 168, 177–181, 381, 382, 383, 407
«Генерал Корнилов» (б. «Кагул») 153, 168, 171, 176, 179, 181, 182, 184, 185, 187–189, 192, 231, 243, 355, 381, 383
«Георгий» («Цесаревич Георгий») 137, 138, 139, 204, 216, 255, 360
«Георгий» (кан. лодка) 213, 214
«Георгий Победоносец» 135, 149
«Геройский» 354, 370, 371
«Герцог Эдинбургский» 20
«Гидра» 148
«Гневный» 29, 73, 77, 354
«Головной» 370
«Горгипия» 139, 188
«Гординия» 434
«Граф Игнатъев» 128, 129, 137, 142, 143, 145, 148, 491 [532]
«Грозный» 10, 11, 128, 150, 381, 387, 390
«Грозящий» 354
«Громкий» (эсминец) 28, 29, 37, 49, 67, 71, 333
Д
«Даланд» 250, 252
«Данай» 386, 396, 412
«Двенадцать Апостолов» 149
«Дельфин» 145
«Деортъе» 128
«Дерзкий» (эсминец) 10, 29, 37, 48, 59, 67, 77, ИЗ, 124, 153, 169, 181, 183, 203, 210–216, 218, 221–225, 333
«Джалита» 244
«Джигит» 10, 412
«Дзержинский» 21
«Дмитрий» 134, 251
«Доброволец» (см. Т-273) 134, 231, 233, 234, 235, 236
«Доброволец» (речная канлодка) 354
«Добыча» 185, 187, 188
«Дон» 231, 233, 234, 235, 236, 237, 244, 250
«Допец» 126, 138, 315, 331
«Донские гирла» 139
«Дунай» 201, 270
«Дю-Шаффо» 208, 215
Е
«Евфрат» 485
«Екатерина» 481
«Екатеринодар» (б. «Клара Сепарис») 206
«Елизавета» 214
Ж
«Жан Бар» 132, 134, 136
«Жанетта» (см. Т-238) 475
«Жанна Р.» 250

«Жаркий» 13, 30, 37, 49, 67, 134, 150, 153, 159, 160, 162, 163, 164, 227, 228, 245, 246, 254, 255, 333, 344, 355, 401
«Живой» (эсминец) 28, 30, 37, 49, 67, 130, 134, 137, 140, 149, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 333, 355, 360
«Жуткий» (эсминец) 135
«Жюль Мишле» 209, 210
«Жюстис» 136, 343 3
«Забава» 206
«Заветный» 135
«Завидный» 381
«Занте» 244, 255
«Запал» 370
«Защитник Трудящихся» (плавучая батарея № 2) 176
«Звонкий» 77, 124, 164, 165, 169, 412
«Знамя Социализма» (б. ледокол) 384, 398, 410, 412
«Зоркий» (эсминец) 77, 124
И
«Игрушка» 171, 176, 187
«Иепаз» 200
«Иерусалим» 150
«Изард» (возможно —
«Изер») 181, 406
ИМ-17 408 [533]
(см. «Воля»)
«Император Троян» («Троян») 333, 334
«Императрица Екатерина Великая» (см. «Свободная Россия»)
«Императрица Мария» 131, 318
«Ингул» 140, 181, 192
К
К-10 («Ваня») 139
К-12 («Амалия») 139
К-15 128, 129, 134, 137, 142, 146, 205
К-51 182, 187
«Кавказ» (б. буксир «Бекетовка») 427
«Кавказ» (кан. лодка, см. К-15)
«Кагул» 129–133, 135, 137, 141–148, 149, 272, 297, 344, 345, 355, 381, 407
«Калиакрия» 28, 29, 37, 49, 67, 104, 335
«Калипсо» 200, 211, 213, 216, 217, 218, 219
«Капитан 2 ранга Медведев» 150
«Капитан Баранов» (см. «Капитан-лейтенант Баранов»)
«Капитан Сакен» 124, 169, 179, 181, 204, 207, 208, 228
«Капитан Шестаков» (см.
«Лейтенант Шестаков»)
«Капитан-лейтенант Баранов» 28, 29, 37, 39, 40, 42, 49, 67, 71, 72, 333
«Карадок» 221, 224, 225, 355
«Кардифф» 245, 246
«Карло-Альберто Раккия»
(«Раккия») 170, 406
«Карп» 135
«Каск» 145
«Кача» 169, 176, 179, 181, 183
«Кашалот» 135

«Кентерберри» 343
«Керчь» (эсминец) 16, 17, 20, 21, 26, 28, 29, 30, 37, 43, 47–50, 59, 65, 66, 68–77, 105, 106, 107, 112, ИЗ, 114, 333, 334, 335
«Киев» 181, 187
«Киров» 21
«Кит» 135
«Князь Потемкин» 138
«Колхида» 139, 146
«Колыма» 203, 210, 215, 221, 223
«Корнилов» (крейсер, см. «Генерал Корнилов»)
«Корнилов» (транспорт) 206
«Корсунь» 244
«Коршун» 128
«Краб» 135
«Красная Заря» (плавучая батарея № 1) 176
«Красная Звезда» 10, 384, 390, 398, 410, 412
«Кронштадт» 126
«Крым» (б. «Николай 119») 231, 233, 234
«Кубанец» 126, 138, 139
«Кугуар» 373

Л

«Ла Скарп» 128, 159, 160, 162 [534]
«Лебедь» 257
«Лев Троцкий» 370
«Ледокол № 1» 213, 214, 216
«Ледокол № 4» 128
«Ледокол Донских Гирл» («Донские Гирла») 139
«Лейтенант Шестаков» 28, 30, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 49, 67, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 102, 381, 333, 334, 335
«Лемнос» 124, 141, 142, 143
«Леонардо да Винчи» 343
«Летчик» (посыльное судно, б. «Котка») 137, 148, 197, 246, 247
«Ливерпуль» 123
«Лосось» 135
«Лукулл» 126, 177, 180
«Луч Востока» (б. «Айдин-Рейс») 238

М

«Макаров» (см. «Старший лейтенант Макаров»)
«Малый» 370, 371
«Мальборо» 141, 143, 144, 145, 245, 345
«Маргарита» 141, 205, 227
«Мери» (см. Т-259)
«Меткий» 367, 370
«Мечта» 141
«Мирабо» 132, 133, 136, 344
«Михаил» 222
МЛ-204 150
МЛ-405 150
«Молодецкий» 370
«Молчанов» (см. «Анатолий Молчанов»)

Монитор № 29 142, 345
Монитор № 18 142, 345
Монитор № 17 345
«Монтроз» 143, 144
«Мстителный» 367, 368, 370, 371
Н
«Налим» 135
«Нарвал» 135
«Нерпа» 244
«Никола Пашич» И, 128, 137, 386, 387, 388
«Николай № 119» («Николай 119») 245, 206, 215, 216, 231
«Николай» 168, 181, 209, 217
О
«Ольга» (б. транспорт «Сухум») 126, 128
«Ольга Мефенити» 148
«Орлан» 135
«Осторожный» 140
П
«Павел» 157
«Память Меркурия» (крейсер) 135, 332
«Пандия» (см. Т-283)
«Пантер» 129
«Пантера» 373
«Пашич» (см. «Никола Пашич»)
«Дон» (плавбаза) 396
«Пегасус» 200
«Пеликан» 257
«Перикл» 146, 148
«Пернач» 139 [535]
«Петр» 216
«Петропавловск» 307, 311
«Полезный» 126, 128, 137, 142
«Полтава» 181
«Поспешный» 28, 29, 49, 56, 67, 130, 134, 137, 150, 153, 162, 212, 219, 333, 344
Посыльное судно № 7 («Разведчик») 134, 137
Посыльное судно № 10 (б. миноносец № 258) 134
«Потемкин Таврический»
(«Потемкин») 272, 295
«Почин» 136
«Превеза» (« Восставший») 238
«Припять» 182
«Пронзительный» (эсминец) 19, 28, 29, 37, 38, 49, 67, 68, 77, 105, 333, 335
«Протей» 344
«Прут» 272, 296
«Пугачев» 396
«Пылкий» 28, 29, 37, 49, 134, 189, 205, 207, 208, 210, 211, 333, 344, 382
Р
Р-1 124
Р-2 124
«Работник» 187, 247
«Рабочий» 182
«Разведчик» (см. посыльное судно № 7)

«Республиканец» 11, 386
«Ризе» 141
«Рион» 131, 134, 137, 203, 211
«Рио-Негро» 245, 249
«Рио-Прадо» 245
«Рома» 139
«Россия» 137, 157, 215, 252
«Ростислав» 169, 294, 332, 381
«Румянцев» 139, 248, 257

С

«Салгир» (К-3) 10, 412
Самоходная баржа № 437 463
«Саратов» 125, 188, 237
«Сарыч» 227, 228, 230, 231, 233, 236
«Св. Николай» («Святой Николай», паровая шхуна) 136, 225, 245
«Свирепый» (РИ-2) 134, 344
«Свобода» И, 384, 388, 398
«Свободная Россия» (б. «Императрица Екатерина Великая») 17, 19, 28, 29, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 64, 67, 69, 71, 73, 74, 75, 76, 99, 112, 113, 333, 334
«Септаур» 143, 345
«Серес» 246, 248, 250, 251, 262
«Синоп» 332
СК-3 157
СК-4 181
СК-6 181
«Скарп» (см. «Ла Скарп») «Скат» 135
«Скиф» 157, 158, 182, 187
«Смелый» 157, 182, 187, 188, 247
«Сметливый» 30, 37, 49, 67, 102, 335
«Сталин» 390
«Старший лейтенант Макаров» 150, 213, 214, 218, 222 [536]
«Стедфаст» 213, 224, 225, 227
«Страж» 10, И, 128, 381, 387
«Стреляна» 407
«Стремительный» 30, 37, 49, 67, 333, 335
«Строгий» 134, 344
«Судак» 135
«Суперб» 343
«Сурож» 250
«Счастливый» 124

Т

«Тайфун» 214, 216, 226
«Тандерер» 343
«Терец» 131, 134, 150, 461
«Тигр» 203, 213
«Тилли» 169, 182, 187, 188
«Торона» 373
«Трал» 370
«Тральщик № 412» 157, 184, 189, 202, 205
«Траян» (см. «Император Траян») «Три Святителя» 295, 332

«Троцкий» (АГ-23) 15, 16, 404
«Тюлень» 125, 128, 131, 133, 137, 141,153, 177, 180, 181, 182, 183,344
У
«Урал» 388, 412
«Утка» 134, 180, 200, 206, 208, 227,228,229,208,227,231, 232,233,234,235,230,231, 233, 238, 344
Ф
«Фидониси» («Феодониси») 29, 37, 44, 49, 67, 72, 75, 76, 88, 104,333,335
«Франс» («Франция») 134, 344
Х
«Хаджи-Бей» (см. «Гаджибей»)
«Харакс» 138, 139
«Харьков» 176, 407
«Херсон» 195
«Херсонес» 138, 139, 237
«Хова» 222, 223
Ц
«Царь Фердинанд» 256, 264
«Центаур» (см. «Септаур»)
«Цериго» 244, 252, 253, 254
«Цесаревич Георгий» 137, 157, 158, 168, 194, 197,204, 205, 245, 254
Ч
«Черномор» 136, 138, 139
«Чесма» 138, 187, 306
«Чорох» 191
Ш
«Шалун» 211
«Шахин» («Шамиль») 238, 239
«Шестаков» (см. «Лейтенант Шестаков»)
«Шилка» 126, 130, 140 [537]
Э
«Эльпидифор № 410» (бывший ТР «Вера») 497, 482
«Эльпидифор № 411» 187
«Эльпидифор № 412» 213
«Эльпидифор № 413» 170, 259
«Эльпидифор № 414» 170, 259, 438
«Эльси» 442
«Эмма» (б. буксир) 448
«Эмперор оф Индия» 135, 200, 205, 209
«Эмпресс» 141
«Энгадайн» 143
«Эрнест Ренан» 123
«Этна» 200, 226, 404,407
Ю
«Юссар» 128
Я
«Ягуар» 373
«Язон» 179, 182, 184, 187
«Ялта» 231, 233, 234, 235, 236
«Ястреб» 122, 182
«III Интернационал» 384, 398
R02 (см. эсминец «Быстрый»)

R03 (см. эсминец «Гневный»)

R04 (см. эсминец «Капитан Сакен»)

Примечания

- {1} Степени готовности, предусматривавшие 1–3-часовую готовность кораблей к выходу в море.
- {2} Правильно — «Капитан-лейтенант Баранов».
- {3} То есть базировавшиеся в Севастополе подводные лодки.
- {4} То есть блокировался.
- {5} До 16.4.1917 г. — «Император Александр III», с 10.1919 г. — «Генерал Алексеев». В 1920 г. корабль ушел в Бизерту, а в 1936 г. уведен в Брест и разобран па металл.
- {6} До 16.4.1917 г. — «Императрица Екатерина Великая».
- {7} Абрам Израилевич Рубин в мае — июле 1918 г. был председателем ЦИК Кубано-Черноморской советской республики, а с июля — Северо-Кавказской советской республики.
- {8} По другим данным, за потопление кораблей в Новороссийске проголосовало 640 человек, за возвращение в Севастополь — 939, около 1000 человек воздержались от голосования.
- {9} Имеются в виду торпеды.
- {10} Фрагменты из воспоминаний Н. Р. Гутана в 1992 г. были опубликованы в сборнике «Гангут» (выпуски 4 и 5).
- {11} Н. П. Глебов-Авиллов в мае — июне 1918 г. был комиссаром Черноморского флота.
- {12} И. И. Вахрамеев с марта 1918 г. был заместителем народного комиссара по морским делам; в июне выполнял поручение Совнаркома РСФСР по организации затопления Черноморского флота в Новороссийске.
- {13} Ф. Ф. Раскольников был заместителем наркома по морским делам — членом Коллегии Наркомата по морским делам и был командирован для руководства затоплением кораблей Черноморского флота в Новороссийске.
- {14} В 1918–1924 гг. Л. Д. Троцкий был народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Республики.
- {15} Согласно данным Морской Исторической комиссии по исследованию опыта Гражданской войны, за переход в Севастополь проголосовало 939 человек.
- {16} Русского общества пароходства и торговли.
- {17} В 1922 году все трое окончили Морской корпус в Бизерте и были произведены в корабельные гардемарины, после чего Афанасьев был направлен во французское Морское училище в Бресте, но по его окончании как иностранец не мог продолжать службу во французском флоте. В 1939 году он был призван во флот с чином мичмана и плавал на эскадренном миноносце «Шакал», на котором погиб в период эвакуации Дюнкерка. За мужество и распорядительность, проявленные при спасении команды тонувшего миноносца, Афанасьева посмертно наградили орденом Почетного легиона.
- {18} Здесь уместно вспомнить, что всего за пять лет до описываемых событий несколько обстрелов английских прибрежных городов германскими кораблями вызвали «во всем цивилизованном мире» волну праведного возмущения.
- {19} Очевидно, имеется в виду ледокол «Донские Гирла», впоследствии канонерская лодка «Сталин», — см. Приложение II.
- {20} Посыльное судно, вооруженное одним 57-мм орудием.
- {21} Болиндерами называли тихоходные баржи небольшого водоизмещения, на которых стояли бензиновые двигатели системы «болиндер».
- {22} Это название происходило от мобилизованного в 1914 г. парохода «Эльпидифор», переоборудованного впоследствии в тральщик. С 1916 г. для Черноморского флота в

Николаеве строили боевые корабли типа «Эльпидифор», отнесенные к классу канонерских лодок.

{23} Впоследствии — кавалер двух орденов Красного Знамени, командующий Днепровской флотилией, контр-адмирал. Погиб в августе 1942 г. под Сталинградом.

{24} В северо-западной части Черного моря красным флотом было выставлено 1268 мин.

{25} 1 сентября на расстоянии около 7 миль от мыса Большой Фонтан пятью тральщиками было поставлено 95 мин образца 1912 г., а 3 сентября в том же районе красные выставили 30 мин, из которых 27 — образца 1908 г. и 3—1912 г.

{26} Минное заграждение из 80 мин типа «С» было выставлено в районе Сычевки 29 сентября.

{27} Очевидно, имеется в виду 1943 год.

{28} Судя по всему, автор смешал название двух греческих эсминцев — «Иеракс» («Ierax») и «Афос» («Athos»).

{29} Это не вполне так: уже 7 сентября «Занте» был снят с мели и поставлен на достройку. Корабль вступил в строй в 1923 г.

{30} Орден Красного Знамени № 3357 хранится в музее Черноморского флота.

{31} Автор, видимо, подразумевал Морской Генеральный штаб.

{32} Вице-адмирала.

{33} В то время Николаевскую Морскую академию.

{34} Военно-морской отдел был создан в 1896 г. После русско-японской войны произошла его реорганизация, в том числе было создано дополнительное отделение для подготовки офицеров к службе в Морском Генеральном штабе.

{35} Точное название работы «Служба Генерального штаба».

{36} Эта работа А. В. Колчака впервые опубликована в 2001 г. в книге: В. И. Колчак, А. В. Колчак. «Избранные труды».

{37} Главы из книги «Красный флот в Гражданской войне. Л.: Ред.-изд. отдел ВМС РККФ, 1926.

{38} Центральная Рада («Центральный Совет»), первоначально — координационный орган украинских правосоциалистических партий, создана 4 (17) марта 1917 года на заседании совета Украинской партии социалистов-федералистов. Поддерживала Временное правительство России, выступало за автономию Украины. 13 ноября (нового стиля) 1917 года сформированные ей вооруженные отряды захватили власть в Киеве. 20 ноября провозгласила «Украинскую Народную республику» (УНР) в составе России. 24 января 1918 года (после роспуска в Петрограде Учредительного собрания) объявила о независимости Украины, но 8 февраля была изгнана из Киева и бежала в Житомир. На следующий день представители Центральной Рады на переговорах в Брест-Литовске подписали с Германией и Австрией мирный договор, согласно которому германским войскам разрешалось оккупировать территорию Украины. 1 марта 1918 года правительство Центральной Рады вернулось в Киев, по спустя два месяца было распущено германскими войсками и гетманом П. Скоропадским.

{39} Описание потопления судов приводится со слов очевидца (взято из труда Лукина «Черное море в руках Германии»). (Прим. авт.)

{40} 29 апреля 1918 года на «съезде хлеборобов», собравшихся в помещении киевского цирка, гетманом Украины был провозглашен бывший флигель-адъютант Николая II генерал П. Скоропадский. На следующий день после совещания у начальника штаба германской оккупационной армией, им был назначен новый кабинет министров. Центральная Рада, в условиях оккупации не имевшая реальной военной силы, объявлялась распущенной.

Провозглашенная взамен нее «Украинская держава» просуществовала до ухода немцев в декабре 1918 года, после чего в Киеве и на Правобережной Украине была воссоздана (14 декабря) УНР под руководством Симона Петлюры (26 декабря главой ее правительства был назначен меньшевик В. Чехонский).

{41} Автор не совсем точен. 14 декабря 1918 года войска Петлюры заняли Киев, выбив из него гетманцев и сформированные немцами белогвардейские части (эти события хорошо описаны в романе Булгакова «Белая гвардия»). После этого было объявлено о восстановлении Украинской Народной республики.

{42} 20 февраля 1919 года «Мирабо» во время снежной бури наскочил на камни у крымского побережья и был снят с мели только в апреле, после демонтажа части брони и носовой 305-мм башни. Корабль был отбуксирован в Севастополь и поставлен в док. При уходе французов уведен в Тулон, где в 1921 году превращен в плавучую мишень. Сдан на слом в 1928 году.

{43} 29 марта 1919 года 2-я отдельная бригада Махно взяла Мариуполь.

{44} В те годы через Лиски проходили две железные дороги: Москва — Воронеж — Ростов и ветка Пенза — Валуйки — Таганрог. Ныне этот город считается северной точкой судоходной части Дона.

{45} На самом деле мятеж Григорьева начался 7 мая и ни был поддержан Махно. Но в условиях крушения фронта в последних числах мая Махно объявил свою дивизию (только что переформированную из бригады) самостоятельной повстанческой армией, отказался подчиняться центральному командованию и даже подал рапорт об отставке. Однако прямые действия против советских войск он начал лишь 12 июля, безуспешно попытавшись выбить красные части из Елисаветграда. Атаман Григорьев был обвинен Махно в измене и сотрудничестве с белыми и 27 июля был убит охраной Махно во время переговоров в селе Сентово Херсонской губернии.

{46} Скорее всего, имеется в виду АГ-23.

{47} Ввиду исключительного интереса, выказанного слушателями Военно-Морских Политических Курсов к Варшавской операции, таковая излагается здесь по статье Главкома С. С. Каменева «Борьба с Белой Польшей», помещенной в «Военном Вестнике» № 12—1922 г. (Прим. авт.)

{48} К этому времени состав польской дивизии уже вдвое превышал наш.

{49} Немаловажным фактором, дезорганизовавшим оборону советских войск, стала смена командования 13-й армии. 5 июня, как раз накануне начала наступления противника, А. И. Егоров был заменен Р. П. Эйдеманом.

{50} Общая численность десанта составляла около 3000 человек (2000 штыков и 1000 сабель), он был погружен на 32 мелкосидящих парохода и баржи. 6 июня было высажено около 1000 человек при четырех орудиях, остальные — на следующий день.

{51} По другим данным (Н.Липатов) — «Алтай».

{52} К этому моменту Назарову удалось довести численность своих сил (за счет мобилизации казаков) лишь до 2500 человек. В ходе последних боев он потерял около 800 человек убитыми и пленными, было захвачено 20 пулеметов, 3 пушки, броневедомитель и блиндированный грузовик, высаженные с десантом.

{53} Всего в составе десантных частей было до 11 500 штыков и сабель при 25 орудиях, 283 пулеметах и 8 аэропланах. 14 августа в районе Ахтарской было высажено 8000 человек (из них половина конницы) с 17 орудиями и 243 пулеметами. Позднее были высажены вспомогательные и тыловые части численностью 16 500 человек при 4500 лошадях.

{54} Высадка первого эшелона осуществлялась двумя группами — 18 судов в 12 км южнее Ясенской и 8 судов — в 8 км от Ахтаринской.

{55} По Липатову — 9 буксиров, 11 барж и 3 катера.

{56} Всего было высажено около 2000 штыков, 200 сабель, 8 орудий и 36 пулеметов. В отечественной литературе действия десанта описаны достаточно невнятно. Указывается, что 25 августа он занял Ахтарскую, еще 22 августа покинутую тыловыми частями белых. Однако расстояние от места высадки до Ахтарской составляет 50км, при этом требуется вброд форсировать вдающийся в сушу длинный Бейсугский лиман. Учитывая, что советские части на Кубани начали наступление против войск Улагая 22 августа, можно предположить, что к 25-му числу Ахтарской уже достигли конные разьезды сухопутных войск. К этому

времени части Улагая (возможно, под воздействием обстрела с моря), оставили Ахтари и тыловая база белого десанта была перенесена в Ачуев.

{57} По утверждению Н.Липатова, к моменту эвакуации в частях Улагая осталось около 5000 человек.

{58} Не зная минных полей, командир французского эсминца не мог вывести свои суда из Одессы без лоцмана, а французские тральщики, пытавшиеся протралить мины извне, были отогнаны береговыми батареями.

{59} На миноносце не было торпед и, по утверждениям более поздних советских работ, Хвицкий знал об этом.

{60} По данным энциклопедии «Гражданская война в СССР» (1987), к моменту начала контрнаступления (28 октября) красные части имели 99 500 штыков и 43 700 сабель при 527 орудиях, 17 бронепоездах, 57 броневиках и 45 аэропланах. Там же указано, что армия Врангеля имела в тот момент на фронте 36 800 штыков и 19 300 сабель при 213 орудиях, 14 бронепоездах, 42 аэропланах и 45 танках и броневиках. Другие источники, повторяя те же цифры, называют иную численность советской кавалерии — 33 600 сабель, и добавляют, что указанная выше численность врангелевских войск взята из данных разведки. Характерно, что по численности артиллерии и боевой техники различий нигде не возникает.

{61} По общим оценкам советских историков, Красная армия захватила в этих боях около сотни орудий и до 20 тысяч пленных.

{62} Корабли, отмеченные звездочкой (*), вошли в состав флотилии после середины сентября и непосредственного участия в боевых действиях принять не успели.

{63} Справочник С. С. Бережного указывает водоизмещение в 1080 тонн — очевидно, это данные на 1941 год.

{64} Возможно, в последнем случае имеется в виду регистровая вместимость.

{65} По данным С. С. Бережного — 800 т, но это выглядит маловероятным.

{66} В справочнике С. С. Бережного указано 220 т — скорее всего, это ошибка.

{67} Вооружения не имели.

{68} В работе Н.Липатова именуется «Эльпидифор № 418». «Эльпидифор № 413» числился также в составе белого флота.

{69} Иногда проходит как канонерская лодка № 2 — очевидно, переименована после 28 августа 1920 г.

{70} Возможно, несли временное либо неуказанное вооружение.

{71} По другой версии — закуплены Военным ведомством в США в 1916 г.

{72} В справочнике С. С. Бережного ошибочно указывается, что «Шахин» был захвачен в 1914 г. и до ноября 1920 г. входил в состав Белого флота.

{73} Вторая серия черноморских турбинных эсминцев.

{74} Согласно другим источникам, 3 апреля 1919 г. эсминцы «Строгий» и «Свирепый» были уведены из Севастополя в Новороссийск.

{75} Практически однотипные с тихоокеанской лодкой «Кореец», перевооружены в 1912 г.

{76} Во всех справочниках указана другая дата — 23.08.20. Судя по всему, это кочующая из издания в издание опечатка — в августе частей Белой армии в Темрюке не было.

{77} По другим данным — 75-мм.

{78} Не все из указанных кораблей находились в строю.

{79} По некоторым данным, к весне 1920 г. орудия уже не было.

{80} Принадлежали к типу малых катеров-заградителей, оснащались бензиновыми моторами.

{81} Предположительно.

{82} Предположительно.

{83} Приведенный список может оказаться не вполне полным и точным. Кроме того, трудно определить, какая часть перечисленных судов состояла в списках военного флота, а какая принадлежала частным судовладельцам, либо же числилась в Добровольческом флоте

(являвшемся гражданским резервом для военного флота). Следует учесть, что ряд судов в 1919–1920 гг. неоднократно мобилизовались, а затем вновь возвращались гражданскому флоту — не в последнюю очередь из-за крайней нехватки военных команд.

{84} В 1925 г. был поднят ЭПРОНом и в 1929 г. вновь введен в строй как «Держинский» — единственный из затопленных в Новороссийске кораблей. Погиб 15 мая 1942 г. под Севастополем на минах своего оборонительного заграждения.

{85} Указатель не охватывает Приложения II и III.